I.

КЪ ИСТОРІИ КОКАНСКАГО ПОХОДА.

Завоеваніе Коканскаго ханства и присоединеніе его къ Россійской Имперіи подъ именемъ Ферганской области является однимъ изъ важнѣйшихъ событій въ наступательномъ движеніи русскихъ въ Средней Азіи, такъ какъ съ присоединеніемъ и умиротвореніемъ Кокана Россія покончила съ однимъ изъ самыхъ сильныхъ и безпокойныхъ своихъ азіатскихъ сосѣдей и достигла во многихъ мѣстахъ естественныхъ границъ, каковыми можно считать первоклассные хребты, отдѣляющіе русскія владѣнія отъ Китая на юго-востокѣ и Индіи на югѣ.

Несмотря на то, что со времени окончанія военныхъ дѣйствій противъ коканцевъ прошло уже болѣе 20-ти лѣтъ, коканскій походъ не нашелъ еще до сихъ поръ историка и свѣдѣнія о дѣйствіяхъ доблестныхъ войскъ при завоеваніи Кокана, которыми по справедливости можетъ гордиться наша армія, ограничиваются лишь статьями, напечатанными въ отдѣлѣ «Русское военное обозрѣніе», №№ 1, 2, 3 и 8 журнала «Военный Сборникъ», за 1876 годъ. Въ этихъ статьяхъ изложенъ только ходъ событій въ хронологическомъ порядкѣ съ открытія военныхъ дѣйствій до образованія Ферганской области, причемъ многіе факты упомянуты вскользь. Не говоря уже о томъ, что военныя дѣйствія противъ коканцевъ по своей поучительности заслуживаютъ подробнаго и обстоятельнаго изученія, въ указанныхъ выше статьяхъ совсѣмъ даже не затрогиваются событія, происшедшія *послѣ образованія Ферганской области*, а между тѣмъ въ этотъ періодъ было нѣсколько блестящихъ дѣлъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ, безспорно, дѣло въ Янги-арыкскомъ ущельи 25-го апрѣля 1876 года, въ которомъ незабвенной памяти Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ въ послѣдній

разъ лично предводительствовалъ туркестанскими войсками, въ рядахъ которыхъ онъ началъ свою славную боевую службу. Задавшись цѣлью нѣсколько *восполнить этотъ пробѣлъ въ военно-*исторической литературѣ, считаю необходимымъ оговориться, что «начинаю свой трудъ съ конца», такъ какъ о послѣднемъ періодѣ похода совсѣмъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній въ литературѣ, а въ тѣхъ архивахъ, которыми я пользовался, сохранились, главнымъ образомъ, документы, касающіеся именно этого періода, тогда какъ документы, касающіеся первоначальныхъ, главныхъ дѣйствій, или совершенно въ нихъ отсутствуютъ, или имѣются далеко не всѣ, почему ими не представляется возможнымъ пользоваться въ настоящее время, безъ пособія другихъ архивовъ, находящихся внѣ Маргелана.

Дѣйствія нашихъ войскъ противъ коканцевъ распадаются на слѣдующіе четыре періода: 1-й періодъ—отъ начала военныхъ дѣйствій до занятія Кокана; 2-й періодъ—дѣйствія войскъ Наманганскаго отряда; 3-й періодъ — зимняя экспедиція съ 25-го декабря 1875 года до образованія Ферганской области, и 4-й періодъ—отъ образованія Ферганской области до Алайскаго похода. Къ изложенію событій этого послѣдняго періода коканскаго похода я и приступаю.

Очеркъ дѣйствій нашихъ войскъ отъ образованія Ферганской области до Алайскаго похода.

Причины волненій среди каракиргизскаго населенія Ферганы [1]).—Дѣло при Кара-Кія. — Пораженіе двухъ небольшихъ партій нашихъ джигитовъ. — Дѣло въ Янги-арыкскомъ ущельи.—Разбитіе шаекъ мятежниковъ на урочищѣ Бель-Башъ-Атъ и въ ущельи Джу-сале.—Дѣло на урочищѣ Нау-Джайляу.

Во время правленія бывшимъ коканскимъ ханствомъ самозванца Пулатъ-хана многочисленное каракиргизское населеніе *пріобрѣло относительно осѣдлаго сартовскаго* первенствующее значеніе. Большая часть приближенныхъ Пулатъ-хана были каракиргизы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ центрахъ, гдѣ зимою рядомъ съ сартами живутъ каракиргизы, почти всѣ общественныя должности были переданы послѣднимъ. Такимъ образомъ, съ господствомъ

[1]) Донесеніе генерала Скобелева командующему войсками Туркестанскаго военнаго округа отъ 20-го мая 1876 года за № 775.

Пулатъ-хана были связаны по преимуществу интересы каракиргизовъ, которые, въ лицѣ своихъ представителей, болѣе чѣмъ какое либо другое племя ханства, чувствовали себя сопричастными злодѣйствамъ, ознаменовавшимъ кратковременное правленіе названнаго хана.

Когда успѣхи нашего оружія въ зимнюю экспедицію принудили населеніе ханства къ изъявленію безусловной покорности, то, наряду съ вполнѣ открытымъ и невозбуждавшимъ сомнѣній поведеніемъ кипчаковъ и осѣдлыхъ сартовъ, вопросъ о подчиненіи каракиргизовъ представлялся довольно продолжительное время невыясненнымъ. Были весьма вѣскія обстоятельства, по которымъ можно было ожидать, что скомпрометированнымъ сообщникамъ Пулатъ-хана удастся поднять каракиргизовъ на открытую борьбу съ нами.

Въ продолженіи всей коканской войны 1875 — 1876 гг. каракиргизы ни разу не попадали подъ наши удары. Они были въ составѣ непріятельской конницы въ дѣлахъ 2-го декабря подъ Ульчибаемъ, 18-го января подъ Ассаке и 27-го января подъ Учъ-Курганомъ, *но избѣгли при этомъ значительныхъ потерь.*

Собственно же бѣдствія войны, разразившіяся надъ кипчакскимъ и частью сартовскимъ населеніемъ, и столь вразумительно склонившія ихъ къ миролюбію, совсѣмъ миновали населеніе каракиргизское. Этотъ фактъ былъ истолкованъ каракиргизами со свойственнымъ среднеазіатцамъ легковѣріемъ въ благопріятномъ для борьбы съ русскими смыслѣ. Къ тому же каракиргизы имѣли преувеличенное понятіе о неприступности своихъ кочевокъ, которыя, находясь въ ущельяхъ и долинахъ первоклассnаго хребта, окаймляющаго долину Ферганы съ востока и юга, представляли настолько солидное естественное препятствіе, что даже при слабыхъ оборонительныхъ средствахъ каракиргизовъ они были долгое время въ совершенной безопасности отъ ханскихъ войскъ. По этой причинѣ власть хана не распространялась на пограничныя горы и лежащій за ними Алай, а условное подчиненіе каракиргизовъ *этой власти вызывалось лишь ихъ зависимостью отъ необходимыхъ* для ихъ же существованія базаровъ въ сартовскихъ населенныхъ центрахъ. Каракиргизы, не провѣривъ еще на себѣ, какъ выше сказано, нашего военнаго могущества, разсчитывали, что труднодоступныя горы и Алай, въ виду наступленія весны, дадутъ имъ надежное убѣжище отъ нашего преслѣдованія.

Въ виду такого настроенія, нѣкоторое промедленіе въ концѣ

февраля 1876 года въ заявленіи покорности каракиргизскими родами, кочующими около Оша и Учъ-Кургана, въ связи съ происками Абдулла-Бека и матери его вдовы Аламъ-бека, Мамаджанъ, Омаръ-бека, Сулейманъ-Кула, а также Абдулъ-Гафаръ-Бека и Вали-Ханъ-Тюри, сильно озабочивало администрацію вновь сформированной Ферганской области. Своевременное занятіе Оша отрядомъ, отправленнымъ изъ Маргелана, подъ начальствомъ полковника барона Аминова, сдержало ошскихъ каракиргизовъ. Абдулла-Бекъ съ небольшимъ числомъ своихъ сообщниковъ бѣжалъ по направленію къ Алаю и Кашгару, а Вали-Ханъ-Тюря—отъ Учъ-Кургана къ Малому Алаю.

Прибывшій 22-го марта въ г. Ошъ, военный губернаторъ Ферганской области и командующій въ ней войсками, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Скобелевъ, лично внушилъ собравшимся для его встрѣчи біямъ мысль о безполезности сопротивленія русскимъ, и это обстоятельство, въ связи съ введеніемъ нашей администраціи и ранней порой года, непозволявшей большей части родовъ, зимовавшихъ подъ Ошемъ и Араваномъ, откочевать въ малоприступную мѣстность, обезпечило намъ спокойствіе бо́льшей части каракиргизскаго населенія этой полосы бывшаго ханства, но тѣмъ не менѣе неблагопріятное для насъ настроеніе каракиргизовъ выразилось появленіемъ шаекъ мятежниковъ первоначально на югѣ Маргеланскаго уѣзда, а затѣмъ и въ другихъ пунктахъ Ферганской области.

24-го марта 1876 г. казій Кадиль-Шейхъ и аминъ Атабекъ изъ Чимiона донесли начальнику города Кокана, что въ кишлакѣ Вадиль, Чимiонскаго уѣзда, появились восемь человѣкъ киргизовъ Сохскаго округа, которые провозгласили ханомъ какого-то юродиваго (дивана) Худай-Кулъ-Хана, собираются въ кишлакахъ Лянгаръ и сильно безпокоятъ жителей кишлака Хазретъ-Шахимординъ, требуя отъ нихъ разными угрозами клевера и ячменя. Нѣсколько дней передъ тѣмъ эти же киргизы зарѣзали двухъ богомольцевъ изъ туземцевъ.

Получивъ такое донесеніе, начальникъ города Кокана, полковникъ Корольковъ, немедленно сообщилъ [1]) объ этомъ командующему войсками области и просилъ командировать въ вышеупомянутую мѣстность казачью сотню для арестованія бунтовщиковъ и доставленія ихъ въ Коканъ. Вмѣстѣ съ этимъ были отправлены и

[1]) Отъ 24-го марта 1876 года № 3.

сообщившіе свѣдѣнія казій и аминъ, а также три джигита, которые должны были быть проводниками и указать мѣсто нахожденія бунтовщиковъ.

По приказанію командующаго войсками Ферганской области, немедленно былъ высланъ отрядъ, подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Королькова, въ составъ котораго вошли 25 конныхъ стрѣлковъ 3-й роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, 1-я Сибирская казачья сотня и одно орудіе подвижнаго артилерійскаго взвода.

Отрядъ благополучно достигъ ночью 25-го марта до кишлака Ухпа (Ауханэ), гдѣ остановился на отдыхъ. Послѣ отдыха въ кишлакѣ отрядъ двинулся по дорогѣ на г. Сохъ въ ночь съ 25-го на 26-е марта [1]).

Путь до самаго Соха пролегалъ по безводной лощинѣ, окаймленной съ сѣвера и юга грядами горъ средней высоты. До перевала Амитинъ-Бель дорога все время поднималась въ гору.

Незадолго до разсвѣта, отрядъ остановился на привалъ и въ это же время былъ высланъ въ ущелье влѣво отъ дороги разъѣздъ изъ 20-ти казаковъ, подъ начальствомъ прапорщика Купленникова, для захвата изъ сосѣдняго аула жителей и опроса ихъ съ цѣлью повѣрки показаній проводника относительно движенія шайки. Изъ этихъ показаній жителей выяснилось, что шайка за 20 часовъ передъ тѣмъ прошла мимо кочевокъ аула и направилась на Сохъ.

Въ шесть часовъ утра отрядъ поднялся и продолжалъ движеніе на Сохъ, причемъ сдѣлано было распоряженіе о захватѣ всѣхъ встрѣчающихся конныхъ людей, чтобы никто не предупредилъ шайку Диваны о движеніи нашего отряда. На 23-й верстѣ начался подъемъ на перевалъ, весьма трудный для движенія артилеріи. Пришлось спѣшить часть конныхъ стрѣлковъ, которые и помогали движенію орудія, въ особенности же зарядnаго ящика, какъ при подъемѣ на перевалъ, такъ и при спускѣ съ него.

На самомъ перевалѣ джигиты захватили киргиза Тахта-Магомета, ѣхавшаго навстрѣчу отряду и заявившаго, что онъ ѣдетъ изъ шайки Худай-Кулъ-Хана съ тѣмъ, чтобы провести отрядъ къ мѣсту расположенія его близъ урочища Каракія. Этому киргизу была выдана награда въ размѣрѣ 25-ти рублей, такъ какъ онъ дѣйствительно провелъ отрядъ къ мѣсту расположенія шайки.

---

[1]) Донесеніе полковника Королькова отъ 27-го марта.

Въ 9¼ часовъ утра отрядъ спустился съ перевала и продолжалъ двигаться далѣе, выславъ взводъ подъ начальствомъ сотника Десятова вправо отъ дороги на урочище Айдыръ-Хана въ аулъ, въ который въ то время только что прибыли изъ шайки Диваны за фуражемъ бій Бустанскаго рода Хайдаръ и братъ Ширъ-Али (бывшій есаулъ-баши при Пулатѣ) Куравань-Али. Киргизъ, бѣжавшій изъ шайки Диваны и доставившій отряду эти свѣдѣнія, провелъ сотника Десятова въ аулъ, гдѣ упомянутыя люди были арестованы и доставлены въ отрядъ.

По прибытіи въ 12¼ часовъ дня на урочище Шурукъ и имѣя въ виду, что прямая дорога въ Кара-Кія, отдѣляющаяся здѣсь отъ Сохской, непроходима для артилеріи, и что при движеніи всего отряда черезъ Сохъ на Кара-Кія достиженіе цѣли становится весьма маловѣроятнымъ, отрядъ былъ раздѣленъ, причемъ орудіе, подъ прикрытіемъ 30 стрѣлковъ и 20 казаковъ, было направлено на Сохъ, а остальные 25 стрѣлковъ и 42 казака двинулись по прямой дорогѣ черезъ Шурукскій перевалъ и Шурукское ущелье на Кара-Кія. Гдѣ только позволяла мѣстность, движеніе этой послѣдней части отряда было произведено крупной рысью.

Пройдя такимъ образомъ около 9 верстъ, увидѣли впереди на вершинѣ горы непріятельскій пикетъ, который, замѣтивъ приближеніе отряда, сталъ быстро спускаться на встрѣчу ему, изъ чего было сдѣлано предположеніе, оказавшееся потомъ совершенно справедливымъ, что шайка Диваны занимаетъ позицію впереди горы, подошва которой была закрыта отъ отряда небольшими возвышенностями, находящимися за глубокимъ оврагомъ, въ который спускалась дорога, по которой двигался отрядъ.

Передъ спускомъ въ оврагъ отрядъ пріостановился на нѣсколько секундъ, подтянулся и затѣмъ, спустившись, выскакалъ въ карьеръ на поляну, съ которой открылось расположеніе непріятеля.

Позиція, избранная Худай-Кулъ-Ханомъ на уступѣ горы, представлялась весьма сильной въ оборонительномъ отношеніи; съ фронта она прикрывалась ручьемъ съ топкими берегами и трудно доступнымъ обрывомъ, который, за лѣвымъ флангомъ непріятельскаго расположенія, постепенно возвышался; на правомъ флангѣ позицію замыкала курганча, окруженная стѣнами саженъ 25 длиною и примыкавшая съ сѣверной стороны къ утесу, совершенно недоступному.

Отступленіе съ этой позиціи было возможно въ двухъ направленіяхъ: къ сѣверу черезъ ущелье на дорогу изъ Соха въ Коканъ, внизъ по рѣкѣ Сохъ, и къ югу, вдоль по уступу, и затѣмъ къ кишлаку Малмутъ. Въ тылу къ позиціи прилегали горы съ крутыми трудно доступными склонами.

Отрядъ, имѣя во главѣ 42-хъ казаковъ 1-й Сибирской сотни, въ карьеръ вынесся къ непріятельской позиціи, но топкая мѣстность и обрывъ не допустили казаковъ броситься въ атаку.

Осмотрѣвшись на позиціи и замѣтивъ, что нѣсколько человѣкъ изъ шайки, выѣхавшихъ изъ курганчи, пустились бѣжать по Коканской дорогѣ, сотникъ Десятовъ отдѣлилъ 20 казаковъ и направилъ ихъ на дорогу ко входу въ ущелье и тѣмъ прекратилъ всѣ попытки мятежниковъ бѣжать въ этомъ направленіи; остальнымъ 22-мъ казакамъ приказано было спѣшиться, сбатовать коней и открыть огонь по непріятелю, который густой толпой (около 800 человѣкъ) занималъ курганчу и часть уступа горы. Коннымъ стрѣлкамъ, прискакавшимъ вслѣдъ за казаками во главѣ съ ихъ начальникомъ, штабсъ-капитаномъ Киркинымъ, тоже приказано было спѣшиться, разсыпать цѣпь и открыть огонь.

Послѣ незначительной перестрѣлки, во время которой непріятель отвѣчалъ на наши выстрѣлы огнемъ изъ фальконетовъ и ружей, значительная часть шайки медленно отступила по дорогѣ на Малмутъ, тогда какъ другая продолжала стоять на прежней позиціи. Въ это время стрѣлки бросились черезъ болотистый ручей на обрывъ, а спѣшенные казаки, сѣвъ на лошадей, кинулись вправо наперерѣзъ отступавшему непріятелю.

Сотникъ Десятовъ, а за нимъ и его казаки, быстро въѣхали на обрывъ по небольшой лощинѣ и бросились въ шашки на стоявшую передъ ними густую толпу, которая скоро дрогнула и стремительно бросилась бѣжать. Вызвавъ по сигналу 20 казаковъ, бывшихъ у входа въ ущелье, сотникъ Десятовъ преслѣдовалъ бѣгущихъ.

Стрѣлки въ это время взошли цѣпью на обрывъ влѣво отъ казаковъ и выстрѣлами и штыками заставили бѣжать часть шайки, упорно защищавшую центръ позиціи. Въ этой сторонѣ первыми взошли на обрывъ штабсъ-капитанъ Киркинъ съ пятью стрѣлками.

Состоявшіе при отрядѣ поручикъ Ивашкевичъ, подпоручики Ивановскій и Егарминъ и прапорщикъ Купленниковъ, который

захватилъ два фальконета, врачъ статскій совѣтникъ Шалыгинъ и прапорщикъ Шатиловъ взошли на обрывъ вмѣстѣ съ стрѣлками.

Измученные 12-ти часовымъ, почти непрерывнымъ походомъ, лошади отряда съ трудомъ поспѣвали за свѣжими лошадьми мятежниковъ. Добѣжавъ до кишлака Малмута, мятежники, потерявшіе къ этому времени убитыми, ранеными и разбѣжавшимися болѣе $^3/_4$ числа всей шайки, остановились за стѣнами и открыли огонь.

Приказавъ подтянуться казакамъ и нѣсколькимъ стрѣлкамъ, принимавшимъ участіе въ преслѣдованіи этой части шайки, начальникъ отряда двинулъ ихъ въ атаку и мятежники снова бросились бѣжать въ разныя стороны, потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми.

Самъ Худай-Кулъ-Ханъ съ немногими изъ своихъ приверженцевъ бѣжалъ по ущелью влѣво отъ кишлака Малмута, преслѣдуемый казаками на протяженіи 8—9 верстъ. Въ виду сильнаго утомленія людей и лошадей, бывшихъ не въ силахъ догнать бѣжавшихъ, приказано было остановить преслѣдованіе и вернуться къ кишлаку.

Стрѣлки въ это время преслѣдовали другія части шайки, бѣжавшія влѣво и вправо отъ главной массы непріятеля.

По свидѣтельству начальника отряда генеральнаго штаба полковника Королькова, въ этой стычкѣ наиболѣе отличились сотникъ Десятовъ и штабсъ-капитанъ Киркинъ, а всѣ прочіе офицеры и нижніе чины, а также переводчикъ Хамаледдинъ и джигитъ Юлдашъ, взявшій съ боя бунчукъ, вели себя все время молодецки. Наша потеря заключалась только въ двухъ раненыхъ лошадяхъ. Непріятель же потерялъ убитыми и ранеными до 100 человѣкъ. Трофеями были: 3 бунчука, два фальконета и много оружія.

Хотя послѣ дѣла при Кара-Кія шайка Худай-Кулъ-Хана и разсѣялась, но броженіе умовъ не прекратилось, чему немало способствовали пораженія, испытанныя приблизительно въ то же самое время въ горахъ двумя небольшими партіями нашихъ джигитовъ [1]).

Одна изъ этихъ партій, подъ начальствомъ Бекджана и Турсунъ-Кула, въ числѣ 50 джигитовъ, была послана изъ Маргелана 29-го марта по направленію на перевалъ Терекъ-Даванъ, куда, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, бѣжалъ въ то время Абдулла-Бекъ.

---

[1]) Донесеніе генерала Скобелева командующему войсками Туркестанскаго округа отъ 20-го мая 1876 г. № 775.

Бекджанъ двинулся изъ Ошъ черезъ Гульчу по большой караванной дорогѣ на перевалъ Терекъ-Даванъ. Въ Суфи-Курганѣ онъ захватилъ брата Абдулла-Бека, отъ котораго узналъ, что Абдулла-Бекъ находится на урочищѣ Дарбазъ.

Джигиты наши двинулись далѣе и на урочищѣ Дарбазъ дѣйствительно наткнулись на завалъ, изъ-за котораго Абдулла-Бекъ съ нѣсколькими сообщниками встрѣтилъ ихъ огнемъ. Но, не удержась на завалѣ, мятежники скоро обратились въ бѣгство, наши джигиты преслѣдовали ихъ и на половинѣ Терекъ-Даванскаго перевала настигли хвостъ бѣглецовъ и шестерыхъ изъ нихъ захватили.

Отправивъ плѣнныхъ подъ конвоемъ 15-ти джигитовъ на худшихъ лошадяхъ назадъ въ Суфи-Курганъ, Бекджанъ на слѣдующій день перевалилъ съ прочими джигитами черезъ хребетъ въ Кашгарскіе предѣлы на рѣку Кокъ-Су, гдѣ захватилъ стада Абдулла-Бека. Узнавъ, что самъ Абдулла-Бекъ былъ здѣсь недавно и перешелъ на Кизылъ-су, Бекджанъ пустился со своими джигитами по его слѣдамъ. Во время этихъ розысковъ онъ встрѣтилъ кашгарскаго Юзъ-баши Бахтайяра и объяснилъ ему цѣль своего движенія.

Юзъ-баши послалъ донесеніе Бадаулету и затѣмъ двое сутокъ, вмѣстѣ съ Бекджаномъ, розыскивалъ Абдулла-Бека, но такъ какъ слѣдъ его былъ потерянъ, то Бекджанъ вернулся на Кокъ-Су, а Юзъ-баши обѣщалъ продолжать розыски, и, въ случаѣ поимки Абдулла-Бека, прислать его въ г. Ошъ. Съ Кокъ-Су Бекджанъ отправилъ обратно за Терекъ-Даванъ скотъ Абдулла-Бека съ пятью джигитами, а черезъ день двинулся туда и самъ съ оставшимися при немъ 30-ю джигитами.

Часовъ въ 6 вечера, джигиты только что прошли въ Дарбазѣ разобранную при первомъ движеніи барикаду, какъ были встрѣчены огнемъ съ высотъ, ограничивавшихъ дорогу, а дальнѣйшій ихъ путь былъ прегражденъ новымъ заваломъ. При движеніи къ завалу Бекджанъ и четверо джигитовъ были убиты. Турсунъ-Кулъ ошеломленъ ударомъ камня въ голову и вслѣдъ затѣмъ всѣ оставшіеся 25 джигитовъ были захвачены въ плѣнъ. Попались они каракиргизамъ родовъ сартляръ и кукча, бывшимъ подъ предводительствомъ Сулеймань-Хальны и муллы Куата. Отдѣлившіеся отъ партіи Бекджана 20 джигитовъ были захвачены киргизами этихъ же родовъ еще раньше.

Плѣнныхъ джигитовъ каракиргизы роздали по ауламъ; десять

человѣкъ изъ нихъ были зарѣзаны, большинство остальныхъ, въ томъ числѣ Турсунъ-Кулъ, впослѣдствіи вернулись, а нѣкоторые пропали безъ вѣсти.

Вслѣдъ за захватомъ партіи Бекджана каракиргизы стали собирать шайку на урочищѣ Беляули (Белавли). Нѣсколько ранѣе погибъ въ горахъ близъ Учъ-Кургана Сарымсакъ-Ходжа, посланный съ 30-ю джигитами для поимки Вали-Ханъ-Тюри.

Изъ Учъ-Кургана Сарымсакъ прошелъ черезъ Исфайрамскій перевалъ въ Малый Алай, гдѣ захватилъ въ одномъ каракиргизскомъ аулѣ Вали-Ханъ-Тюрю и каракиргизскаго мятежнаго бія Тени-Кулъ-Берды.

На обратномъ пути въ 30-ти верстахъ предъ Учъ-Курганомъ Сарымсакъ былъ внезапно атакованъ партіей, высланной съ Алая Абдулла-Бекомъ, съ цѣлью отбить захваченныхъ. Потерявъ нѣсколько джигитовъ убитыми, Сарымсакъ съ остальными попался въ плѣнъ и былъ дня черезъ два зарѣзанъ. Изъ плѣнныхъ же вернулись только двое.

Первое извѣстіе, въ видѣ слуха, объ участи обѣихъ партій нашихъ джигитовъ было получено во время вторичнаго пребыванія въ г. Ошѣ генерала Скобелева въ концѣ марта, одновременно съ извѣстіемъ, что въ урочищѣ Гульча, въ 65—70 верстахъ отъ Оша, собралась шайка бродягъ, подъ предводительствомъ разбойника Худойяръ-Хальны, вскорѣ пойманнаго и казненнаго.

Эти обстоятельства побудили генерала Скобелева, несмотря на весьма неблагопріятное время, двинуться въ 11 часовъ вечера, 31-го марта, въ Гульчу съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 3-й и 4-й Оренбургскихъ и 1-й Семирѣченской сотенъ, за которыми слѣдовала стрѣлковая рота 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона.

Несмотря на крайнее напряженіе войскъ, переходъ въ Гульчу, по мѣстности незнакомой и представлявшей большія затрудненія, не могъ быть совершенъ очень быстро и до прихода нашей кавалеріи въ Гульчу 1-го апрѣля, къ вечеру, непріятель успѣлъ бѣжать. Снѣгъ въ горахъ и дождь въ долинахъ, чередовавшіеся съ буранами, а также недостаточное обезпеченіе нашего отряда продовольствіемъ и фуражомъ, которыхъ добывать на мѣстѣ было невозможно, дѣлали дальнѣйшее преслѣдованіе ничтожной шайки безцѣльнымъ, вслѣдствіе чего генералъ Скобелевъ рѣшилъ вернуться въ г. Ошъ, оставивъ для занятія Гульчи стрѣлковую роту 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и 4-ю Оренбургскую

казачью сотню, и указалъ мѣсто для постройки полеваго укрѣпленія, въ которое изъ Андижана были высланы два Коканскихъ орудія.

Урочище Гульча—возвышенная долина рѣки Гульчи, ограниченная второстепенными горами. Гульча, а также ближайшія долины, являются мѣстами зимовокъ каракиргизовъ, уходящихъ лѣтомъ на Алай. Она представляетъ узелъ дорогъ всей горной полосы Ошскаго уѣзда. Отъ нея идутъ двѣ дороги—въ г. Ошъ, дорога—въ Узгенъ и дорога—на Суфи-Курганъ, расходящаяся далѣе на Терекъ-Даванъ въ Кашгаръ и на большой Алай. Такимъ образомъ, помимо своего важнаго экономическаго значенія, Гульча былъ пунктомъ, фактическое обладаніе которымъ, запирая выходы изъ горъ, ставило кочующихъ въ горахъ каракиргизовъ въ прямую отъ насъ зависимость.

Полезность занятія Гульчи вскорѣ выказалась тѣмъ, что, встревоженные предшествовавшимъ смутнымъ положеніемъ дѣлъ, каракиргизскіе роды, въ числѣ 600 кибитокъ, стали прикочевывать изъ горныхъ ущелій подъ защиту нашего отряда, вожаки же мятежа увидѣли себя вынужденными къ рѣшительному образу дѣйствій. Абдулла-Бекъ, Омаръ-Бекъ, Сулейманъ-Удайчи, Таны-Кулъ, Пансатъ (всѣ каракиргизы) и Вали-Ханъ-Тюря (сартъ), собравъ большую шайку изъ родовъ сартляръ, ульджаке, кукча и изъ бродягъ разнаго происхожденія, заняли позицію въ ущельи Янги-арыкъ, въ 25-ти верстахъ отъ Гульчи, съ цѣлью запереть путь въ Гульчу для ауловъ, нежелавшихъ примкнуть къ мятежному движенію.

Караванное сообщеніе по Терекъ-Даванскому пути прекратилось и, конечно, нужно было ожидать, въ случаѣ продолженія ненормальнаго положенія дѣлъ, что мятежники попытаются атаковать нашъ небольшой Гульчинскій отрядъ и тѣмъ раскрыть себѣ поле дѣйствій.

На основаніи этихъ извѣстій, былъ двинутъ, по приказанію генерала Скобелева, изъ Кокана конно-стрѣлковый дивизіонъ, подъ начальствомъ есаула барона Штакельберга, и взводъ ракетной батареи, подъ начальствомъ сотника Янушева, а 18-го числа пріѣхалъ въ Маргеланъ самъ генералъ Скобелевъ. Придя, на основаніи многихъ данныхъ, къ тому убѣжденію, что непокорность каракиргизовъ обусловливалась надеждой ихъ, въ случаѣ неудачи, найти безопасное убѣжище на Алаѣ, генералъ Скобелевъ счелъ необходимымъ для окончательнаго рѣшенія кара-

киргизскаго вопроса пройти съ отрядомъ въ Алай, такъ какъ результаты, которыхъ можно было достигнуть при этомъ, въ смыслѣ умиротворенія каракиргизовъ, должны были, безъ сомнѣнія, превышать результаты самыхъ удачныхъ военныхъ дѣйствій противъ шайки въ горахъ. Шайка же эта при нашемъ появленіи на Алаѣ и при занятіи нашимъ отрядомъ Гульчи не имѣла бы никакой цѣли держаться на своей позиціи, принуждена была бы разойтись и, такимъ образомъ, непріятель былъ бы вполнѣ подчиненъ нашей иниціативѣ.

Но въ это время генералъ Скобелевъ не располагалъ достаточными средствами, чтобы снарядить отрядъ сообразно условіямъ мѣстности, въ которой ему пришлось бы дѣйствовать, и кромѣ того предпріятіе это потребовало бы значительнаго времени. Поэтому, откладывая мысль о движеніи на Алай до рѣшенія этого вопроса туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ I, генералъ Скобелевъ поставилъ себѣ ближайшей цѣлью разбить непріятеля, явившагося въ Ферганской области, и очистить караванный путь въ Кашгаръ, связавъ съ этой цѣлью утвержденіе нашей власти среди каракиргизовъ, насколько позволятъ обстоятельства.

20-го апрѣля генералъ Скобелевъ прибылъ въ гор. Ошъ, а 22-го числа были двинуты въ Гульчу въ два перехода конно-стрѣлковый дивизіонъ, ракетный взводъ и вьючныя лошади, необходимыя для движенія отряда въ горы.

23-го апрѣля въ Гульчу прибылъ самъ генералъ Скобелевъ. Въ виду того, что по собраннымъ свѣдѣніямъ на мѣстности, занятой непріятелемъ, нельзя было развернуть значительныхъ силъ, а съ увеличеніемъ отряда увеличился бы и вьючный обозъ, такъ какъ въ горахъ нельзя было разсчитывать ни на продовольствіе, ни на фуражъ, командующій войсками рѣшилъ предпринять движеніе противъ непріятеля съ самымъ ограниченнымъ числомъ войскъ.

Въ составъ отряда, назначеннаго выступить изъ Гульчи, вошли: стрѣлковая рота 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона (120 чел.), рабочая команда, подъ начальствомъ Туркестанской саперной роты поручика Борисова (30 чел.), конно-стрѣлковый дивизіонъ (113 стрѣлковъ и 16 казаковъ), ракетный взводъ (23 чел.) и 4-я оренбургская казачья сотня (75 чел.). Отъ 4-й оренбургской сотни 55 казаковъ были назначены коноводами въ конно-стрѣлковый дивизіонъ, а команда изъ 10-ти казаковъ 3-й оренбургской

сотни составила конвой генерала Скобелева. Сухарей, крупы, чаю и сахару была взята четырехъ-дневная пропорція.

По недостатку въ Гульчѣ ячменя, на всѣхъ строевыхъ лошадей была взята четырехъ-дневная пропорція корма, полагая на каждую лошадь въ день 4 фунта ячменя, 3 фунта сухарей и по 2 фунта муки. Конно-стрѣлковый дивизіонъ имѣлъ кромѣ того по 12 фунтовъ рубленаго клеверу на каждую лошадь. Кромѣ того, было взято достаточное количество подстилочной кошмы и десяточные котлы для варки пищи.

Для поднятія всѣхъ тяжестей отряда потребовалось 78 вьючныхъ лошадей съ соотвѣтствующимъ числомъ лаучей (проводниковъ). Лошади оплачивались по одному рублю въ сутки каждая. Обязанности отряднаго врача принялъ на себя находившійся по дѣламъ службы въ гор. Ошѣ, помощникъ военно-медицинскаго инспектора, статскій совѣтникъ Шалыгинъ.

Съ этимъ отрядомъ генералъ Скобелевъ выступилъ 24-го апрѣля изъ урочища Гульча по дорогѣ къ перевалу Терекъ-Даванъ.

Дорога шла ущельемъ рѣки Гульчи до Суфи-Кургана на протяженіи около 40 верстъ, гдѣ она раздѣлялась на двѣ части: одна—по ущелью рѣки Терекъ, стекающей съ перевала того же названія, а другая—ущельемъ рѣки Гульчи на Большой Алай. Въ 25-ти верстахъ отъ Гульчи дорога входитъ въ узкое ущелье, стѣсненное неприступными склонами, и въ этомъ ущельи за мостомъ переходитъ съ лѣваго берега рѣки на правый. Ущелье заканчивается площадкой, на которую выходитъ узкое ущелье Беляули (Белявли).

По свѣдѣніямъ, непріятель занималъ входъ въ ущелье и самое ущелье, гдѣ испортилъ дорогу, устроивъ завалъ, но моста не разрушилъ.

Такъ какъ, по увѣреніямъ нѣсколькихъ лазутчиковъ, тактическій обходъ позиціи былъ невозможенъ, то генералъ Скобелевъ и обратилъ особенное вниманіе на дальній обходный путь, каковымъ была тропинка, отходившая въ восьми верстахъ отъ Гульчи съ урочища Тамга-Терекъ по рѣкѣ Будайлыкъ къ сѣверу, и выводившая черезъ перевалъ Сасыкъ-Бель къ урочищу Тарганлыкъ, въ четырехъ верстахъ не доходя до Суфи-Кургана. Тропинка эта выходила и на ущелье Беляули и потому по ущелью возможно было движеніе въ тылъ непріятельской позиціи.

24-го числа, пройдя урочище Тамга-Терекъ, отрядъ остановился бивакомъ на площадкѣ на берегу рѣки Гульчи. Для достиженія возможно рѣшительныхъ результатовъ въ предстоявшемъ на

слѣдующій день дѣлѣ съ непріятелемъ генералъ Скобелевъ рѣшилъ присоединить къ атакѣ его позиціи съ прямой дороги къ Янги-арыкскому ущелью обходъ этой позиціи частью отряда съ тыла.

Сообразно съ этимъ были сдѣланы на 25-е число слѣдующія распоряженія:

1-я конно-стрѣлковая полурота и ракетный взводъ, подъ начальствомъ ошскаго уѣзднаго начальника маіора Іонова, должны были начать движеніе въ часъ ночи и слѣдовать по ущелью Будайлыкъ и далѣе, смотря по обстоятельствамъ и возможности, или по ущелью Беляули, или черезъ перевалъ Сасыкъ-Бель выйти на большую дорогу и тотчасъ же войти въ связь съ главной колонной. Если бы, по выходѣ колонны маіора Іонова на большую дорогу, непріятель былъ бы уже въ бѣгствѣ, то маіору Іонову предлагалось энергически его преслѣдовать.

Стрѣлковая рота 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, рабочая команда, 2-я конно-стрѣлковая полурота, команда 4-й Оренбургской казачьей сотни и весь вьючный обозъ должны были выступить въ 3 часа пополуночи по большой караванной дорогѣ.

Во время движенія главной колонны 25-го числа къ Янги-арыкскому ущелью еще разъ было подтверждено извѣстіе о томъ, что непріятель занимаетъ при входѣ въ него укрѣпленную позицію.

Истинныя разстоянія оказались нѣсколько менѣе разспросныхъ. Не дойдя до Янги-арыкскаго ущелья, весь обозъ былъ оставленъ на урочищѣ Кизылъ-Курганъ, представляющемъ площадку въ одну версту длиною и до 100 саженъ шириною. Въ прикрытіе обозу былъ назначенъ одинъ взводъ стрѣлковой роты подъ начальствомъ завѣдывающаго обозомъ прапорщика Нагайбакова.

Отрядъ же послѣ короткой остановки былъ двинутъ далѣе, имѣя впереди рабочую команду поручика Борисова, при которой слѣдовалъ и самъ генералъ Скобелевъ съ состоявшими при немъ офицерами. Затѣмъ шла конно-стрѣлковая полурота есаула барона Штакельберга, три полувзвода подпоручика Синельникова и казачья команда хорунжаго Кудашева. При рабочей командѣ везлись шесть стволовъ арчей, на случай починки дороги.

Къ 10-ти часамъ утра отрядъ вышелъ на поляну, гдѣ начиналось ущелье Янги-арыкъ. Поляна эта на лѣвомъ берегу рѣки Гульчи имѣетъ длину около одной версты. Скаты ограничивающихъ поляну высотъ при началѣ ея не особенно крутые, но съ приближеніемъ къ входу въ Янги-арыкское ущелье принимаютъ характеръ обрывистыхъ голыхъ скалъ. Входъ въ ущелье запи-

рается спускающимся къ нему скалистымъ отрогомъ, хребетъ котораго идетъ въ направленіи перпендикулярномъ къ дорогѣ.

Спуски къ рѣкѣ на всемъ протяженіи поляны не особенно затруднительны. Къ правому берегу рѣки близъ ущелья вплотную спускаются крутыя высоты. При входѣ на поляну и при приближеніи къ ущелью на 1,000 шаговъ непріятель ничѣмъ не обнаруживалъ своего присутствія.

Конные стрѣлки были спѣшены, для осмотра входа въ ущелье послано было сначала нѣсколько джигитовъ, а затѣмъ гвардіи штабсъ-капитанъ Боголюбовъ.

По приближеніи нашей рекогносцировки къ ущелью на 200 шаговъ по ней былъ открытъ сильный и мѣткій огонь изъ-за завала на хребтѣ, замыкавшемъ ущелье, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаружилось, что хребетъ этотъ до самой вершины занятъ многочисленнымъ непріятелемъ, укрывшимся за каменными завалами. Генералъ Скобелевъ двинулся съ отрядомъ къ позиціи непріятеля на 500 шаговъ и приказалъ разсыпать нѣсколько звеньевъ стрѣлковъ. Видя, что атака непріятельской позиціи, въ виду крайней трудности доступовъ къ хорошо укрытому противнику, вызвала бы большія потери, генералъ Скобелевъ рѣшилъ соединить фронтальную атаку съ обходомъ съ обоихъ фланговъ.

Тотчасъ же есаулъ баронъ Штакельбергъ съ 30-ю конными стрѣлками былъ направленъ по крутому склону вправо отъ позиціи, занятой нашимъ отрядомъ, съ тѣмъ, чтобы, взобравшись на вершину, пріобрѣсти надъ позиціей непріятеля командующее положеніе и наступать противъ лѣваго ея фланга по гребню, зайдя для того правымъ плечомъ. Когда колонна есаула барона Штакельберга поднялась болѣе чѣмъ на половину высоты, штабсъ-капитанъ Боголюбовъ съ 15-ю стрѣлками 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона былъ направленъ на правый берегъ рѣки Гульчи съ тѣмъ, чтобы зайти, насколько позволитъ мѣстность, противъ праваго фланга и тыла непріятельской позиціи.

Колонна есаула барона Штакельберга, бодро поднимаясь по крутой высотѣ, дошла до половины ея и была встрѣчена здѣсь сильнымъ огнемъ и градомъ камней непріятеля, который, замѣтивъ наступленіе колоннъ нашихъ стрѣлковъ, перебѣжалъ, укрываясь за гребнемъ, густыми толпами къ нимъ навстрѣчу. Несмотря на тяжелую рану, полученную въ руку, и на убыль изъ своей небольшой команды пяти человѣкъ, есаулъ баронъ Штакельбергъ безпрерывно продолжалъ подниматься на высоту подъ градомъ не-

пріятельскихъ пуль и каменьевъ, дѣлая лишь небольшія передышки, укрываясь подъ выдававшимися отрогами скалъ.

Когда стрѣлки барона Штакельберга добрались до высоты, генералъ Скобелевъ отправилъ на поддержку состоявшихъ при немъ войсковаго старшину барона Криденера съ 25-ю стрѣлками 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона по лощинѣ правѣе пути наступленія конныхъ стрѣлковъ и гвардіи прапорщика Савримовича съ 15-ю конными стрѣлками вслѣдъ за колонной барона Штакельберга.

Вскорѣ послѣ ухода этихъ двухъ колоннъ, генералъ Скобелевъ атаковалъ непріятельскую позицію съ фронта, для чего самъ онъ съ конвоемъ, нѣсколькими конными стрѣлками и полувзводомъ стрѣлковъ 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона двинулся въ ущелье по дорогѣ, а поручика Борисова съ рабочею командою направилъ противъ непріятельскихъ заваловъ, расположенныхъ на хребтѣ, спускавшемся къ ущелью. Въ резервѣ оставался одинъ полувзводъ.

Къ началу нашего наступленія съ фронта штабсъ-капитанъ Боголюбовъ со стрѣлками 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона подъ сильнымъ огнемъ съ высотъ обоихъ береговъ рѣки и подъ градомъ каменьевъ, которые спускали съ гребня высотъ праваго берега засѣвшіе за нимъ каракиргизы, пробрался косогоромъ праваго берега и занялъ позицію, съ которой открылъ огонь во флангъ и тылъ непріятеля, занимавшаго хребетъ на лѣвомъ берегу у входа въ ущелье. Дѣйствіе этого огня заставило часть непріятеля, занимавшаго завалъ на хребтѣ и глубокую лощину, поднимавшуюся за хребтомъ, укрыться въ эту лощину, но упорнѣйшіе остались на завалѣ.

Наступленіе генерала Скобелева на ущелье по дорогѣ и рабочей команды поручика Борисова на завалъ на хребтѣ было встрѣчено сильнымъ огнемъ и тучами камней. Непріятель, занимавшій завалъ на гребнѣ высотъ и хребтѣ за лощиной, встрѣтилъ атакующихъ на мѣстѣ, но, несмотря на упорную защиту своей позиціи, былъ выбитъ съ нея, причемъ заколото штыками до 40 человѣкъ.

По взятіи передовой позиціи непріятеля генералъ Скобелевъ продвинулся по узкой, испорченной тропинкѣ по ущелью до поперечной, крутой и глубокой ложбины, на гребнѣ которой, противоположномъ первой позиціи непріятеля, былъ устроенъ второй рядъ заваловъ, сильно занятыхъ каракиргизами.

Непріятель открылъ по горсти людей, бывшихъ съ генераломъ Скобелевымъ, сильный огонь и сталъ скатывать на дорогу камни.

Генералъ Скобелевъ обождалъ атаковать эту вторую позицію, пока команда поручика Борисова не спустилась съ первыхъ заваловъ въ ложбину и не поднялась на противоположный берегъ выше непріятельскаго завала, который и былъ затѣмъ взятъ одновременно командой поручика Борисова и направленными съ дороги стрѣлками и казаками конвоя генерала Скобелева, подъ командой хорунжаго Гавохина.

Въ это время сверху по лощинѣ стали спускаться по слѣдамъ гонимаго непріятеля конные стрѣлки есаула барона Штакельберга. Колонна есаула барона Штакельберга, преодолѣвъ величайшія затрудненія, взобралась на гребень высоты, опрокинула штыками собравшагося здѣсь непріятеля, который бѣжалъ частью влѣво къ своимъ позиціямъ, куда направился съ ввѣренной ему командой есаулъ баронъ Штакельбергъ, частью же вправо. Бѣжавшіе вправо наткнулись неожиданно на команду войсковаго старшины барона Криденера и были ею перебиты. Прапорщикъ Савримовичъ съ командою конныхъ стрѣлковъ шелъ по слѣдамъ есаула барона Штакельберга, подобравъ его раненыхъ.

По овладѣніи нами вторымъ рядомъ заваловъ, поручикъ Борисовъ поднялся по слѣдующему гребню вверхъ и обнаружилъ завалъ на дорогѣ на правомъ берегу рѣки за мостомъ и непріятельскій лагерь на томъ же берегу за рѣчкою Беляули. Завалъ и лагерь были заняты густыми толпами пѣшаго и коннаго непріятеля. Со своей командующей позиціи поручикъ Борисовъ открылъ мѣткій огонь по защитникамъ завала и лагеря, чѣмъ обратилъ большую часть ихъ въ бѣгство. Послѣ этого было произведено общее наступленіе.

Команды, бывшія при генералѣ Скобелевѣ, поручика Борисова и часть конныхъ стрѣлковъ есаула барона Штакельберга быстро пробрались по узкой тропинкѣ къ мосту, перешли его, затѣмъ овладѣли крѣпкимъ заваломъ и, преслѣдуя бѣжавшаго непріятеля, ворвались по мосту черезъ рѣку Беляули въ только что оставленный непріятельскій лагерь. Команда штабсъ-капитана Боголюбова шла къ мосту правымъ берегомъ. Шаговъ за 100 до моста, остановленная отвѣснымъ обрывомъ берега, она перебралась въ бродъ на лѣвый берегъ и шла въ хвостѣ вышеназванныхъ командъ.

Вскорѣ собрались на мѣстѣ бывшаго непріятельскаго лагеря и прочія части отряда, а обозу было послано приказаніе слѣдовать на соединеніе.

Съ цѣлью преслѣдованія непріятеля, а также для соединенія съ колонной маіора Іонова, генералъ Скобелевъ послѣ непродолжительной остановки двинулся по дорогѣ на Суфи-Курганъ съ конно-стрѣлковой полуротой и казачьей командой, а позади пошелъ взводъ стрѣлковъ 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона.

Дорогой попадались отряду стада и лошади, брошенныя въ поспѣшномъ бѣгствѣ непріятелемъ.

Не доходя двухъ верстъ до ущелья Тарганлыкъ, колонна, слѣдовавшая подъ личнымъ начальствомъ генерала Скобелева, соединилась съ колонной маіора Іонова. Колонна эта, выступивъ съ бивака въ часъ по-полуночи, слѣдовала по ущелью Будайлыкъ и, пройдя около 16-ти верстъ, неожиданно наткнулась на непріятельскій пикетъ изъ шести человѣкъ, который и былъ захваченъ. Поднявшись на гору Муланы-Бель, она опять встрѣтила сильный непріятельскій пикетъ, большая часть котораго успѣла бѣжать въ Беляулинское ущелье. Не имѣя уже основанія разсчитывать на неожиданность своего появленія въ этомъ ущельи и обнаруживъ по дорогѣ къ Тарганлыку непріятельскіе аулы, маіоръ Іоновъ, не сворачивая по Беляули, двинулся черезъ Кичи-Беляули и перешелъ черезъ два перевала Акъ-Бель и Сасыкъ-Бель, еще покрытый снѣгомъ. Спустившись затѣмъ въ долину Аспалы, колонна маіора Іонова истребила аулъ рода таукѐ и свернула въ ущелье Тарганлыкъ, гдѣ уничтожила еще нѣсколько ауловъ и захватила скотъ мятежнаго рода сартляровъ. Выйдя ущельемъ Тарганлыкъ на большую дорогу и еще не имѣя свѣдѣній о положеніи дѣла, колонна маіора Іонова повернула на присоединеніе къ главной колоннѣ, сдѣлавъ уже до 50-ти верстъ по труднымъ горнымъ тропинкамъ.

Соединившись съ колонной маіора Іонова, генералъ Скобелевъ *продолжалъ преслѣдованіе непріятеля до Суфи-Кургана* (14 верстъ отъ Беляули) и далѣе по дорогѣ на Алай еще на разстояніе около пяти верстъ. Въ виду окончательнаго разсѣянія непріятеля, преслѣдованіе было прекращено и войска, въ немъ участвовавшія, расположились для ночлега на площадкѣ, въ одной верстѣ отъ Суфи-Кургана къ Беляули, гдѣ бивакировали уже взводъ стрѣлковой роты, рабочая команда и обозъ.

Въ этомъ дѣлѣ при Янги-арыкѣ 25-го апрѣля 1876 года со стороны непріятеля участвовало до 1,500 человѣкъ, преимущественно каракиргизовъ родовъ сартляръ, кукча и ульджаке, къ которымъ пристали и бродяги разнаго происхожденія. Во главѣ непріятеля, какъ сказано, были всѣ извѣстнѣйшіе мятежники:

Сулейманъ-Удайчи, Абдулла-Бекъ, Омаръ-Бекъ, Бекджанъ, Минъ-баши-Таныкулъ-Пансатъ и Вали-Ханъ-Тюря, изъ коихъ первый убитъ, прочіе же успѣли бѣжать на Алай.

Непріятель потерялъ не менѣе 150 убитыми, нѣсколько человѣкъ было взято въ плѣнъ, множество оружія было брошено на полѣ сраженія, гдѣ войсками было подобрано восемь фальконетовъ и до 80 ружей. Кромѣ того, было взято три большихъ бунчука.

Съ нашей стороны потеря состояла изъ одного нижняго чина и двухъ джигитовъ убитыми. Кромѣ того, былъ тяжело раненъ есаулъ баронъ Штакельбергъ и восемь нижнихъ чиновъ; ушиблены каменьями и легко ранены поручикъ Борисовъ и 12 нижнихъ чиновъ.

Въ этомъ трудномъ дѣлѣ всѣ чины отряда, какъ офицеры, такъ и солдаты, проявили столько доблести, что генералъ Скобелевъ въ своемъ донесеніи командующему войсками Туркестанскаго военнаго округа отъ 20-го мая 1876 г. затруднялся даже подыскать слова для ея выраженія.

На слѣдующій день, 26-го апрѣля, изъ отряда была выдѣлена колонна изъ конно-стрѣлковъ и ракетнаго взвода, съ которой генералъ Скобелевъ лично произвелъ рекогносцировку дороги на перевалъ Терекъ-Даванъ до урочища Дарвазъ, въ 12-ти верстахъ отъ Суфи-Кургана, причемъ были найдены на дорогѣ тѣла Бекджана и четырехъ джигитовъ, оставшіяся не убранными на мѣстѣ, гдѣ они были убиты. *Тѣла эти были привезены въ лагерь и преданы землѣ.* Вечеромъ, 25-го числа, а затѣмъ въ теченіе всего слѣдующаго дня, стали приходить въ лагерь съ изъявленіемъ покорности представители родовъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, а также и другихъ.

Ставя цѣлью скорѣйшее успокоеніе края, генералъ Скобелевъ объявилъ имъ помилованіе отъ имени Туркестанскаго генералъ-губернатора, *генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана 1-го, которому* туземцы присвоили характерный титулъ «ярымъ-падишахъ», т. е. полуцарь, и объяснилъ имъ обязанности подданныхъ Бѣлаго Царя, которыя они чистосердечно обѣщали исполнять въ точности и выразили готовность принять мѣры къ поимкѣ вышеупомянутыхъ главныхъ зачинщиковъ-предводителей.

27-го апрѣля генералъ Скобелевъ съ бо́льшей частью отряда вернулся въ Гульчу, оставивъ у Суфи-Кургана стрѣлковую роту 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, подъ начальствомъ маіора

Іонова, которому приказано было назначить во всѣ окрестные киргизскіе роды волостныхъ правителей (біевъ).

Исполнивъ эту задачу, маіоръ Іоновъ съ ротой вернулся въ Гульчу 1-го мая. Хотя блестящій результатъ нашего движенія въ горы, считавшіяся, по общему мнѣнію, неприступными, произвелъ глубокое, благопріятное для насъ впечатлѣніе, но тѣмъ не менѣе генералъ Скобелевъ допускалъ возможность серьезныхъ возстаній, подобныхъ послѣднему, и полагалъ, что для окончательнаго прочнаго водворенія нашей власти среди каракиргизовъ необходимо изслѣдовать нашими войсками Алай, имѣющій громадное экономическое значеніе для кочевниковъ, тѣмъ болѣе, что они были склонны считать его внѣ сферы прямаго нашего вліянія.

Кромѣ того, на Алаѣ жили нѣкоторые киргизскіе роды, тогда намъ еще неизвѣстные, которые могли при нѣкоторыхъ условіяхъ посѣять вновь безпорядки, да еще притомъ на границѣ, гдѣ въ особенности слѣдуетъ ихъ избѣгать.

Движеніе же русскихъ на Алай обѣщало имѣть совершенно мирный характеръ и дать прекрасные результаты, въ смыслѣ водворенія нашей власти среди всѣхъ вообще каракиргизовъ. Въ числѣ причинъ, по которымъ генералъ Скобелевъ считалъ необходимымъ отправленіе отряда на Алай, было также желаніе изслѣдовать въ научномъ отношеніи эту чрезвычайно интересную долину, имѣющую своеобразный характеръ, свойственный лишь немногимъ мѣстностямъ Центральной Азіи.

Опасенія генерала Скобелева не замедлили оправдаться, хотя и невполнѣ. Серьезныя возстанія, подобныя тому, которое закончилось пораженіемъ мятежниковъ въ Янги-арыкскомъ ущельи, не повторялись, но мелкія возстанія происходили еще долгое время, и въ разныхъ пунктахъ области то и дѣло появлялись шайки.

Возстанія не достигали значительныхъ размѣровъ лишь потому, что они были подавляемы въ самомъ началѣ, благодаря энергическимъ дѣйствіямъ вновь учрежденной администраціи и цѣлесообразному размѣщенію въ различныхъ пунктахъ области отрядовъ войскъ, къ содѣйствію которыхъ администрація нерѣдко прибѣгала.

Въ концѣ мая появилась въ Андижанскомъ уѣздѣ шайка Дивааны, разбитая близъ урочища Кара-Кія. Получивъ донесеніе объ ея появленіи близъ города Узгена, начальникъ Андижанскаго уѣзда, войсковой старшина Смирновъ, выступилъ изъ Узгена утромъ, 21-го мая, во главѣ отряда, состоявшаго изъ 2-й сотни Сибирскаго

казачьяго войска, подъ командой сотника Мурзинцева, и одного взвода 3-й роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, подъ командой штабсъ-капитана Машлыкина [1]).

Дойдя до мѣстности Кара-Кульджа и получивъ отъ кочующихъ здѣсь киргизовъ точныя свѣдѣнія о томъ, что шайка находилась около перевала Бель-Башъ-Атъ, войсковой старшина Смирновъ оставилъ здѣсь взводъ стрѣлковъ, а самъ съ сотней казаковъ быстро двинулся далѣе, дабы не дать шайкѣ возможность скрыться. Прискакавъ на перевалъ Бель-Башъ-Атъ, онъ дѣйствительно увидѣлъ конную шайку около 400 человѣкъ съ тремя значками, которая при появленіи казаковъ въ паникѣ разбѣжалась въ ущелья горъ по разнымъ направленіямъ, раздѣлившись на три части и оставивъ на мѣстѣ своего расположенія много разнаго имущества и палатку Дивана-Хана.

Отсюда было отправлено приказаніе штабсъ-капитану Машлыкину остановиться съ стрѣлками на Кара-Кульджѣ, а казаки стали преслѣдовать большую часть шайки, человѣкъ въ полтораста, направившуюся по косогору Кадууръ на горный перевалъ Учъ-Атъ. Эта часть шайки, выбѣжавъ на мѣстность Карагантектеръ, вся разсѣялась въ разныя стороны и преслѣдованіе, продолжавшееся пять часовъ, было прекращено.

Казаки остановились въ 7 часовъ вечера на бивакъ въ аулѣ Аканъ, на урочищѣ Коперъ-Аузъ, Алимбекской волости, гдѣ были получены отъ киргизовъ свѣдѣнія, что главными дѣйствующими лицами въ шайкѣ были: Дивана-Ханъ, Чаплакъ-Дивана-Тюря и многіе другіе киргизы изъ различныхъ родовъ.

Въ отрядѣ убыли не было, а мятежники потеряли 15 человѣкъ убитыми, палатку Дивана-Хана, пять лошадей и много разнаго имущества. На слѣдующій день сотня соединилась со стрѣлками и отрядъ двинулся въ г. Узгенъ.

Послѣ дѣла при Янги-арыкѣ большая часть участниковъ мятежа, каракиргизовъ, кочующихъ въ Алайскихъ горахъ, обратилась къ мирнымъ занятіямъ, а незначительное меньшинство бродягъ безъ рода и племени, увлекаемое обѣщаніями энергическихъ вожаковъ, продолжало отъ времени до времени образовывать шайки, достигавшія нерѣдко внушительныхъ размѣровъ, такъ что разсѣяніе ихъ было не подъ силу администраціи, прибѣгавшей въ этихъ случаяхъ къ содѣйствію войскъ.

---

[1]) Рапорты начальника Андижанскаго уѣзда отъ 21-го мая 1876 года №№ 3 и 5.

Хотя шайки достигали иногда численности болѣе 150 человѣкъ, но онѣ не рѣшались дѣлать нападеній даже на незначительные отряды войскъ и ограничивались грабежомъ мирныхъ жителей, доводя иногда свою дерзость и нахальство до того, что рѣшались грабить аулы, стоявшіе недалеко отъ мѣста расположенія нашихъ войскъ.

Такъ, напримѣръ, шайка мятежниковъ-каракиргизовъ около 150 человѣкъ, подъ предводительствомъ братьевъ Хасанъ-Бека и Мамынъ-Бека, окружила [1]) въ ночь съ 7-го на 8-е іюня большой аулъ мирныхъ каракиргизовъ, кочевавшихъ недалеко отъ укрѣпленія Гульча, въ ущельи Джусале.

Благодаря близости мѣста расположенія этого аула отъ Гульчи, немедленно изъ аула было дано знать о происшествіи въ укрѣпленіе, откуда въ часъ ночи было послано 60 казаковъ изъ расположенной въ Гульчѣ 2-й Оренбургской сотни 5-го сводnаго Оренбургско-Уральскаго казачьяго полка, подъ начальствомъ командира названной сотни есаула Вырубова. При столкновеніи съ прибывшими казаками мятежники не выдержали, обратились въ бѣгство и направились вверхъ по ущелью Джусале. Казаки преслѣдовали ихъ на протяженіи около 30-ти верстъ, причемъ есаулъ Вырубовъ принужденъ былъ четыре раза спѣшивать казаковъ для выбитія изъ-за камней и заваловъ мятежниковъ, пытавшихся остановить преслѣдующихъ.

Во время стычки и послѣдующаго преслѣдованія было изрублено шашками до 25-ти каракиргизовъ, число же убитыхъ пулями и раненыхъ не было опредѣлено, благодаря ночной темнотѣ и массѣ камней, загромождавшихъ ущелье, за которыми укрывались каракиргизы.

Кромѣ того, было отбито девять лошадей и взято въ плѣнъ два киргиза, которые и сообщили, что въ шайкѣ было не менѣе 150 человѣкъ и что предводительствовали ею братья Хасанъ-Бекъ и Мамынъ-Бекъ, которымъ удалось счастливо скрыться. Съ нашей стороны было ушиблено камнями пять казаковъ и одинъ джигитъ раненъ пулею въ руку.

Въ половинѣ іюня мѣсяца появилась довольно большая шайка кипчаковъ въ Чиміонскомъ уѣздѣ, при столкновеніи съ которой нашими войсками не было достигнуто рѣшительныхъ результатовъ.

[1]) Донесеніе командующаго 5-мъ своднымъ Оренбургско-Уральскимъ казачьимъ полкомъ отъ 19-го іюня 1876 г., № 36.

Получивъ донесеніе о томъ, что на урочищѣ Нау-Джайляу собралась шайка, подъ предводительствомъ бія Мулла-Ашира, Чиміонскій уѣздный начальникъ штабсъ-капитанъ Ляшевскій немедленно отправился туда съ конвоемъ изъ 15-ти казаковъ и нѣсколькихъ джигитовъ. Пройдя 18-го іюня урочище Зардалы, онъ былъ встрѣченъ при входѣ въ ущелье Нау-Джайляу сильнымъ огнемъ и градомъ камней мятежниковъ, занимавшихъ сильную укрѣпленную позицію, причемъ былъ раненъ одинъ казакъ.

Отойдя къ ханскому мосту, штабсъ-капитанъ Ляшевскій послалъ извѣщеніе о происшедшемъ начальнику наблюдательнаго отряда, расположеннаго близъ кишлака Сохъ, капитану Сполатбогу, и просилъ прислать подкрѣпленіе. Капитанъ Сполатбогъ, получивъ это извѣстіе ночью съ 18-го на 19-е іюня, немедленно же двинулся на выручку штабсъ-капитана Ляшевскаго и его конвоя, взявъ съ собою 40 казаковъ 1-й сотни Оренбургско-Уральскаго сводnаго казачьяго № 5-го полка и 40 нижнихъ чиновъ 3-й роты 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, которыхъ онъ для скорѣйшаго передвиженія по трудному горному пути посадилъ на лошадей, собранныхъ у жителей кишлака Сохъ.

Благополучно соединившись съ штабсъ-капитаномъ Ляшевскимъ у кишлака Ханъ и получивъ отъ него свѣдѣнія о занимаемой непріятелемъ позиціи и дорогѣ, ведущей къ ней, капитанъ Сполатбогъ рѣшилъ, переночевавъ здѣсь, двинуться на слѣдующій день для атаки непріятеля. Но, считая, что находящихся въ его распоряженіи людей недостаточно для взятія этой позиціи, онъ послалъ приказаніе оставленному въ Сохѣ подпоручику Рудановскому присоединиться къ нему съ 20-ю нижними чинами.

Не дождавшись прибытія этого подкрѣпленія, капитанъ Сполатбогъ двинулся 21-го числа далѣе, перевалилъ черезъ Мазанъ и около кишлака Кара-Кіянинъ-Дара встрѣтилъ передовые посты противника, которые и были имъ уничтожены.

Отъ раненаго плѣннаго капитанъ Сполатбогъ узналъ, что вооруженная шайка, въ числѣ около 600 человѣкъ, расположилась на урочищѣ Нау-Джайляу, рѣшившись оказать русскимъ упорное сопротивленіе.

Въ виду того, что по свѣдѣніямъ, доставленнымъ начальникомъ Чиміонскаго уѣзда, при дальнѣйшемъ движеніи необходимо около 20-ти разъ переправляться черезъ отдѣльные рукава рѣки Соха, вода въ которой прибыла настолько, что переходъ черезъ нее въ бродъ не представлялся возможнымъ, отрядъ двинулся далѣе лишь

22-го числа, съ разсвѣтомъ, когда въ горныхъ рѣкахъ бываетъ наименьшее количество воды, и скоро приблизился къ непріятельской позиціи.

Осмотрѣвъ позицію непріятеля, расположившагося въ ущельи за завалами, капитанъ Сполатбогъ рѣшилъ направить одинъ полувзводъ пѣхоты въ обходъ по крутизнѣ праваго берега ручья Нау-Джайляу, 20 спѣшенныхъ казаковъ въ обходъ лѣваго фланга по крутизнѣ лѣваго берега, а самъ съ оставшимися людьми отряда двинулся прямо вверхъ по ущелью, разсыпавъ при входѣ въ него цѣпь стрѣлковъ для обстрѣливанія заваловъ и перебѣгающаго по крутизнамъ непріятеля.

Казаки, подъ командой хорунжаго Сурова, и пѣхотинцы, подъ командой унтеръ-офицера Калашина, наступая подъ градомъ пуль и камней, опрокинули засѣвшихъ за камнями на крутизнѣ кипчаковъ, заняли позицію выше главныхъ силъ непріятеля и открыли сильный продольный огонь по завалу, занятому непріятелемъ, который не выдержалъ этого огня и очистилъ часть занятой имъ позиціи, но всѣ усилія завладѣть позиціей не увѣнчались успѣхомъ, благодаря слабости отряда капитана Сполатбога, и онъ принужденъ былъ отступить въ Сохъ. Потеря съ нашей стороны была слѣдующая—ранены: 1 унтеръ-офицеръ, 1 рядовой, 1 казакъ; контужено 4 урядника и казакъ.

При отступленіи контуженные находились въ строю, а раненые были перевезены на вьючныхъ носилкахъ. Причина этой неудачи нашихъ войскъ въ дѣйствіяхъ противъ коканцевъ заключалась въ томъ, что капитанъ Сполатбогъ рѣшился атаковать сильную укрѣпленную позицію непріятеля съ слишкомъ ничтожными силами, не дождавшись вызваннаго имъ изъ Соха подпоручика Руданоскаго съ подкрѣпленіемъ, а также въ недостаточно энергичномъ и умѣломъ веденіи атаки.

Въ виду того, что одного подобнаго случая было достаточно для того, чтобы поднять духъ противника и возбудить въ немъ надежду на успѣхъ борьбы съ русскими, генералъ Скобелевъ былъ крайне недоволенъ дѣйствіями капитана Сполатбога, отрядъ котораго былъ признанъ слишкомъ слабымъ для самостоятельныхъ дѣйствій, и ему запрещено было предпринимать наступленіе въ горы.

Капитанъ **Серебренниковъ.**

I.

КЪ ИСТОРІИ КОКАНСКАГО ПОХОДА [1]).

Штурмъ кишлака Учъ-Курганъ.—Присоединеніе Коканскаго ханства и политическое состояніе вновь образованной Ферганской области.

Блестящій штурмъ укрѣпленнаго кишлака Учъ-Курганъ, 27-го января 1876 года, произведенный частью Наманганскаго дѣйствующаго отряда и закончившійся полнымъ разгромомъ одного изъ главнѣйшихъ предводителей возмутившихся коканцевъ, Пулатъ-хана, произвелъ громадное впечатлѣніе на все населеніе Коканскаго ханства, какъ осѣдлое, такъ и кочевое, и въ связи съ прежними побѣдами нашихъ войскъ окончательно убѣдилъ туземцевъ въ безполезности борьбы съ русскими, которымъ они и поспѣшили изъявить полную покорность.

Какъ извѣстно, въ концѣ 1875 года, уже послѣ образованія Наманганскаго отдѣла, начальникомъ котораго былъ назначенъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Скобелевъ, волненія, начавшіяся на лѣвой сторонѣ рѣки Сыръ-Дарьи, въ предѣлахъ Коканскаго ханства, перешли и на правый ея берегъ въ наши предѣлы, гдѣ они скоро были подавлены, благодаря рѣшительнымъ дѣйствіямъ нашего отряда. Близкое сосѣдство вновь присоединеннаго къ Россіи Наманганскаго отдѣла съ охваченнымъ возстаніемъ Коканскимъ ханствомъ, въ предѣлахъ котораго царила полнѣйшая анархія, разумѣется, весьма дурно отзывалось на спокойствіи нашихъ подданныхъ и потому главный начальникъ дѣйствовавшихъ въ Коканѣ войскъ, уѣзжая изъ Наманганскаго отдѣла, снабдилъ генералъ-маіора Скобелева инструкціей и приказалъ ему предпринять самыя рѣшительныя мѣры противъ шаекъ бунтовщиковъ, хозяйничавшихъ въ Коканскомъ ханствѣ, главнымъ образомъ въ Андижанѣ, что и было исполнено въ періодъ съ 25-го декабря 1875 года по 28-е января 1876 года. Послѣ удачнаго штурма Андижана, 8-го января, и пораженія скопищъ коканцевъ у кишлака Ассаке, 18-го числа этого мѣ-

[1]) См. «Военный Сборникъ» 1897 г., № 9.

сяца, многіе предводители: Батырь-тюря, Халикулъ-парваначи, Исфандіяръ и другіе во главѣ съ самымъ главнымъ и энергичнѣйшимъ изъ нихъ, Абдурахманомъ-автобачи, 20-го января сдались, признавъ для себя невозможнымъ дальнѣйшую борьбу съ русскими. Оставался еще одинъ, послѣдній, предводитель коканцевъ, Пулатъ-ханъ, но и тотъ, чувствуя приближеніе конца своей дѣятельности, закончилъ ее рядомъ злодѣйствъ и, между прочимъ, изъ мести къ Абдурахману-автобачи зарѣзалъ трехъ его братьевъ, послѣ чего бѣжалъ со своими приверженцами на Алай, откуда онъ предполагалъ пробраться въ Каратегинъ.

Необходимо было помѣшать Пулатъ-хану безнаказанно скрыться въ Бухару, за предѣлы Коканскаго ханства, откуда онъ могъ продолжать свою дѣятельность. Для преслѣдованія его, по приказанію генералъ-маіора Скобелева, былъ высланъ изъ города Андижана отрядъ, подъ начальствомъ флигель-адъютанта ротмистра барона Меллера-Закомельскаго, въ составъ котораго входили: 1-я, 2-я и 5-я Оренбургскія, 1-я, 2-я и 5-я Сибирскія сотни, 2-я полусотня 2-й Семирѣченской сотни, 2-й эскадронъ конныхъ стрѣлковъ, ракетная батарея (6 станковъ) и дивизіонъ (4 орудія) 1-й батареи конно-артилерійской бригады Оренбургскаго казачьяго войска.

Согласно приказа по Наманганскому дѣйствующему отряду, отъ 27-го января, въ 10 часовъ утра ротмистръ баронъ Меллеръ-Закомельскій выступилъ съ ввѣреннымъ ему отрядомъ изъ города Андижана къ кишлаку Ассаке двумя эшелонами [1]). Первый эшелонъ, подъ его личнымъ начальствомъ, состоялъ изъ $6^1/_2$ сотенъ казаковъ, ракетной батареи, 2-го конно-стрѣлковаго эскадрона и дивизіона конныхъ орудій. Второй эшелонъ, слѣдовавшій сзади подъ начальствомъ капитана 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона Іопова [2]), состоялъ изъ двухъ ротъ пѣхоты. Обозъ отряда (по 10 арбъ на роту и по 5 на сотню, батарею и эскадронъ) слѣдовалъ весь при второмъ эшелонѣ. Люди отряда имѣли на себѣ четырехъ-дневный запасъ сухарей. Шанцевый инструментъ, находящійся въ частяхъ, везли съ собою.

Первый эшелонъ, дойдя до высотъ Хакенъ, лежащихъ близъ Ассаке, былъ остановленъ начальникомъ его на полчаса, чтобы дать людямъ немного отдохнуть. Затѣмъ, получивъ извѣстіе, что второй

[1]) Рапортъ флигель-адъютанта барона Меллера-Закомельскаго временно командующему Наманганскимъ дѣйствующимъ отрядомъ отъ 31-го января 1876 года за № 20.

[2]) Нынѣ генералъ-маіоръ, начальникъ 1-й Туркестанской линейной бригады.

эшелонъ приближается къ Ассаке, ротмистръ баронъ Меллеръ-Закомельскій послалъ приказаніе капитану Іонову двигаться по направленію ассакинскаго моста, занять ханскій дворецъ, гдѣ и оставаться до полученія новыхъ приказаній. Вмѣстѣ съ симъ, первому эшелону было приказано продолжать движеніе по направленію къ кишлаку Арсыпъ.

Во время остановки у кишлака Ассаке, сотнику Байтокову было приказано собрать и отправить всѣхъ джигитовъ отряда, всего до 150 человѣкъ, въ Маргеланъ съ требованіемъ выдачи изъ этого города орудій и имущества Пулатъ-хана.

Согласно инструкціи, полученной отъ начальника Наманганскаго дѣйствующаго отряда, движеніе къ городу Маргелану запрещалось, а разрѣшалось произвести лишь демонстрацію по направленію къ этому городу до кишлаковъ Янгичека или Арсыпа, смотря по обстоятельствамъ. Тѣмъ не менѣе, чтобы ввести въ заблужденіе жителей Маргелана относительно цѣли движенія отряда, сотникъ Байтоковъ написалъ по приказанію начальника отряда письмо къ вліятельнымъ лицамъ Маргелана съ заявленіемъ, что русскій отрядъ двигается къ городу Маргелану вслѣдъ за джигитами и что онъ будетъ остановленъ тотчасъ же, какъ только будутъ вывезены на встрѣчу ему требуемыя орудія.

Пройдя отъ Ассаке 12 верстъ, за кишлакомъ Ніязъ-Батыръ были получены важныя извѣстія, измѣнившія цѣль и направленіе движенія отряда. Двое жителей Маргелана привезли письменное увѣдомленіе, что Пулатъ-ханъ вышелъ изъ Маргелана съ 5,000 конницы, частью пѣхоты и пятью орудіями и со всѣмъ своимъ имуществомъ направился къ Алайскимъ горамъ, съ цѣлью пробраться въ Каратегинъ и что ночь съ 27-го на 28-е января онъ намѣренъ провести въ кишлакѣ Учъ-Курганъ, находящемся на юго-востокъ отъ Маргелана въ разстояніи около 30-ти верстъ. По собраннымъ распроснымъ свѣдѣніямъ, Учъ-Курганъ находился отъ мѣста, гдѣ были получены эти извѣстія, въ 40—50 верстахъ, причемъ къ нему вела хорошая колесная дорога.

Несмотря на то, что кавалерія и артилерія отряда уже сдѣлали въ этотъ день до 40 верстъ, всѣ лошади были въ отличномъ состояніи, а офицеры и нижніе чины имѣли такой бодрый видъ, что начальникъ отряда рѣшилъ въ этотъ же день двигаться къ Учъ-Кургану и произвести на него неожиданное нападеніе. Результаты подобнаго нападенія были настолько существенны, что оправдывали разумѣется, рискъ принятаго рѣшенія. Можно было надѣяться на-

нести послѣдній ударъ скопищамъ Пулатъ-хана, захватить его артилерію, имущество и даже, быть можетъ, его самого.

Принявъ рѣшеніе идти къ Учъ-Кургану, ротмистръ баронъ Меллеръ-Закомельскій послалъ донесеніе объ этомъ начальнику Наманганскаго дѣйствующаго отряда, испрашивая у него дальнѣйшихъ инструкцій.

Пользуясь хорошею дорогою, первый эшелонъ отряда шелъ перемѣнными алюрами: рысью и шагомъ, причемъ, смотря по мѣстности, по иниціативѣ самихъ сотенныхъ командировъ, сотни шли въ колоннахъ полусотенныхъ, взводныхъ, по шести или по три. Сдѣлавъ болѣе 50-ти верстъ, кавалерія все еще казалась нисколько не утомленною и шла въ порядкѣ, какъ на ученьи, соблюдая на рыси равненіе и дистанціи между частями. Трудная и славная школа, пройденная казаками въ продолженіе всего Коканскаго похода, благотворно давала себя чувствовать высокимъ нравственнымъ духомъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ и крайнею выносливостью лошадей, давно уже втянутыхъ въ работу и привыкшихъ къ усиленнымъ маршамъ. Не только конная артилерія, но даже и второй эскадронъ конныхъ стрѣлковъ, взятыхъ изъ пѣшаго строя и посаженныхъ на лошадей лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, не отставали отъ казаковъ.

Верстахъ въ 25-ти отъ Ассаке дорога пошла по длинному, хотя довольно отлогому подъему и сдѣлалась тяжелою, въ особенности для артилеріи.

Считая, что съ принятіемъ рѣшенія произвести нечаянное нападеніе на Учъ-Курганъ важнѣе всего было выиграть время, начальникъ отряда счелъ необходимымъ отдѣлить отъ отряда головную часть изъ $3^1/_2$ сотенъ, эскадрона конныхъ стрѣлковъ и ракетной батареи, которую и повелъ лично впередъ, а остальныя три сотни и дивизіонъ конной артилеріи должны были слѣдовать за ними подъ начальствомъ войскового старшины Герасимова.

Верстахъ въ 30-ти отъ кишлака Ассаке дорога потянулась узкою долиною между двумя грядами каменистыхъ и довольно значительныхъ высотъ. Оставивъ за собою кишлакъ Ніязъ-Батыръ, головная часть на разстояніи 25-ти верстъ не встрѣчала никакого жилья. Затѣмъ начали попадаться по сторонамъ дороги небольшія курганчи, мимо которыхъ отрядъ, пользуясь наступившею темнотою, проходилъ съ возможною тишиною. Близъ одной изъ нихъ, въ 65-ти верстахъ отъ Андижана, отрядъ былъ спѣшенъ и послѣ остановки въ 20 минутъ проведенъ пѣшкомъ около трехъ верстъ, чтобы

дать лошадямъ нѣкоторый отдыхъ. Начальникъ отряда при помощи джигитовъ все время поддерживалъ связь съ войсковымъ старшиною Герасимовымъ, доносившемъ нѣсколько разъ, что дивизіонъ артилеріи и прикрывающія ее сотни подвигаются впередъ безостановочно. Во время остановки отряда прискакалъ изъ Учъ-Кургана одинъ изъ посланныхъ сотникомъ Байтоковымъ лазутчиковъ, который сообщилъ, что Пулатъ-ханъ дѣйствительно находится въ этомъ пунктѣ съ 5,000 чел. конницы, 500 чел. пѣхоты при пяти орудіяхъ и еще ничего не знаетъ о движеніи нашего отряда. Медлить было нельзя и отрядъ продолжалъ движеніе.

Верстахъ въ двухъ отъ Учъ-Кургана, къ сѣверу отъ него, правѣе направленія движенія, изъ кишлака, лежащаго по дорогѣ изъ Маргелана къ Учъ-Кургану, показалась конная партія въ 300 чел, съ однимъ значкомъ. Чтобы не допустить эту партію броситься въ Учъ-Курганъ и не произвести тамъ тревоги, была выслана вправо 1-я Оренбургская сотня, замѣтивъ движеніе, которой партія быстро отступила къ Маргелану, а сотня снова перешла на прямую дорогу въ Учъ-Курганъ, въ голову колонны.

Обширный въ нѣсколько сотенъ дворовъ кишлакъ Учъ-Курганъ лежитъ въ глубокой лощинѣ, вдоль горной рѣчки Учъ-Курганъ-сай и имѣетъ длинную и узкую, версты въ $2^1/_2$, фигуру, вытянутую по направленію отъ сѣвера къ югу. Въ южномъ его концѣ, на высотѣ командующей всѣмъ кишлакомъ, лежитъ укрѣпленная урда [1]), въ которой и ночевалъ Пулатъ-ханъ. Мѣстность позволяла совершенно скрытно дойти до кишлака. Дорога со стороны небольшого селенія Кичкене уперлась въ крутой спускъ къ рѣчкѣ Учъ-Курганъ-сай, по которой и расположенъ кишлакъ.

Хотя отрядъ, достигнувъ до Учъ-Кургана, сдѣлалъ въ этотъ день безъ пищи и отдыха около 90 верстъ, тѣмъ не менѣе ротмистръ баронъ Меллеръ-Закомельскій рѣшился немедленно атаковать кишлакъ, чтобы воспользоваться всѣми выгодами нечаяннаго нападенія.

Узкія извилистыя улицы кишлака, окружающія его со всѣхъ сторонъ, крутыя высоты, темнота и неизвѣстность относительно того, укрѣпленъ кишлакъ или нѣтъ и насколько сильна урда, заставили начальника отряда принять слѣдующій планъ для атаки:

1) Спѣшенные стрѣлки 2-го конно-стрѣлковаго эскадрона и спѣшенные казаки 1-й Сибирской сотни составили штурмовую колонну, на которую возлагался штурмъ кишлака и урды. Начальни-

[1]) Цитадель, кремль.

комъ этой колонны былъ назначенъ причисленный къ генеральному штабу 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона капитанъ Куропаткинъ [1]). Проводникомъ штурмовой колонны вызвался быть Исфандіяръ-датха, нѣсколько дней тому назадъ сдавшійся вмѣстѣ съ Абдурахманомъ-автобачи.

2) Первая Оренбургская сотня и вторая полусотня 2-й Семирѣченской сотни, подъ начальствомъ есаула Мелянина, были направлены въ обходъ, влѣво отъ расположенія отряда, на путь отступленія непріятеля вьючною дорогою въ Каратегинъ.

3) Самъ начальникъ отряда, съ ракетной батареей, 2-й Оренбургской сотней и коноводами спѣшенныхъ частей, расположился на пути отступленія Пулатъ-хана арбяною дорогою въ Каратегинъ.

Штурмовая колонна, имѣя впереди конныхъ стрѣлковъ и сзади казаковъ 1-й Сибирской сотни, спустилась съ обрыва и быстро двинулась къ урдѣ, до которой ей надо было пройти кишлакомъ около $1^1/_2$ верстъ. Движеніе колонны началось въ 10 часовъ вечера. Въ кишлакѣ, сначала безмолвномъ, скоро послышался шумъ, показались скачущіе въ разныхъ направленіяхъ всадники, число которыхъ все увеличивалось и увеличивалось. Капитанъ Куропаткинъ, желая по возможности быстро и неожиданно достигнуть урды, запретилъ стрѣлять по одиночнымъ людямъ и отвѣчать на выстрѣлы, которыми стали встрѣчать колонну изъ за прилегающихъ къ дорогѣ саклей и дуваловъ [2]). Приказаніе стрѣлять было отдано лишь тогда, когда улица наполнилась конными и пѣшими сарбазами [3]) Пулатъ-хана, изъ коихъ многіе стали въ одиночку бросаться на колонну, пытаясь прорваться черезъ нее, причемъ были переколоты.

Благодаря тишинѣ, съ которой двигалась колонна (крикъ «ура» былъ запрещенъ), темнотѣ и кривизнѣ улицъ, колонна нѣсколько разъ натыкалась на скачущія навстрѣчу ей значительныя конныя партіи. Встрѣчаемый на самомъ близкомъ разстояніи залпами, непріятель не выдерживалъ и, оставляя значительное число тѣлъ, поворачивалъ обратно. Одна изъ наиболѣе значительныхъ партій, человѣкъ въ 200, два раза пыталась проскакать по берегу рѣки, текущей параллельно пути слѣдованія колонны, чтобы пробраться на Маргеланскую дорогу, но оба раза, встрѣченная дружными залпами, была опрокидываема назадъ.

Вскорѣ, однако, значительныя массы непріятеля, оправившись

[1]) Нынѣ генералъ-лейтенантъ, военный министръ.
[2]) Глинобитныя стѣны—заборы.
[3]) Регулярная пѣхота коканцевъ.

отъ неожиданнаго нападенія, частью бросились защищать урду, частью перебрались на противоположный берегъ ручья и открыли по колоннѣ огонь изъ фальконетовъ, все болѣе и болѣе усиливающійся, но весьма мало дѣйствительный благодаря темнотѣ.

Урда Учъ-Кургана лежала на противоположномъ берегу рѣчки, на значительной высотѣ, крутымъ яромъ спускающейся къ рѣчкѣ, дѣлающей въ этомъ мѣстѣ извилину. Длинный мостъ велъ къ подошвѣ высоты, на которой расположена урда и затѣмъ дорога спиралью поднималась къ ея вершинѣ. Урда состояла изъ двухъ отдѣльныхъ частей: въ первой помѣщался самъ Пуланъ-ханъ, его свита и находилось все его имущество, а вторую часть составляла батарея изъ пяти мѣдныхъ орудій и сарбазскій дворъ. Батарея была расположена на четыреугольной площадкѣ и командовала надъ всѣмъ кишлакомъ. Одинъ фасъ ея примыкалъ къ стѣнѣ сарбазскаго двора, по двумъ другимъ были расположены орудія, а четвертый фасъ былъ барикадированъ арбами.

Опрокидывая и закалывая всѣхъ сопротивляющихся, колонна, преслѣдуя бѣгущихъ, перебѣжала черезъ мостъ и ворвалась въ ворота урды. Совершенно неожидавшіе нападенія ночью и объятые паническимъ страхомъ, защитники первой части урды сопротивлялись слабо. Всѣ, неуспѣвшіе спастись бѣгствомъ, были переколоты. Оставивъ въ этой части конныхъ стрѣлковъ подъ начальствомъ прапорщика Кудрявцева, капитанъ Куропаткинъ съ нѣсколькими стрѣлками и казаками бросился во вторую часть урды.

Защитники батареи и сарбазскаго двора, нѣсколько опомнившіеся, встрѣтили колонну сильнымъ огнемъ, но стрѣлки и казаки безъ выстрѣла овладѣли завалomъ и послѣ отчаяннаго сопротивленія перекололи штыками защитниковъ батареи, которые почти всѣ полегли у своихъ орудій; только нѣкоторые изъ нихъ пробовали спастись, бросаясь въ рѣчку съ высокаго обрыва.

Первымъ перелѣзъ черезъ завалъ и вскочилъ на батарею начальникъ колонны капитанъ Куропаткинъ въ сопровожденіи трехъ стрѣлковъ—Федора Сикидина, Евстафія Шнукова и горниста Ивана Карабанова. Минутъ 10 спустя, послѣ того какъ штурмовая колонна вступила въ кишлакъ, прибылъ эшелонъ войсковаго старшины Герасимова (дивизіонъ артилеріи и три сотни казаковъ) и артилерія тотчасъ же заняла позицію на вершинѣ обрыва надъ кишлакомъ для обстрѣливанія дороги изъ Учъ-Кургана въ Маргеланъ.

2-я Оренбургская и 2-я Сибирская сотни и ракетная батарея были приготовлены для поддержанія штурмовой колонны, а 5-я Орен-

бургская и 5-я Сибирская сотни выстроились за правымъ флангомъ уступомъ и были готовы двигаться на перерѣзъ непріятелю, если бы онъ вздумалъ броситься по Маргеланской дорогѣ. Вскорѣ показались вдали значительныя массы непріятеля, направлявшагося изъ кишлака противъ праваго фланга расположенія главныхъ силъ отряда. Открытый противъ нихъ съ близкаго разстоянія артилерійскій огонь заставилъ ихъ повернуть назадъ и затѣмъ эти массы, потерпѣвъ большой уронъ, были окончательно разсѣяны двинутыми противъ нихъ 5-й Оренбургской и 5-й Сибирской сотнями. Въ это же время есаулъ Мелянинъ изрубилъ значительныя толпы непріятеля, пытавшагося прорваться на вьючную Каратегинскую дорогу.

Считая занятіе урды обезпеченнымъ и не находя преслѣдованіе разсыпавшихся въ разныя стороны небольшихъ конныхъ партій внѣ кишлака удобнымъ въ виду утомленія лошадей и темноты, начальникъ отряда приказалъ всѣмъ остальнымъ частямъ отряда двинуться въ кишлакъ, имѣя въ головѣ и въ хвостѣ спѣшенныя казачьи части. Весь отрядъ на ночь былъ расположенъ въ урдѣ.

Трофеями этого дѣла были 5 мѣдныхъ орудій, болѣе 100 фальконетовъ, собственные бунчуки и щиты Пулатъ-хана и его наиба Абдулла-Мумына, множество разнаго рода оружія, пороха и артилерійскихъ снарядовъ, все имущество Пулатъ-хана и болѣе 200 принадлежащихъ ему верблюдовъ. Уронъ непріятеля былъ огромный.

Вся его пѣхота, защищавшая урду и орудія, была переколота, кавалерія частью уничтожена, частью разсѣялась; самъ Пулатъ-ханъ едва спасся съ 10-ю джигитами, забывъ второпяхъ даже костыль, съ которымъ онъ всегда ходилъ, вслѣдствіе перелома ноги во время ночного нападенія на его лагерь 4-го октября 1875 года. Наши потери, благодаря неожиданности, были незначительны. Онѣ заключались въ шести раненыхъ (въ томъ числѣ два джигита) и въ пяти контуженныхъ.

По распредѣленіи всего нашего отряда въ урдѣ на ночлегъ, тотчасъ было написано и отправлено донесеніе начальнику Наманганскаго дѣйствующаго отряда о взятіи Учъ-Кургана и приказаніе капитану Іонову возвратиться на другій день съ пѣхотой въ Ассаке.

Обратное движеніе отряда началось на другой день только въ 10 часовъ утра, вслѣдствіе необходимости переловить казенныхъ верблюдовъ и отыскать лошадей подъ отбитыя орудія и для своза имущества Пулатъ-хана.

Погода 28-го января стояла сырая и весь день шелъ сильный снѣгъ, вслѣдствіе чего рѣшено было вести отрядъ безостановочно до

Ассаке, куда онъ и прибылъ только къ 11-ти часамъ ночи, сдѣлавъ въ этотъ день болѣе 60-ти верстъ. Благодаря распорядительности капитана Іонова, въ Ассаке ко времени прихода отряда были уже приготовлены юрты, сварена пища и заготовленъ фуражъ, такъ что утомленные люди, сдѣлавшіе въ послѣдніе 1½ сутки около 150 верстъ, тотчасъ были накормлены и расположились на отдыхъ. Кромѣ того, капитанъ Іоновъ весьма предусмотрительно выслалъ къ кишлаку Ніязъ-Батыръ 40 арбяныхъ лошадей, которые смѣнили усталыхъ лошадей подъ отбитыми орудіями. Утромъ, 29-го января, въ Ассаке прибыли 15 орудій, одна мортира и спаряды, присланные изъ Маргелана. По свѣдѣніямъ оказалось, что извѣстіе о нашей побѣдѣ въ Учъ-Курганѣ понудило жителей Маргелана выслать немедленно свои орудія къ намъ.

По приказанію начальника Наманганскаго дѣйствующаго отряда, 29-го января, отрядъ ротмистра барона Меллера-Закомельскаго двинулся изъ кишлака Ассаке и къ 11-ти часамъ вечера уже былъ въ Андижанѣ.

Донося о штурмѣ укрѣпленнаго кишлака Учъ-Курганъ временно командующему Наманганскимъ дѣйствующимъ отрядомъ, флигель-адъютантъ баронъ Меллеръ-Закомельскій свидѣтельствуетъ, что всѣ гг. офицеры, казаки и солдаты исполнили трудный переходъ молодцами и что во время атаки и штурма Учъ-Кургана въ особенности заслужили похвалу и отличились: начальникъ штурмовой колонны, причисленный къ генеральному штабу капитанъ Куропаткинъ, командиръ 1-й Сибирской сотни сотникъ Десятовъ, командиръ 2-го эскадрона конныхъ стрѣлковъ прапорщикъ Кудрявцевъ и командиръ 1-й Оренбургской сотни есаулъ Мелянинъ, а также сотникъ Байтоковъ, всѣ распросныя свѣдѣнія котораго о непріятелѣ были весьма полезны и потвердились вполнѣ [1]).

Съ своей стороны начальникъ Наманганскаго дѣйствующаго отряда Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Скобелевъ въ рапортѣ временнокомандующему войсками Туркестанскаго военнаго округа [2]) называетъ штурмъ Учъ-Кургана «поистинѣ молодецкимъ подвигомъ, свидѣтельствующимъ о высокомъ нравственномъ духѣ кавалеріи ввѣреннаго ему отряда» и выражаетъ надежду, что этотъ подвигъ удостоится благосклоннаго вниманія начальства.

Какъ уже было сказано ранѣе, послѣ цѣлаго ряда побѣдъ, одер-

[1]) Рапортъ отъ 31-го января 1876 г., № 20.
[2]) Рапортъ отъ 2-го февраля 1876 г., № 111.

жанныхъ русскими и закончившихся блестящимъ штурмомъ Учъ-Кургана, возмутившіеся элементы населенія Кокандскаго ханства окончательно убѣдились въ томъ, что борьба съ русскими имъ не по силамъ, тѣмъ болѣе, что значительная часть мирнаго и трудолюбиваго населенія, сильно страдавшаго отъ междоусобій, никогда не сочувствовала безпокойному меньшинству, возбуждавшему остальныхъ къ мятежамъ, лишь благодаря насилію, и въ глубинѣ души всегда симпатизировала русскимъ, подъ управленіемъ которыхъ населеніе могло безбоязненно предаваться своимъ обычнымъ занятіямъ. Мѣстные жители совершенно искренно радовались, когда депутаціи отъ важнѣйшихъ населенныхъ пунктовъ Маргелана, Оша, Кокана, Узгена и многихъ другихъ одна за другой являлись въ Андижанъ для изъявленія начальнику Наманганскаго дѣйствующаго отряда Свиты Его Величества генералъ-маіору Скобелеву покорности и выраженія желанія перейти въ подданство Бѣлаго Царя.

Ясно выраженное желаніе бо́льшей части населенія сдѣлаться подданными Государя Императора и двусмысленное поведеніе нашего кандидата на кокандскій престолъ, Насръ-Эддина, уже доказавшаго на дѣлѣ свое безсиліе и неумѣніе справиться съ своимъ положеніемъ, несмотря на мощную поддержку русскихъ, а за послѣднее время поддавшагося враждебному вліянію фанатическаго мусульманскаго духовенства, которому онъ, въ надеждѣ усилить этимъ свою власть, поклялся даже не прекращать «хазавата» до послѣдней возможности, а также необходимость принятія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ водворенію въ ханствѣ спокойствія, для улучшенія благосостоянія края, разстроеннаго въ конецъ народными волненіями—все это привело Туркестанскаго генералъ-губернатора къ мысли о необходимости присоединенія Кокандскаго ханства къ Россійской Имперіи.

Испросивъ на это Высочайшее соизволеніе, Туркестанскій генералъ-губернаторъ и командующій войсками Туркестанскаго военнаго округа отдалъ приказаніе занять столицу ханства г. Коканъ нашими войсками, входившими въ составъ Наманганскаго дѣйствующаго отряда. Исполняя это приказаніе, начальникъ отряда генералъ Скобелевъ двинулъ войска къ городу Кокану нѣсколькими колоннами, движеніе которыхъ походило на тріумфальное шествіе, такъ какъ повсюду войска были встрѣчаемы массами народа, выходившаго для изъявленія покорности, а ночью путь ихъ освѣщался кострами.

Въ кишлакѣ Акъ-мулла, въ 16-ти верстахъ отъ гор. Кокана, генералъ Скобелевъ былъ встрѣченъ 7-го февраля депутаціей отъ столицы, передавшей ему 29 орудій [1]). Въ этотъ же день были заняты нашими передовыми войсками одни изъ городскихъ воротъ Нау-Бухара, а на слѣдующій день, 8-го февраля, въ 11 часовъ утра, войска вступили въ городъ и заняли урду (ханскій дворецъ и цитадель). Кавалерійскій отрядъ флигель-адъютанта барона Меллера-Закомельскаго присоединился къ отряду генерала Скобелева 7-го февраля, пройдя отъ Андижана 140 верстъ въ 31 часъ. На пути этотъ отрядъ тоже былъ встрѣчаемъ народомъ съ восторгомъ и по просьбѣ жителей Маргелана прошелъ черезъ этотъ городъ, улицы котораго были иллюминованы.

Пѣхота Наманганскаго дѣйствующаго отряда, подъ командой полковника Комарова, выступила изъ кишлака Киргизъ-Курганъ на правомъ берегу Сыръ-Дарьи въ 9 часовъ утра, 6-го февраля, и, пройдя 50 верстъ, прибыла въ кишлакъ Буалды (Бувайды) лишь въ 1 часъ ночи, такъ какъ была задержана около 8-ми часовъ на переправѣ черезъ Сыръ-Дарью. Акъ-Джарскій отрядъ вступилъ въ городъ Коканъ тоже 8-го февраля.

Движеніе всѣхъ колоннъ на соединеніе въ гор. Коканъ было совершено съ замѣчательною быстротой, причемъ части явились въ полномъ порядкѣ, несмотря на то, что имъ пришлось сдѣлать переходы, значительно превышающіе по величинѣ всѣ общепринятыя уставныя нормы. Такъ, напримѣръ, кавалерія прошла изъ Андижана 140 верстъ всего лишь въ 31 часъ, а взводъ пѣшей артилеріи подъ начальствомъ поручика Шоболова прошелъ на соединеніе съ отрядомъ генерала Скобелева и затѣмъ съ нимъ вмѣстѣ болѣе 100 верстъ въ одни сутки.

Высочайшее повелѣніе о присоединеніи Кокандскаго ханства къ Россійской Имперіи подъ именемъ Ферганской области, названной такъ по древнему историческому имени верхней части долины рѣки Сыръ-Дарьи, состоялось и было объявлено всенародно въ городѣ Коканѣ 19-го февраля 1876 года лично временно командовавшимъ войсками округа генералъ-лейтенантомъ Колпаковскимъ, прибывшимъ для этой цѣли изъ Ташкента.

Такъ совершилось присоединеніе къ Россіи одного изъ самыхъ большихъ средне-азіатскихъ ханствъ съ населеніемъ свыше миліона и съ площадью территоріи, превышающей 2½ тысячи кв. миль, и

[1]) При занятіи города Кокана было найдено и отобрано всего 62 орудія и большіе запасы пороха и боевыхъ снарядовъ.

хотя военныя дѣйствія во вновь образованной области еще долго продолжались, но они уже имѣли, такъ сказать, домашній характеръ и заключались, главнымъ образомъ, въ подавленіи мѣстныхъ возстаній и уничтоженіи разбойничьихъ шаекъ, то и дѣло появлявшихся въ разныхъ мѣстахъ области и причинявшихъ много хлопотъ нашей администраціи и войскамъ.

Назначенный 2-го марта 1876 г. военнымъ губернаторомъ вновь образованной Ферганской области и командующимъ войсками, въ ней расположенными, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Скобелевъ со свойственной ему энергіей принялся за дѣло умиротворенія края и водворенія въ немъ прочнаго порядка, при которомъ стали бы невозможными волненія, возникавшія нерѣдко изъ-за ничтожныхъ причинъ, а мирное населеніе получило бы полную безопасность и спокойствіе. Причинъ для волненія въ присоединенной области было немало и почва для нихъ была подготовлена предъидущими событіями въ теченіе многихъ лѣтъ. Разнородное и безпокойное населеніе Ферганы издавна привыкло къ безпорядкамъ. Авторитетъ власти поддерживался только силою оружія и суровою расправой, безпощадно примѣнявшейся всюду, гдѣ только замѣчалось малѣйшее неудовольствіе существовавшимъ порядкомъ, причемъ избивались не единичныя личности, а цѣлыя массы. Но и эти средства часто оказывались безсильными...

Все населеніе ханства дѣлилось на племена, сильнѣйшими изъ которыхъ были кипчаки и сарты (узбеки). Эти двѣ главныя части населенія Ферганы издавна боролись за преобладаніе въ странѣ, и то одна, то другая изъ нихъ забирали власть въ свои руки. Другія части населенія тоже невсегда были готовы подчиняться установившемуся правительству и, напримѣръ, каракиргизы, рѣдко споривше за преобладаніе въ странѣ, употребляли однако всѣ мѣры къ охраненію своей независимости, а если и подчинялись признанному въ странѣ хану, то такое подчиненіе было скорѣе номинальное, чѣмъ дѣйствительное. Еще тѣ киргизы, которые осенью сходили съ горъ въ долину, признавали хановъ въ силу необходимости; но, напримѣръ, найгуты и абагатцы никогда не подчинялись никакой власти, кромѣ своихъ біевъ, и Худояръ-ханъ въ теченіе 20-ти лѣтъ не могъ заставить ихъ повиноваться.

При подобномъ состояніи страны не было прочнаго правительства и сами ханы такъ и понимали свое положеніе: они нисколько не заботились о сближеніи съ народомъ и объ упроченіи своего престола, а опираясь на свою партію, старались лишь не опустить

времени для личнаго своего обогащенія. Зато и народъ видѣлъ въ своемъ ханѣ не законнаго правителя, а лишь наиболѣе счастливаго изъ многочисленныхъ претендентовъ на престолъ и терпѣлъ его пока не представлялся случай низвергнуть стараго хана и провозгласить новаго, на котораго почему либо возлагались лучшія надежды. Въ случаѣ, если возлагаемыя на новаго избранника надежды народа не оправдывались, его смѣнялъ другой счастливецъ, а примѣръ Худояръ-хана, который во время своего царствованія былъ трижды изгоняемъ изъ ханства, показываетъ, что нерѣдко случалось даже возвращеніе прежнихъ правителей, уже побывавшихъ у власти. Все это пріучило народъ къ анархіи и политическая агитація стала потребностью населенія.

Сохраненіе спокойствія въ такой странѣ являлось, безъ сомнѣнія, дѣломъ чрезвычайно труднымъ, но, благодаря дружнымъ усиліямъ войскъ и администраціи, дѣйствовавшихъ по личнымъ указаніямъ и подъ руководствомъ генерала Скобелева, къ 1-му января 1877 года, т. е. всего лишь черезъ 10 мѣсяцевъ послѣ присоединенія Коканскаго ханства, мы достигли такихъ результатовъ, какихъ трудно было ожидать. Въ своемъ докладѣ о политическомъ состояніи Ферганской области, представленномъ Туркестанскому генералъ-губернатору генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману 1-му, генералъ Скобелевъ говоритъ, что, благодаря удачнымъ мѣрамъ, принятымъ для умиротворенія края, результаты, достигнутые въ этомъ отношеніи, были положительно блестящи и конецъ бурно-начавшагося 1876 года ознаменовался полнымъ и повсемѣстнымъ спокойствіемъ и даже время сбора зякета и составленія записей для хераджа и танапа прошло спокойно [1]). Тѣмъ не менѣе онъ находилъ, что дѣло водворенія среди населенія области полнаго спокойствія далеко еще нельзя было считать законченнымъ, и что для умиротворенія края необходимо было принять цѣлый рядъ мѣръ, строго соображенныхъ съ характеромъ различныхъ частей населенія и той ролью, какую эти части играли въ жизни Коканскаго ханства.

По мнѣнію генерала Скобелева, хотя большая часть осѣдлаго сартовскаго населенія и встрѣтила приходъ русскихъ вполнѣ сочувственно, но и ея спокойствіе было еще далеко ненадежно и нужно было ждать нѣсколько лѣтъ, пока эта, наиболѣе внушавшая довѣріе

[1]) Хераджъ—десятое зерно съ зерновыхъ продуктовъ; танапъ—десятая часть съ незерновыхъ продуктовъ, напримѣръ: овощей, фруктовъ, хлопка и т. п.

часть населенія, вполнѣ освоится съ своимъ новымъ положеніемъ и во-очію убѣдится въ томъ, что находиться подъ владычествомъ русскихъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ пытаться возвращаться къ прежнему порядку, и что мечты о ханскихъ временахъ не имѣютъ никакихъ шансовъ къ осуществленію.

Въ средѣ населенія осталось много враждебныхъ намъ элементовъ: это тѣ служилые ханскіе люди и преимущественно духовенство, которые съ приходомъ нашимъ потеряли не только прежнее вліяніе, но также и средства къ безбѣдному существованію. Эти люди, хорошо знающіе свою среду и ея слабости, въ надеждѣ вернуть старое, были способны агитировать противъ русскихъ при всякомъ удобномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что при этомъ они ничего не могли потерять.

Чтобы оградить населеніе отъ вреднаго вліянія такихъ политически-неблагонадежныхъ личностей, за ними былъ учрежденъ самый строгій надзоръ, а многіе изъ нихъ были даже немедленно арестованы и высланы за предѣлы Ферганы, въ томъ числѣ и Абдурахманъ-автобачи, а также и бывшій коканскій ханъ Насръ-Эддинъ, безпрекословно примирившійся съ совершившимся фактомъ уничтоженія самостоятельности его отечества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, были приняты самыя энергичныя мѣры къ изъятію изъ обращенія среди населенія массы разнаго оружія и огнестрѣльныхъ припасовъ, которые отбирались администраціей въ значительномъ количествѣ, особенно въ первое время.

Другая часть населенія, кипчаки, со времени сдачи Абдурахмана-автобачи въ Инду-Кишлакѣ, честно исполняли слово, данное за нихъ ихъ представителемъ и за все время не дали ни малѣйшаго повода къ неудовольствію, несмотря на то, что прежде они были самые непримиримые наши враги.

Ближайшее знакомство съ кипчаками приводитъ къ убѣжденію, что они такъ часто управляли судьбами Коканскаго ханства, не случайно, а благодаря своей безусловной воинственности и способности къ дисциплинѣ. Поэтому можно было быть увѣреннымъ, что серьезные безпорядки въ Ферганской области немыслимы, если кипчаки не будутъ принимать въ нихъ дѣятельнаго участія, а это обстоятельство налагало на русскую власть обязанность относиться къ нимъ съ крайнимъ вниманіемъ и осмотрительностью, поставивъ одной изъ главнѣйшихъ, если не самой главной, задачей высшей администраціи въ области—сближеніе съ кипчакскимъ населеніемъ и внушеніе ему къ себѣ довѣрія и уваженія... Какъ со всякимъ народомъ, способнымъ владѣть оружіемъ, съ кипчаками, по мнѣнію генерала Скобелева, слѣдовало обращаться «*твердо, но съ сердцемъ*»...

Совершенно противоположный типъ представляли изъ себя кара-киргизы, заселяющіе преимущественно восточную и южную часть Ферганской области. Это не тѣ кара-киргизы, которыхъ мы встрѣчаемъ въ предѣлахъ Семирѣченской области и которые издавна были удалены исторіей отъ растлѣвающаго вліянія духовенства и властей Кокана и Кашгара, въ особенности во время распрей между различными отраслями правившихъ ходжей; зная лишь своихъ родовыхъ манаповъ и подчиняясь имъ безусловно, эти кара-киргизы въ значительной степени сохранили тѣ добрыя свойства, которыя характеризуютъ киргизскую расу, а именно, прямоту и честность... Совсѣмъ не таковы были ферганскіе кара-киргизы. Жестокость и безсиліе бывшихъ властителей Ферганы, близость къ правительственнымъ центрамъ и другія причины деморализовали ихъ окончательно. Вслѣдствіе этого они не внушали симпатіи, какъ кипчаки, но и не вызывали также серьезныхъ опасеній. Правда, они способны были надѣлать много хлопотъ, но, вслѣдствіе недостатка единства и совершеннаго отсутствія личной доблести, никогда не могли сдѣлаться грозными. Во всякомъ случаѣ спокойствіе ихъ было лишь кажущимся. Только движеніе нашихъ войскъ лѣтомъ 1876 года въ самое сердце ихъ кочевокъ—Алай, считавшійся неприступнымъ, и избіеніе шайки Джитымъ-хана заставили ихъ подчиниться существующему порядку. Это вынужденное подчиненіе было, разумѣется, далеко не искреннимъ и, по мнѣнію генерала Скобелева, оно должно было оставаться таковымъ до того времени, пока не будетъ окончена большая Алайская дорога, ибо только, сдѣлавъ ихъ трущобы доступными, можно было пошатнуть въ нихъ вѣру въ возможность безнаказанно производить безпорядки. Даже разработка небольшаго участка дороги отъ г. Ошъ до укрѣпленія Гульчи имѣла огромное нравственное вліяніе на кочевое населеніе, зимующее въ этой мѣстности.

Таковъ въ общихъ чертахъ былъ взглядъ генерала Скобелева на характеръ нашихъ отношеній къ различнымъ частямъ населенія Ферганы, въ зависимости отъ его племенныхъ особенностей, взглядъ, придерживаясь котораго на практикѣ, Скобелевъ достигъ такихъ блестящихъ результатовъ въ весьма короткій срокъ.

Всматриваясь въ настроеніе какъ кочеваго, такъ и осѣдлаго населенія Ферганы и принимая въ соображеніе все вышеизложенное, генералъ Скобелевъ признавалъ необходимымъ, для обезпеченія спокойствія въ области и предупрежденія появленія на будущее время

шаекъ барантачей, выставить въ 1877 году на лѣтнее время въ нѣкоторыхъ пунктахъ особые отряды, а именно:

1) На Алаѣ, для наблюденія за кочевымъ населеніемъ и для постояннаго освѣщенія мало-алайскаго хребта, на время съ мая мѣсяца, когда позволятъ снѣга, до сентября, когда кара-киргизы начнутъ спускаться съ лѣтовокъ въ долину, выставить отрядъ изъ одной роты пѣхоты, двухъ горныхъ орудій, роты конныхъ стрѣлковъ и трехъ казачьихъ сотенъ, а какъ дополненіе къ этому отряду поставить въ Наукатѣ для прикрытія долины одну сотню съ двумя ракетными станками.

2) Въ Узгенѣ, или Ойталѣ, для наблюденія за кочевниками восточной части области и отстраненія вреднаго для насъ вліянія присутствія кашгарской власти, въ долинѣ притоковъ Сыръ-Дарьи выставить отрядъ изъ одной роты пѣхоты и двухъ горныхъ орудій, а въ дополненіе къ нему поставить въ Базаръ-курганѣ и Джалалъ-абадѣ полусотню казаковъ для наблюденія за выходами изъ горъ, отдѣляющихъ Ауліатинскій и Ташкентскій уѣзды, въ долину Икесу-арасы, а также, если понадобится, выставить посты въ направленіи къ Чаткалу.

3) Въ Вуадилѣ для наблюденія за сохскими кочевниками выставить отрядъ изъ двухъ сотенъ.

4) Въ Исфарѣ одну роту пѣхоты.

5) Въ Ляйлякѣ полусотню казаковъ, при одномъ ракетномъ станкѣ.

Командующій войсками округа вполнѣ одобрилъ эти предположенія и разрѣшилъ привести ихъ въ исполненіе, при условіи, чтобы занятіе Ойтала было отложено до выясненія начатыхъ уже переговоровъ съ кашгарскимъ бадаулетомъ Якубъ-Бекомъ.

Осуществленіе этого предположенія генерала Скобелева, уѣхавшаго въ дѣйствующую противъ турокъ армію на европейскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, было исполнено его преемникомъ генералъ-маіоромъ Абрамовымъ и принесло несомнѣнную пользу дѣлу умиротворенія населенія Ферганы, особенно же кочевниковъ-кара-киргизовъ, убѣдивъ и эту часть населенія области въ томъ, что борьба съ русскими имъ совсѣмъ не по силамъ и что имъ необходимо безпрекословно подчиниться требованіямъ русскихъ властей и навсегда отказаться отъ тѣхъ вольностей, которыми они пользовались въ ханскія времена.

А. Серебренниковъ.

КЪ ИСТОРІИ КОКАНСКАГО ПОХОДА [1]).

(Съ картой).

(Статья первая).

I.

Заключеніе мирнаго договора съ ханомъ Кокандскимъ Насръ-Эддиномъ.—Присоединеніе къ Россійской Имперіи части ханства и образованіе Наманганскаго отдѣла.—Возвращеніе генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана въ Ходжентъ.—Положеніе дѣлъ въ Наманганскомъ отдѣлѣ.—Движеніе генерала Скобелева къ Тюря-Кургану и взятіе этого кишлака штурмомъ 23-го октября.—Дѣла подъ Наманганомъ 24-го, 25-го и 26-го октября и штурмъ этого города.—Разбитіе скопищъ кипчаковъ при урочищѣ Ташъ-бала 8-го ноября.—Взятіе штурмомъ кишлака Балыкчи 12-го ноября [2]).

Послѣ боя съ огромнымъ скопищемъ коканцевъ подъ Махрамомъ и удачнаго штурма этой крѣпости 22-го августа 1875 г. генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, командовавшій войсками, дѣйствовавшими въ Коканскомъ ханствѣ, всеподданнѣйше донесъ Государю Императору телеграмой объ этомъ событіи и засвидѣтельствовалъ предъ Его Императорскимъ Величествомъ, что войска вели себя славно, молодецки и что дѣло это было сдѣлано чисто.

Донеся, что непріятель понесъ полное пораженіе и что впечатлѣніе побѣды огромное, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ присовокупилъ, что онъ затрудняется опредѣлить всѣ послѣдствія боя подъ Махрамомъ и рѣшилъ продолжать движеніе на городъ Коканъ, столицу ханства, какъ только прибудутъ изъ Ходжента интендантскій и артилерійскій транспорты.

---

[1]) См. «Военный Сборникъ» 1897 г., № 9 и 1899 г., № 4. [2]) Статья эта составлена по официальнымъ даннымъ.

Въ ожиданіи этихъ транспортовъ, 24-го августа, на бивакѣ подъ Махрамомъ, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ получилъ телеграму отъ военнаго министра генералъ-адъютанта Милютина, въ которой сообщалось, что Государь Императоръ весьма доволенъ успѣшными дѣйствіями противъ коканцевъ нашихъ войскъ, оправдавшихъ и на сей разъ ожиданія Его Величества и что коканцамъ слѣдуетъ нанести примѣрное наказаніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалось, что Государь Императоръ желаетъ, чтобы безъ крайней необходимости наши войска не оставлялись въ коканскихъ владѣніяхъ и что, благодаря громадному разстоянію, недостатку средствъ передвиженія и неблагопріятному для этого времени года, не представлялось возможнымъ разсчитывать въ скоромъ времени на прибытіе съ Волги подкрѣпленій, которыя понадобились бы въ этомъ случаѣ.

Такимъ образомъ вопросъ объ участи Коканскаго ханства даже на случай полнаго успѣха дѣйствій нашихъ войскъ предрѣшался и притомъ въ смыслѣ крайне благопріятномъ для коканцевъ и столь же нежелательномъ для насъ.

Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, которому положеніе дѣлъ въ Туркестанѣ было отлично извѣстно, никакъ не могъ согласиться съ подобнымъ рѣшеніемъ вопроса и въ тотъ же день телеграфировалъ военному министру, что если не занять Коканское ханство, то въ случаѣ переворота въ Бухарѣ подобнаго тому, какой случился теперь въ Коканѣ, мы не будемъ имѣть средствъ противостать мусульманскому движенію столь же энергично и успѣшно, такъ какъ нельзя будетъ ручаться, что повтореніе подобной вспышки въ Бухарѣ не вызоветъ къ участію въ дѣйствіяхъ противъ насъ и Кашгара, причемъ коканцы, какъ бы они ни были наказаны теперь, безъ сомнѣнія, двинутся противъ насъ и тогда намъ придется дѣйствовать на двѣ стороны сразу.

По мнѣнію генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана настоящія событія указывали на то, что намъ положительно необходимо занять въ Коканскомъ ханствѣ выгодную позицію, что войска Туркестанскаго округа необходимо усилить нѣсколькими частями и что если эти части будутъ отправлены немедленно, то онѣ успѣютъ прибыть въ Ташкентъ въ концѣ октября, или въ началѣ ноября, т. е. по мѣстнымъ климатическимъ условіямъ въ довольно благопріятное время года.

Хотя Государю Императору и неблагоугодно было вполнѣ согласиться съ доводами генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана относительно необходимости занятія Коканскаго ханства нашими войсками и ему предложено было установить въ ханствѣ туземное правленіе по примѣру Хивы, но тѣмъ не менѣе сдѣлано было распоряженіе объ усиленіи войскъ края сформированіемъ двухъ линейныхъ баталіоновъ и выкомандированіемъ изъ Оренбургскаго и Уральскаго казачьихъ войскъ четырехъ сотенъ.

Вслѣдъ за этимъ военный министръ сообщилъ, что Государь Императоръ изволилъ съ особеннымъ удовольствіемъ прочесть двѣ телеграмы о сдачѣ Кокана и признаніи хана—Задэ—ханомъ коканскимъ, благодаря чему осуществляется Высочайшая воля и окончательно устраняется необходимость занятія ханства нашими войсками и что отъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана зависитъ оставить на время наблюдательный отрядъ, гдѣ онъ признаетъ это нужнымъ, не предрѣшая лишь вопроса о пограничной линіи впредь до болѣе подробнаго письменнаго разъясненія [1]).

Это послѣднее обстоятельство дало генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману возможность подробно высказать свои взгляды [2]) на данный вопросъ и соображенія, по которымъ было необходимо занять нашими войсками если не все ханство, то, по крайней мѣрѣ, присоединить къ нашимъ владѣніямъ часть его, находящуюся на правомъ берегу рѣкъ Сыръ-Дарьи и Нарына и составлявшую Наманганское бекство. Наманганское бекство было присоединено къ Россійской Имперіи съ образованіемъ изъ него Наманганскаго отдѣла.

Присоединеніе Наманганскаго отдѣла представлялось чрезвычайно выгоднымъ и необходимымъ по разнымъ соображеніямъ.

Какъ показали послѣднія событія, въ населеніи Коканскаго ханства въ лицѣ кипчаковъ, каракиргизовъ и другихъ полуосѣдлыхъ родовъ, населявшихъ преимущественно восточную часть ханства, существовалъ такой элементъ, который представлялъ дикую, необузданную силу, отличался воинственностью и былъ всегда склоненъ къ насиліямъ и безпорядку.

Кипчаки и каракиргизы были всегда грозою для прочихъ народностей ханства, далеко не всегда подчинялись власти хана и если до событій, имѣвшихъ мѣсто въ августѣ 1875 года, не было случаевъ проявленія враждебнаго настроенія этихъ народностей собственно противъ русскихъ, то лишь только потому, что главная масса кочевьевъ ихъ удалена отъ нашей границы, а также и

[1]) Телеграма отъ 3-го сентября 1875 г. изъ Батурина. [2]) Письмо военному министру отъ 13-го сентября.

вслѣдствіе того, что необузданные и своевольные кипчаки и каракиргизы заняты были своими дѣлами и счетами съ Коканскимъ ханомъ и сдерживались его сильной и твердой рукой.

Все ханствованіе Худояръ-хана представляетъ рядъ войнъ и борьбы его съ этимъ непокорнымъ, войнолюбивымъ элементомъ подвластнаго ему населенія.

Въ іюлѣ 1875 года Худояръ-ханъ не устоялъ, однако, въ этой борьбѣ, что и вызвало катастрофу, причемъ событія сложились такъ, что силою нашего оружія кипчакамъ и каракиргизамъ былъ нанесенъ ударъ и они получили хорошій урокъ и если бы Коканское ханство было занято русскими войсками и присоединено къ нашимъ владѣніямъ, то рядомъ послѣдующихъ мѣропріятій намъ легко было бы окончательно привести ихъ къ порядку и подчинить нашимъ требованіямъ.

Въ случаѣ же, если бы наши войска должны были возвратиться изъ Коканскаго ханства, не было бы увѣренности, что смирившееся подъ нашими ударами населеніе ханства снова не произведетъ безпорядковъ и волненій въ ханствѣ, тѣмъ болѣе, что новый ханъ коканскій Сеидъ-Магометъ Насръ-Эддинъ-ханъ въ первое время своего правленія не могъ имѣть ни матеріальныхъ средствъ, ни опытности въ управленіи страною, ни, наконецъ, твердости характера, необходимыхъ для того, чтобы держать въ повиновеніи столь безпокойное населеніе.

У Насръ-Эддинъ-хана не было даже войска, такъ какъ бывшая при его отцѣ вооруженная сила была вся распущена по домамъ и требовалось не мало времени и денежныхъ средствъ на сформированіе и организацію въ ханствѣ новыхъ войскъ, равно какъ требовалось не мало времени и на то, чтобы молодой ханъ, еще не опытный въ дѣлахъ правленія, выбралъ себѣ достойныхъ помощниковъ.

При такихъ условіяхъ не было никакихъ основаній разсчитывать, что только-что возстановленное спокойствіе въ ханствѣ долго сохранится и можно было быть увѣреннымъ, что новый ханъ при всемъ съ его стороны желаніи не будетъ имѣть возможности выполнить всѣхъ условій мирнаго договора и что съ уходомъ русскихъ войскъ за предѣлы ханства не замедлятъ повториться только-что совершившіяся событія.

Положеніе дѣлъ въ Коканскомъ ханствѣ было тождественно съ тѣмъ, какое мы застали въ 1873 году въ ханствѣ Хивинскомъ и которое было парализовано лишь благодаря присоединенію къ

Имперіи части территоріи ханства на правомъ берегу рѣки Аму-Дарьи и расположеніемъ тамъ самостоятельнаго отряда, готоваго во всякое время двинуться вглубь ханства для подавленія волненій, поддержанія хана и возстановленія порядка.

Такъ же точно и тутъ намъ необходимо было самимъ взять дѣло въ руки, а для сохраненія порядка и спокойствія въ ханствѣ противопоставить непокорному, необузданному элементу населенія восточной части ханства нашу вооруженную силу, которая могла бы во всякое данное время быстро появляться среди возмутившихся и наказывать ихъ за всякую попытку къ нарушенію общаго спокойствія.

Для достиженія этой цѣли представлялось совершенно необходимымъ занять нашимъ отрядомъ позицію на территоріи ханства на правомъ берегу Сыръ-Дарьи въ такъ называемомъ Наманганскомъ бекствѣ, устроить хорошую переправу черезъ рѣку по мосту и владѣть всѣми остальными переправами черезъ эту рѣку на протяженіи отъ сліянія рѣкъ Нарына и Кара-Дарьи внизъ до Ходжента.

Въ стратегическомъ отношеніи позиція въ Наманганѣ, занимающемъ центральное положеніе относительно всего Коканскаго ханства, должна была быть признана весьма удобной.

Владѣя Наманганомъ и имѣя въ составѣ расположеннаго на правомъ берегу р. Сыръ-Дарьи отряда значительную подвижную часть, можно было слѣдить за ходомъ дѣлъ въ Коканскомъ ханствѣ и, въ случаѣ надобности, направлять свои удары или въ сторону города Кокана, столицы ханства, или въ земли кипчаковъ и каракиргизовъ.

При такомъ положеніи спокойное, мирное развитіе дѣлъ въ ханствѣ могло бы считаться вполнѣ обезпеченнымъ, а наша граница—безопасной съ этой стороны.

Другая существенная выгода занятія праваго берега Сыръ-Дарьи заключалась въ томъ, что граница наша съ Коканскимъ ханствомъ отстояла всего лишь въ 80—100 верстахъ отъ Ташкента—центра нашей власти въ Средней Азіи, средоточія всѣхъ правительственныхъ учрежденій, торговли и складовъ товаровъ и это обстоятельство побуждало, конечно, отнести границу возможно далѣе, дабы сдѣлать такой важный пунктъ возможно болѣе безопаснымъ на случай повторенія событій, подобныхъ тѣмъ, какія имѣли мѣсто въ началѣ августа 1875 г., когда непріятельскія шайки появились вблизи отъ Ташкента и распространили въ средѣ

туземнаго населенія такую панику, о которой свидѣтельствуютъ всѣ очевидцы этихъ событій.

Правда, замѣшательство продолжалось весьма недолгое время и населеніе быстро успокоилось, какъ только непріятельскія скопища, вторгнувшіяся въ наши предѣлы, были вездѣ отбиты и прогнаны за границу, но все это объясняется лишь тѣмъ, что наши войска дѣйствовали безусловно успѣшно; но случись иначе, имѣй коканцы хотя бы одинъ малѣйшій успѣхъ, дѣло могло бы очень усложниться, такъ какъ подвластное намъ туземное населеніе свѣжо еще помнило нападенія на него кипчакскихъ и киргизскихъ ордъ во времена, предшествовавшія нашему владычеству, кончавшіяся для нихъ обыкновенно потерей или жизни, или всего достоянія и, разумѣется, не замедлило бы принять сторону сильнаго, какъ это практикуется у всѣхъ азіатскихъ народовъ и о чемъ свидѣтельствуютъ многіе историческіе примѣры.

Съ занятіемъ же Намангана и праваго берега Сыръ-Дарьи до впаденія въ нее Нарына наша граница съ Коканскимъ ханствомъ отодвигалась съ этой стороны слишкомъ на 250 верстъ отъ Ташкента, что въ совокупности съ выгоднымъ стратегическимъ положеніемъ новой позиціи въ Наманганѣ по отношенію къ Коканскому ханству, на берегу рѣки, почти неимѣющей бродовъ, совершенно обезпечивало и дѣлало безопаснымъ отъ всякихъ случайностей этотъ важный административный, военный и торговый центръ, подвергать который вторично случайностямъ было бы крайне неосторожно и рискованно.

Настоящая минута была самой удобной для того, чтобы измѣнить такое непормальное и невыгодное положеніе главнаго центра нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣній и сдѣлать его вполнѣ внутреннимъ пунктомъ этихъ владѣній, тѣмъ болѣе, что все сказанное относительно Ташкента всецѣло относилось также и до Кураминскаго уѣзда, мирное и спокойное развитіе жителей котораго, густо населяющихъ богатыя, многоводныя и чрезвычайно плодородныя долины рѣкъ Ангрена и въ особенности Чирчика, было, безъ сомнѣнія, крайне желательно.

Занятіе нами Наманганскаго раіона дѣлало болѣе безопаснымъ также и нашъ Ауліэ-Атинскій уѣздъ, по которому проходилъ почтовый трактъ и единственная въ то время телеграфная линія, связывавшая Туркестанскій край съ Россіей и на границахъ котораго во время коканскихъ волненій появлялись непріятельскія шайки, которыя почти безнаказанно могли прекратить всякое сообщеніе—почтовое и телеграфное.

Наконецъ, занятіе Наманганскаго раіона было весьма выгодно и въ томъ еще отношеніи, что мы ближе связывались съ нашимъ Нарынскимъ краемъ, который до того времени находился совершенно на отлетѣ, на вѣсу, былъ далекъ отъ резервовъ и почти безпомощенъ въ случаѣ внезапнаго открытія противъ него враждебныхъ дѣйствій со стороны Кашгара, такъ какъ единственное наше укрѣпленіе Нарынское съ гарнизономъ, состоявшимъ всего лишь изъ одной роты пѣхоты и сотни казаковъ, было, разумѣется, слишкомъ недостаточно для отраженія сколько-нибудь значительныхъ непріятельскихъ силъ со стороны Кашгара.

Ближайшая помощь могла быть выслана въ Нарынъ изъ города Каракола [1]), т. е. за 250 верстъ горной дороги и притомъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ, такъ какъ Караколъ, находящійся въ центрѣ многочисленнаго кочевого населенія Иссыкъ-Кульскаго уѣзда, въ средѣ котораго всегда могли явиться элементы, склонные къ возстанію, не могъ быть оставленъ безъ значительнаго гарнизона, тѣмъ болѣе, что изъ него же пришлось бы выдѣлять также части войскъ и на Кашгарскую границу для охраны прохода Музартъ и другихъ ущелій Тянь-Шаня. Другіе пункты квартированія нашихъ войскъ находились отъ Нарынскаго укрѣпленія еще далѣе, а именно Вѣрный—въ 305 верстахъ, Копалъ—въ 654 верстахъ и, наконецъ, Ташкентъ—главный резервъ, изъ котораго можно было, въ случаѣ надобности, выслать значительный отрядъ въ Нарынскій край, находился въ 850 верстахъ.

При занятіи же Наманганскаго раіона, въ случаѣ нападенія кашгарцевъ на Нарынское укрѣпленіе, представлялось возможнымъ направить часть войскъ изъ Намангана, отстоящаго отъ Нарынскаго укрѣпленія всего лишь на 350 верстъ, въ предвидѣніи чего необходимо было лишь устроить заблаговременно хорошую дорогу, разработка которой, впрочемъ, была полезна не только въ военномъ отношеніи, но необходима также и для оживленія и облегченія существовавшихъ уже торговыхъ сношеній Нарынскаго раіона съ Наманганскимъ, а слѣдовательно и со всѣмъ Коканскимъ ханствомъ.

Временное оставленіе нашего отряда въ предѣлахъ Коканскаго ханства, какъ предлагалось изъ Петербурга, генералъ-адъютантъ

[1]) Нынѣ Пржевальскъ.

фонъ-Кауфманъ считалъ совершенно безцѣльнымъ, такъ какъ на продолжительный срокъ оставлять его не представлялось возможнымъ въ виду того, что на все это время пришлось бы совершенно отказаться отъ правильнаго веденія строевыхъ занятій и хозяйства, благодаря чему, частямъ отряда былъ бы нанесенъ значительный ущербъ, а оставлять на короткій срокъ, не болѣе полутора-двухъ мѣсяцевъ, было безцѣльно въ виду того, что за это время молодой ханъ коканскій не въ состояніи былъ бы настолько укрѣпиться и упрочить свою власть, чтобы можно было совершенно успокоиться за будущее въ его владѣніяхъ и разсчитывать на то, что волненія снова не повторятся.

Въ виду всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ считалъ необходимымъ настаивать на совершенномъ занятіи нами бывшаго Наманганскаго бекства и на присоединеніи его къ Россійской Имперіи, почему въ письмѣ, отправленномъ 13-го сентября съ бивака подъ городомъ Маргеланомъ и просилъ военнаго министра какъ объ исходатайствованіи Высочайшаго повелѣнія на присоединеніе части территоріи Коканскаго ханства, съ образованіемъ изъ нея Наманганскаго отдѣла, такъ равно и объ увеличеніи численности войскъ округа, вызываемомъ необходимостью держать въ Наманганскомъ отдѣлѣ достаточно сильный самостоятельный отрядъ, сила котораго опредѣлялась, въ зависимости отъ роли его и положенія дѣлъ въ Коканскомъ ханствѣ, въ три баталіона пѣхоты, двѣ батареи и восемь казачьихъ сотенъ.

Въ ожиданіи Высочайшаго повелѣнія относительно присоединенія къ Россійской Имперіи части территоріи Коканскаго ханства генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ пригласилъ въ Маргеланъ коканскаго хана Насръ-Еддина для установленія съ нимъ условій мирнаго договора, который долженъ былъ служить основаніемъ нашихъ отношеній къ ханству, нарушенныхъ послѣ сверженія Худояръ-хана.

Условія эти были скоро выработаны и 22-го сентября 1875 года, или по мусульманскому исчисленію Рамазана четвертаго дня 1292 года въ лагерѣ подъ Маргеланомъ между туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ и Сеидъ-Магометъ-Насръ-Еддинъ-ханомъ коканскимъ былъ заключенъ договоръ, по которому коканскій ханъ призналъ себя покорнымъ слугою Императора Всероссійскаго и отказался отъ всякихъ непосредственныхъ и дружескихъ сношеній съ сосѣдними владѣ-

телями и ханами, и отъ заключенія съ ними какихъ-либо торговыхъ и другихъ договоровъ, а также обязался не предпринимать безъ вѣдома и разрѣшенія высшей русской власти въ Средней Азіи никакихъ военныхъ дѣйствій (§ 1).

Всѣ земли, лежащія на правомъ берегу Сыръ-Дарьи, начиная отъ прежней границы противъ урочища Абхурека вверхъ по рѣкѣ до впаденія въ нее рѣки Нарына и далѣе по правому берегу этой послѣдней, до прежней границы русскихъ владѣній на Нарынѣ, вблизи Кетмень-Тюбе ханъ коканскій уступилъ Россіи (§ 2), во владѣніе которой перешли также и всѣ переправы черезъ Сыръ-Дарью и Нарынъ по всей новой пограничной линіи и которая получила право устраивать впредь, гдѣ признаетъ нужнымъ, какъ переправы, такъ и мосты.

Подобное право коканскому хану не предоставлялось, Россія же, кромѣ того, получила право располагать на лѣвомъ коканскомъ берегу этихъ рѣкъ такою полосою земли, какая нужна для полнаго обезпеченія переправъ и мостовъ отъ всякихъ случайностей, а слѣдовательно, и строить въ тѣхъ мѣстахъ укрѣпленія, если то будетъ признано нужнымъ, располагая и всей землей, потребной для эспланады передъ укрѣпленіями (§ 3).

Крѣпость Махрамъ, какъ построенную съ цѣлью сопротивленія Россіи, ханъ коканскій обязался упразднить, а стѣны ея разрушить (§ 4).

Въ тѣхъ мѣстахъ на коканскихъ берегахъ Сыръ-Дарьи и Нарына, гдѣ окажется необходимымъ и удобнымъ, русскіе получили право устраивать свои пристани и склады для товаровъ, причемъ наблюденіе за безопасностью и сохранностью этихъ пристаней и складовъ возлагалось на коканское правительство, а утвержденіе выбранныхъ мѣстъ для пристаней предоставлялось высшей русской власти въ Средней Азіи.

Подобнымъ же правомъ устройства пристаней и складовъ на правомъ (русскомъ) берегу Сыръ-Дарьи и Нарына могли пользоваться коканскіе подданные, причемъ наблюденіе за сохранностью и безопасностью ихъ пристаней и складовъ приняло на себя русское правительство (§ 5).

Коканское правительство обязалось уплатить всѣ расходы русской казны, вызванные послѣдней войной съ ханствомъ, а также пополнить всѣ убытки частныхъ лицъ и обществъ, понесенные русскими подданными отъ внезапнаго вторженія коканскихъ войскъ въ русскіе предѣлы.

Размѣръ потребной на это суммы былъ опредѣленъ въ 600,000 рублей, уплата которыхъ, въ виду разстроеннаго положенія ханства, расхищенія ханской казны и недостаточности наличныхъ денегъ въ рукахъ коканскаго правительства была разсрочена слѣдующимъ образомъ: 250,000 рублей къ 1-му декабря 1875 г. 150,000 рублей къ 1-му мая 1876 г. и 200,000 рублей къ 1-му декабря 1876 года (§ 6).

Кромѣ того, коканское правительство обязалось вносить въ русскую казну ежегодно къ 1-му ноября, начиная съ 1876 года, по 500,000 рублей, причемъ на случай неисправной уплаты русское правительство получало право принимать такія мѣры, какія оно признаетъ необходимымъ для обезпеченія полученія слѣдующихъ ему денегъ (§ 7).

Всѣ города и селенія Коканскаго ханства, безъ исключенія, открывались для русскихъ купцовъ, равно какъ и всѣ русскіе рынки становились доступными торговцамъ коканскимъ, причемъ правительство и высшая русская власть въ Средней Азіи обязаны блюсти за правильностью торговыхъ отношеній между подданными Россійской Имперіи и ханства Коканскаго, а также за тѣмъ, чтобы пошлина, опредѣленная на русскіе товары въ размѣрѣ $2^1/_2\%$ ихъ стоимости, не измѣнялась произвольно (§ 8—16).

Русскимъ подданнымъ предоставлялось право заниматься разработкою естественныхъ богатствъ въ ханствѣ, т. е. залежей металловъ, каменнаго угля и нефтяныхъ источниковъ и устраивать въ предѣлахъ ханства всякаго рода фабрики, заводы и пріобрѣтать подъ нихъ земельные участки.

Правительство коканское обязалось ни въ какомъ случаѣ не принимать къ себѣ разныхъ выходцевъ изъ Россіи, являющихся безъ дозволительнаго на то вида отъ русской власти, выдавать преступниковъ и ни въ какомъ случаѣ не наказывать русскихъ подданныхъ по законамъ ханства (§ 24, 25).

Всѣ спорныя и тяжебныя дѣла между русскими подданными и коканцами, если обѣ стороны окажутся мусульманами, должны были рѣшаться по обоюдному согласію, по шаріату, или коканскими властями; если же русскій подданный принадлежалъ къ православному, или другому христіанскому вѣроисповѣданію, то дѣла должны были рѣшаться коканскими властями; при этомъ русскій подданный, недовольный рѣшеніемъ дѣла по шаріату, или коканскими властями, могъ обжаловать такое рѣшеніе передъ высшей русской властью въ Средней Азіи.

Этотъ договоръ былъ написанъ въ двухъ экземплярахъ и на трехъ языкахъ: русскомъ, тюркскомъ и персидскомъ и подписанъ съ одной стороны туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ, а съ другой—Сеидъ-Магометъ-Насръ-Еддинъ-ханомъ коканскимъ, причемъ одинъ его экземпляръ поступилъ на храненіе въ архивахъ Россійской Имперіи, а другой—у ханскаго правительства.

Дополнительными обязательствами къ этому договору, предложенными туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ и принятыми ханомъ коканскимъ, опредѣлялись отношенія коканскаго правительства къ начальнику нашихъ войскъ въ Наманганскомъ отдѣлѣ, опредѣлялось, что для рѣшенія болѣе важныхъ вопросовъ, касающихся обѣихъ сторонъ, ханъ коканскій и туркестанскій генералъ-губернаторъ должны были съѣзжаться въ одномъ изъ пограничныхъ пунктовъ, избранномъ по взаимному соглашенію, а также опредѣлялся порядокъ уплаты пени, наложенной въ размѣрѣ 125,000 рублей на Маргеланское бекство за то, что нарушитель общественнаго спокойствія и главный вождь движенія противъ Россіи Абдурахманъ-Автобача, не смотря на объявленія хана и генералъ-губернатора, находилъ пріютъ и продовольствіе для своихъ войскъ въ Маргеланскомъ бекствѣ въ продолженіи 10-ти дней.

Эти дополнительныя обязательства были написаны на русскомъ и тюркскомъ языкахъ и снабжены подписью и печатью хана 22-го сентября 1875 года.

По заключеніи договора генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ направился со всѣмъ дѣйствующимъ отрядомъ 23-го сентября изъ-подъ Маргелана прямой дорогой къ Намангану, куда и прибылъ 26-го сентября, переправившись наканунѣ черезъ рѣку Сыръ-Дарью у Минь-Булака. Расположивъ бо́льшую часть отряда бивакомъ вблизи города, а остальной частью занявъ городскую урду [1]), генералъ-адъютантъ фонъ-Каумфанъ предполагалъ пробыть здѣсь болѣе или менѣе продолжительное время, чтобы лично организовать управленіе вновь образованнаго Наманганскаго отдѣла и устроить оставляемый тамъ отрядъ войскъ, но тотчасъ же по прибытіи дѣйствующаго отряда въ Наманганъ были получены тревожныя свѣдѣнія о томъ, что только-что возстановленное спокойствіе въ Коканскомъ ханствѣ было вновь нарушено кипчаками и киргизами, которые, подъ предводительствомъ главнѣйшихъ вожаковъ

[1]) Урда—цитадель, кремль.

Абдурахмана-Автобачи и Пулатъ-хана, заняли гор. Андижанъ и провозгласили газаватъ [1]).

Чтобы подавить возстаніе и не дать ему распространиться изъ восточной части по всей территоріи ханства, а также чтобы наказать мятежниковъ, такъ недавно еще заявлявшихъ о полной покорности русскимъ, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ отправилъ къ Андижану отрядъ подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Троцкаго въ составѣ трехъ ротъ 2-го и двухъ ротъ 4-го туркестанскихъ линейныхъ баталіоновъ, команды саперъ, одной конно-казачьей батареи, 3½ сотенъ казаковъ и ракетнаго дивизіона.

Этотъ отрядъ, численностью въ 1,400 человѣкъ при восьми конныхъ орудіяхъ и четырехъ ракетныхъ станкахъ, выступилъ изъ Намангана утромъ 28-го сентября, причемъ для ускоренія движенія люди пѣхоты были посажены на арбы.

Какъ извѣстно, въ періодъ съ 28-го сентября по 8-е ноября произошли весьма важныя событія—гор. Андижанъ былъ штурмованъ отрядомъ генерала Троцкаго, бо́льшая часть его, а также окрестные кишлаки были сожжены и разворены, а жители примѣрно наказаны за ихъ вѣроломство.

Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, долго не получая извѣстій и опасаясь за участь малочисленнаго отряда генерала Троцкаго, выступилъ изъ Намангана съ частью войскъ по направленію къ Андижану, но утромъ 5-го октября встрѣтилъ около кишлака Джиты-Кашка отрядъ генерала Троцкаго, возвращавшійся уже послѣ удачнаго штурма Андижана. Соединившись здѣсь, оба отряда сдѣлали дневку, а 8-го ноября уже были въ Наманганѣ.

Возвратившись въ Наманганъ, главный начальникъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Коканскомъ ханствѣ, занялся распоряженіями о приспособленіи городской цитадели къ оборонѣ, устройствомъ въ ней помѣщеній, складовъ и лазарета для отряда, который долженъ былъ остаться во вновь присоединенномъ Наманганскомъ отдѣлѣ.

Когда значительная часть работъ по приспособленію Наманганской цитадели къ помѣщенію въ ней нашего отряда была исполнена и дальнѣйшее продолженіе ихъ и окончаніе могло быть ведено средствами одного отряда, оставляемаго въ Наманганѣ, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 16-го октября выступилъ изъ

[1]) Газаватъ, или газатъ—священная война, война противъ невѣрныхъ.

Наманган въ направленіи къ Ходженту; такъ какъ присутствіе его въ Ходжентѣ и Ташкентѣ было крайне необходимо по ходу дѣлъ въ Кокансномъ ханствѣ, гдѣ въ началѣ октября произошли весьма важныя событія и поставленный нами Насръ-Еддинъ-ханъ принужденъ былъ бѣжать въ наши предѣлы, спасаясь отъ нападенія возмутившихся жителей своей столицы.

Начальникомъ Намангансказо отдѣла, объ образованіи котораго 17-го октября 1875 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, былъ назначенъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Скобелевъ, только что произведенный въ этотъ чинъ за боевыя отличія во время коканскаго похода.

Въ распоряженіи генералъ-маіора Скобелева въ Намангансномъ отдѣлѣ былъ оставленъ отрядъ въ слѣдующемъ составѣ: 1-й и 2-й Туркестанскіе стрѣлковые баталіоны, три роты 2-го и двѣ роты 7-го Туркестанскихъ линейныхъ баталіоновъ, команда саперъ въ 20 человѣкъ, конно-артиллерійская батарея Оренбургскаго казачьяго войска, взводъ 2-й батареи 1-й Туркестанской артилерійской бригады, подвижной взводъ парѣзныхъ заряжающихся съ дула орудій, ракетный дивизіонъ (четыре станка), двѣ сотни (вторая и пятая) Оренбургскаго, три сотни (первая, вторая и пятая) Сибирскаго и полторы сотни (первая и полусотня второй) Семирѣченскаго казачьихъ войскъ, мастеровая и лазаретная команды и сверхъ того шесть коканскихъ орудій на вооруженіи Намангансной цитадели.

Изъ этихъ частей двѣ роты 7-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, взводъ орудій 2-й батареи 1-й Туркестанской артилерійской бригады и 1-я и 2-я Сибирскія сотни были расположены въ гор. Чустѣ, а остальныя въ Намангапѣ.

Съ собою генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфанъ взялъ двѣ роты 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, саперную роту, шесть орудій второй батареи и дивизіонъ 1-й батареи 1-й Туркестанской артилерійской бригады, первую Сибирскую и вторую и пятую Оренбургскія сотни и ракетный дивизіонъ, изъ которыхъ три сотни были возвращены въ Наманганъ изъ Камышъ-Кургана.

Главная цѣль оставленія въ Намангансномъ отдѣлѣ нашего отряда заключалась во владѣніи этой страной, обезпеченіи сообщенія Намангана съ Ходжентомъ черезъ Самгаръ и съ Ташкентомъ черезъ Теляу и въ наблюденіи за ходомъ дѣлъ на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи, въ предѣлахъ Коканскаго ханства.

Войска Намангансказо отдѣла считались на военномъ поло-

женіи, а права и обязанности начальника отдѣла и Намангапскаго дѣйствующаго отряда опредѣлялись временнымъ положеніемъ о военномъ управленіи въ Намангапскомъ отдѣлѣ, на основаніи котораго начальнику отдѣла, по завѣдыванію войсками, присваивалось званіе командующаго войсками отдѣла, онъ начальствовалъ надъ всѣми регулярными и иррегулярными войсками и укрѣпленіями и ему принадлежалъ общій надзоръ за состояніемъ находящихся въ отдѣлѣ заведеній интендантскихъ, артилерійскихъ, инженерныхъ и военно-врачебныхъ.

Всѣ войска, а также и чины артилерійскаго и инженернаго вѣдомствъ подчинялись начальнику отдѣла лишь въ отношеніи расквартированія, служебнаго ихъ употребленія, сохраненія общаго воинскаго порядка и дисциплины и сбереженія здоровья; во внутреннее же управленіе и хозяйство войскъ и упомянутыхъ частей начальникъ отдѣла не входилъ и, ограничиваясь однимъ лишь наблюденіемъ по этимъ предметамъ, въ случаѣ замѣченныхъ безпорядковъ, сносился немедленно съ подлежащимъ начальствомъ ихъ, или доносилъ командующему войсками округа.

Одну изъ главнѣйшихъ обязанностей начальника Намангапскаго отдѣла составляло охраненіе спокойствія и безопасности во ввѣренномъ ему отдѣлѣ, въ виду чего онъ представлялъ на утвержденіе главнаго начальника округа дислокацію войскъ, наблюдая при этомъ, чтобы войска были размѣщены по мѣстамъ не только выгоднымъ въ военномъ отношеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по возможности, здоровымъ и удобнымъ для продовольствія и квартированія.

Въ случаяхъ, требующихъ возстановленія нарушеннаго гдѣнибудь въ отдѣлѣ спокойствія, или порядка, начальнику отдѣла предоставлялось право располагать всѣми войсками и средствами. Управленіе частями войскъ артилеріи и кавалеріи, расположенными въ Намангапскомъ отдѣлѣ, собственно въ командномъ и строевомъ отношеніяхъ, ввѣрялось особымъ начальникамъ, которымъ присваивалось званіе завѣдывающаго артилеріей и начальника кавалеріи Намангапскаго отдѣла; для производства инженерныхъ работъ былъ назначенъ особый инженерный, или саперный офицеръ; медицинская часть возлагалась на старшаго врача Намангапскаго мѣстнаго лазарета, а дѣлопроизводство по военному управленію сосредоточивалось въ военной канцеляріи начальника отдѣла.

Выступивъ изъ Намангапа утромъ 16-го октября, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ въ 5 часовъ этого же дня прибылъ въ

гор. Чустъ, откуда на слѣдующій день двинулся далѣе въ сопровожденіи Чустскаго участковаго начальника штабсъ-капитана Бекчурина и 1-й Сибирской сотни подъ командой сотника Симонова, а 19-го октября былъ уже въ Камышъ-Курганѣ, пройдя этотъ путь въ три перехода.

Хотя при движеніи генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана жители попутныхъ кишлаковъ, за исключеніемъ кишлака Ашлыкъ, встрѣчали его съ достарханами (хлѣбомъ-солью), но тѣмъ не менѣе вновь занятый край далеко нельзя было считать спокойнымъ и въ различныхъ пунктахъ Намангапскаго отдѣла то и дѣло появлялись шайки разбойниковъ, дѣйствовавшія нерѣдко крайне дерзко.

Такъ напримѣръ, было сдѣлано нѣсколько нападеній на нашихъ джигитовъ, на арбы, шедшія изъ Ходжента въ Намангапъ съ желѣзомъ и печными приборами и на транспортъ купца Громова съ чаемъ и сахаромъ, а во время ночлега отряда, сопровождавшаго генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, на бивакѣ близъ кишлака Пунганъ, каракалпаки, живущіе на противуположномъ берегу Сыръ-Дарьи, открыли даже по нашимъ пикетамъ, выставленнымъ на островѣ, между рукавами рѣки, стрѣльбу, которая окончилась лишь тогда, когда высланная противъ нихъ небольшая команда, состоявшая изъ шести охотниковъ—стрѣлковъ, удачными выстрѣлами перебила четырехъ каракалпаковъ, послѣ чего остальные удалились.

Кромѣ того, 16-го октября, былъ еще и слѣдующій случай: когда генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ прибылъ въ этотъ день въ Чустъ, отсюда тотчасъ же было послано сообщеніе объ этомъ въ Намангапъ начальнику отдѣла; но джигитъ, отправленный съ конвертомъ, принужденъ былъ вернуться, встрѣтивъ близъ Шайтанъ-Кишлака партію изъ 16-ти человѣкъ вооруженныхъ разбойниковъ, которые на глазахъ джигита напали на трехъ проѣзжавшихъ на арбѣ сартовъ, которыхъ и ограбили, отобравъ у нихъ скотъ.

Для поимки этой шайки былъ отправленъ въ Шайтанъ-кишлакъ изъ Чуста, по приказанію начальника Чустскаго отряда, разъѣздъ, состоящій изъ полусотни (45 человѣкъ) второй сотни 1-го Сибирскаго казачьяго полка подъ начальствомъ сотника Пелымскаго, который долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ проводить упомянутаго выше джигита до этого пункта.

Не доѣзжая до Шайтанъ-кишлака, разъѣздъ встрѣтилъ близъ дороги, въ пяти мѣстахъ, шайки кипчаковъ, каждая отъ 20-ти до

30-ти вооруженныхъ людей, съ которыми и вступалъ во время дальнѣйшаго движенія нѣсколько разъ въ перестрѣлку, благодаря чему пришлось провожать джигита далѣе.

Подойдя къ кишлаку Тюря-Курганъ, сотникъ Пелымскій остановилъ свою полусотню около первыхъ саклей этого кишлака съ цѣлью выждать, пока джигитъ проѣдетъ скрытыми мѣстами мимо кишлака для дальнѣйшаго слѣдованія въ Наманганъ.

Прождавъ около часа времени, въ теченіе котораго къ разъѣзду вышли нѣкоторые изъ жителей кишлака Тюря-Курганъ и сообщили, что у нихъ все спокойно и что по дорогѣ въ Наманганъ не видно шаекъ кипчаковъ, сотникъ Пелымскій двинулся съ разъѣздомъ обратно.

Около Шайтанъ-кишлака разъѣздъ встрѣтилъ партію кипчаковъ около 100 человѣкъ, которые вступили съ разъѣздомъ въ перестрѣлку и такъ насѣдали на него, что сотникъ Пелымскій принужденъ былъ атаковать мятежниковъ, причемъ было убито и ранено 12 кипчаковъ и нѣсколько лошадей и отобраны шашка, пика и мѣдный батикъ.

Съ нашей стороны убитыхъ и раненыхъ не было, а во время перестрѣлокъ было выпущено казаками 380 патроновъ (съ капсюлями) и при рукопашной схваткѣ попорчена часть оружія.

Выступивъ изъ Камышъ-Кургана въ Ходжентъ 20-го октября, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ отправилъ обратно въ Чустъ начальника участка штабсъ-капитана Бекчурина съ тремя сотнями и ракетнымъ дивизіономъ, подъ начальствомъ войскового старшины Смирнова.

Верстахъ въ пяти отъ Камышъ-Кургана близъ кишлака Башъ-Талъ была встрѣчена партія человѣкъ въ 70, съ бѣлымъ значкомъ, которая, завидя нашъ значительный отрядъ и нерѣшившись сдѣлать попытку напасть на него, быстро удалилась въ горы.

По прибытіи 21-го октября въ Чустъ первая Сибирская сотня осталась въ этомъ пунктѣ, а 2-я и 5-я Оренбургскія сотни и ракетный дивизіонъ послѣ дневки отправились въ Наманганъ, гдѣ ихъ ожидалъ начальникъ отдѣла и гдѣ они были весьма кстати, такъ какъ 23-го октября была серьезная перестрѣлка у кишлака Тюря-Курганъ и взятіе штурмомъ этого пункта, а 24-го, 25-го и 26-го октября произошло дѣло подъ Наманганомъ съ огромнымъ скопищемъ кипчаковъ, занявшихъ этотъ городъ. Штурмъ Намангана съ пораженіемъ кипчаковъ состоялся 27-го октября.

Положеніе дѣлъ въ Наманганѣ послѣ ухода генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана было крайне неопредѣленное.

Ходили самые разнорѣчивые слухи какъ о томъ, что Абдурахманъ-Автобачи во главѣ 3,000 человѣкъ, съ восьмью орудіями рѣшилъ напасть на Наманганъ 20-го октября, такъ и о мѣстѣ нахожденія этого скопища то у кишлака Балыкчи, то вблизи Учъ-Кургана, то у Чартака.

Съ 17-го октября слухи о приближеніи скопищъ кипчаковъ стали подтверждаться и старшіе люди города увѣдомили генерала Скобелева офиціально, что кипчаки, подъ начальствомъ Батырь-Тюри, нападутъ на Наманганъ 19-го октября со стороны Чартака, занятаго будто бы уже авангардомъ въ числѣ 10,000—12,000 человѣкъ.

Придерживаясь точно инструкціи, данной начальнику Наманганскаго отдѣла генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ, генералъ Скобелевъ сначала не хотѣлъ и думать о наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ непріятеля до полнаго окончанія оборонительныхъ работъ въ Наманганской цитадели и устройства зимнихъ помѣщеній отряду; но въ виду того, что удержаніе въ нашей власти города было совершенно необходимо какъ въ политическомъ, такъ и въ военномъ отношеніяхъ, а также и въ виду того, что въ противномъ случаѣ до крайности затруднилось бы снабженіе нашего отряда запасами продовольствія и фуража, генералъ Скобелевъ рѣшился сдѣлать отступленіе отъ упомянутой инструкціи и сталъ изыскивать средства къ тому, чтобы удержать въ своей власти городъ Наманганъ возможно болѣе вѣрнымъ способомъ.

Всесторонне обсудивъ это дѣло, генералъ Скобелевъ пришелъ къ тому заключенію, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ водить войска въ сомнительный и большей частью убійственный уличный бой и рѣшилъ занять на высотахъ, окаймляющихъ городъ съ сѣверной стороны, позицію для артилеріи, которая позволила бы обстрѣливать тѣ части города, гдѣ непріятель сталъ бы сосредоточиваться; этимъ предполагалось привлечь его въ открытое поле и поставить въ такую обстановку, при которой борьба съ нашими войсками была бы для него болѣе затруднительной.

Произведенныя для этого рекогносцировки, въ особенности 19-го октября, дали самые удовлетворительные результаты.

Кромѣ собственно города Намангана съ избранной заблаговременно позиціи наша артилерія могла дѣйствовать по непріятелю, наступающему только со стороны Тюря-Кургана или Чар-

така, но это обстоятельство не имѣло существеннаго значенія, такъ какъ было весьма мало вѣроятно, чтобы непріятель рѣшился подойти къ городу со стороны путей, ведущихъ изъ Кокана, Маргелана и Балыкчи благодаря тому, что мѣстность здѣсь большею частью болотистая, представляющая большія затрудненія для дѣйствія значительныхъ массъ, особенно конницы.

Если бы непріятель даже и рѣшился показаться съ этой стороны, то развѣ небольшими партіями, чтобы скрыть свое настоящее намѣреніе, причемъ появленіе такихъ партій не могло помѣшать дѣйствію нашей артилеріи.

19-го октября, по случаю большого мусульманскаго праздника, генералъ Скобелевъ принималъ въ цитадели Кази-Каляна старшихъ людей и нѣкоторыхъ аксакаловъ, причемъ одарилъ ихъ почетными халатами.

Отъ имени города они долго и много говорили о привязанности ихъ къ Россіи и къ особѣ Ярымъ-паши (генералъ-губернатора) и просили даже о дозволеніи имъ принять мѣры противъ вѣроятнаго набѣга кипчаковъ и не допустить ихъ въ городъ силой.

Въ этой просьбѣ представителямъ города Намангана было отказано, такъ какъ генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ считалъ необходимымъ удалять туземцевъ отъ всего, что могло возбудить въ нихъ воинственныя наклонности, тѣмъ болѣе, что въ искренности просьбы жителей разрѣшить имъ принять участіе въ отраженіи набѣга кипчаковъ можно было сильно сомнѣваться; причемъ помощь, которую жители могли оказать въ качествѣ воиновъ, могла быть, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, ничтожна, а при малѣйшемъ сомнѣніи въ томъ, что намъ удастся разгромить кипчаковъ, жители Намангана не замедлили бы стать на сторону нашихъ противниковъ.

Въ виду этого генералъ Скобелевъ не разрѣшилъ жителямъ Намангана вооружаться и ограничилъ ихъ участіе въ оборонѣ города лишь тѣмъ, что позволилъ имъ строить завалы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ указано, содержать пикеты на важнѣйшихъ дорогахъ, а главное, доставлять во-время правдивыя и точныя свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія, намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ непріятельскихъ шаекъ.

Произведя въ этотъ день, 19-го октября, рекогносцировку, генералъ Скобелевъ прошелъ во главѣ кавалеріи по городу и базарамъ.

Вездѣ было совершенно спокойно и не было ни малѣйшихъ

проявленій враждебности къ намъ населенія, а между тѣмъ лазутчики доставляли генералу Скобелеву, особенно въ продолженіе послѣднихъ двухъ дней, совершенно противоположныя свѣдѣнія о томъ, что жители города рѣшили держать сторону нашего противника.

Это обстоятельство побудило генерала Скобелева отнестись съ недовѣріемъ къ заявленіямъ представителей города Намангана относительно преданности жителей русскимъ, а обстоятельства не замедлили подтвердить, что это недовѣріе было совершенно основательно.

20-го октября непріятель направился на городъ со стороны Чартака и такъ какъ подобное движеніе было предвидѣно и не было для насъ неожиданнымъ, генералъ Скобелевъ тотчасъ же двинулся на избранную позицію съ колонной, состоявшей изъ пяти ротъ пѣхоты, шести орудій, $1^1/_2$ казачьихъ сотенъ и принудилъ кипчаковъ, уже спустившихся частью въ городъ и показавшихся на базарахъ, отказаться отъ наступленія и искать спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ.

Возвращаясь въ лагерь, генералъ Скобелевъ съ этой колонной прошелъ черезъ городъ и базары и тѣмъ привелъ въ ужасъ жителей Намангана, не только не предупредившихъ о движеніи кипчаковъ, но даже рѣшившихъ открыто присоединиться къ нимъ и не исполнившихъ это исключительно лишь благодаря быстрому нашему наступательному движенію.

Наказаніе жителей города за такое вѣроломство немедленно, теперь же, не входило въ разсчеты генерала Скобелева по разнымъ соображеніямъ, особенно же въ видахъ необходимости возможно скорѣе закончить работы по приведенію цитадели въ оборонительное состояніе и по устройству зимнихъ помѣщеній для отряда, прерванныя сначала мусульманскими праздниками, а затѣмъ тревожными слухами, а также обезпечить отрядъ на зиму продовольствіемъ и фуражемъ.

Кромѣ того, у генерала Скобелева были и другія соображенія, побуждавшія его по возможности не оказывать никакого давленія на ходъ дѣлъ и предоставить событіямъ совершаться нормальнымъ путемъ.

По мнѣнію генерала Скобелева, полнаго успокоенія населенія Наманганскаго отдѣла можно было достигнуть не геройскими подвигами нашихъ войскъ, а постепеннымъ внушеніемъ населенію убѣжденія, что борьба съ нами совершенно безцѣльна и при-

несетъ населенію исключительно лишь вредъ и что сочувствіе населенія, особенно большихъ пунктовъ, кипчакамъ является для этого населенія источникомъ всякихъ бѣдъ и несчастій.

Политика наша, по мнѣнію генерала Скобелева, должна была клониться къ тому, чтобы вызвать въ возможно скоромъ времени столкновеніе между кипчаками и жителями населенныхъ пунктовъ, въ особенности Намангана и благодаря этому привлечь осѣдлое населеніе на нашу сторону.

Достигнуть этого легче всего возможно было выждавъ, когда большія скопища кипчаковъ, чтобы продовольствовать себя, вынуждены будутъ раздѣлиться на мелкія шайки и станутъ грабить жителей, чѣмъ, разумѣется, много потеряютъ въ ихъ глазахъ, такъ какъ изъ защитниковъ вѣры превратятся въ простыхъ разбойниковъ.

Для этого требовалось, конечно, не мало времени, въ теченіе котораго намъ необходимо было не только избѣгать рѣшительныхъ дѣйствій противъ населенія, хотя бы и не вполнѣ преданнаго намъ, но также стараться увлечь его къ явнымъ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ кипчаковъ.

Въ виду этого, когда старшіе люди кишлака Тюря-Курганъ прибыли въ Наманганъ и просили защиты противъ кипчаковъ, генералъ Скобелевъ отправилъ ихъ обратно съ наставленіемъ защищаться собственными силами.

Получивъ свѣдѣнія, что Батыръ-Тюря съ 2,000—3,000 всадниковъ находится между Сыръ-Дарьей и большой Тюря-Курганской дорогой, генералъ Скобелевъ предпринялъ 21-го октября рекогносцировку по направленію на Киргизъ-Кишлакскую переправу и къ Тюря-Кургану со стороны Багъ-Балянда.

Движеніе это было произведено съ двумя ротами 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, двумя конными орудіями Оренбургской казачьей батареи и всей наличной кавалеріей.

Встрѣтивъ непріятельскіе пикеты не доходя до Кіикъ-Мазара, кавалерія преслѣдовала ихъ до Янги-арыка, откуда рекогносцировочный отрядъ двинулся въ Наманганъ черезъ сады, при входѣ въ которые четвертая рота 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона имѣла небольшую перестрѣлку съ слабо насѣдавшимъ непріятелемъ.

Въ лагерь рекогносцировочный отрядъ вернулся безъ всякихъ потерь, вполнѣ выяснивъ присутствіе непріятеля въ Тюря-Курганѣ въ числѣ не менѣе 3,000 человѣкъ, причемъ масса ныли, по-

казавшейся со стороны Дарьи, а также и къ Тюря-Кургану позволяла сдѣлать заключеніе, что и въ этомъ случаѣ лазутчики сказали правду и что на Дарьѣ дѣйствительно стоитъ непріятель.

23-го октября генералъ Скобелевъ направилъ всѣхъ джигитовъ во главѣ съ Пансатъ-Аразъ-Куломъ по направленію къ Джида-Кепе, что у кишлака Балыкчи, но они скоро возвратились, не встрѣтивъ никакихъ слѣдовъ присутствія непріятельскихъ скопищъ и не видали даже ни одного непріятельскаго пикета.

Въ этотъ же день вскорѣ послѣ возвращенія джигитовъ было получено вполнѣ достовѣрное свѣдѣніе, что шайка въ 5,000 человѣкъ подъ начальствомъ Султанъ-Пансата и Худояръ-Мирзы соединилась съ шайкой Батырь-Тюри у кишлака Тюря-Кургана.

Это обстоятельство, въ связи съ удаленіемъ непріятельскихъ шаекъ послѣ неудачной попытки вторгнуться въ Наманганъ 20-го октября, а также въ связи со слухами, доставляемыми лазутчиками, о томъ, что значительныя непріятельскія скопища собираются съ лѣваго (коканскаго) берега Сыръ-Дарьи вторгнуться въ предѣлы наманганскаго отдѣла, со стороны переправъ Киргизъ-Курганъ, Аксу, Папъ и Сангъ, привело генерала Скобелева къ убѣжденію, что непріятель, узнавъ о движеніи нашей кавалеріи, сопровождавшей генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана до Кашымъ-Кургана и возвращавшейся подъ начальствомъ войскового старшины Смирнова, намѣренъ напасть на нее приблизительно или между кишлакомъ Папъ и городомъ Чустомъ (Тусъ), или на пути отъ Чуста къ Тюря-Кургану, такъ какъ по разсчету въ это время наша кавалерія должна была проходить черезъ упомянутыя мѣстности.

Не имѣя никакихъ свѣдѣній о мѣстѣ нахожденія нашей кавалеріи и опасаясь за ея участь въ случаѣ столкновенія съ огромными скопищами непріятеля, генералъ Скобелевъ рѣшилъ идти отъ Тюря-Кургана не на Чустъ, а на кишлакъ Рызакъ, занимающій центральное положеніе какъ относительно переправъ у Аксу, Киргизъ-кишлака и Санга, такъ и относительно Папа и Чуста, благодаря чему съ этого пункта представлялось возможнымъ направлять отрядъ и на большую дорогу, ведущую изъ Папа въ Чустъ, и на ту же дорогу изъ Чуста къ Тюря-Кургану, а въ случаѣ, если бы непріятель встрѣтилъ нашу кавалерію ранѣе Папа, то и въ тылъ ему.

Движеніе отряда черезъ кишлакъ Рызакъ должно было во всякомъ случаѣ смутить кипчаковъ, такъ какъ отрядъ, идя вдоль

Сыръ-Дарьи, все время угрожалъ бы пункту отступленія шаекъ и могъ во всякую минуту перейти на одну изъ переправъ; отступать же черезъ Коканбай, или Чартакъ, къ Кепе, или Учъ-Кургану было и кружно и опасно въ виду нашего отряда, оставленнаго въ Наманганѣ.

Съ разсвѣтомъ 23-го октября генералъ Скобелевъ выступилъ изъ лагеря близъ Намангана во главѣ отряда, въ составъ котораго вошли первая и вторая роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, стрѣлковая рота 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, первый дивизіонъ конной батареи Оренбургскаго казачьяго войска, первая сотня и вторая полусотня второй сотни 1-го Семирѣченскаго казачьяго полка.

Начальствованіе отрядомъ, оставшимся подъ Наманганомъ въ лагерѣ и въ цитадели, было поручено полковнику барону Мелеру-Закомельскому, которому дана была особая инструкція, опредѣлявшая образъ дѣйствій отряда въ различныхъ случаяхъ и дававшая указанія и по другимъ вопросамъ. Этой инструкціей было предложено продолжать работы по приведенію цитадели въ оборонительное состояніе, особенно обративъ вниманіе на обезпеченіе цитадели водой и заготовлять провіантъ и устраивать зимнія помѣщенія для всего отряда.

На случай непріязненныхъ дѣйствій рекомендовалась крайняя осторожность въ дѣйствіяхъ и разрѣшалось предпринимать рѣшительныя дѣйствія лишь тогда, когда успѣхъ ихъ будетъ совершенно обезпеченъ и эти дѣйствія представятся безусловно необходимыми. Рекомендуя такой образъ дѣйствій отряду, оставляемому въ Наманганѣ, генералъ Скобелевъ руководствовался тѣмъ, что въ дѣйствіяхъ противъ населенія Наманганскаго отдѣла лучшими нашими пособниками являлись время, утомленіе непріятеля и приближающееся холодное время года, съ большими снѣгами въ горахъ, не только лишавшими нашихъ противниковъ возможности укрываться туда отъ нашихъ преслѣдованій, но и заставлявшими ихъ спуститься съ горъ въ долины со своими семействами и стадами.

Отрядъ генерала Скобелева двинулся по средней большой дорогѣ съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы въ случаѣ, если бы онъ встрѣтилъ сопротивленіе у Тюря-Кургана, то до послѣдней минуты не обнаруживать нашихъ намѣреній и по возможности скрыть отъ непріятеля направленіе и пунктъ, избранный для атаки.

Подходя къ Тюря-Кургану, отрядъ замѣтилъ вправо отъ большой дороги непріятельскіе пикеты и, выславъ впередъ джигитовъ, продолжалъ наступленіе до входа въ кишлакъ.

Вскорѣ по коканской дорогѣ и въ ущельи Карасу поднялась большая пыль и на возвышенностяхъ вправо отъ большой дороги показались значительныя непріятельскія партіи, числомъ не менѣе 7,000 человѣкъ.

Желая убѣдиться, дѣйствительно ли занятъ кишлакъ непріятелемъ и намѣренъ ли онъ защищать его, генералъ Скобелевъ двинулъ вправо отъ дороги полторы сотни казаковъ подъ начальствомъ есаула барона Штакельберга.

Казаки были встрѣчены ружейнымъ и фальконетнымъ огнемъ изъ ближайшихъ садовъ и изъ-за стѣнокъ, а массы непріятельской кавалеріи, числомъ тысячъ до двухъ, обскакавъ колонну справа, завязали бой съ наѣздниками. Осмотрѣвъ мѣстность, генералъ Скобелевъ отдалъ приказаніе для атаки.

Направленный противъ отряда огонь и большая пыль, стоявшая какъ въ самомъ кишлакѣ, такъ и влѣво отъ дороги, по направленію къ Багъ-Балянду, а также затопленная мѣстность влѣво отъ дороги, привели къ заключенію, что непріятель ожидаетъ нашего наступленія со стороны большой дороги, гдѣ при входѣ въ кишлакъ были устроены завалы, или со стороны кишлака Ирванъ, крайняго пункта наступленія отряда во время рекогносцировки 21-го октября.

Въ виду этого генералъ Скобелевъ рѣшилъ атаковать Тюря-Курганъ со стороны командующихъ высотъ, расположенныхъ вправо отъ дороги. Этимъ движеніемъ: 1) былъ нарушенъ вѣроятный планъ предположенной обороны непріятеля; 2) кишлакъ подвергался усиленному обстрѣливанію нашей артилеріи съ командующихъ высотъ; 3) нашъ отрядъ становился между защитниками собственно кишлака и полчищами кипчаковъ Батырь-Тюри, и 4) наконецъ, путь слѣдованія по садамъ и узкимъ улицамъ города къ базару и цитадели, которые были назначены сборнымъ пунктомъ для отряда, значительно сокращался.

Устроивъ вагенбургъ и назначивъ для прикрытія его вторую роту 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, подъ начальствомъ поручика фонъ-Шлихтена, генералъ Скобелевъ подалъ сигналъ къ наступленію, во время котораго первый дивизіонъ конной казачьей батареи слѣдовалъ въ интервалахъ между ротами, перемѣняя позицію и громя какъ кишлакъ Тюря-Курганъ, такъ и защитниковъ его, отлично направленнымъ огнемъ.

Кавалерія выслала впередъ цѣпь наѣздниковъ противъ праваго своего фланга для прикрытія боевого порядка вообще со стороны касанской дороги и несмотря на насѣдавшаго противника, дѣйствовала подъ начальствомъ есаула барона Штакельберга все время стройно и въ полномъ порядкѣ.

Не торопясь отрядъ подвигался почти до самаго края лощины Карасу, гдѣ былъ остановленъ на самой дорогѣ, ведущей отъ Тюря-Курганской урды.

Артилерія наша въ послѣдній разъ выѣхала на ближайшую къ садамъ позицію (шаговъ около 150) и, не обращая вниманія на ружейный и фальконетный огонь изъ-за стѣнокъ, открыла усиленную стрѣльбу по городу и базару преимущественно зажигательными снарядами.

Когда кишлакъ загорѣлся въ нѣсколькихъ мѣстахъ и вообще стало замѣтно, что огонь нашей артилеріи произвелъ должное дѣйствіе на непріятеля, генералъ Скобелевъ двинулъ на штурмъ кишлака первую роту 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и одинъ взводъ стрѣлковой роты 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона.

Артилерія подъ прикрытіемъ другого взвода стрѣлковой роты 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и всей кавалеріи, состоявшей при генералѣ Скобелевѣ, слѣдовала за передовой штурмовой колонной.

Въ виду значительнаго численнаго превосходства коннаго непріятеля было рискованно оставлять за кишлакомъ одну нашу кавалерію, состоявшую всего лишь изъ $1^1/_2$ сотенъ, почему она и была втянута въ кишлакъ, тѣмъ болѣе, что неудобства этого въ значительной степени уменьшались благодаря тому, что движеніе происходило по широкой улицѣ, а вокругъ урды, конечнаго пункта движенія штурмовой колонны, была значительная площадь.

Во время наступленія къ урдѣ непріятель оборонялся слабо и стрѣлки хотя и дали два залпа, но дошли почти безъ боя до урды, гдѣ защитники кишлака сдѣлали попытку задержать наше наступленіе, но не выдержали дружнаго натиска нашей пѣхоты, съ крикомъ «ура» бросившейся на штурмъ и прогнавшей непріятеля къ площади надъ обрывомъ.

Наша артилерія стала на позицію надъ этимъ обрывомъ и начала обстрѣливать непріятеля, бѣжавшаго черезъ оврагъ.

Какъ только отрядъ сосредоточился на сборномъ пунктѣ, непріятель началъ производить по нашимъ войскамъ усиленную стрѣльбу.

Непріятельскихъ стрѣлковъ, засѣвшихъ въ сакляхъ, за дувалами и на деревьяхъ, не было видно и только частые выстрѣлы свидѣтельствовали объ его присутствіи и дерзости, дошедшей до того, что, когда нашъ отрядъ двинулся обратно, непріятель слѣдовалъ за нимъ по пятамъ и тотчасъ же по оставленіи нами урды занялъ ее.

Пришлось послать стрѣлковую роту 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и одинъ взводъ первой роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, чтобы вытѣснить непріятеля оттуда, что и было исполнено, причемъ стрѣлки, занявъ крыши сакель, ворота и базаръ, завязали съ непріятелемъ оживленную перестрѣлку.

Убѣдившись въ томъ, что жители Тюря-Кургана принимали участіе въ борьбѣ съ нами, генералъ Скобелевъ рѣшилъ наказать ихъ за это и приказалъ зажечь кишлакъ по всѣмъ направленіямъ, послѣ чего, соединившись съ вагенбургомъ, продолжалъ движеніе къ кишлаку Рызакъ.

Чтобы наказать жителей Тюря-Кургана возможно болѣе чувствительно, отрядъ былъ двинутъ обратно черезъ весь кишлакъ по большой улицѣ. Порядокъ обратнаго движенія былъ слѣдующій:

Авангардъ—стрѣлковая рота 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона при двухъ орудіяхъ конной батареи; въ срединѣ колонны вся кавалерія и въ аріергардѣ первая рота 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона при двухъ орудіяхъ.

Какъ только непріятель замѣтилъ наше обратное движеніе, онъ съ гикомъ обрушился на аріергардъ, обстрѣливая его усиленнымъ огнемъ.

Рѣдкій стрѣлковый огонь нашъ былъ настолько дѣйствителенъ, что непріятель прибѣгнулъ къ оригинальной уловкѣ: онъ сталъ катить передъ собой нагруженную арбу, оглоблями къ верху, закрывавшую непріятельскихъ стрѣлковъ и производилъ усиленную пальбу по аріергарду.

Опасаясь увеличенія потерь и видя, что ружейныя пули мало дѣйствительны противъ такого щита, генералъ Скобелевъ приказалъ остановить одно орудіе и, дождавшись цѣпи, выстрѣлить по непріятелю картечью, что и было исполнено съ полнымъ успѣхомъ.

Эту операцію пришлось повторить восемь разъ, прежде, чѣмъ аріергардъ вышелъ за предѣлы кишлака.

Авангардъ подъ начальствомъ подполковника Андронова тоже все время шелъ съ боемъ, отражая попытки непріятеля загородить дорогу.

При выходѣ изъ кишлака генералъ Скобелевъ получилъ донесеніе отъ войскового старшины Смирнова, сообщавшаго, что онъ, услышавъ наши орудійные выстрѣлы и будучи атакованъ непріятелемъ, остановился въ 4-хъ верстахъ отъ Тюря-Кургана по Чустской дорогѣ и ожидаетъ приказаній.

Необходимость поддержать нашу кавалерію возможно скорѣе была очевидна и потому генералъ Скобелевъ поспѣшилъ на соединеніе съ вагенбургомъ, который послѣ ухода отряда былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, приблизившимся къ нему на 500 шаговъ. Удачные залпы, которыми рота прикрытія встрѣтила непріятеля, отбила у него охоту вовобновлять атаки и онъ болѣе не безпокоилъ нашъ вагенбургъ. Оставивъ въ немъ стрѣлковую роту 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, всю кавалерію и два конныхъ орудія, генералъ Скобелевъ рѣшилъ двинуться на соединеніе съ кавалеріей войскового старшины Смирнова съ первой и второй ротами 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и двумя конными орудіями тѣмъ же путемъ, но такъ какъ непріятель успѣлъ уже занять оставленные нами сады и стѣнки и встрѣтилъ наши роты залпомъ, рѣшено было, въ видахъ уменьшенія потерь, затруднительности и медленности движенія по улицамъ, обойти кишлакъ и выдти къ мосту черезъ Карасу.

Замѣтивъ наше обходное движеніе, непріятель поспѣшно оставилъ кишлакъ и бѣжалъ, провожаемый ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ.

Не получая распоряженій отъ генерала Скобелева, войсковой старшина Смирновъ рѣшилъ двинуться со своей кавалеріей на соединеніе съ отрядомъ.

Какъ только сотни втянулись въ кишлакъ, казакамъ пришлось вступить съ непріятелемъ въ жаркое дѣло и выдержать его натискъ.

Пройдя Тюря-Курганскій мостъ, генералъ Скобелевъ встрѣтился съ кавалеріей войскового старшины Смирнова и, смѣнивъ аріергардную казачью часть второй ротой 2-го Туркестанскаго

стрѣлковаго баталіона, вышелъ на Чустскую дорогу, гдѣ и выбралъ мѣсто для ночлега.

Чтобы усилить прикрытіе вагенбурга при движеніи его черезъ кишлакъ къ этому мѣсту, генералъ Скобелевъ послалъ подполковнику Андросову приказаніе двинуться къ мѣсту ночлега, направивъ съ моста полемъ 100 спѣшенныхъ казаковъ, ½ взвода второй роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и два спѣшенныхъ ракетныхъ станка подъ начальствомъ войскового старшины Смирнова, который и соединился съ вагенбургомъ почти безъ выстрѣла.

Въ 6½ часовъ вечера вагенбургъ присоединился къ отряду, пройдя не встрѣтивъ никакого сопротивленія по большой улицѣ черезъ весь пылавшій кишлакъ.

Потеря наша въ дѣлѣ при Тюря-Курганѣ заключалась въ пяти раненыхъ нижнихъ чинахъ и одномъ контуженномъ.

Непріятель же по свѣдѣніямъ, собраннымъ начальникомъ Чустскаго участка, штабсъ-капитаномъ Бекчуринымъ, потерялъ не менѣе 800 человѣкъ убитыми и ранеными.

24-го октября генералъ Скобелевъ продолжалъ движеніе къ Чусту, куда и прибылъ въ 6 часовъ вечера.

На слѣдующій день, 25-го октября, войскамъ отряда была дана дневка на бивакѣ у Чуста, а въ полночь съ 25-го на 26-е число генералъ Скобелевъ получилъ отъ лазутчиковъ донесеніе о нападеніи кипчаковъ и жителей Намангана на нашу цитадель въ этомъ городѣ и лагерь, расположенный вблизи отъ него.

А. Серебренниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ ИСТОРІИ КОКАНСКАГО ПОХОДА [1]).

(Статья вторая).

Послѣ ухода генерала Скобелева изъ Намангана къ Тюря-Кургану работы по устройству цитадели продолжались и никакого особеннаго движенія среди жителей города въ первое время не было замѣтно.

Но какъ только 24-го октября, послѣ Тюря-Курганскаго дѣла, генералъ Скобелевъ двинулся къ Чусту и движеніе его въ этомъ направленіи совершенно обозначилось, кипчаки обступили Наманганъ, а вскорѣ къ нимъ присоединилось поголовно все городское населеніе.

Въ виду тревожнаго положенія дѣлъ въ Наманганѣ и давно ходившихъ уже слуховъ о томъ, что жители города собираются напасть на цитадель въ союзѣ съ кипчаками съ Батырь-Тюрей во главѣ, всѣ работы по приспособленію къ оборонѣ медресе и бековскаго дома, входившихъ въ оборонительную ограду цитадели, ведены были такъ, чтобы въ каждую данную минуту гарнизонъ могъ, въ случаѣ нападенія непріятеля, защищаться за возводимыми оборонительными сооруженіями, причемъ главное вниманіе было обращено на скорѣйшее окончаніе вновь возводимыхъ фланкирующихъ построекъ, въ особенности же госпитальнаго капонира, съ котораго можно было обстрѣливать базаръ и на сломку сакель для образованія эспланады, безъ которой затруднялась бы оборона цитадели.

[1]) См. «Военный Сборникъ» 1901 г., № 4.

Оборонительныя работы, веденныя по непосредственнымъ указаніямъ военнаго инженера штабсъ-капитана Воронца, въ порядкѣ, вытекающемъ изъ вышеуказаннаго начала, далеко еще не были доведены до конца и находились ко дню открытія военныхъ дѣйствій, 24-го октября, въ слѣдующемъ положеніи:

Стѣнка госпитальнаго капонира была поднята до проектной высоты 14 футовъ и въ мѣстахъ соединенія его стѣны съ горжевой стѣнкой было оставлено два прохода для удобства окончанія работъ; у праваго прохода было приступлено къ устройству расходнаго порохового погреба; капониръ былъ полунасыпанъ до грудной высоты; въ горжевой стѣнкѣ пробито отверстіе и сдѣлана деревянная аппарель; у горжи поставлено два тура, заготовленные на случай закрытія проходовъ, о которыхъ сказано выше; здѣсь же стояло два коканскихъ орудія.

Вправо отъ госпитальнаго капонира былъ сложенъ по туземному способу изъ комковъ на глинѣ банкетъ, примыкавшій къ плацдарму, расположенному на крышѣ госпитальной кладовой.

Возлѣ порохового погреба устраивался навѣсъ-банкетъ и къ 24-му числу октября на немъ были настланы балки и приступлено къ устройству перекрытія.

Оборонительная стѣна капонира № 2 была окончена и лишь въ мѣстахъ, гдѣ она примыкала къ горжѣ, были оставлены проходы для подноски земли. У лѣваго изъ этихъ проходовъ была насыпана площадка для постановки орудія.

Насыпка внутренности этого капонира только-что начиналась, причемъ ближе къ линіи огня она была подведена до высоты внутренней стѣны, утолщавшей оборонительную стѣну и служившей этой послѣдней банкетомъ. Въ горжевой стѣнѣ былъ сдѣланъ проходъ, возлѣ котораго установлены два тура для закрытія его въ случаѣ надобности.

Вправо отъ капонира № 2 былъ вполнѣ оконченный навѣсъ-банкетъ, а далѣе, въ исходящемъ углу, неоконченный барбетъ, для орудій, съ котораго, однако, могли дѣйствовать стрѣлки. Между барбетомъ и капониромъ № 1 находился еще навѣсъ-банкетъ. Ко всѣмъ навѣсамъ-банкетамъ были поставлены лѣстницы съ перилами.

Стѣна капонира № 1 была поднята только до 4-хъ футовъ отъ горизонта и благодаря этому непріятель имѣлъ возможность поражать не только стрѣлковъ и прислугу, стоявшихъ на капонирѣ, орудій, но и людей внутри цитадели.

Выходныя ворота въ капонирѣ были поставлены, полотна навѣшены и въ нихъ продѣлано 4 бойницы.

Въ оборонительной стѣнѣ, гдѣ эта послѣдняя примыкала къ горжѣ, былъ оставленъ проходъ для постановки за нимъ орудія.

Отъ госпитальнаго капонира до № 1 впереди оборонительной ограды былъ вырытъ ровъ глубиною 7 футовъ, шириною 14 футовъ. Фасъ медресе, примыкавшій къ воротамъ, къ оборонѣ приспособленъ совсѣмъ не былъ, а приспособленіе другихъ двухъ фасовъ—сѣвернаго и восточнаго — было только начато, причемъ на сѣверномъ фасѣ надъ воротами, по обѣимъ сторонамъ фронтона, были сложены парапеты, изъ которыхъ правый доходилъ съ небольшимъ перерывомъ до исходящаго угла и далѣе, недоходя, впрочемъ, до фронтона надъ калиткой.

На госпитальномъ фасѣ также былъ сложенъ парапетъ до исходящаго угла и на самомъ углу. Всѣ сложенные парапеты имѣли 2 фута высоты, которую предполагалось постепенно увеличить.

Со двора медресе мимо порохового погреба былъ пробитъ проходъ для сообщенія съ фурштадтскимъ дворомъ кромѣ выхода къ капониру № 1. Рва передъ фасами медресе и госпитальнымъ не было.

Эспланда передъ госпитальнымъ капониромъ прямо по его капитали была расчищена саженъ на 50, вправо отъ капитали саженъ на 80, а влѣво отъ нея, гдѣ остались двѣ сакли, къ сломкѣ которыхъ приступили 24-го октября, эспланада была расчищена только на 30 саженъ. Передъ юговосточнымъ угломъ эспланада была расчищена на 50 саженъ, передъ югозападнымъ на 70, передъ капониромъ № 1 по капитали на 70, а влѣво отъ нея на 80, и передъ сѣвернымъ фасомъ медресе на 25 саженъ.

На вооруженіи цитадели было 8 орудій: два четырехфунтовыхъ нарѣзныхъ, заряжающихся съ дула, орудія подвижного взвода и шесть коканскихъ орудій. Орудія эти были размѣщены слѣдующимъ образомъ: оба нарѣзныя орудія были поставлены во входящемъ углу, на площади, около провіантскаго магазина; два коканскихъ орудія въ горжѣ госпитальнаго капонира, одно орудіе у лѣваго прохода на капонирѣ № 2 и три орудія на капонирѣ № 1.

Гарнизонъ Наманганской цитадели состоялъ изъ второй и третьей ротъ 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона; рабочей команды (отъ Туркестанской саперной роты, 2-го Туркестанскаго

стрѣлковаго баталіона, 2-го, 4-го и 7-го Туркестанскихъ линейныхъ баталіоновъ), находившейся въ распоряженіи инженернаго офицера, руководившаго работами; служительской команды отъ Ташкентскаго губернскаго баталіона и артилерійскаго подвижного взвода. Всего въ составъ гарнизона входило 1 штабъ-офицеръ, 12 оберъ-офицеровъ, 37 унтеръ-офицеровъ и фейерверкеровъ, 528 рядовыхъ, 4 нестроевыхъ, 2 врача и 3 чиновника военнаго вѣдомства.

Продовольственныхъ запасовъ въ провіантскомъ магазинѣ имѣлось слѣдующее количество: сухарей и муки на мѣсяцъ, а крупы на 8 дней на всѣ войска Наманганскаго отдѣла; фуража же имѣлось весьма незначительное количество.

Водою цитадель снабжалась изъ Янги-арыка и запасъ ея имѣлся въ четырехъ небольшихъ басейнахъ.

По приказанію коменданта цитадели командира 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, подполковника Гарновскаго, войска, составлявшія гарнизонъ, были еще 19-го октября распредѣлены на случай тревоги слѣдующимъ образомъ: третья рота 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона должна была по тревогѣ выстроиться въ медресе; вторая рота этого же баталіона и рабочая и служительская команды должны были выстроиться на мѣстахъ своего расположенія; одинъ взводъ третьей роты долженъ былъ остаться въ резервѣ; отъ другого взвода одно отдѣленіе должно было занять ворота медресе, другое — парапетъ надъ воротами, третье—парапетъ надъ калиткой и четвертое — самую калитку.

Ко второй ротѣ должны были присоединиться отъ рабочей команды 56 человѣкъ и отъ служительской 18 человѣкъ. Эта рота должна была занять три капонира (госпитальный, №№ 1 и 2), выдѣливъ въ каждый изъ нихъ по 19 рядовыхъ при одномъ унтеръ-офицерѣ, а также площадку у расположенія подвижнаго артилерійскаго взвода, гдѣ должно было быть 30 человѣкъ; остальные должны были составить резервъ. Отъ служительской команды 19 человѣкъ, обученныхъ дѣйствію при орудіяхъ, поступали въ распоряженіе командира подвижного артилерійскаго взвода, подпоручика Шоболова.

Отъ рабочей команды—24 сапера и 22 рядовыхъ 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона поступали въ распоряженіе Туркестанской саперной роты поручика Борисова для устройства заваловъ противъ двухъ воротъ (въ медресе и въ госпитальное

помѣщеніе, въ бывшемъ бековскомъ домѣ) и на площади для прикрытія орудій подвижнаго артилерійскаго взвода, а также для производства работъ на капонирахъ № 1 и госпитальномъ.

Начальниками капонировъ назначены были: № 1 — подпоручикъ Поповъ, № 2 — прапорщикъ Калитинъ и госпитальнаго — подпоручикъ Бекчуринъ.

Наблюденіе за людьми, занимавшими парапеты, было возложено на подпоручика Янцына, а портупей-юнкеру Конопельскому поручено наблюдать за людьми у воротъ.

Начальникомъ одного участка укрѣпленія отъ капонира № 1 до госпитальнаго включительно былъ назначенъ капитанъ Аверьяновъ и другого, въ составъ котораго вошли три фаса, медресе и площадка, занятая подвижнымъ артилерійскимъ взводомъ—штабсъ-капитанъ Поповъ; инженерная часть была всецѣло возложена на военнаго инженера штабсъ-капитана Воронца, а артилерійская—на подпоручика Шоболова.

Этотъ порядокъ распредѣленія силъ оставался безъ измѣненія во все время послѣдовавшей осады цитадели, а усиленіе фасовъ обороны, занятіемъ банкетовъ, производилось по мѣрѣ дѣйствительной надобности.

Не смотря на всю тревожность слуховъ, усиливавшихся съ каждымъ днемъ, какъ гарнизонъ, такъ и войска, стоявшія въ лагерѣ, ежедневно выходили на работы и занимались преимущественно сломкою сакель для расчистки и уширенія эспланады.

Около 10 часовъ утра 24-го октября горнистъ, бывшій въ цѣпи у прикрытія рабочихъ на эспланадѣ, подалъ сигналъ «тревога», который тотчасъ же былъ принятъ въ цитадели, послѣ чего рабочіе, живо разобравъ изъ козелъ ружья, отошли въ цитадель.

Черезъ нѣсколько минутъ гарнизонъ въ полной боевой готовности занялъ назначенныя ему мѣста, а артилерія, зарядивъ орудія картечью, ждала удобной минуты для открытія огня.

Разспросивъ офицеровъ, бывшихъ при рабочихъ, о причинѣ поданія сигнала и узнавъ отъ нихъ, что въ городѣ показались массы вооруженнаго непріятеля, комендантъ цитадели подполковникъ Гарновскій, для полученія болѣе точныхъ свѣдѣній, направилъ полувзводъ пѣхоты подъ командой подпоручика Янцына въ городъ по дорогѣ къ базару.

Пройдя съ полувзводомъ базарныя ворота, подпоручикъ Янцынъ въ самомъ незначительномъ отъ нихъ разстояніи обнаружилъ массы коннаго и пѣшаго непріятеля, направлявшагося съ трубными звуками къ эспланадѣ; въ то же время безоружныя толпы городскихъ жителей выдвигали въ улицахъ по всѣмъ направленіямъ арбы для устройства заваловъ и пробивали бойницы въ стѣнахъ.

Полувзводъ вернулся въ цитадель, а вслѣдъ за нимъ показался непріятель, окружившій вскорѣ цитадель густыми и все возраставшими массами съ трехъ сторонъ, оставивъ свободнымъ лишь сообщеніе съ лагеремъ.

Занявъ ближайшія къ оградѣ цитадели сакли на не вполнѣ расчищенной эспланадѣ, непріятельскіе стрѣлки, въ числѣ не менѣе 5,000 человѣкъ, открыли по нашимъ капонирамъ и прочимъ веркамъ фальконетный и ружейный огонь.

Рабочая команда изъ саперъ и чиновъ 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона подъ командой штабсъ-капитана Церпицкаго быстро приступила, не смотря на сильный огонь непріятеля, къ устройству прикрытія обоихъ воротъ посредствомъ заваловъ изъ мѣшковъ съ мукою.

Затѣмъ штабсъ-капитанъ Церпицкій устроилъ такой же завалъ высотою четыре фута на площади для прикрытія орудій подвижного артилерійскаго взвода, закрытія для разсыпанныхъ по сторонамъ этихъ орудій стрѣлковъ и для обезпеченія сообщенія между госпиталемъ и медресе.

Въ то время на капонирѣ № 1 рабочей командой, къ которой были присоединены сарты, индійцы и евреи, оставшіеся въ цитадели, подъ руководствомъ поручика Борисова, поднята мѣшками же съ мукой оборонительная стѣна и насыпанъ на капитали барбетъ для орудія, которое тотчасъ же и было поставлено на немъ для дѣйствія черезъ отверстіе, оставленное между мѣшками.

Во время исполненія этихъ работъ поручикъ Борисовъ былъ раненъ въ щеку настолько тяжело, что принужденъ былъ выдти изъ строя.

На капонирѣ № 2, въ лѣвомъ проходѣ былъ поставленъ туръ и образована амбразура для орудія, которое и было здѣсь немедленно установлено.

Для прикрытія стрѣлковъ были насыпаны землею 250 сапныхъ мѣшковъ и распредѣлены по оборонительной линіи.

Такъ какъ пространство позади подвижного артилерійскаго взвода было сильно обстрѣливаемо непріятелемъ, причемъ въ зарядные ящики попало до 10 фальконетныхъ пуль большого калибра, а стоявшія здѣсь палатки были во многихъ мѣстахъ про-

биты пулями, то штабсъ-капитанъ Церпицкій, по приказанію и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ военнаго инженера штабсъ-капитана Воронца, прикрылъ ящики новымъ заваломъ высотою шесть футовъ.

До сумерокъ за вновь возведенный завалъ были отодвинуты орудія подвижного взвода, а прежній завалъ перенесенъ въ медресе.

Лѣвая оконечность завала противъ калитки была поднята до девяти футовъ высоты и въ такомъ видѣ она совершенно закрывала выходъ на площадь со двора медресе. Кромѣ того, въ видахъ усиленія обороны медресе, на парапетъ были наложены мѣшки съ землею и съ помощью кошмы образованы тыльныя и боковыя закрытія.

Всѣ перечисленныя выше работы въ значительной степени усилили положеніе обороняющихся и много способствовали уменьшенію потерь отъ огня непріятеля, стрѣлявшаго изъ-за закрытій и съ незначительнаго разстоянія весьма мѣтко.

Послѣ двухчасового усиленнаго обстрѣливанія, массы коннаго и пѣшаго непріятеля съ гикомъ и трубными звуками двинулись со стороны дровянаго и большого базаровъ на штурмъ цитадели, но, встрѣченныя картечнымъ огнемъ и выстрѣлами стрѣлковъ съ капонировъ № 1 и госпитальнаго, бросились назадъ.

Въ это время наша оборонительная линія была усилена по распоряженію коменданта 50 стрѣлками, занявшими навѣсъ—банкетъ у капонира № 1, а также банкеты и плацдармъ у госпитальнаго капонира.

Во время штурма непріятелемъ капонира № 1 былъ тяжело раненъ фальконетной пулей подпоручикъ 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона Поповъ.

Вслѣдъ за отбитіемъ непріятельскаго нападенія, по приказанію коменданта была направлена изъ госпитальнаго капонира вылазка, съ цѣлью оттѣснить непріятельскихъ стрѣлковъ, засѣвшихъ въ ближайшихъ къ эспланадѣ сакляхъ и сильно безпокоившихъ нашихъ стрѣлковъ и артилерійскую прислугу.

Едва команда охотниковъ, въ количествѣ 40 человѣкъ, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Церпицкаго, прошла первый бугоръ, находившійся передъ госпитальнымъ капониромъ, какъ была встрѣчена непріятельской пѣхотой, которая въ значительныхъ силахъ съ гикомъ начала наступать на эту команду.

Остановивъ свою команду, штабсъ-капитанъ Церпицкій далъ два залпа по непріятелю съ разстоянія не болѣе 100 шаговъ и

приказалъ броситься въ штыки. Непріятельская толпа была мгновенно уничтожена и у нея отбиты два значка, четыре фальконета и одна труба.

Двинувшись далѣе и подойдя къ базарной улицѣ, вылазка была встрѣчена выстрѣлами изъ-за барикады, составленной изъ арбъ и деревьевъ. Послѣ короткой перестрѣлки штабсъ-капитанъ Церпицкій съ крикомъ «ура» бросился на барикаду, взялъ ее, разобралъ, перекололъ ея защитниковъ и возвратился въ цитадель, зажигая на пути сакли.

Вслѣдъ за этой вылазкой была произведена другая тоже подъ начальствомъ штабсъ-капитана Церпицкаго, но уже въ составѣ 70 нижнихъ чиновъ 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, имѣвшая цѣлью оттѣснить непріятеля съ базарной улицы, зажечь базаръ и тѣмъ лишить непріятеля сборнаго пункта.

Штабсъ-капитанъ Церпицкій двинулся по базарной улицѣ, взялъ на пути слѣдованія съ боя восемь заваловъ, зажегъ часть базара и сакель на базарной улицѣ, послѣ чего вернулся въ цитадель.

Такъ какъ со стороны большого базара непріятель былъ уже до нѣкоторой степени ослабленъ тѣми потерями, которыя онъ понесъ и отъ огня съ оборонительной линіи и отъ нашихъ вылазокъ, то болѣе энергичному обстрѣливанію подвергались уже другія части цитадели: капониры №№ 1 и 2, со стороны дровянаго базара.

Чтобы оттѣснить непріятельскихъ стрѣлковъ отъ ближайшихъ въ этомъ направленіи сакель и сжечь эти послѣднія, около трехъ часовъ пополудни было произведено одновременно четыре вылазки, каждая въ 40 человѣкъ охотниковъ, подъ командою штабсъ-капитана Церпицкаго, подпоручиковъ Янцына и Корытова и прапорщика Калитина.

Команды эти, выйдя изъ цитадели и быстро пробѣжавъ черезъ эспланаду, выбили непріятеля изъ ближайшихъ сакель, послѣ чего, направившись въ городъ по указаннымъ имъ направленіямъ, взяли встрѣченные на пути завалы, оттѣснили непріятеля выстрѣлами и штыками и вернулись въ цитадель.

Непріятель, ошеломленный и обезсиленный потерями этого дня, около трехъ часовъ пополудни прекратилъ стрѣльбу.

Въ это время въ цитадель прибылъ съ первой ротой 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и четвертой ротой 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, временно командовавшій въ отсутствіе генерала Ско-

белева отрядомъ, сосредоточеннымъ близъ Намангана въ цитадели и въ лагерѣ.

Одновременно съ нападеніемъ на цитадель, т. е. около 10 часовъ утра, на высотахъ къ сѣверу отъ лагеря появились большія толпы конныхъ кипчаковъ, а въ садахъ, прилегающихъ къ лагерю, со стороны Ауліэ-Мазара пѣшіе жители, которые и открыли по лагерю огонь изъ ружей и фальконетовъ.

Полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій приказалъ ударить тревогу и войска заняли заранѣе назначенныя имъ мѣста.

Нѣсколько ружейныхъ и два-три орудійныхъ выстрѣла заставили непріятеля отхлынуть назадъ, послѣ чего въ продолженіи цѣлаго дня онъ держался на высотахъ и въ дальнихъ садахъ, производя по лагерю безвредный огонь, на который войска почти совсѣмъ не отвѣчали.

Со стороны цитадели была слышна сильная перестрѣлка, но полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, основываясь на данной ему генераломъ Скобелевымъ инструкціи, не трогался съ мѣста.

Въ часъ пополудни въ лагерь прискакали джигиты, посланные изъ цитадели начальникомъ Наманганскаго участка капитаномъ Аверьяновымъ съ увѣдомленіемъ, что нападеніе на цитадель отбито и что произведенными вылазками непріятелю нанесенъ огромный уронъ.

Тогда полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій двинулся къ цитадели съ первой ротой 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и четвертой ротой 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и по прибытіи туда обошелъ всѣ верки и нашелъ оборону въ совершенно удовлетворительномъ состояніи.

Такъ какъ по донесеніямъ офицеровъ, ходившихъ на вылазки, мѣстность вблизи цитадели была завалена непріятельскими трупами, то комендантъ, опасаясь зараженія воздуха отъ разложенія этихъ труповъ, приказалъ штабсъ-капитану Церпицкому съ рабочей командой подобрать лежавшія по близости тѣла, причемъ въ прикрытіе рабочей команды былъ назначенъ по распоряженію полковника барона Меллера-Закомельскаго одинъ взводъ 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона.

Направясь для исполненія этого порученія къ базару, штабсъ-капитанъ Церпицкій былъ встрѣченъ выстрѣлами, но рѣшительнымъ наступленіемъ онъ обратилъ непріятеля въ бѣгство.

Очистивъ отъ непріятельскихъ стрѣлковъ ближайшія сакли,

команда штабсъ-капитана Церпицкаго начала нагружать имѣвшіяся при ней повозки непріятельскими трупами.

Въ это время явилась депутація отъ татарскихъ и еврейскихъ семействъ съ просьбою взять ихъ въ цитадель для защиты отъ неистовства кипчаковъ и возмутившихся наманганцевъ.

Такъ какъ кварталъ, въ которомъ жили преданные русскимъ татары и евреи, находился недалеко, то штабсъ-капитанъ Церпицкій двинулся съ частью своей команды въ татарскій кварталъ, выгналъ оттуда непріятеля и тѣмъ далъ возможность бывшимъ тамъ татарскимъ и еврейскимъ семействамъ, въ числѣ до 800 человѣкъ, присоединиться къ нему.

Послѣ этого команда вернулась въ цитадель.

Одновременно съ вылазкой штабсъ-капитана Церпицкаго полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій командировалъ первую роту 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и взводъ четвертой роты 2-го туркестанскаго линейнаго баталіона подъ начальствомъ маіора Калитина уширить улицу, ведущую отъ цитадели къ лагерю.

Выждавъ возвращенія взвода 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, ходившаго съ штабсъ-капитаномъ Церпицкимъ на вылазку, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій вернулся съ этимъ взводомъ въ лагерь, куда маіоръ Калитинъ прибылъ уже раньше, успѣвъ зажечь на дорогѣ всѣ сакли и проложивъ въ стѣнахъ дворовъ и садовъ широкіе проходы.

Ночь съ 24-го на 25-е октября прошла почти совершенно спокойно.

Непріятель хотя и стрѣлялъ по лагерю и пытался подкрадываться, но былъ вездѣ отбиваемъ выстрѣлами съ передовыхъ постовъ.

На освѣщенной пылавшими саклями эспланадѣ цитадели не было видно непріятеля, но шумъ и стукъ топоровъ указывали на то, что онъ дѣятельно готовится къ дѣлу и устраиваетъ завалы.

На слѣдующій день 25-го октября усиленіе оборонительной линіи продолжалось. Завалъ, прикрывавшій подвижной артилерійскій взводъ, былъ поднятъ до предполагавшейся высоты въ шесть футовъ и на гребнѣ его образованы изъ малыхъ мѣшковъ бойницы для стрѣлковъ. Сдѣланы были траверзы: между орудіями на госпитальномъ капонирѣ, поперечный на капонирѣ № 2 и противъ госпитальныхъ воротъ, при выходѣ изъ нихъ на площадь.

На госпитальномъ капонирѣ былъ обшитъ досками и обсыпанъ

землею расходный пороховой погребокъ, причемъ работа эта была вызвана необходимостью уширить мѣсто позади праваго орудія, поставленнаго на капонирѣ.

Выходы изъ капонировъ госпитальнаго и № 2 были завалены и отчасти произведено разравниваніе бугра, образовавшагося изъ сломанныхъ сакель передъ подвижнымъ артилерійскимъ взводомъ и мѣшавшаго хорошему обстрѣлу орудій, а также срублены деревья передъ подвижнымъ взводомъ и госпитальнымъ капониромъ.

Часть приготовленныхъ гарнизономъ земляныхъ мѣшковъ была распредѣлена по оборонительной линіи.

Навѣсъ-банкетъ возлѣ порохового погреба былъ доконченъ рабочими изъ туземцевъ и продолжалось рытье колодцевъ, прерванное наканунѣ.

Между тѣмъ еще съ ранняго утра звуки трубъ въ городѣ призывали наманганцевъ къ возобновленію нападенія и хотя по цитадели былъ открытъ фальконетный и ружейный огонь, гарнизонъ спокойно выжидалъ приближенія непріятеля на близкую дистанцію и не отвѣчалъ на выстрѣлы.

Въ 8 часовъ утра комендантъ послалъ рабочую команду, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Церпицкаго, чтобы продолжать расчистку эспланады подъ прикрытіемъ полувзвода 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона подъ командой портупей-юнкера Конопельскаго.

Имѣя въ виду произвести рубку деревьевъ и сжечь сакли наружнаго (дальнѣйшаго) края эспланады, штабсъ-капитанъ Церпицкій двинулся съ рабочей командой по большой базарной улицѣ, но едва онъ прошелъ базарныя ворота, какъ справа и слѣва на него посыпались выстрѣлы.

Путь впереди былъ прегражденъ заваломъ, занятымъ непріятелемъ и штабсъ-капитанъ Церпицкій принужденъ былъ повести свою команду штурмовать завалъ, которымъ и овладѣлъ. Преслѣдуя непріятеля далѣе, команда овладѣла одинъ за другимъ еще семью завалами и совершенно очистила базарную улицу отъ непріятеля.

Затѣмъ, соединившись съ прибывшей на поддержку колонной полковника барона Меллера-Закомельскаго, команда штабсъ-капитана Церпицкаго вернулась въ цитадель.

Полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій выступилъ въ этотъ день изъ лагеря съ 4-й ротой 1-го и 4-й ротой 2-го Туркестанскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, съ цѣлью окончить начатое наканунѣ уширеніе улицы между цитаделью и лагеремъ, указанное въ инструкціи, данной ему генераломъ Скобелевымъ.

Успѣшно окончивъ эту работу, онъ собралъ роты на эспланадѣ у цитадели, откуда, услышавъ перестрѣлку команды штабсъ-капитана Церпицкаго, послалъ маіора Калитина съ 4-й ротой 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона для поддержки ея, а вслѣдъ за симъ и самъ двинулся туда же съ 4-й ротой 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и однимъ орудіемъ подвижнаго артилерійскаго взвода, взятымъ изъ цитадели.

Колонна полковника барона Меллера-Закомельскаго дошла до начала базара и отсюда, какъ уже было упомянуто выше, присоединивъ къ себѣ команду штабсъ-капитана Церпицкаго, вернулась въ цитадель, причемъ на обратномъ пути были разрушены и подожжены всѣ сакли. Непріятель понесъ большія потери и масса труповъ осталась на мѣстѣ дѣйствія нашей вылазки.

Еще утромъ 25-го октября непріятель отвелъ арыки, снабжавшіе водою цитадель и лагерь, вслѣдствіе чего немедленно были приняты мѣры къ бережному расходованію запаса воды, имѣвшагося въ цитадели въ прудахъ, вырытыхъ ранѣе по приказанію генерала Скобелева, а въ лагерѣ въ плесахъ арыковъ и въ близъ лежащихъ прудахъ. Запаса воды могло хватить на нѣсколько дней.

Можно было ожидать, что наступающая ночь пройдетъ спокойно; городъ во многихъ мѣстахъ горѣлъ, а шумъ въ непріятельскомъ станѣ и стукъ были слышны на далекомъ разстояніи отъ цитадели.

Но около 2-хъ часовъ ночи у воротъ со стороны лагеря послышался сдержанный говоръ людей и храпъ лошадей.

Все встрепенулось; прикрытіе, стоявшее у воротъ, заняло завалъ и вскорѣ замѣтило кучки людей, подползавшихъ къ воротамъ изъ-за кустовъ и деревьевъ. Три дружныхъ залпа, данные по непріятелю, очистили впередилежащую мѣстность, послѣ чего въ остальную часть ночи спокойствіе болѣе не нарушалось.

26-го октября непріятельскія трубы съ 7-ми часовъ утра начали сзывать наманганцевъ къ нападенію, но до 9-ти часовъ все было спокойно.

Оборонительныя работы въ этотъ день продолжались, причемъ изъ сартовъ и евреевъ, находившихся въ цитадели, была сформирована рабочая команда, начавшая съ ранняго утра кладку оборонительной стѣны на капонирѣ № 1. Работа по устройству порохового погреба также была возобновлена.

Въ 8 часовъ утра прибылъ изъ лагеря полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій съ 3-й ротой 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, 2-й ротой 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и однимъ конным орудіемъ и двинулся къ дровяному базару, оттѣснилъ непріятеля на значительное разстояніе и тѣмъ далъ возможность гарнизону цитадели произвести фуражировку для пополненія запаса клевера и ячменя.

Въ это время непріятель началъ обстрѣливать цитадель со стороны большого базара. Чтобы оттѣснить его и сжечь окончательно какъ улицу, такъ и базаръ, подполковникъ Гарновскій послалъ 3-ю роту 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона подъ командой штабсъ-капитана Попова, который, овладѣвъ на пути двумя завалами и свернувъ переулками, вышелъ къ большому базару, зажегъ его и направился обратно по базарной улицѣ.

Зайдя такимъ образомъ въ тылъ непріятелю, занимавшему баррикады и прогоняя защитниковъ ихъ выстрѣлами, штабсъ-капитанъ Поповъ разбиралъ всѣ баррикады и зажегъ ихъ и сакли.

Рота вернулась въ цитадель черезъ два часа по выступленіи, потерявъ одного раненаго.

Въ это же самое время и колонна полковника барона Меллера-Закомельскаго прошла весь дровяной базаръ и значительную часть большого базара, причемъ овладѣла двумя завалами, зажгла на своемъ пути все то, что еще уцѣлѣло, послѣ чего вернулась въ цитадель, а оттуда въ лагерь.

Вся потеря наша за три дня 24-го, 25-го и 26-го октября состояла изъ трехъ раненыхъ оберъ-офицеровъ (Туркестанской саперной роты поручикъ Борисовъ и 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона подпоручикъ Поповъ и прапорщикъ Федоровъ), шести убитыхъ, 31 раненыхъ и 14-ти контуженныхъ нижнихъ чиновъ.

О всѣхъ вышеописанныхъ событіяхъ генералъ Скобелевъ получилъ свѣдѣніе на бивакѣ у Чуста и въ 12 часовъ ночи на 26-го октября поднялъ отрядъ.

Въ часъ ночи авангардъ былъ уже въ полномъ движеніи по Наманганской дорогѣ, а въ 11½ часовъ утра 26-го октября голова колонны, наступая отъ окрестностей Тюря-Кургана съ боемъ, была уже въ лагерѣ, гдѣ и соединилась съ отрядомъ, оставшимся подъ начальствомъ полковника барона Меллера-Закомельскаго.

Въ часъ пополудни генералъ Скобелевъ прибылъ въ цитадель,

гдѣ нашелъ какъ оборонительныя работы, такъ и вообще нравственное настроеніе гарнизона въ превосходномъ состояніи.

Въ своемъ донесеніи командующему войсками округа о событіяхъ 24-го, 25-го и 26-го октября въ Наманганѣ [1]) генералъ Скобелевъ въ весьма горячихъ выраженіяхъ свидѣтельствовалъ о добдестномъ поведеніи вообще всѣхъ войскъ, оставленныхъ въ Наманганѣ, въ особенности же о примѣрномъ во всѣхъ отношеніяхъ поведеніи при этихъ трудныхъ обстоятельствахъ коменданта цитадели подполковника Гарновскаго, полковника барона Меллера-Закомельскаго, военнаго инженера штабсъ-капитана Воронца и капитана Аверьянова, который, какъ наиболѣе знакомый съ городомъ и жителями, принесъ большую пользу дѣлу обороны и молодецки исполнилъ свой долгъ, командуя фасомъ, на который главнымъ образомъ былъ направленъ натискъ непріятеля.

Въ 3 часа пополудни 26-го октября генераломъ Скобелевымъ была произведена рекогносцировка съ отрядомъ въ составѣ 4-й роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, 1-й Семирѣченской казачьей сотни, двухъ конныхъ орудій и ракетнаго дивизіона по направленію оврага Сай-буи съ цѣлью окончательнаго опредѣленія пунктовъ для расположенія батареи, такъ какъ генералъ Скобелевъ рѣшилъ на другой день бомбардировать и штурмовать городъ, преимущественно направляя ударъ на укрѣпленную и сильно занятую часть города у раздѣленія арыковъ.

Отрядъ, назначенный для производства рекогносцировки, слѣдуя въ означенномъ направленіи, отогналъ значительныя массы непріятельской кавалеріи, занимавшей высоты по сѣверной окраинѣ города, а нѣсколько удачныхъ артилерійскихъ выстрѣловъ заставили непріятеля уйти на далекое разстояніе.

Рекогносцивовка эта, произведенная подъ огнемъ непріятеля, показала слѣдующее:

1) Что артилерійская позиція, выбранная нами еще ранѣе, вполнѣ отвѣчаетъ цѣли—безусловнаго командованія надъ городомъ.

2) Что наступленіе штурмовыхъ колоннъ съ этой позиціи къ центру сопротивленія было кратчайшее.

3) Что при охватывающемъ движеніи части отряда по высотамъ вдоль Чартакской дороги, непріятель, выбитый наступленіемъ штурмовыхъ колоннъ съ праваго берега Сай-буи, будетъ

[1]) Рапортъ отъ 7-го ноября за № 52.

поставленъ перекрестнымъ огнемъ нашихъ войскъ въ невозможность упорно держаться за завалами, сооруженными на лѣвомъ берегу этого арыка.

Большая пыль по направленію къ мечети Байны-Кадре, гдѣ расположились вожди газата Батырь-Тюря, Маулеви-Ишанъ и другіе, въ связи съ полученными отъ лазутчиковъ свѣдѣніями, убѣдили генерала Скобелева, что хотя непріятель и занимаетъ весьма сильную позицію (однихъ вооруженныхъ ружьями было до 9,000 человѣкъ), но расположенъ скученно и не можетъ выдержать усиленнаго обстрѣливанія артилерійскимъ огнемъ.

Этой же рекогносцировкой опредѣлилось, что для дѣйствія артилеріи на пунктъ соединенія арыковъ, близъ котораго непріятель сосредоточилъ свои силы, представляла весьма большія выгоды позиція на правомъ берегу Сай-буи № 2, какъ болѣе близкая къ цѣли.

При обратномъ движеніи рекогносцировочнаго отряда непріятель пытался перейти въ наступленіе, но нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ изъ цѣпи заставили его отойти.

Около 5-ти часовъ пополудни непріятельскіе стрѣлки, занявъ сады у Ауліэ-Мазара, противъ праваго фаса лагеря, открыли по нему довольно сильный огонь.

Чтобы отогнать непріятеля былъ посланъ полувзводъ 3-й роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона подъ командой штабсъ-капитана Киркина, который, послѣ непродолжительной перестрѣлки, съ крикомъ «ура», штыками выбилъ непріятеля изъ занятой имъ позиціи, послѣ чего вернулся въ лагерь.

Въ теченіе всей ночи съ 26-го на 27-е октября непріятель никакихъ попытокъ къ нападенію не обнаружилъ.

Предположивъ 27-го октября занять западную часть Намангана по правому берегу Сай-буи и по выбитіи оттуда непріятеля расположиться на позиціи и укрѣпить ее, генералъ Скобелевъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе:

Три штурмовыя команды должны были, наступая концентрически, сойтись у соединенія Янги-арыка съ арыкомъ Сай-буи.

Первая колонна, въ составѣ 100 человѣкъ охотниковъ, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Церпицкаго, выйдя изъ цитадели, должна была прибыть къ назначенному пункту, слѣдуя по улицѣ мимо бань Дарбазъ-Ишанъ.

Вторая колонна, въ составѣ двухъ ротъ 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и одного спѣшеннаго ракетнаго станка,

подъ начальствомъ маіора Калитина, выйдя съ мѣста лагернаго расположенія, должна была слѣдовать по лѣвому берегу Янги-арыка.

Третья колонна, въ составѣ 1-й, 2-й и 4-й ротъ 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, одного орудія конно-артилерійской батареи со спѣшенною прислугою и одного спѣшеннаго ракетнаго станка, подъ начальствомъ подполковника Андросова, должна была слѣдовать къ назначенному пункту отъ артилерійской позиціи № 1.

Четвертая колонна (резервная), въ составѣ 2-й, 4-й и стрѣлковой роть 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, 3-й роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, 2-й и 5-й Оренбургской сотенъ, 1-й и полусотни 2-й Семирѣченскихъ сотенъ, семи орудій конно-артилерійской батареи Оренбургскаго казачьяго войска и ракетнаго взвода, подъ начальствомъ полковника барона Меллера-Закомельскаго, должна была, по окончаніи обстрѣливанія города съ позиціи № 1, слѣдуя черезъ арыкъ Сай-буи, перейти на артилерійскую позицію № 2.

Назначеніе четвертой, резервной, колонны состояло въ томъ, чтобы: 1) продолжать обстрѣливать главную непріятельскую позицію, т. е. пунктъ соединенія арыковъ, а также пути слѣдованія второй и третьей штурмовыхъ колоннъ; 2) затѣмъ направить огонь лѣвѣе по тѣмъ подкрѣпленіямъ, которыя могъ получить противникъ, или же по его отступающимъ въ этомъ направленіи толпамъ, и 3) дѣйствовать по кипчакской конницѣ, державшейся внѣ города въ степи и обезпечивать тылъ штурмующихъ колоннъ.

Убѣжденный, что штурмъ столь многолюднаго города, какъ Наманганъ, сильно укрѣпившагося и готоваго, какъ показали предшествовавшіе дни, къ отчаянному сопротивленію, могъ бы, не будучи достаточно подготовленъ, вовлечь въ большія потери, генералъ Скобелевъ рѣшился предварительно усиленно обстрѣлять артилеріей городъ и тѣмъ нанести уронъ его защитникамъ и поколебать ихъ рѣшимость къ борьбѣ.

Планъ этотъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ.

Въ 8 часовъ утра 27-го октября генералъ Скобелевъ выступилъ изъ лагеря съ третьей и четвертой (резервной) колоннами на артилерійскую позицію № 1, а въ 9 часовъ раздался съ нея первый артилерійскій выстрѣлъ, послужившій сигналомъ къ открытію огня и изъ цитадели.

Канонада продолжалась безостановочно до 10½ часовъ утра какъ съ позиціи, такъ и изъ цитадели.

Благодаря тому, что дистанціи до базара и до наиболѣе важныхъ пунктовъ непріятельской позиціи были измѣрены цѣпью подпоручикомъ корпуса военныхъ топографовъ Жилинымъ еще во время рекогносцировокъ 19-го и 20-го октября, а направленія на главныя мечети и вообще видныя строенія въ этомъ раіонѣ города имъ же были провѣшены инструментально на позиціи, артилерія имѣла возможность обойтись безъ пристрѣлки и начать сразу поражать намѣченныя цѣли.

По этому съ первыхъ же выстрѣловъ нашей артилеріи стало замѣтно, что ошеломленный непріятель дрогнулъ и даже толпы его тысячъ въ пять человѣкъ, обскакавшія отрядъ съ тыла, остановились и перестали гикать, какъ будто пораженныя ужаснымъ зрѣлищемъ.

Массы коннаго и пѣшаго непріятеля съ страшнымъ глухимъ шумомъ бросились бѣжать съ занимаемой ими укрѣпленной позиціи, всюду поражаемыя усиленнымъ артилерійскимъ огнемъ нашихъ батарей, стрѣлявшихъ съ разстоянія отъ 300 до 800 саженъ.

Съ цитадели въ обстрѣливаніи города участвовали пять орудій, поставленныхъ на площади у провіантскаго магазина.

Орудія были установлены по компасу на сѣверо-востокъ, т. е. на пунктъ непріятельскаго расположенія, разстояніе до котораго было опредѣлено по плану.

Въ 10½ часовъ утра генералъ Скобелевъ съ третьей штурмовой колонной двинулся, встрѣчая на пути лишь самое слабое сопротивленіе, къ назначенному пункту, куда прибыли, согласно диспозиціи, и первая и вторая штурмовыя колонны, тоже почти безъ боя.

Затѣмъ части, собравшіяся у соединенія арыковъ, за исключеніемъ 1-й роты 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, двинулись, зажигая все на своемъ пути, на эспланаду цитадели, гдѣ и расположились на ночлегъ, а генералъ Скобелевъ съ 1-й ротой 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона вернулся къ резервной колоннѣ.

Начальникъ резервной колонны, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, перешелъ въ 10½ часовъ утра на позицію № 2, откуда и обстрѣливалъ городъ, а затѣмъ направилъ стрѣлковую роту 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона по большой Чартакской улицѣ въ городъ.

Рота эта, путь которой показывалъ корпуса военныхъ топографовъ подпоручикъ Жилинъ, дошла до мучного базара, зажигая все на своемъ пути и вернулась другой дорогой къ своей колоннѣ, которая вслѣдъ за симъ перешла на бивакъ на мѣсто стараго лагеря.

Непріятельская позиція, которую безъ преувеличенія можно было назвать неприступной, была покинута имъ безъ сопротивленія и благодаря этому городъ былъ взятъ нами безъ всякой съ нашей стороны потери.

Убыль непріятеля не представлялось возможнымъ точно опредѣлить и можно было лишь съ увѣренностью сказать, что она была громадная.

Наша артилерія, бывшая на позиціяхъ № 1 и 2 подъ начальствомъ гвардіи капитана Ермолова, а въ цитадели—подпоручика Шоболова, дѣйствовала выше всякой похвалы и вся честь дѣла принадлежала ей.

Городъ запылалъ по всѣмъ направленіямъ.

Еще 27-го октября вечеромъ, а также и на слѣдующій день, 28-го числа утромъ, явились къ генералу Скобелеву съ изъявленіемъ покорности жители Намангана и окрестныхъ кишлаковъ въ числѣ до 2,000 человѣкъ съ аминами и аксакалами во главѣ.

Они принесли безусловную повинную и раскаяніе и на предложенныя имъ тяжелыя условія покорно выразили полнѣйшее согласіе.

Чтобы возможно чувствительнѣе наказать жителей Намангана за ихъ вѣроломство и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить нашъ отрядъ на зиму болѣе или менѣе удовлетворительными помѣщеніями, генералъ Скобелевъ объявилъ жителямъ, что все пространство, ограниченное степью, направленіемъ отъ лагеря къ цитадели, эспланадой до воротъ, ведущихъ на базаръ и направленіемъ отъ этихъ воротъ до ущелья Сая отходитъ со всѣми строеніями въ распоряженіе русской казны.

Мечети, каравансараи и вообще лучшія зданія, находившіяся въ этомъ раіонѣ, были предназначены для занятія ихъ войсками и были приведены впослѣдствіи въ оборонительное положеніе, а участки, занимаемые частями войскъ, были соединены широкими улицами, причемъ было обращено вниманіе на то, чтобы участки эти взаимно фланкировались.

Благодаря такому рѣшенію, вопросъ объ обезпеченіи отряда помѣщеніями на зиму разрѣшался какъ нельзя болѣе легко и хо-

рошо, такъ какъ приспособленіе сакель не представляло особыхъ затрудненій и было исполнено весьма быстро, причемъ пришлось построить временные бараки только для кавалеріи.

28-го октября, въ видахъ удобнѣйшаго снабженія фуражомъ, генералъ Скобелевъ, съ пятью ротами пѣхоты, всей кавалеріей и артилеріей двинулся по Чартакской дорогѣ и расположился въ пяти верстахъ отъ стараго лагеря.

29-го октября, до разсвѣта, онъ командировалъ полковника барона Меллера-Закомельскаго съ отрядомъ изъ одной роты пѣхоты, посаженной на арбы, всей кавалеріи, двухъ конныхъ орудій и ракетнаго дивизіона для наказанія жителей кишлака Шайтанъ, расположеннаго въ двухъ верстахъ отъ Тюря-Кургана, по дорогѣ въ Чустъ.

Жители этого кишлака ограбили индійцевъ, ѣхавшихъ изъ Намангана въ Ходжентъ, перехватывали нашихъ джигитовъ и стрѣляли по отряду генерала Скобелева, когда онъ, 24-го октября, слѣдовалъ изъ Тюря-Кургана въ Чустъ.

Полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, исполнивъ возложенное на него порученіе, вернулся въ тотъ же день поздно вечеромъ на бивакъ у кишлака Чартакъ, куда перешелъ въ этотъ день генералъ Скобелевъ.

31-го октября въ отрядѣ были получены первыя свѣдѣнія о сборѣ непріятеля за Нарыномъ, у кишлака Балыкчи, а 1-го ноября генералу Скобелеву было уже извѣстно, что непріятель занялъ передовыми партіями кишлаки Кепе и Яръ-Курганъ, расположенные на нашемъ (правомъ) берегу рѣки Нарына, въ 12-ти верстахъ отъ Намангана.

Рѣшившись атаковать его, генералъ Скобелевъ, чтобы ввести въ заблужденіе непріятеля, зорко слѣдившаго за нашимъ выдающимся положеніемъ у Чартака, перешелъ со всѣмъ отрядомъ — старое лагерное мѣсто, откуда въ ночь на 2-е число двинулся на кишлакъ Кепе.

Генералъ Скобелевъ призналъ необходимымъ тотчасъ же нанести ударъ непріятелю по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) По свойству и способу продовольствованія своихъ шаекъ непріятель не могъ бы долго оставаться въ бездѣйствіи и черезъ два-три дня шайки его наводнили бы Наманганъ и его ближайшія окрестности, прервали бы наши сообщенія съ Ходжентомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подвозъ къ Наманганскому отряду продовольственныхъ припасовъ и фуража.

2) По времени года и въ виду перенесенныхъ трудовъ, войска нуждались въ зимнихъ помѣщеніяхъ, къ устройству которыхъ и было уже приступлено и оставленіе непріятеля въ столь близкомъ сосѣдствѣ лишило бы отрядъ содѣйствія рабочихъ, доставляемыхъ Наманганомъ, отрывало бы войска отъ работъ для фуражировокъ и, наконецъ, вынудило бы отказаться отъ правильнаго хода постройки бараковъ, подвергая такимъ образомъ вообще ходъ нашихъ работъ случайностямъ.

3) Весьма важнымъ обстоятельствомъ являлось то, что люди, осмѣлившіеся тревожить насъ столь скоро послѣ Наманганскаго погрома, очевидно, принадлежали къ лучшимъ силамъ непріятеля, представлявшимъ ядро сопротивленія. Поэтому, разбить ихъ имѣло бо́льшее значеніе въ смыслѣ успокоенія края, чѣмъ разсѣять нѣсколькими днями позже, хотя и гораздо болѣе многочисленное, но уже худшаго состава скопище.

4) Утвержденіе населенія въ покорности намъ требовало съ одной стороны огражденія его отъ подстрекателей съ лѣваго берега Сыръ-Дарьи, а съ другой всего лучше поддерживалось нашей способностью къ быстрому наступленію противъ непріятеля, когда и откуда бы онъ ни появился.

Въ составъ отряда, съ которымъ генералъ Скобелевъ выступилъ изъ лагеря подъ Наманганомъ, входили слѣдующія части: вторая рота 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, третья рота 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, четвертая рота 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, вся кавалерія, конно-артилерійскій дивизіонъ и ракетный дивизіонъ, а всего три роты, четыре съ половиною сотни, 4 орудія и 4 ракетныхъ станка.

При отрядѣ имѣлись арбы въ количествѣ, достаточномъ для того, чтобы помѣстить на нихъ половинное число людей пѣхоты, благодаря чему движеніе облегчалось и могло быть произведено съ гораздо большей быстротой.

Подходя въ 3 часа ночи къ кишлаку Кепе, бывшій въ передовомъ разъѣздѣ съ 14-ю казаками пятой Оренбургской сотни хорунжій Рогожниковъ наткнулся на значительный непріятельскій пикетъ и началъ его рубить.

Вслѣдъ затѣмъ изъ кишлака выскочила конная шайка до 200 кипчаковъ, но разъѣздъ хорунжаго Рогожникова, поддержанный первой Семирѣченской сотней есаула барона Штакельберга, послѣ непродолжительной, но отчаянной лихой кавалерійской

схватки, во время которой у непріятеля былъ отбитъ значекъ, опрокинулъ непріятеля, погналъ его и изрубилъ многихъ.

Генералъ Скобелевъ, слѣдуя съ остальной кавалеріей и ракетнымъ дивизіономъ непосредственно сзади, остановилъ преслѣдованіе разсѣянной шайки въ трехъ верстахъ за кишлакомъ и двинулся къ броду черезъ р. Нарынъ.

Перейдя черезъ Нарынъ и всѣ его рукава и значительно опередивъ при этомъ пѣхоту съ артилеріей, генералъ Скобелевъ, убѣдившись въ близости значительныхъ силъ непріятеля, построилъ кавалерію въ боевой порядокъ (въ первой линіи первая Семирѣченская и пятая Оренбургская казачьи сотни, а во второй линіи остальныя сотни съ ракетнымъ дивизіономъ) и быстро двинулся по направленію къ урочищу Ташъ-Бала.

Верстахъ въ пяти за р. Нарыномъ, у Курганчи Ташъ-Бала, наша кавалерія захватила только-что брошенный непріятелемъ лагерь, съ многочисленными разведенными кострами, нагруженными запасами продовольствія и фуража арбами и нѣсколькими палатками, но самого непріятеля, благодаря темнотѣ ночи и густому туману, не было видно и близкое присутствіе его обнаруживалось лишь громкими криками и звуками призывныхъ къ бою трубъ.

Только съ восходомъ солнца наша кавалерія увидѣла передъ собой, саженяхъ въ 200, массы коннаго непріятеля съ 40 значками.

Несмотря на крайне неблагопріятную для дѣйствій кавалеріи мѣстность, тонкія рисовыя поля и глубокіе арыки, несмотря на чрезмѣрное превосходство въ силахъ непріятельской кавалеріи и крайнее утомленіе нашихъ казаковъ, уже имѣвшихъ схватку съ непріятелемъ, генералъ Скобелевъ, желая во что бы-то ни стало захватить непріятельское орудіе, рѣшилъ атаковать непріятеля одной лишь первой линіей.

Чтобы подготовить атаку, онъ вызвалъ на позицію ракетный дивизіонъ, но, къ сожалѣнію, дѣйствіе ракетъ было крайне неудачно и изъ 12-ти пущенныхъ ракетъ десять разорвались на мѣстѣ, оглушая прислугу, и даже ранивъ одного урядника.

Хотя, несмотря на это, молодецкая прислуга съ изумительной стойкостью и хладнокровіемъ продолжала свое дѣло, непріятель видимо былъ ободренъ неудачнымъ дѣйствіемъ нашихъ ракетъ и открылъ по казакамъ сильную пальбу изъ орудія, фальконетовъ и ружей.

Стойко выдерживая огонь и наступленіе непріятеля, охватывавшаго густыми массами наши фланги, казаки держались на позиціи до прибытія головной части пѣхотной колонны.

Предполагая, что пѣхота, оставленная въ Кепе, откуда кавалерія шла нарысяхъ, не можетъ, вслѣдствіе перехода черезъ множество рукавовъ, прибыть ранѣе, какъ черезъ 3 — 4 часа, генералъ Скобелевъ приказалъ ввести лошадей во дворъ Курганчи, сбатовать ихъ и, усиливъ такимъ образомъ спѣшенныхъ казаковъ, приготовился къ отчаянной схваткѣ.

Чтобы по возможности выиграть время и отдалить моментъ рѣшительнаго наступленія непріятеля, генералъ Скобелевъ приказалъ не отвѣчать на усиленный непріятельскій огонь, вовсе не разсыпалъ цѣпи, держалъ сотни въ сомкнутомъ строю и позволилъ только Семирѣченской сотнѣ дать два залпа по слишкомъ близко насѣдавшему непріятелю.

Уже полтора часа продолжалась перестрѣлка и если огонь непріятельскаго орудія и ружейный былъ недѣйствителенъ, то это можно объяснить лишь полной неожиданностью появленія нашей кавалеріи, благодаря чему непріятельскіе стрѣлки и прислуга орудія засуетились и совершенно потеряли спокойствіе.

Продолжая обстрѣливать нашъ отрядъ, непріятель подходилъ къ нему все ближе и ближе, и занялъ Курганчу Тахта-Булакъ противъ нашего лѣваго фланга.

Положеніе нашей кавалеріи становилось критическимъ и несмотря на то, что казаки вели себя молодцами, генералъ Скобелевъ, по его собственному выраженію, въ письмѣ [1]) къ генералу Троцкому «почувствовалъ себя слабѣе противника».

Какъ вдругъ въ рядахъ непріятеля стало замѣтно какое-то смятеніе, а вслѣдъ за этимъ непріятель сталъ увозить свое орудіе [illegible] густыя толпы его отхлынули отъ праваго фланга нашего расположенія. Недолго пришлось ждать разгадки этого явленія: со стороны Кепе на рысяхъ приближался, подъ начальствомъ полковника барона Меллера-Закомельскаго, конно-артилерійскій дивизіонъ капитана Ермолова подъ прикрытіемъ 30-ти стрѣлковъ второй роты 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, посаженныхъ на орудія и зарядные ящики.

Перейдя бродъ у Кепе, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій увидѣлъ разрывъ нашихъ ракетъ и услыхалъ вслѣдъ за симъ артилерійскую и ружейную пальбу.

---

[1]) Отъ 6-го ноября 1875 года.

Сообразивъ, что нечаянное нападеніе не удалось и опасаясь за исходъ неравнаго боя, онъ двинулся впередъ на рысяхъ съ конно-артилерійскимъ дивизіономъ, не обращая вниманія на то, что со стороны города Балыкчи раздавались трубные звуки и на правомъ флангѣ показался уже непріятель.

Соединившись съ артилеріей, генералъ Скобелевъ тотчасъ же перешелъ въ наступленіе и двинулъ первую Семирѣченскую сотню въ атаку на мѣсто, съ котораго послѣдній разъ стрѣляло непріятельское орудіе и на которомъ виднѣлись еще непріятельскіе всадники.

Но, не выждавъ этой атаки, непріятель стремительно бросился за Дарью.

Наша артилерія все время поражала отступавшаго непріятеля гранатами и картечными гранатами и нанесла ему значительный уронъ.

Скоро прибыла и остальная часть пѣхотной колонны и генералъ Скобелевъ, давъ войскамъ трехчасовой отдыхъ у Курганчи Тахта-Булакъ, вернулся въ Наманганъ.

Впечатлѣніе нанесеннаго кипчакамъ пораженія было настолько сильно, что, противъ своего обыкновенія, они не провожали отряда, за исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, которые тоже быстро ушли за Дарью послѣ двухъ-трехъ произведенныхъ по нимъ выстрѣловъ.

Въ этомъ дѣлѣ у Ташъ-Бала 2-го ноября было ранено три казака и одинъ контуженъ.

Нравственныя послѣдствія одержанной побѣды были громадны и сказались тотчасъ же.

На обратномъ пути черезъ Яръ-Курганъ жители этого огромнаго кишлака толпами выходили навстрѣчу и выражали готовность ловить кипчаковъ, въ случаѣ ихъ появленія, а также со всѣхъ сторонъ приходили самыя утѣшительныя вѣсти о томъ, что жители твердо рѣшились не поддаваться обольщеніямъ кипчаковъ и принялись за свои мирныя занятія.

Донося объ этомъ командующему войсками округа [1]), генералъ Скобелевъ выражалъ увѣренность, что полное подчиненіе послѣдуетъ лишь тогда, когда кипчакамъ будетъ нанесенъ существенный ударъ въ ихъ собственной странѣ, на лѣвомъ берегу Дарьи, такъ какъ только этимъ можно отбить у нихъ охоту нару-

[1]) Рапортъ отъ 7-го ноября 1875 г. № 52.

шать спокойствіе нашего Наманганскаго отряда и жителей вновь присоединеннаго Наманганскаго отдѣла.

Критическое положеніе, въ которомъ нашъ отрядъ оказался въ дѣлѣ на урочищѣ Ташъ-Бала, благодаря тому, что въ составѣ его не было пѣхоты, а мѣстность, покрытая рисовыми полями, была крайне неблагопріятна для дѣйствія казаковъ въ конномъ строю, особенно благодаря тому, что совершенно неожиданные разрывы ракетъ на станкахъ не дали возможности подготовить кавалерійскую атаку, привело генерала Скобелева къ убѣжденію, что, во избѣжаніе возможности повторенія подобныхъ опасныхъ случаевъ, всегда необходимо имѣть въ составѣ летучихъ и рекогносцировочныхъ отрядовъ хотя бы небольшое количество пѣхоты и навело на мысль сформировать конно-стрѣлковый эскадронъ изъ пѣхотинцевъ, посаженныхъ на коней.

Польза такого эскадрона, который могъ сопровождать казачьи отряды всюду и придавать этимъ отрядамъ должную устойчивость и способность вести бой съ успѣхомъ при всевозможныхъ условіяхъ и не опасаться положеній, подобныхъ тому, какъ при Ташъ-Бала, была настолько очевидна, что генералъ Скобелевъ на слѣдующій же день, 3-го ноября, приступилъ уже къ формированію конно-стрѣлковаго эскадрона въ составѣ 15 рядовъ во взводѣ, причемъ лошади съ сѣдлами были доставлены по его приказанію жителями гор. Намангана и окрестныхъ кишлаковъ, изъявившими при этомъ полную готовность всѣми силами помогать намъ противъ кипчаковъ, не жалѣя для этого даже своего имущества.

Удачная мысль о сформированіи конно-стрѣлковаго эскадрона была вполнѣ одобрена генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ, разрѣшившимъ отпускъ денегъ на содержаніе этого эскадрона изъ экспедиціонн[illegible] суммъ. Эскадронъ былъ быстро сформированъ, насколько возможно подученъ, а черезъ 10 дней, 12-го ноября, онъ уже принялъ участіе въ штурмѣ кишлака Балыкчи.

Какъ видно изъ послѣдующаго описанія этого штурма, только-что сформированный конно-стрѣлковый дивизіонъ принялъ въ немъ дѣятельное участіе, чѣмъ доказалъ свое право на существованіе и основательность возлагаемыхъ на него надеждъ.

Зорко слѣдя черезъ надежныхъ лазутчиковъ за движеніемъ непріятеля, генералъ Скобелевъ получилъ въ 12 часовъ дня 11-го ноября слѣдующія достовѣрныя свѣдѣнія:

1) Шайка кипчаковъ болѣе 3,000 человѣкъ, съ двумя орудіями, подошла къ Минь-Булаку 10-го ноября вечеромъ.

2) Главныя силы непріятеля, въ количествѣ до 20,000 челов., подъ начальствомъ Вали-Хана-Тюри Маргеланскаго, занимали кишлакъ Балыкчи, имѣя здѣсь огромные запасы всего необходимаго для шаекъ; для обезпеченія всѣхъ этихъ запасовъ кишлакъ былъ забарикадированъ, занятъ однимъ папсатомъ сарбазовъ [1]), а Вали-Ханъ-Тюря съ остальной конницей и пѣхотой расположился возлѣ моста.

3) Шайка въ 4,000 челов., при двухъ орудіяхъ, стоитъ лагеремъ въ 100 саженяхъ отъ кишлака Шода, за кишлакомъ, вправо отъ большой дороги изъ Намангана.

4) Батырь-Тюря съ 3,500 конницы и пѣхоты того же числа, т. е. 10-го ноября, вечеромъ стоялъ на мѣстности Кизилъ-Курганъ, за Нарыномъ, *противъ Уйчи*.

Всѣ эти шайки представляли какъ бы кадръ вооруженныхъ людей, къ которымъ присоединилась масса аламановъ.

О намѣреніяхъ непріятеля извѣстія расходились: одни лазутчики сообщали, что непріятель предполагаетъ ударить на Чусть; другіе же утверждали, что сборнымъ пунктомъ назначенъ Наманганъ.

Во всякомъ случаѣ было очевидно, что переходъ непріятельскихъ скопищъ на нашъ берегъ былъ неминуемъ, что подтверждалось отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что спокойствіе, водворившееся въ Наманганѣ и его окрестностяхъ, въ послѣдніе дни видимо нарушалось и волненія, *хотя пока и очень слабыя, опять* начинались.

Въ два часа пополудни, 11-го ноября, было получено извѣстіе, что Батырь-Тюря съ *своей шайкой, на разсвѣтѣ этого дня*, перешелъ Нарынъ у кишлака Кайка и остановился за Чартакомъ между Кизылъ-Рабатомъ и Кискенъ-Джаромъ.

Посланные генераломъ Скобелевымъ для подтвержденія этого извѣстія лазутчики вернулись въ гор. Наманганъ въ 8 часовъ вечера, 11-го ноября, и донесли, что Батырь-Тюря дѣйствительно перешелъ р. Нарынъ.

Необходимость дѣйствовать рѣшительно была очевидна.

Кишлакъ Балыкчи съ самаго начала военныхъ дѣйствій въ Наманганскомъ отдѣлѣ, послѣ ухода генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, былъ для непріятеля центромъ, какъ стратегическимъ, такъ и продовольственнымъ.

[1]) Сарбазъ — регулярный пѣшій воинъ; папсатъ — войсковая часть въ 500 человѣкъ, т. е. около баталіона.

Защищенный тремя трудными бродами, пунктъ этотъ могъ казаться непріятелю неприступнымъ.

Полагая, что погромъ кишлака Балыкчи, средоточія организаціонной силы непріятеля, неминуемо произведетъ впечатлѣніе не только на шайки, перешедшія Нарынъ, но также на все населеніе Коканскаго ханства, генералъ Скобелевъ рѣшился немедленно дѣйствовать. Въ 8 часовъ вечера отдано было приказаніе къ выступленію, а въ 9 часовъ вечера генералъ Скобелевъ выступилъ уже *во главѣ отряда, въ составъ котораго вошли:* четвертыя роты 1-го и 2-го Туркестанскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, вторая и четвертая роты 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, конно-стрѣлковый эскадронъ, развернутый уже въ дивизіонъ, первая сотня и полусотня второй сотни Семирѣченскаго полка, первая, вторая и пятая Оренбургскія сотни, ракетный дивизіонъ, дивизіонъ первой конной батареи Оренбургскаго казачьяго войска, второй подвижной артилерійскій взводъ и команда саперовъ Туркестанской саперной роты; всего 4 роты пѣхоты, 2 эскадрона конныхъ стрѣлковъ, 4½ сотни казаковъ, 4 ракетныхъ станка и 6 орудій.

Отрядъ этотъ выступилъ съ двухдневнымъ запасомъ сухарей, но безъ обоза и кухонъ.

Скоро отрядъ подошелъ къ броду черезъ р. Нарынъ, около кишлака Кене, *откуда было видно зарево отъ костровъ* за Нарыномъ и Кара-Дарьей, свидѣтельствовавшихъ о присутствіи тамъ значительныхъ силъ непріятеля.

Донельзя трудная въ осеннюю темную ночь переправа отряда была произведена въ замѣчательномъ порядкѣ и тишинѣ, причемъ пѣхота была перевезена при помощи кавалеріи и артилеріи.

Непріятель не замѣтилъ приближенія нашего отряда и въ кишлакѣ Балакчи было совершенно тихо.

Въ 6 часовъ утра, 12-го ноября, авангардъ, подъ начальствомъ полковника барона Меллера-Закомельскаго, въ составѣ второй и четвертой ротъ 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, второй Оренбургской сотни, двухъ конныхъ орудій и двухъ орудій подвижнаго взвода былъ двинутъ впередъ.

Мѣстность впереди кишлака Балыкчи оказалась затопленной непріятелемъ; *орудія вязли и ихъ приходилось тащить на людяхъ*, но это не останавливало движенія нашего авангарда.

Въ началѣ седьмого часа, только тогда, когда авангардъ сталъ подходить къ Балыкчинскому мосту, въ непріятельскомъ лагерѣ

поднялась тревога и вслѣдъ за тѣмъ со стороны кишлака былъ открытъ сильный ружейный и фальконетный огонь.

Чтобы не обнаружить нашего расположенія и вполнѣ воспользоваться темнотою, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій приблизился къ мосту, не отвѣчая на выстрѣлы, и приказалъ четвертой ротѣ 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, подъ начальствомъ поручика Бѣлова, переправиться на ту сторону рѣки.

Такъ какъ часть настилки моста была разобрана, пришлось переправляться подъ сильнымъ огнемъ по однѣмъ только переводинамъ, ползкомъ, но несмотря на это, рота поручика Бѣлова скоро была уже на противоположномъ берегу и выбила непріятеля изъ занимаемыхъ имъ садовъ и стѣнокъ.

Въ это время съ нашей стороны раздались первые орудійные выстрѣлы.

Прибывъ на мѣсто начинавшагося боя, генералъ Скобелевъ остановилъ дальнѣйшее наступленіе 4-й роты, уже овладѣвшей лагеремъ впереди кишлака и заваломъ у входа въ главную улицу и приказалъ отвести эту роту нѣсколько ближе къ мосту, какъ во избѣжаніе потерь отъ огня непріятеля, такъ и для прикрытія моста и брода во время переправы остального отряда, которому было отдано приказаніе занять позицію на площадкѣ вправо отъ моста.

Мостъ былъ исправленъ по указаніямъ военнаго инженера, штабсъ-капитана Воронца, и какъ только весь отрядъ переправился на лѣвый берегъ рѣки, артилеріи было приказано усиленно обстрѣлять кишлакъ по направленію къ Урдѣ и базару.

Уже совершенно разсвѣтало и генералъ Скобелевъ имѣлъ возможность во время артилерійскаго обстрѣливанія изучить впередилежащую мѣстность и опредѣлить пунктъ и способъ атаки непріятельской позиціи.

Не желая вводить въ кишлакъ сразу много войскъ и рисковать получить значительныя потери въ бою въ узкихъ улицахъ, генералъ Скобелевъ рѣшилъ сначала опредѣлить степень сопротивленія непріятеля и лично повелъ на штурмъ сперва только 2-ю роту 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и 2-й полуэскадронъ спѣшенныхъ конныхъ стрѣлковъ, направивъ ихъ на Урду и базаръ. Кавалерія, подъ начальствомъ войскового старшины Смирнова, была направлена вправо отъ кишлака на Шариханскую дорогу, чтобы рубить непріятеля, когда онъ будетъ выбитъ изъ кишлака.

Въ резервѣ, подъ начальствомъ полковника барона Меллера-Закомельскаго, были оставлены три роты пѣхоты и шесть орудій.

Несмотря на дѣйствіе нашей артилеріи, непріятель усиливалъ стрѣльбу.

Крики, бой барабановъ и трубные звуки свидѣтельствовали, что онъ рѣшилъ отстаивать кишлакъ и за завалами.

Штурмовая колонна двинулась впередъ около 8-ми часовъ утра и, овладѣвъ снова заваленнымъ арбами входомъ въ главную улицу и базаромъ, выбила непріятеля изъ Урды и направилась влѣво по улицѣ, загороженной арбами и буквально биткомъ набитой непріятелемъ.

Въ отвѣтъ на непріятельскій залпъ наши бросились къ арбамъ, раздвинули ихъ и обрушились на живую стѣну, преграждавшую имъ путь.

Около двухъ минутъ солдаты работали штыками и по трупамъ людей проложили себѣ дорогу для дальнѣйшаго движенія по улицѣ, куда сталъ отступать непріятель, отстрѣливаясь изъ-за брошенныхъ арбъ и изъ сакель.

Отправивъ полковнику барону Меллеру-Закомельскому приказаніе двинуть въ городъ еще одну роту, генералъ Скобелевъ собралъ людей и, приведя ихъ на сколько возможно въ порядокъ, снова двинулся впередъ, свернулъ влѣво съ улицы и направился на сакли, гдѣ еще держался непріятель.

Не вдаваясь въ перестрѣлку, колонна бѣгомъ направилась по указанному ей направленію, штыками очистила проходы и занятыя непріятелемъ сакли, послѣ чего, выйдя въ сады, гдѣ прекращались постройки, открыла огонь по бѣжавшему уже непріятелю.

Между тѣмъ, казаки, обскакавъ кишлакъ, успѣли порубить часть бѣгущихъ по Шариханской дорогѣ, отбивъ у нихъ нѣсколько значковъ и трубъ.

Скоро кишлакъ Балыкчи былъ совершенно очищенъ отъ непріятеля и молодецкій штурмъ его закончился полнымъ разгромомъ значительныхъ силъ непріятеля.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ туземцевъ тотчасъ же послѣ этого дѣла, въ кишлакѣ Балыкчи находилось до 20,000 пѣхоты и конницы, подъ начальствомъ Вали-хана-Тюри и, кромѣ того, въ ближайшихъ кишлакахъ Минь-Булакѣ было 3,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Гаибъ-Ишикъ-Агасы и въ кишлакѣ Тады до 4,000 человѣкъ подъ начальствомъ Хашимъ-хана-Тюри.

Несмотря на такое численное превосходство непріятеля, наши

потери ограничились лишь однимъ убитымъ, восемью ранеными и двумя контуженными нижними чинами, что объясняется, главнымъ образомъ, неожиданностью нашего нападенія и рѣшительностью дѣйствій штурмовой колонны подъ личнымъ начальствомъ генерала Скобелева.

Что же касается потери непріятеля, то въ точности опредѣлить ее не было никакой возможности, но во всякомъ случаѣ она была громадна, такъ какъ на одномъ лишь мѣстѣ, гдѣ произошла штыковая свалка у базара, было насчитано до 200 труповъ, между которыми оказался и трупъ Вали-хана-Тюри Маргеланскаго.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ туземцевъ вскорѣ послѣ Балыкчинскаго дѣла, убитыхъ со стороны коканцевъ было до 2,000 человѣкъ и около 500 убитыхъ и подстрѣленныхъ лошадей.

Трофеями этого дѣла были пять бунчуковъ, въ томъ числѣ и бѣлый бунчукъ Вали-хана-Тюри, 25 значковъ, масса холоднаго и огнестрѣльнаго оружія, нѣсколько трубъ, барабановъ, 150 арбъ съ имуществомъ, преимущественно новыми одѣялами и халатами, большіе запасы продовольствія (лепешекъ, ячменя, муки, клеверу) и громадное количество разнаго скота, достигавшее до 10,000 головъ, въ томъ числѣ много лошадей.

По приказанію генерала Скобелева часть этой добычи, сколько было возможно, была взята отрядомъ съ собою, а остальное сожжено, причемъ много холоднаго и огнестрѣльнаго оружія было переломано и тоже брошено въ огонь.

Часть кишлака Балыкчи, прилегавшая къ рѣкѣ, была стерта съ лица земли.

Въ 9 часовъ вечера 12-го ноября отрядъ вернулся благополучно въ Наманганъ.

А. Серебренниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ ИСТОРІИ КОКАНСКАГО ПОХОДА [1].

(Статья третья) [2].

Мѣры, принятыя для водворенія спокойствія въ Наманганскомъ отдѣлѣ и для обезпеченія сообщеній съ Ходжентомъ и Ташкентомъ.—Отбитіе непріятельскаго скопища у Яны-кургана и перестрѣлка у Караскана.—Событія въ Кокансномъ ханствѣ въ началѣ октября 1875 года и бѣгство Насреддинъ-хана изъ Кокана.—Дѣйствія Самгарскаго, Акъ-Джарскаго и Чустскаго отрядовъ.—Дѣла у кишлаковъ Гуръ-Тюбе и Байбачи и у зимовки Ульджибай.

Послѣ заключенія съ ханомъ Кокансскимъ Сеидъ-Магометъ-Насреддинъ-ханомъ мирнаго договора, по которому во владѣніе Россійской Имперіи отошла часть Ханства, расположенная на правомъ берегу рѣки Сыръ-Дарьи и Нарына, военныя дѣйствія собственно противъ кокапскаго правительства были закончены и нашему отряду, оставленному въ Наманганѣ, предстояло лишь для водворенія полнаго порядка и спокойствія во вновь образованномъ Наманганскомъ Отдѣлѣ принять мѣры къ уничтоженію разбойничьихъ шаекъ, бродившихъ въ разныхъ мѣстахъ Отдѣла.

Главнѣйшія изъ этихъ шаекъ формировались на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи, въ кокапскихъ предѣлахъ, преимущественно около Акъ-Джарской и другихъ переправъ и въ кишлакахъ лѣваго берега противъ кишлаковъ Пунганъ, Уйгуръ и Папъ и оттуда переправлялись уже мелкими партіями на нашъ берегъ, чтобы разбойничать и волновать жителей подвластныхъ намъ кишлаковъ.

---

[1]) Составлено по официальнымъ источникамъ.

[2]) См. «Военный Сборникъ» 1901 г., № 7.

Набирая жителей этихъ кишлаковъ въ свои ряды, разбойничьи шайки дѣйствовали преимущественно въ раіонѣ нагорныхъ кишлаковъ западной части Наманганскаго Отдѣла, а именно Шайданъ, Бабадарханъ, Нангазъ, Ашаба, Гудисъ, Аштъ, Чадакъ и др.

Кромѣ того, въ сѣверной и сѣверовосточной части Отдѣла, въ раіонѣ кишлаковъ Коканъ-бай, Касанъ, Яны-Курганъ, Чартакъ, Кизилъ-Рабатъ и др., появлялись значительныя шайки кипчаковъ, формировавшіяся на лѣвомъ берегу Нарына, въ пространствѣ между этой рѣкой и Кара-Дарьей.

Хотя осѣдлое населеніе Наманганскаго Отдѣла въ большинствѣ случаевъ относилось къ такимъ шайкамъ и ихъ предводителямъ несочувственно, зная, что они преслѣдуютъ лишь свои личныя выгоды, но, лишенное возможности оказать имъ серьезное сопротивленіе и терроризованное еще въ періодъ только-что прекратившихся военныхъ дѣйствій, населеніе пришло на помощь мѣстной администраціи лишь послѣ того, какъ ему было объявлено, что имущество всѣхъ, рѣшившихся принимать у себя мятежниковъ и помогать имъ, а также и всѣхъ, не вернувшихся въ свои жилища къ назначенному сроку, будетъ конфисковано, и съ ними самими будетъ поступлено какъ съ мятежниками.

Чтобы парализовать вредное вліяніе шаекъ мятежниковъ на жителей Наманганскаго Отдѣла, немедленно по полученіи свѣдѣній о появленіи ихъ въ какой-либо мѣстности, высылались летучіе отряды, которымъ вмѣнялось въ обязанность нетолько уничтожать эти шайки, но и наказывать жителей тѣхъ кишлаковъ, которые принимали участіе въ дѣйствіяхъ шаекъ, или оказывали имъ какое-либо содѣйствіе.

Такъ, напримѣръ, по полученіи вечеромъ 8-го октября свѣдѣній о появленіи значительной шайки кипчаковъ и каракиргизовъ въ окрестностяхъ Чартака, для разбитія ея и для наказанія жителей этого кишлака, принявшихъ участіе въ возмущеніи, былъ отправленъ, по личному приказанію генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, отрядъ подъ начальствомъ генеральваго штаба полковника Фриде.

Отрядъ этотъ, въ составъ котораго входили полувзводъ саперовъ, 2-й Туркестанскій стрѣлковый баталіонъ, двѣ роты (первая и четвертая) 7-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, второй дивизіонъ первой батареи, вторая Оренбургская и полторы (первая и полусотня второй) Семирѣченскія казачьи сотни, выступилъ изъ Намангана въ 5½ часовъ утра 9-го декабря съ провіантомъ на

2 дня и однимъ комплектомъ снарядовъ и боевыхъ патроновъ и въ тотъ же день въ 9 часовъ утра прибылъ въ кишлакъ Чартакъ.

Здѣсь полковникъ Фриде узналъ, что одинъ изъ главнѣйшихъ предводителей мятежниковъ, Батырь-Тюря, былъ въ Чартакѣ на разсвѣтѣ 8-го октября и объявилъ жителямъ, что русскіе, будтобы, разбиты и почти уничтожены и приглашалъ ихъ собраться въ Яны-Курганъ въ шайки, чтобы добить послѣдніе остатки нашихъ войскъ, причемъ говорилъ, что имъ получено письмо отъ Абдурахмана-Автобачи, обѣщавшаго придти къ нимъ на помощь.

Въ тотъ же день Батырь-Тюря ушелъ въ Яны-Курганъ, забравъ съ собою, по словамъ жителей, аминовъ и казія.

Полковникъ Фриде объявилъ жителямъ, вышедшимъ на встрѣчу отряду, что онъ присланъ генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ для наказанія тѣхъ изъ нихъ, которые, повѣривъ ложнымъ слухамъ, распространяемымъ дурными людьми, вздумали бунтовать противъ русскихъ, приказалъ тотчасъ сжечь домъ и имущество казія, уѣхавшаго вмѣстѣ съ Батырь-Тюрей, и сказалъ жителямъ, что такая же участь постигнетъ имущество тѣхъ изъ нихъ, которые не будутъ жить мирно и заниматься своими обычными дѣлами и будутъ помогать бунтовщикамъ.

Вслѣдствіе свѣдѣній, полученныхъ о движеніи Батырь-Тюри, полковникъ Фриде, послѣ часового привала у Чартака, двинулъ свой отрядъ далѣе по направленію къ Яны-Кургану.

Мѣстность, по которой шелъ отрядъ, представляла долину, окаймленную съ сѣверной и съ сѣверозападной стороны возвышенностями, круто и обрывисто спускающимися въ долину.

На протяженіи отъ Намангана до Чартака дорога пролегаетъ довольно далеко отъ возвышенностей, а далѣе долина съуживается и дорога проходитъ уже почти у самой подошвы скатовъ.

Непріятельскіе разъѣзды были замѣчены на возвышенностяхъ влѣво отъ дороги и тотчасъ же послѣ выхода отряда изъ Намангана въ долину, почему отрядъ шелъ все время въ боевомъ порядкѣ вплоть до Чартака.

Затѣмъ, отъ этого кишлака отрядъ продолжалъ движеніе въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди полувзводъ саперовъ, за ними двѣ роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, дивизіонъ артилеріи, опять двѣ роты того же баталіона, двѣ роты 7-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и въ аріергардѣ $2^1/_2$ сотни казаковъ.

Для прикрытія движенія отряда съ лѣвой стороны на возвышенностяхъ двигались два полувзвода отъ 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, полувзводъ отъ 7-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и сильный казачій разъѣздъ.

Начиная отъ Чартака непріятель сталъ показываться и справа отъ дороги, но такъ какъ здѣсь мѣстность довольно открытая, то полковникъ Фриде выслалъ туда лишь два пикета изъ стрѣлковъ и полусотню казаковъ.

Не доходя двухъ верстъ до Яны-Кургана, во время привала отряда, были получены отъ боковыхъ полувзводовъ и казачьяго разъѣзда свѣдѣнія, что массы непріятеля групируются къ лѣвой сторонѣ и что части его спускаются нетолько съ лѣвой, но и съ правой возвышенности въ тылъ отряда, а также и съ фронта его.

Черезъ часъ послѣ остановки непріятель открылъ-было огонь по передовому боковому полувзводу.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ нашихъ пикетовъ и по направленію выстрѣловъ опредѣлилось, что главныя шайки непріятеля оставили кишлакъ Яны-Курганъ и намѣрены принять бой на высотахъ влѣво отъ кишлака и, поэтому, полковникъ Фриде въ $3^1/_2$ часа пополудни двинулъ отрядъ впередъ для занятія позиціи противъ кишлака Яны-Курганъ, на высотѣ, господствовавшей какъ надъ сосѣдними кишлаками, такъ и надъ мѣстностью въ сторону непріятеля.

Имѣя въ виду, что цѣль движенія отряда заключалась въ наказаніи участниковъ возмущенія, полковникъ Фриде, двинувъ отрядъ впередъ, приказалъ казакамъ, шедшимъ въ аріергардѣ, сжечь четыре курганчи, принадлежавшія кипчакамъ, принявшимъ участіе въ возмущеніи и расположенныя одна на пути движенія отряда, а остальныя три—шагахъ въ 600 вправо.

Какъ только отрядъ прошелъ зажженную курганчу, лежавшую близъ дороги, сзади его и съ боковъ раздались выстрѣлы непріятеля, спрятавшагося на джугарномъ полѣ.

Чтобы выбить оттуда непріятеля, штабсъ-капитану Церпицкому было приказано разсыпать шедшихъ въ головѣ отряда саперовъ и открыть огонь, благодаря которому непріятель скоро отступилъ съ засѣяннаго джугарой поля на возвышенности.

Въ это же время маіоръ Ранау, которому было поручено начальствованіе надъ полувзводами стрѣлковъ, шедшими по горамъ, успѣшно отразилъ непріятеля, насѣдавшаго на эти полувзводы съ лѣвой стороны дороги, а казаки аріергарда, въ особенности семирѣченская полусотня есаула Маріуцы, были атакованы большими

партіями непріятеля настолько энергично, что полковникъ Фриде принужденъ былъ двинуть на помощь казакамъ одну роту 7-го Туркестанскаго линейнаго баталіона подъ начальствомъ капитана Панцырева, которая и отразила непріятеля ружейнымъ огнемъ.

Скоро отрядъ приблизился къ возвышенности, на которой рѣшено было занять позицію и такъ какъ она была занята непріятелемъ, то пришлось прогнать его оттуда, что и было исполнено саперами и стрѣлками, быстро взбѣжавшими на эту возвышенность и заставившими непріятеля отступить за гребень другой, расположенной въ 800 шагахъ отъ нашей позиціи высоты, откуда полувзводъ саперовъ подъ начальствомъ штабсъ-капитана Церпицкаго выбилъ ихъ и заставилъ отступить далѣе, къ своему главному скопищу.

Артилерія наша при помощи стрѣлковъ 2-го баталіона быстро поднялась на избранную и занятую уже позицію и черезъ нѣсколько минутъ весь отрядъ стоялъ въ боевомъ порядкѣ противъ главныхъ массъ непріятеля.

Увидѣвъ это, непріятель началъ приближаться къ нашей позиціи двумя колоннами, съ цѣпью стрѣлковъ между ними.

Немедленно по этимъ двумъ непріятельскимъ колоннамъ былъ открытъ огонь картечными гранатами и уже послѣ четвертаго выстрѣла непріятель повернулъ назадъ и скрылся въ лощинѣ.

Черезъ нѣсколько времени колонны непріятеля вновь появились и шибкой рысью двинулись по направленію къ нашей позиціи, но три удачныхъ выстрѣла гранатами еще разъ заставили непріятельскія колонны дать тылъ и затѣмъ совершенно разсѣяться.

По пыли было видно, что непріятель бѣжалъ въ правую и въ лѣвую сторону.

Было уже 5 часовъ пополудни, окружающая гористая мѣстность была намъ совершенно не извѣстна и потому полковникъ Фриде не счелъ возможнымъ послать казаковъ для преслѣдованія бѣгущихъ и расположилъ свой отрядъ на бивакъ тутъ же на позиціи.

Отрядъ въ этотъ день прошелъ 28 верстъ, изъ которыхъ двѣ послѣднія съ боемъ, но потерь не имѣлъ совсѣмъ.

Что же касается непріятеля, котораго было около 4,000—5,000, то потери его были, по всей вѣроятности, довольно значительны, главнымъ образомъ, отъ нашего артилерійскаго огня.

Вскорѣ къ полковнику Фриде явились на поклонъ депутаціи отъ жителей кишлаковъ Яны-Курганъ и Наукатъ, которые, между

прочимъ, сообщили, что мятежники разошлись по своимъ кишлакамъ, что и подтвердили впослѣдствіи лазутчики, доставившіе свѣдѣніе, что жители кишлака Кассанъ, принимавшіе участіе въ скопищахъ Батырь-Тюри и Абдулъ-Газы, главныхъ коноводовъ возстанія, возвратились почти всѣ въ свой кишлакъ въ большомъ страхѣ въ ночь съ 9-го на 10-е октября.

Изъ разспросовъ жителей оказалось, что вслѣдствіе ложныхъ слуховъ о пораженіи русскихъ, распускаемыхъ Батырь-Тюрей и полученнаго имъ письма Абдурахмана-Автобачи, въ возстаніи приняли участіе не только кипчаки и каракиргизы, но и жители окрестныхъ кишлаковъ, въ томъ числѣ и жители Кассана.

Въ виду этого представлялось необходимымъ двинуть отрядъ къ Кассану и полковникъ Фриде рѣшилъ исполнить это на слѣдующій же день, тѣмъ болѣе, что въ 7 часовъ вечера имъ было получено предписаніе отъ начальника полевого штаба, согласно котораго отрядъ долженъ былъ вернуться въ Наманганъ, прослѣдовавъ черезъ кишлаки Кассанъ и Тюря-Курганъ.

Въ 7 часовъ утра 10-го октября отрядъ выступилъ по направленію къ Кассану.

Передъ выступленіемъ отряда съ бивака къ полковнику Фриде явились съ дастарханами жители кишлаковъ, лежащихъ въ окрестностяхъ Науката, причемъ имъ всѣмъ было объяснено, что отрядъ имѣетъ цѣлью наказать возмутившихся жителей и что отъ нихъ требуется лишь одно, чтобы они спокойно занимались своими обычными дѣлами и не принимали не только непосредственнаго участія въ шайкахъ мятежниковъ, но даже и не оказывали этимъ послѣднимъ никакого содѣйствія.

Чтобы выйти на Кассанскую дорогу, отряду предстояло спуститься въ кишлакъ Яны-Курганъ и затѣмъ, пройдя этотъ кишлакъ, вновь подняться на возвышенность.

Во время движенія по долинѣ непріятеля не было видно, но когда отрядъ поднялся на возвышенность, то очень далеко была замѣчена небольшая партія кипчаковъ, которая быстро двигалась къ Яны-Кургану.

При выходѣ отряда изъ кишлака полковникъ Фриде приказалъ зажечь три отдѣльно стоявшія курганчи кипчаковъ.

Отрядъ безпрепятственно прибылъ въ Кассанъ, пройдя 16 верстъ.

На пути попадалось много отдѣльныхъ курганчей, принадлежавшихъ кипчакамъ и каракиргизамъ, но жители всѣ бѣжали и

джигитамъ отряда удалось поймать лишь одного стараго кипчака, спрятавшагося въ джугарѣ.

Въ виду показаній жителей Яны-Кургана, Науката и другихъ кишлаковъ, что Исфаранъ есть притонъ безпокойнаго населенія, полковникъ Фриде приказалъ сжечь нѣсколько курганчей, ближайшихъ къ дорогѣ.

Путь отъ Яны-Кургана до Кассана пролегаетъ по плоской возвышенности, очень холмистой и трудной для движенія артилеріи и обозовъ.

Вода до Исфарана въ изобиліи, а послѣднія восемь верстъ къ Кассану безводны.

Отрядъ прибылъ въ Кассанъ въ 3 часа пополудни и былъ встрѣченъ жителями съ дастарханомъ.

Полковникъ Фриде объявилъ жителямъ цѣль своего прибытія—наказаніе мятежниковъ, но на это они заявили, что они будто бы собственными силами выгнали кипчаковъ изъ кишлака и даже строили баррикады противъ нихъ.

Похваливъ жителей за такія дѣйствія, полковникъ Фриде все-таки выразилъ имъ неудовольствіе на то, что они не захватили Абдулъ-Газы и другихъ людей, распространявшихъ ложные слухи, вызвавшіе возстаніе и въ наказаніе за это взялъ съ жителей реквизиціоннымъ порядкомъ довольствіе для отряда лепешками, рисомъ, скотомъ и фуражемъ.

Обрадованные, что такъ дешево отдѣлались, жители самымъ исправнымъ образомъ доставили все требуемое.

Посланные въ этотъ день въ кишлакъ лазутчики и пойманный въ Исфаранѣ старикъ-кипчакъ сообщили полковнику Фриде, что Абдулъ-Газы пріѣзжалъ въ Кассанъ 8-го октября утромъ съ кипчаками и объявилъ жителямъ то же самое, что говорилъ Батырь-Тюря въ Чартакѣ, призывалъ всѣхъ къ возстанію, въ которомъ и приняли участіе большая часть жителей Кассана, а также казій и раисы, и что Абдулъ-Газы вмѣстѣ съ Батырь-Тюрей послѣ дѣла 9-го октября у Яны-Кургана бѣжалъ въ кишлакъ Исковатъ (въ 12-ти верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Кассана), принадлежавшій Батырь-Тюрѣ, вмѣстѣ съ остатками своей шайки человѣкъ отъ 500 до 1,000.

Въ виду этого полковникъ Фриде отложилъ предположенное въ этотъ день движеніе на Тюря-Курганъ и командировалъ двѣ сотни казаковъ и 100 человѣкъ 4-й роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона на арбахъ подъ начальствомъ маіора Калитина въ Исковатъ для того, чтобы разогнать шайку Батырь-Тюри и сжечь его домъ.

Прибывъ въ Исковатъ, маіоръ Калитинъ не нашелъ тамъ шайки Батырь-Тюри, успѣвшаго уйти вмѣстѣ съ Абдулъ-Газы и съ остатками шайки въ Уйчи, и возвратился обратно въ Кассанъ въ 5½ часовъ вечера, предавъ лишь огню домъ Батырь-Тюри.

Сдѣлавъ 12-го октября обыскъ въ домахъ казія, раиса и подозрѣваемыхъ жителей кишлака и не найдя ничего особенно подозрительнаго, полковникъ Фриде въ 8 часовъ утра двинулся съ отрядомъ по направленію на Тюря-Курганъ.

Имѣя въ виду пройти съ отрядомъ возможно большее число кишлаковъ и пользуясь близостью кишлака Коканъ-бай, расположеннаго всего лишь въ 4-хъ—5-ти верстахъ отъ пути движенія отряда, полковникъ Фриде направилъ послѣ привала около кишлака Куй-Мазаръ казачьи сотни верхней дорогой черезъ Коканъ-бай, а самъ съ отрядомъ продолжалъ движеніе долиной и въ 5 часовъ вечера прибылъ въ Тюря-Курганъ, сдѣлавъ въ этотъ день переходъ въ 26 верстъ (казаки около 30) совершенно благополучно.

Жители попутныхъ кишлаковъ встрѣчали отрядъ съ дастарханомъ и выражали полную покорность русскимъ.

На слѣдующій день, 13-го ноября, отрядъ полковника Фриде возвратился въ Наманганъ, не имѣя во все время движенія ни слабыхъ, ни больныхъ.

Донося объ этомъ движеніи начальнику отряда войскъ, дѣйствовавшихъ въ Коканскомъ ханствѣ [1]), полковникъ Фриде свидѣтельствовалъ, что всѣ чины отряда вели себя отлично, безупречно, какъ во время движенія, совершеннаго въ полномъ порядкѣ, такъ и во время столкновеній съ непріятелемъ; съ особенной же похвалой полковникъ Фриде отзывался о дѣятельности штабсъ-капитана Бекчурина, исполнявшаго роль колонновожатаго и завѣдывавшаго снабженіемъ отряда продовольствіемъ и фуражемъ.

Цѣль движенія отряда полковника Фриде могла считаться достигнутой, такъ какъ жители нѣкоторыхъ кишлаковъ были наказаны сожженіемъ ихъ домовъ, а остальнымъ внушено, что въ случаѣ повторенія чего-либо подобнаго съ неменьшей строгостью будетъ поступлено и съ ними.

Съ подобной же цѣлью въ день возвращенія въ Наманганъ отряда полковника Фриде былъ отправленъ отрядъ подъ началь-

[1]) Рапортъ отъ 12-го октября.

ствомъ командира 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона полковника барона Меллера-Закомельскаго, который долженъ былъ пройти изъ Намангана черезъ кишлакъ Карасканъ далѣе почти на сѣверо-востокъ до кишлака Кизылъ-Рабатъ, расположеннаго на берегу такъ называемаго Янги-Арыка, въ 3-хъ—4-хъ верстахъ отъ рѣки Нарына.

Этотъ отрядъ, въ составѣ 2-й и стрѣлковой ротъ 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и двухъ орудій Оренбургской конной казачьей батареи, выступилъ изъ лагеря подъ Наманганомъ въ полночь съ 13-го на 14-е октября и въ 3½ часа утра 14-го числа прибылъ въ кишлакъ Карасканъ.

Присоединивъ къ своему отряду отрядъ капитана Іонова, находившійся въ этомъ кишлакѣ и состоявшій изъ 1-й и 2-й ротъ 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, взвода подвижныхъ орудій и 4-й Сибирской сотни, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій двинулся послѣ часового привала на кишлакъ Кизылъ-Рабатъ.

Пройдя кишлакъ Карасканъ, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій замѣтилъ, что справа и слѣва въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дороги жители начали зажигать огни для предупрежденія о движеніи нашего отряда, а верстахъ въ шести за этимъ кишлакомъ отрядъ внезапно встрѣтилъ непріятельскій пикетъ изъ 12-ти всадниковъ, которые быстро ускакали, бросивъ второпяхъ одно ружье.

Когда разсвѣло, начальникъ отряда увидѣлъ, что холмы и горы влѣво отъ дороги покрыты конными непріятелемъ и сдѣлалъ распоряженіе о дальнѣйшемъ движеніи отряда въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди и влѣво отъ дороги—1-я рота 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, а вправо—стрѣлковая рота 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона; за ними по дорогѣ два конныхъ орудія, 4-я Сибирская сотня, 2-я рота 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, два подвижныхъ орудія, обозъ (арбы) и 2-я рота 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона.

Пройдя нѣкоторое разстояніе и замѣтивъ, что непріятель ломаетъ мостъ черезъ Янги-арыкъ, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій приказалъ сотнику Машину двинуться впередъ съ сотней, чтобы помѣшать ломать мостъ.

Сотникъ Машинъ съ своей сотней бросился въ карьеръ къ мосту, спѣшилъ казаковъ и огнемъ отогналъ непріятеля, успѣвшаго, однако, сбросить въ воду часть мостовой настилки и ранить вахмистра 4-й Сибирской сотни Михина.

Чтобы поддержать казаковъ, были двинуты къ мосту бѣгомъ двѣ роты и два конныхъ орудія и скоро мостъ черезъ Янги-арыкъ былъ въ нашихъ рукахъ.

Оказалось, что непріятель успѣлъ сбросить въ воду болѣе половины настилки, почему по мосту можно было переправить только пѣхоту, а для кавалеріи, артилеріи и обоза былъ найденъ по близости бродъ, очень глубокій и съ крутымъ спускомъ.

Переправивъ пѣхоту по мосту, а казаковъ, орудія и арбы въ бродъ, причемъ сломалась одна арба съ тяжестями подвижного артилерійскаго взвода, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій двинулся далѣе, прошелъ черезъ кишлакъ Кизылъ-Рабатъ, переправился по другому мосту черезъ Янги-арыкъ и въ 7¾ часа утра подошелъ къ брошенному непріятелемъ биваку.

Послѣ часового привала отрядъ двинулся обратно по той же дорогѣ, причемъ кишлакъ Кизылъ-Рабатъ былъ зажженъ во многихъ мѣстахъ.

Во время обратнаго движенія непріятель слѣдовалъ за нимъ слѣва и сзади, но держался на почтительномъ разстояніи и не собирался въ большія шайки, въ особенности послѣ того, какъ по нѣсколькимъ изъ нихъ было сдѣлано три выстрѣла изъ конныхъ орудій.

Когда отрядъ проходилъ черезъ кишлакъ Карасканъ, жители этого кишлака напали на первую роту 1-го Стрѣлковаго и стрѣлковую роту 2-го линейнаго баталіоновъ, но были отражены и разбѣжались съ большимъ урономъ.

Пройдя кишлакъ Карасканъ, отрядъ былъ остановленъ и отдыхалъ съ 2½ до 5-ти часовъ дня, послѣ чего двинулся въ Наманганъ въ слѣдующемъ порядкѣ: сотня казаковъ, стрѣлковая рота 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, два конныхъ орудія, арбы, 2-я рота 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, 2-я рота 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, два подвижныхъ орудія и 1-я рота 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона.

Подходя къ городскимъ садамъ, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій послалъ трехъ джигитовъ съ донесеніемъ о своемъ движеніи начальнику отряда, дѣйствовавшаго въ Коканскомъ ханствѣ, но черезъ нѣсколько минутъ раздались крики и выстрѣлы, а вскорѣ прискакали посланные джигиты, преслѣдуемые толпой конныхъ людей. Какъ только послышались выстрѣлы, немед-

ленно, по приказанію начальника отряда, было выдвинуто одно орудіе, заряженное картечью, а когда показались конные люди, гнавшіеся за нашими джигитами, былъ сдѣланъ выстрѣлъ, обратившій ихъ въ бѣгство.

Послѣ этого водворилась кругомъ полнѣйшая тишина и отрядъ продолжалъ спокойно свое движеніе, выдвинувъ впередъ стрѣлковую роту 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона.

По словамъ джигитовъ, на нихъ напали какіе-то конные и пѣшіе вооруженные люди въ количествѣ около 150 человѣкъ.

Въ 9 часовъ вечера отрядъ возвратился въ лагерь подъ Наманганомъ, пройдя въ этотъ день до кишлака Кизылъ-Рабатъ и обратно около 55 верстъ.

Во время стычекъ съ непріятелемъ у насъ было ранено два нижнихъ чина—одинъ казакъ (вахмистръ) и одинъ стрѣлокъ 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона.

Находившимся при отрядѣ корпуса военныхъ топографовъ подпоручикомъ Жилинымъ была произведена маршрутная съемка пройденнаго отрядомъ пути.

Если появленіе шаекъ мятежниковъ въ сѣверной и сѣверо-восточной частяхъ Наманганскаго отдѣла имѣло дурное вліяніе на жителей и затрудняло установленіе полнаго спокойствія въ краѣ, то появленіе такихъ шаекъ въ восточной части отдѣла, кромѣ того, еще затрудняло сообщеніе Намангана съ Ходжентомъ и Ташкентомъ.

Съ образованіемъ Наманганскаго отдѣла между этими двумя пунктами и Наманганомъ установилось очень оживленное движеніе различныхъ транспортовъ казеннаго имущества — интендантскаго, инженернаго, артилерійскаго и медицинскаго, потребнаго для нуждъ войскъ Наманганскаго отряда, а также транспортовъ товаровъ, отправляемыхъ торговцами для нуждъ войскъ и мѣстныхъ жителей.

Первоначально эти транспорты отправлялись или безъ конвоя, или подъ охраной небольшихъ войсковыхъ частей, но вскорѣ, послѣ нѣсколькихъ случаевъ разграбленія транспортовъ, пришлось принять серьезныя мѣры противъ нападеній на нихъ разбойничьихъ шаекъ, бродившихъ по разнымъ направленіямъ, и отправлять казенные транспорты, а вмѣстѣ съ ними и частные, подъ прикрытіемъ болѣе или менѣе значительныхъ отрядовъ, съ оказіями.

Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ придавалъ настолько серьезное значеніе своевременному отправленію въ Наманганскій отдѣлъ казенныхъ тяжестей и денежныхъ суммъ для отряда, что, отправляясь изъ Намангана 16-го октября, указалъ [1]) начальнику Наманганскаго отдѣла генералу Скобелеву, что главнѣйшая цѣль оставленія отряда въ Наманганѣ—владѣніе страной, обезпеченіе сообщеній Намангана съ Ходжентомъ черезъ Самгаръ и съ Ташкентомъ черезъ Теляу и наблюденіе за ходомъ дѣла на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи, въ Коканскомъ ханствѣ.

Для лучшаго обезпеченія путей сообщенія отъ Ташкента къ Ходженту и между этимъ пунктомъ и Наманганомъ и для конвоированія различныхъ транспортовъ, по приказанію генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана [2]), былъ выставленъ близъ кишлака Самгаръ летучій отрядъ подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Ичугина.

Въ составъ Самгарскаго отряда, по распоряженію временно командовавшаго войсками Туркестанскаго военнаго округа, были назначены: вторая рота 4-го Туркестанскаго Стрѣлковаго баталіона, слѣдовавшая въ это время вмѣстѣ съ укомплектованіемъ 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона въ Ходжентъ, третья рота 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, находившаяся временно въ кишлакѣ Той-Тюбе въ распоряженіи полковника Гуюса, пятая Сибирская казачья сотня, полусотни которой занимали почтовыя станціи Джамъ-Булакъ и Мурза-Рабатъ, полусотня третьей Сибирской сотни, входившая въ составъ отряда полковника барона Аминова, стоявшаго ранѣе въ Самгарѣ, и первая Оренбургская (есаула Мелянина) сотня.

Отъ сотенъ, вошедшихъ въ составъ Самгарскаго отряда, было оставлено по 10 казаковъ при одномъ урядникѣ для охраны отъ мелкихъ разбойничьихъ шаекъ почтовой станціи Уральской, Джамъ-Булакъ и Мурза-Рабатъ.

Кромѣ того, въ этотъ отрядъ были назначены, по распоряженію Ходжентскаго и Кураминскаго уѣздныхъ начальниковъ, по 5 джигитовъ.

Въ числѣ мѣръ, предпринятыхъ съ цѣлью возможно скорѣе водворить въ краѣ спокойствіе и обезпечить сообщеніе между На-

---

[1]) Предписаніе отъ 15-го октября 1875 г. № 720.

[2]) Предписаніе временно командующаго войсками округа отъ 10-го октября 1875 г. за № 647.

манганомъ и Ходжентомъ, нельзя не указать также на сформированіе изъ жителей Бабадарханскаго бекства сотни милиціонеровъ, произведенное по мысли генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, сдѣлавшаго необходимыя по этому вопросу распоряженія еще въ Камышъ-Курганѣ во время слѣдованія изъ Намангана въ Ходжентъ.

Завѣдываніе милиціонерами было возложено на бывшаго Бабадарханскаго бека Мирзу-Абдуллу, пользовавшагося большой популярностью среди населенія, и 20-го октября, въ день выступленія командующаго войсками изъ Камышъ-Кургана, Мирза-Абдулла уже приступилъ къ набору охотниковъ въ Бабадарханѣ.

Главнѣйшею обязанностью милиціонеровъ было уничтоженіе появляющихся на трактѣ отъ Чуста къ Ходженту мелкихъ разбойничьихъ шаекъ, охраненіе тракта и наблюденіе за переправами.

Часть милиціонеровъ (20 человѣкъ) была назначена въ распоряженіе начальника Чустскаго участка для поддержанія сношеній между Чустомъ и Наманганомъ, а остальные (80 человѣкъ) были разставлены, по приказанію начальника отдѣла, частью въ Камышъ-Курганѣ, частью на Акъ-Джарской переправѣ и въ кишлакѣ Пунганъ, гдѣ чаще всего появлялись мелкія шайки кипчаковъ и каракалпаковъ.

Въ случаѣ появленія болѣе значительныхъ партій мятежниковъ милиціонеры должны были сосредоточиваться для совокупныхъ дѣйствій преимущественно въ Камышъ-Курганѣ. Разнаго рода донесенія, которыя отправлялись съ милиціонерами, должны были доставляться въ Самгарскій отрядъ, откуда эти донесенія пересылались уже далѣе въ Ходжентъ и откуда милиціонеры получали порученія въ Наманганъ.

Хотя надежды на милиціонеровъ далеко не оправдались, но другія мѣры, принятыя для обезпеченія безопасности сообщенія Намангана съ Ходжентомъ и Ташкентомъ принесли существенную пользу, которая была бы еще болѣе значительна, если бы въ началѣ октября въ Коканскомъ ханствѣ не произошли важныя событія, заставившія поставленнаго нами хана Сеидъ-Магометъ-Насреддинъ-хана бѣжать въ наши предѣлы, спасаясь отъ преслѣдованія возмутившихся жителей своей столицы.

Въ началѣ октября, вскорѣ послѣ временного занятія Андижана отрядомъ генерала Троцкаго, въ Коканѣ и окрестныхъ кишлакахъ были получены письма отъ Абдурахмана-Автобачи, въ которыхъ онъ призывалъ всѣхъ прововѣрныхъ мусульманъ къ низверженію ставленника русскихъ Насреддинъ-хана и къ борьбѣ противъ русскихъ до послѣдней капли крови.

Узнавъ, что жители Маргелана подъ вліяніемъ этихъ шаекъ возмутились противъ поставленнаго тамъ ханомъ-бека, Насреддинъ-ханъ послалъ туда войско подъ начальствомъ своего дяди Султанъ-Мурадъ-Бека.

Разбивъ мятежниковъ, которые были подъ начальствомъ бывшаго Урмитанскаго бека Абдулъ-Гафара, Султанъ-Мурадъ-Бекъ остался съ своимъ отрядомъ подъ Маргеланомъ, а вскорѣ его отрядъ присоединился къ мятежникамъ, благодаря чему ханъ лишился значительной части своихъ приверженцевъ.

Призывъ къ газавату и къ низверженію хана произвелъ впечатлѣніе на жителей Кокана и рано утромъ 9-го октября они напали на дворецъ хана.

Послѣ трехчасовой отчаянной защиты Насреддинъ-ханъ, видя что число его приверженцевъ все уменьшается, что кругомъ его измѣна и что часть приближенныхъ его даже отворили мятежникамъ одни ворота, вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ черезъ другія ворота.

Въ сопровожденіи 60 — 70 человѣкъ своихъ приверженцевъ, преслѣдуемый мятежниками, Насреддинъ-ханъ скоро добрался до Сыръ-Дарьи и переправился черезъ нее въ бродъ, послѣ чего преслѣдованіе прекратилось и онъ могъ сравнительно спокойно слѣдовать далѣе до Самгара.

Отдохнувъ здѣсь нѣсколько часовъ, ханъ двинулся въ Ходжентъ, куда и прибылъ около 2-хъ час. по полудни 10-го октября.

Ханъ и свита его бѣжали изъ Кокана столь поспѣшно, что ничего съ собой не захватили—ни денегъ, ни вещей. Они прибыли въ Ходжентъ, какъ говорится, кто въ чемъ былъ, благодаря чему пришлось содержать ихъ тамъ всѣхъ на средства русскаго правительства.

Въ Ходжентѣ ханъ остановился и ожидалъ дальнѣйшихъ событій въ ханствѣ въ надеждѣ, что его призовутъ вновь къ власти и разсчитывая на помощь русскихъ.

Но надежды хана не оправдались—генералъ-адъютантъ-фонъ-Кауфманъ, не предвидя пользы отъ возвращенія Насреддинъ-хана къ власти, въ телеграммѣ военному министру о только-что происшедшихъ событіяхъ донесъ, между прочимъ, что не имѣетъ намѣренія помогать хану возвратить престолъ при содѣйствіи русскихъ

войскъ. Послѣ этого Насреддинъ-ханъ переѣхалъ въ Ташкентъ и поселился на жительствѣ въ азіатской части города.

Послѣ бѣгства хана волненія въ Коканскомъ ханствѣ усилились и во многихъ мѣстахъ появились значительныя шайки мятежниковъ, грозившихъ вновь вторгнуться въ наши предѣлы.

Волненіе это передалось и на подвластное намъ населеніе ближайшихъ къ границѣ кишлаковъ и Ходжента, опасавшееся, чтобы коканцы не заняли снова Ходжентскій уѣздъ, не произвели нападенія на городъ и не обложили жителей поборами на содержаніе Коканскихъ войскъ.

Волненіе это значительно усилилось и перешло въ паническій страхъ, когда распространился слухъ, что нѣсколько русскихъ торговыхъ людей были убиты по дорогѣ въ Наманганъ и что нападенію кипчаковъ подверглись даже четыре русскихъ офицера, изъ которыхъ двое—штабсъ-капитанъ Святополкъ-Мирскій и сотникъ Кузьминъ погибли вмѣстѣ съ 12-ю сопровождавшими ихъ казаками.

Скоро въ Ходжентѣ было получено извѣстіе о томъ, что шайка изъ 500 киргизовъ, подъ начальствомъ Мумына, заняла крѣпость Махрамъ.

Не смотря на малочисленность гарнизона Ходжента, состоявшаго въ это время всего лишь изъ двухъ ротъ, мѣстной команды и сотни Сибирскихъ казаковъ, временно-исполняющій должность военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области и командующаго войсками, генералъ-маіоръ Эйлеръ, прибывшій въ Ходжентъ тотчасъ по полученіи свѣдѣній о бѣгствѣ хана, выдвинулъ 16-го октября для успокоенія населенія къ Кастакозу роту 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, только что пришедшую изъ Ура-Тюбе, и полусотню казаковъ 6-й Сибирской сотни подъ начальствомъ капитана Ваулина.

Во время движенія къ Кастакозу капитанъ Ваулинъ въ первый день встрѣтилъ лишь нѣсколько конныхъ группъ человѣка по три по четыре, которыя исчезали изъ вида при приближеніи отряда.

На слѣдующій день, 17-го октября, отрядъ капитана Ваулина двинулся далѣе къ Каракчукуму, гдѣ было получено свѣдѣніе, что гарнизонъ Махрама, узнавъ о приближеніи русскаго отряда, бѣжалъ съ такой поспѣшностью, что даже оставилъ въ крѣпости часть своего оружія.

Полусотня Сибирскихъ казаковъ, посланная въ погоню за

шайкой, заняла Махрамъ безпрепятственно и нашла тамъ десятка два шашекъ и нѣсколько ружей.

Занятіе Махрама подѣйствовало весьма успокоительно на населеніе не только нашихъ кишлаковъ и Ходжента, но и на населеніе западной части Коканскаго ханства.

По полученнымъ свѣдѣніямъ оказалось, что въ Коканѣ было сравнительно спокойно и что населеніемъ управляли по настоянію жителей Файзиль-Ахметъ-Муксумъ и Магометъ-Аминъ-Тюря. Войскъ въ городѣ не было и когда Абдулъ-Гафаръ со своей шайкой пытался войти въ городъ, то жители его не пустили, сказавъ ему, чтобы онъ приходилъ къ нимъ послѣ того, какъ побѣдитъ русскихъ.

Въ виду полнаго безначалія въ Коканскомъ ханствѣ по территоріи его бродила масса мелкихъ разбойничьихъ шаекъ, которыя не только прекратили всякое сообщеніе между Махрамомъ и Коканомъ, такъ что наши джигиты, посылаемые для собиранія свѣдѣній о положеніи дѣла въ Коканѣ, принуждены были возвращаться, но эти шайки переправлялись даже на правый берегъ Сыръ-Дарьи и имѣли дерзость нападать даже на наши транспорты, конвоируемые довольно сильными отрядами.

Такъ, напримѣръ, было сдѣлано нападеніе на отправленный изъ Намангана 10-го октября подъ прикрытіемъ третьей и стрѣлковой ротъ 7-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и 1-й и 6-й Сибирскихъ казачьихъ сотенъ транспортъ съ больными и ранеными.

Прибывъ въ тотъ же день въ Чустъ и получивъ свѣдѣніе, что въ окрестностяхъ его собрались значительныя шайки кипчаковъ, начальникъ транспорта, маіоръ Лапинъ, рѣшилъ остановиться въ этомъ пунктѣ, чтобы выяснить положеніе дѣла.

Высланные имъ въ разныя стороны джигиты донесли, что все окрестное населеніе находится въ возстаніи и что путь движенія транспорта прегражденъ большими скопищами кипчаковъ.

Отправивъ въ Наманганъ объ этомъ донесеніе, маіоръ Лапинъ двинулся далѣе лишь 13-го октября и совершенно спокойно двигался съ транспортомъ до кишлака Папъ, гдѣ и остановился на ночлегъ. Едва былъ устроенъ вагенбургъ, какъ съ казачьяго пикета было получено донесеніе, что въ недалекомъ разстояніи показались конныя толпы съ четырьмя значками. На встрѣчу имъ было двинуто по одному взводу отъ 3-й и стрѣлковой ротъ подъ начальствомъ капитана Арсеньева и 6-я сотня Сибирскихъ каза-

ковъ, которые, отойдя отъ вагенбурга версты двѣ, были встрѣчены густыми толпами конницы и стрѣльбой изъ ружей и фальконетовъ.

Тотчасъ же была разсыпана цѣпь стрѣлковъ и открытъ по непріятелю огонь, благодаря дѣйствію котораго онъ сталъ отступать къ горамъ, преслѣдуемый нашими стрѣлками.

Наступившія вскорѣ сумерки не позволили продолжать преслѣдованіе и стрѣлки, и казаки возвратились въ вагенбургъ, куда въ это же время прибыли и присоединились къ транспорту наши офицеры: маіоръ Ястржембскій, капитанъ Пѣвцовъ и штабсъ-капитанъ Дряхловъ, ѣхавшіе изъ Ташкента съ конвоемъ изъ 25-ти человѣкъ, такъ какъ дальнѣйшее движеніе ихъ въ Наманганъ представлялось совершенно невозможнымъ.

Эти офицеры подверглись нападенію на нихъ жителей кишлака Шайданъ, причемъ едва не погибли.

Преслѣдуемые скопищемъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, они въ однѣ сутки прошли 90 верстъ и 13-го октября, около кишлака Пашъ, встрѣтились съ транспортомъ маіора Лапина.

На слѣдующій день на разсвѣтѣ транспортъ двинулся, согласно маршрута, далѣе въ кишлакъ Пунганъ, преслѣдуемый шайкой кипчаковъ съ нѣсколькими значками, насѣдавшей на шедшую въ аріергардѣ стрѣлковую роту настолько настойчиво, что ей все время приходилось поддерживать съ непріятелемъ оживленную перестрѣлку.

Дорога между кишлаками Панъ и Пунганъ проходитъ почти на всемъ протяженіи вдоль праваго берега Сыръ-Дарьи и потому изъ транспорта было видно, какъ шайки, показывавшіяся на лѣвомъ, коканскомъ берегу рѣки, переправлялись на правый берегъ и присоединялись къ шайкѣ, насѣдавшей на аріергардъ нашего транспорта.

Не доходя до кишлака Гурумъ-Сарай, транспортъ подвергся обстрѣливанію изъ двухъ орудій, находившихся на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи, но, не имѣя артилеріи въ своемъ прикрытіи, транспортъ продолжалъ двигаться далѣе безостановочно до кишлака Пунганъ, пройдя который и расположился на ночлегъ вагенбургомъ.

Стрѣльба не умолкала до сумерокъ и кипчаки рѣшились даже перейти въ наступленіе, собравшись въ густыя толпы, но были отбиты высланными противъ нихъ стрѣлковой ротой и 6-й Сибирской сотней, понеся значительныя потери. Стрѣльба изъ орудій съ противоположнаго берега Сыръ-Дарьи хотя и продолжалась все

время, но совершенно безъ вреда для транспорта и непріятель никакъ не могъ пристрѣляться.

На слѣдующій день, 15-го октября, горячее преслѣдованіе непріятелемъ нашего транспорта продолжалось на протяженіи верстъ двадцати, но всѣ попытки атаковать нашъ аріергардъ окончились неудачей и сопровождались значительнымъ урономъ противника, который, дойдя до поворота дороги къ укрѣпленію Теляу и зимовкамъ кипчаковъ, прекратилъ преслѣдованіе и транспортъ слѣдовалъ до кишлака Камышъ-Курганъ, гдѣ былъ ночлегъ, а затѣмъ и далѣе до Ходжента, уже совсѣмъ спокойно.

Въ Ходжентъ транспортъ прибылъ 17-го октября, совершивъ частью подъ огнемъ непріятеля трудный, утомительный и опасный путь, въ полномъ порядкѣ, безъ потерь, имѣя лишь одного контуженнаго нижняго чина.

Какъ уже было сказано, въ Самгаръ былъ назначенъ отрядъ подъ начальствомъ полковника Пичугина.

Часть этого отряда, а именно 3-я рота 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и 1-я Оренбургская казачья сотня, слѣдовавшая подъ начальствомъ полковника Пичугина изъ Той-Тюбе, прибыла въ Самгаръ согласно маршрута въ 7 часовъ вечера 22-го октября и расположилась близъ позиціи, занимаемой здѣсь отрядомъ полковника барона Аминова.

Съ отрядомъ полковника Пичугина прибыли въ Самгаръ арбы, на которыхъ ѣхали нижніе чины пѣхоты и везлись патроны и разныя тяжести, всего 50 арбъ и повозокъ.

Благодаря тому, что люди пѣхоты ѣхали на арбахъ, отрядъ прошелъ разстояніе отъ Пскента до Самгара, около 95 верстъ, въ два перехода, не имѣя ни больныхъ, ни слабыхъ.

Простоявъ у Самгара слѣдующій день, 23-го октября, отрядъ полковника Пичугина въ 6 часовъ утра 24-го числа выступилъ въ Камышъ-Курганъ, сопровождая транспорты: интендантскій съ провіантомъ на 15 дней для всѣхъ войскъ Наманганскаго отдѣла на 150 арбахъ, артилерійскій съ патронами для ротъ 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона на трехъ арбахъ и инженерный на 11-ти арбахъ.

Нижніе чины 2-й роты 4-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и 3-й роты 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона были посажены на арбы.

Черезъ два часа послѣ ухода отряда полковника Пичугина съ

транспортомъ въ Наманганъ, отрядъ полковника барона Аминова двинулся въ Ходжентъ.

Въ Самгарѣ же осталась лишь полусотня 3-й Сибирской сотни подъ начальствомъ хорунжаго Чукреева.

Большой и безводный переходъ около 45—50 верстъ отъ позиціи на ключахъ Бишъ-Булакъ у Самгара до Камышъ-Кургана, былъ пройденъ благополучно и отрядъ къ вечеру прибылъ на ключи (родники) Бахмалъ, верстахъ въ 5-ти—6-ти не доходя до Камышъ-Кургана, гдѣ и остановился на ночлегъ.

Жители Камышъ-Кургана встрѣтили отрядъ дружелюбно и безъ всякихъ отговорокъ привезли въ лагерь отряда потребное количество клевера и лепешекъ для продажи арбакешамъ [1]).

Здѣсь полковникъ Пичугинъ узналъ, что за нѣсколько часовъ до прихода отряда къ Камышъ-Кургану оттуда вышла шайка кипчаковъ въ 50 человѣкъ, направившаяся по дорогѣ въ кишлакъ Пунганъ, что другая шайка человѣкъ въ 60 бродитъ по направленію къ кишлаку Шайданъ, третья, довольно значительная, находится у Акъ-Джарской переправы черезъ Сыръ-Дарью и, наконецъ, что въ окрестностяхъ бродитъ вообще много мелкихъ шаекъ.

Кромѣ того полковнику Пичугину сообщили, что Наибъ Мирза-Абдулла бѣжалъ, а милиціонеры его разошлись по домамъ.

На слѣдующемъ переходѣ, 25-го октября, за кишлакомъ Башъ-Талъ были замѣчены кипчакскіе пикеты и одинъ изъ нихъ захваченъ казаками, высланными для этой цѣли впередъ подъ начальствомъ гвардіи штабсъ-капитана Боголюбова, слѣдовавшаго при отрядѣ на службу въ Наманганскій отрядъ.

Затѣмъ, при дальнѣйшемъ движеніи, на правомъ флангѣ аріергарда появились конныя толпы, сопровождавшія отрядъ и державшіяся все время на разстояніи далѣе ружейнаго выстрѣла.

На всемъ протяженіи между кишлаками Башъ-Талъ и Пунганъ отрядъ не встрѣтилъ ни одного мѣстнаго жителя и кишлакъ Пунганъ тоже былъ ими оставленъ, причемъ улицы его были забаррикадированы.

Ночь на позиціи около Пунгана, расположеннаго на берегу Сыръ-Дарьи, отрядъ провелъ, противъ ожиданія, совершенно спокойно, хотя шайки, бродившія на противоположномъ, кокандскомъ, берегу этой рѣки, могли совершенно безнаказанно потревожить нашъ отрядъ огнемъ, не переправляясь на правый берегъ.

[1]) Арбакешъ—возчикъ, хозяинъ арбы; арба—двухколесная туземная повозка.

На разсвѣтѣ 26-го октября, на пройденныхъ наканунѣ отрядомъ высотахъ показались отдѣльные всадники, а за цѣпью ихъ четыре конныхъ шайки. Чтобы обезпечить движеніе транспорта мимо кишлака Пунганъ, полковникъ Пичугинъ приказалъ штабсъ-капитану Боголюбову и подпоручику Рудановскому занять выходы изъ него небольшими частями пѣхоты отряда, по которымъ кипчаки открыли пальбу и пытались даже атаковать ихъ, но были отогнаны ружейными выстрѣлами.

Затѣмъ во время слѣдованія отряда по дорогѣ, проходящей по берегу Сыръ-Дарьи, съ лѣваго ея берега было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ изъ фальконетовъ конными шайками, двигавшимися параллельно движенію отряда.

На нашемъ берегу кипчаки, пропустивъ авангардъ отряда, стянулись противъ аріергарда, открыли стрѣльбу и пытались атаковать, такъ что пришлось, въ свою очередь, открыть по непріятелю огонь.

За кишлакомъ Тепе-Курганъ преслѣдованіе прекратилось и обстановка совершенно измѣнилась: жители кишлаковъ были на мѣстахъ, работали на поляхъ и встрѣчали отрядъ съ дастарханомъ.

26-го октября отрядъ имѣлъ ночлегъ за кишлакомъ Папъ, а на слѣдующій день благополучно прибылъ въ городъ Чустъ.

Въ Наманганъ отрядъ съ транспортомъ прибылъ поздно вечеромъ 28-го октября, т. е. на второй день послѣ того, какъ генералъ Скобелевъ подавилъ возстаніе жителей Намангана и бомбардировалъ этотъ городъ.

Около оставленнаго жителями кишлака Рызакъ отрядъ подобралъ изрубленное тѣло сарта; впослѣдствіи оказалось, что это былъ джигитъ, отправленный генераломъ Скобелевымъ съ бумагами изъ Намангана въ Ходжентъ.

На высотѣ кишлака Шайданъ полковникъ Пичугинъ, замѣтивъ въ сторонѣ отъ дороги расположенную бивакомъ шайку кипчаковъ, человѣкъ въ 150, послалъ туда Оренбургскую казачью сотню, при приближеніи которой шайка быстро разсѣялась по всѣмъ направленіямъ.

Во время преслѣдованія кипчаковъ два казака отстали благодаря паденію лошадей и не успѣли присоединиться къ своей сотнѣ. Узнавъ объ этомъ уже ночью, на бивакѣ подъ Наманганомъ, и опасаясь за участь этихъ казаковъ, полковникъ Пичугинъ доложилъ о происшествіи начальнику Наманганскаго отряда генералу Скобелеву, который немедленно отрядилъ особый летучій отрядъ,

подъ начальствомъ полковника барона Меллера-Закомельскаго для розысканія пропавшихъ казаковъ.

Не отыскавъ этихъ казаковъ и подозрѣвая, что они убиты жителями кишлака Шайданъ, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій приказалъ для наказанія жителей выжечь ихъ кишлакъ. Какъ оказалось впослѣдствіи, отставшіе отъ сотни казаки благополучно возвратились въ Чустъ.

Въ Наманганѣ отрядъ полковника Пичугина пробылъ два дня и выступилъ обратно въ Самгаръ въ 11 часовъ утра 31-го октября въ составѣ 2-й роты 4-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, 3-й роты 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и 6-й Сибирской казачьей сотни, сопровождая большой транспортъ пустыхъ арбъ, на которыхъ были присланы въ Наманганъ различныя тяжести и которыя не рисковали возвращаться безъ прикрытія изъ боязни быть разграбленными шайками мятежниковъ.

На всемъ переходѣ до Чуста не было обнаружено ни малѣйшихъ признаковъ присутствія непріятеля, причемъ амины Тюря-Кургана встрѣтили и проводили отрядъ.

Съ разсвѣтомъ 1-го ноября полковникъ Пичугинъ съ отрядомъ продолжалъ движеніе и, подходя къ кишлаку Папъ, услышалъ пушечные выстрѣлы.

Это былъ отрядъ, вышедшій наканунѣ изъ Чуста по распоряженію участковаго начальника штабсъ-капитана Бекчурина для захвата каюковъ на Арсланъ-Бекской переправѣ черезъ Сыръ-Дарью (между Уйгуромъ и Гурумъ-Сараемъ), подъ начальствомъ капитана Панцырева, въ составѣ взвода пѣхоты, сотни казаковъ и одного орудія.

Прибывъ въ кишлакъ Папъ, полковникъ Пичугинъ узналъ на базарѣ отъ жителей этого кишлака, собравшихся привѣтствовать отрядъ, что каюки еще не взяты и вызвалъ охотниковъ сдѣлать это. Нашлись четверо туземцевъ и полковникъ Пичугинъ, не останавливая движенія отряда, свернулъ къ отряду капитана Панцырева со взводомъ стрѣлковъ и вызвавшимися охотниками-туземцами, но ко времени прибытія его каюки уже были захвачены подъ огнемъ съ лѣваго берега Сыръ-Дарьи, жителями кишлака Папъ.

Полковникъ Пичугинъ именемъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана поблагодарилъ этихъ туземцевъ за ихъ усердіе къ нашимъ интересамъ и для примѣра другимъ далъ имъ щедрое денежное вознагражденіе изъ экстраординарныхъ суммъ отряда.

На противоположномъ берегу были видны многочисленныя толпы конныхъ сартовъ, препятствовавшихъ захвату каюковъ, и полковникъ Пичугинъ, пользуясь ихъ близостью, приказалъ произвести два выстрѣла обыкновенными гранатами изъ орудія, находившагося въ отрядѣ капитана Панцырева.

Гранаты лопнули какъ разъ среди конныхъ сборищъ, послѣ чего непріятель поспѣшно удалился.

Верстахъ въ трехъ выше Арсланъ-Бекской переправы противъ Уйгура находился еще одинъ каюкъ, для захвата котораго были отправлены стрѣлки, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Дикгофа.

Пройдя бѣглымъ шагомъ это пространство, стрѣлки открыли перестрѣлку съ мятежниками, засѣвшими на противоположномъ берегу, которая и продолжалась до тѣхъ поръ, пока туземцы, выказавшіе уже свое усердіе при захватѣ каюковъ у Арсланъ-Бекской переправы, раздѣвшись, бросились на лошадяхъ въ рѣку и, овладѣвъ и этимъ каюкомъ, подтащили его къ нашему берегу.

На ночлегъ отрядъ полковника Пичугина остановился на самомъ берегу Сыръ-Дарьи, не доходя до кишлака Гурумъ-Сарай.

2-го ноября, пройдя за кишлакъ Пунганъ, куда возвратилась уже часть жителей, полковникъ Пичугинъ замѣтилъ, что на противоположномъ берегу, паралельно движенію нашего отряда, тянулась значительная толпа съ нѣсколькими значками. Толпы конныхъ были обнаружены и на нашемъ берегу, не доходя до кишлака Ашлыкъ, въ которомъ не оказалось на лицо ни одного жителя.

Сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ по нашему авангарду, эти толпы потянулись къ срединѣ и къ хвосту транспорта и открыли по нему безостановочную пальбу изъ ружей и фальконетовъ. Непріятель сдѣлалъ даже попытку атаковать нашъ аріергардъ и конныя толпы его подскакали на разстояніе 150 шаговъ, но были встрѣчены огнемъ, послѣ чего не рѣшались уже приближаться, а сопровождали отрядъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ за кишлакомъ Ашлыкъ, держась на почтительномъ разстояніи.

Въ этой перестрѣлкѣ въ отрядѣ было выпущено 238 патроновъ, причемъ у непріятеля было убито болѣе 10-ти человѣкъ.

3-го ноября отрядъ съ транспортомъ снялся съ позиціи у Камышъ-Кургана и двинулся далѣе къ Самгару.

Получивъ утромъ извѣстіе, что значительная партія мятежниковъ залегла въ ущельи Бардунгуль, черезъ которое проходитъ дорога, и имѣя въ виду доставить въ Ходжентъ безъ замедленія

ожидаемыя тамъ извѣстія изъ Намангана и транспортъ порожнихъ арбъ, а также признавая необходимымъ оставить близъ Камышъ-Кургана небольшой отрядъ для противодѣйствія разбойничьимъ шайкамъ, дерзость которыхъ все возрастала, полковникъ Пичугинъ отправилъ транспортъ подъ прикрытіемъ трехъ полувзводовъ 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и полусотни казаковъ, а остальную часть отряда оставилъ на позиціи близъ ключей Бахмалъ, выдѣливъ изъ нея взводъ стрѣлковъ и 50 казаковъ, которые и были немедленно и поспѣшно направлены къ Бардунгульскому ущелью съ тѣмъ, чтобы обезопасить слѣдованіе транспорта черезъ это ущелье и возвратиться обратно на позицію, гдѣ оставалось только три полувзвода пѣхоты (100 штыковъ) и 10 казаковъ.

Бардунгульское ущелье, по которому дорога тянется на протяженіи около 15-ти верстъ, представляетъ собою узкую коридорообразную щель, ограниченную бо́льшею частью почти отвѣсными высокими берегами и имѣющую незначительную ширину всего лишь нѣсколько саженъ.

Кипчаки расположились на гребняхъ отвѣсныхъ береговъ ущелья и разсчитывали сдѣлать нападеніе на отрядъ въ то время, когда онъ со всѣмъ транспортомъ втянется въ ущелье и, благодаря отвѣснымъ берегамъ его, не будетъ имѣть возможности оказать какое-либо сопротивленіе.

Обстановка была такова, что если бы отрядъ не былъ предупрежденъ о намѣреніяхъ кипчаковъ и втянулся въ ущелье, то былъ бы, безъ всякаго сомнѣнія, совершенно уничтоженъ.

Подходя къ ущелью, полковникъ Пичугинъ приказалъ взводу стрѣлковъ, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Дикгофа, вскарабкаться на высоты праваго берега ущелья, а на лѣвые скаты — полувзводу 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, взятому изъ прикрытія транспорта, подъ начальствомъ подпоручика Рудановскаго.

Взобравшись послѣ сильнѣйшихъ стараній почти на отвѣсные скаты, стрѣлки очутились передъ непріятельскимъ пикетомъ, перекололи его и открыли огонь по значительнымъ толпамъ непріятеля, покрывавшаго вершину слѣдующаго гребня на разстояніи не болѣе 100 шаговъ.

Несмотря на то, что непріятель живо отвѣчалъ на нашъ огонь, онъ не могъ долго держаться и часть его отступила къ слѣдующему, третьему гребню, гдѣ и остановилась на краю отвѣснаго

обрыва, высотою саженъ въ 80, благодаря которому дальнѣйшее отступленіе было невозможно.

Часть кипчаковъ успѣла перебѣжать вдоль гребня подъ нашими выстрѣлами и спастись, а остальные всѣ погибли.

Пораженные люди и лошади катились внизъ съ кручи и разбивались на днѣ пропасти.

Движеніе полувзвода по высотамъ съ лѣвой стороны ущелья было столь же успѣшно, тѣмъ болѣе, что наступленіе наше по правому, командующему берегу было начато нѣсколько раньше, благодаря чему непріятель попалъ подъ перекрестный огонь. Когда разсѣянная шайка непріятеля была прогнана съ высоты, транспортъ прошелъ черезъ ущелье безъ всякихъ затрудненій.

Въ этомъ дѣлѣ въ Бардунгульскомъ ущельи, носившемъ чисто горный характеръ, непріятеля былъ въ числѣ около 1,000 ч. (насчитано 12 значковъ).

Потери непріятеля были довольно значительны—15 ч. было заколото штыками, до 30-ти труповъ было найдено на днѣ пропасти, куда срывались спасавшіеся отъ огня нашихъ стрѣлковъ и, кромѣ того, многіе убитые и раненые были подобраны и увезены кипчаками.

Отбито съ боя у непріятеля 1 значекъ, 2 фальконета, 2 большихъ ружья и шашка.

Съ нашей стороны, благодаря неожиданности появленія, потерь не было, хотя трое офицеровъ и нѣсколько нижнихъ чиновъ оборвались съ кручъ, но очень счастливо, такъ что никто серьезно не ушибся и всѣ отдѣлались только незначительными ссадинами, потерей подошвъ сапогъ, порчей одежды и т. п.

Въ своемъ донесеніи [1]) командующему войсками Туркестанскаго военнаго округа о дѣлѣ въ Бардунгульскомъ ущельи полковникъ Пичугинъ свидѣтельствуетъ, что особенно отличились въ этомъ дѣлѣ штабсъ-капитанъ Дикгофъ и прапорщикъ Крыжановскій.

Когда транспортъ прошелъ ущелье, взводъ стрѣлковъ и 50 казаковъ возвратились на позицію близъ ключей Бахмалъ, а транспортъ продолжалъ движеніе всю ночь и прошелъ на стоянку въ Самгаръ согласно маршрута 3-го ноября, откуда на слѣдующій день прибылъ въ Ходжентъ, не имѣя ни одного больного въ прикрывающемъ отрядѣ.

А. Серебренниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Рапортъ отъ 5-го ноября 1875 г. № 25.

КЪ ИСТОРІИ КОКАНСКАГО ПОХОДА [1]).

(Статья четвертая).

Случаи, описанные въ предыдущей статьѣ, ясно показали, насколько неспокойно было положеніе дѣлъ въ Наманганскомъ отдѣлѣ, особенно послѣ переворота, произшедшаго въ коканскомъ ханствѣ въ началѣ октября, и бѣгства Насреддинъ-хана въ наши предѣлы, и привели генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана къ убѣжденію о необходимости принять болѣе серьезныя мѣры для того, чтобы возможно скорѣе водворить въ странѣ спокойствіе вообще, въ частности же обезопасить сообщеніе Намангана съ Ходжентомъ.

Для достиженія послѣдняго, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ приказалъ [2]) выставить изъ Ходжента на Акъ-Джарскую переправу на р. Сыръ-Дарьѣ отрядъ, въ составѣ двухъ ротъ 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, взвода 2-й батареи, полусотни оренбургскихъ казаковъ (сотника Калачова) и 5-й Сибирской сотни.

Отрядъ этотъ въ его дѣйствіяхъ былъ подчиненъ начальнику Наманганскаго отдѣла, а продовольствіемъ снабжался непосредственно изъ Ходжента, распоряженіемъ начальника Ходжентскаго уѣзда.

Начальникомъ Акъ-Джарскаго отряда былъ назначенъ генеральнаго штаба полковникъ Пичугинъ и ему было вмѣнено въ обязанность: 1) владѣть какъ Акъ-Джарской, такъ и другими ближайшими переправами, захватить на этихъ переправахъ всѣ каюки, вытащить ихъ на берегъ и держать подъ карауломъ при отрядѣ или сдать на храненіе мѣстнымъ жителямъ; 2) поставить на всѣхъ бродахъ караулы изъ туземцевъ съ тѣмъ, чтобы они препятствовали мелкимъ шайкамъ переправляться черезъ Сыръ-Дарью и давали знать въ отрядъ о приближеніи значительныхъ шаекъ; 3) при первой возможности уничтожать кишлаки, лежащіе на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи и служащіе притонами для непріятельскихъ шаекъ, и 4) наблюдать и охранять дорогу отъ Уйгура и Папа до Камышъ-Кургана.

Одновременно съ этимъ было сдѣлано распоряженіе, чтобы участокъ дороги отъ Айгура до Чуста охранялся отрядомъ, расположеннымъ въ Чустѣ: охрана участка между Чустомъ и Наманганомъ была возложена на войска, расположенныя въ Наманганѣ, а участокъ между Камышъ-Курганомъ и Ходжентомъ попрежнему находился подъ охраной войскъ Ходжентскаго гарнизона и Самгарскаго летучаго отряда.

Такимъ образомъ, всѣ участки дороги находились въ непосредственномъ завѣдываніи и подъ охраной какого-либо отряда и можно было разсчитывать, что эта мѣра принесетъ существенную пользу въ дѣлѣ обезпеченія сообщенія между Наманганомъ и Ходжентомъ.

Ожиданія эти вполнѣ оправдались и между Наманганомъ и Ходжентомъ установилась правильная и быстрая пересылка почты, передаваемой изъ одного отряда въ другой, хотя транспорты съ различными тяжестями попрежнему двигались не иначе, какъ подъ прикрытіемъ болѣе или менѣе значительныхъ отрядовъ.

4-го ноября изъ Ходжента въ Наманганъ была отправлена оказія, въ составъ которой вошли первая и третья роты 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, молодые солдаты того же баталіона и артилеріи, транспортъ съ четырьмя орудіями, назначенными на вооруженіе наманганской цитадели, и учебными припасами для 1-го и 2-го Туркестанскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ.

Въ распоряженіе начальника оказіи, маіора 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона Скарятина, назначены были также 25 казаковъ изъ 3-й Сибирской сотни, расположенной въ Самгарѣ.

Выступивъ изъ Ходжента 4-го ноября, маіоръ Скарятинъ долженъ былъ прибыть въ Наманганъ 9-го числа, сдать тамъ транс-

[1]) См. «Военный Сборникъ» 1901 г., № 8.

[2]) Предписанія 3-го и 4-го ноября 1875 г. №№ 1022 и 1048.

портъ, послѣ чего съ двумя ротами 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и подвижнымъ артилерійскимъ взводомъ, находившимся въ Наманганѣ, двинуться въ Чустъ и, оставивъ тамъ подвижной артилерійскій взводъ и обѣ роты 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, идти далѣе въ Ходжентъ съ первой и четвертой ротами 7-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и взводомъ 2-й батареи, находившимися въ Чустѣ.

Въ Камышъ-Курганѣ транспортъ маіора Скарятина долженъ былъ остановиться и выждать прибытія изъ Ходжента вновь сформированнаго отряда полковника Пичугина, назначеннаго для занятія Акъ-Джарской переправы и имѣвшаго выступить изъ Ходжента 5-го ноября.

Оставленнымъ полковникомъ Пичугинымъ на ключахъ Бахмалъ второй ротѣ 4-го Туркестанскаго Стрѣлковаго баталіона и взводу третьей роты 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона было приказано, по приходѣ на ключи транспорта маіора Скарятина, направиться въ Ходжентъ, а 5-я Сибирская сотня, тоже оставленная на этихъ ключахъ, должна была выждать въ Камышъ-Курганѣ прибытія полковника Пичугина и поступить въ составъ Акъ-Джарскаго отряда.

Соединеніе транспорта маіора Скарятина съ Акъ-Джарскимъ отрядомъ полковника Пичугина произошло въ Камышъ-Курганѣ 6-го ноября и на слѣдующій день, 7-го ноября, они продолжали движеніе—полковникъ Пичугинъ до Акъ-Джара, а маіоръ Скарятинъ до Пунгана.

Около 10-ти часовъ утра маіоръ Скарятинъ замѣтилъ партію непріятеля, вышедшую изъ кишлака Шайдана двумя колоннами, имѣя передъ собою небольшіе разъѣзды.

Числительность каждой колонны была приблизительно около 150 человѣкъ, причемъ въ каждой колоннѣ было по одному бѣлому значку.

Спустившись съ горъ и усиливъ цѣпь своихъ наѣздниковъ, непріятель все время держался внѣ дальняго ружейнаго выстрѣла и, выславъ впередъ два фальконета, открылъ изъ нихъ стрѣльбу по транспорту, которая, благодаря значительному разстоянію, не причинила никакого вреда.

Непріятель сопровождалъ транспортъ на протяженіи верстъ восьми, послѣ чего остановился и пропустилъ весь транспортъ, продолжая по временамъ производить стрѣльбу.

Какъ только намѣренія непріятеля стали выясняться, маіоръ

Скарятинъ приказалъ транспорту подтянуться, а людямъ пѣхоты, ѣхавшимъ на арбахъ, приказалъ сойти съ нихъ и идти въ строю взводами на заранѣе опредѣленныхъ мѣстахъ.

Въ виду того, что непріятель не рѣшался атаковать нашъ транспортъ, маіоръ Скарятинъ приказалъ людямъ снова сѣсть на арбы и продолжалъ движеніе до Пунгана.

Около зимовки Акъ-Кудукъ, по приказанію полковника Пичугина, была двинута противъ непріятеля кавалерія отряда, которая и прогнала его въ горы, причемъ въ сшибкѣ съ непріятелемъ былъ убитъ одинъ кипчакъ.

Прибывъ въ Акъ-Джаръ и узнавъ, что большая часть каюковъ согнана внизъ и что кишлаки на противоположномъ берегу покидаются жителями, переселеніе которыхъ даже было видно съ мѣста расположенія отряда, полковникъ Пичугинъ отправилъ арбы обратно въ Ходжентъ подъ прикрытіемъ полувзвода пѣхоты и полусотни казаковъ, проводившихъ ихъ до Бардунгульскаго ущелья, гдѣ транспортъ былъ сданъ полусотнѣ казаковъ, высланной изъ Самгара; на пути были встрѣчены лишь мелкія партіи непріятеля.

Отрядъ расположился на правомъ берегу Сыръ-Дарьи, на мѣстѣ, указанномъ генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ близъ переправы и кишлака Акъ-Джаръ.

Большой кишлакъ Акъ-Джаръ расположенъ, главнымъ образомъ, на лѣвомъ, тогда коканскомъ берегу, а на правомъ берегу рѣки были лишь нѣсколько сакель, принадлежавшихъ почти исключительно паромщикамъ, производившимъ переправу черезъ Сыръ-Дарью на каюкахъ и паромахъ и покинувшимъ свои дома при приближеніи русскихъ. При приближеніи отряда съ лѣваго берега Сыръ-Дарьи было сдѣлано по нему нѣсколько выстрѣловъ.

Чины отряда размѣстились частью въ пустыхъ сакляхъ и подъ навѣсами, частью же въ палаткахъ и юртахъ.

Какъ было уже упомянуто, на обязанности Акъ-Джарскаго отряда было не только владѣть этой переправой, но также и наблюдать за сосѣдними переправами, расположенными ниже и выше по Сыръ-Дарьѣ, для чего изъ отряда постоянно высылались небольшіе рекогносцировочные партіи и разъѣзды.

Такой разъѣздъ, высланный тотчасъ же по расположеніи отряда на позиціи, открылъ существованіе каюковъ не далеко отъ стоянки отряда, о чемъ и донесъ начальнику отряда.

Полковникъ Пичугинъ 9-го ноября направился къ этому мѣсту

съ частью своего отряда и рѣшилъ завладѣть каюками, которые были необходимы на случай переправы части отряда на противоположный берегъ рѣки.

Вызваны были четверо охотниковъ-казаковъ, которые, несмотря на очень свѣжее ноябрьское утро, раздѣлись, бросились въ воду, переплыли рѣку и захватили одинъ каюкъ почти затопленный.

Не имѣя ни возможности, ни времени для того, чтобы выкачать изъ каюка воду, охотники стали его тянуть, но, протащивъ саженъ около 150, попали на мель какъ разъ противъ садовъ кишлака Акъ-Джаръ, расположеннаго на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи.

Всѣ усилія охотниковъ сдвинуть каюкъ съ мели оказались напрасными, а между тѣмъ жители кишлака замѣтили ихъ и открыли по нимъ и по части отряда, прикрывавшей захватъ каюка, ружейный огонь съ близкаго разстоянія изъ-за изгородей и дуваловъ.

Началась перестрѣлка, причемъ непріятель открылъ огонь изъ двухъ фальконетовъ также и по нашему лагерю.

Возвративъ съ каюка охотниковъ-казаковъ, полковникъ Пичугинъ отправился въ лагерь и приказалъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ гранатами, пущенными на лѣвый берегъ.

Послѣ пяти выстрѣловъ пальба прекратилась и непріятель удалился къ кишлаку.

Такимъ образомъ, тотчасъ же по прибытіи отряда на Акъ-Джарскую переправу, подтвердилось донесеніе лазутчиковъ, что жители кишлаковъ лѣваго берега были настроены противъ насъ крайне враждебно и что отряду придется, по всей вѣроятности, еще не разъ имѣть дѣло съ противникомъ, дерзость котораго объяснялась, главнымъ образомъ, тѣмъ, что онъ былъ отдѣленъ отъ нашего отряда рѣкой и что въ распоряженіи отряда въ первое время не было даже средствъ для переправы на лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи.

Считая необходимымъ завершить въ тотъ же день начатое дѣло, полковникъ Пичугинъ приказалъ приготовить изъ имѣющихся на мѣстѣ лѣсныхъ матеріаловъ небольшой плотъ, на которомъ можно было бы переправить на противоположный берегъ партію охотниковъ для того, чтобы захватить и доставить на нашъ берегъ каюкъ, разогнать непріятельскую шайку, собравшуюся у у кишлака Акъ-Джаръ, и самый кишлакъ сжечь.

Вызвались три офицера — капитанъ Русановъ, поручикъ Журавлевъ и подпоручикъ Рудановскій и 34 человѣка нижнихъ чиновъ.

Послѣднихъ вызвалось гораздо болѣе, но пришлось ограничиться этимъ числомъ, главнымъ образомъ, въ виду того, что, за неимѣніемъ достаточнаго количества лѣсныхъ матеріаловъ, удалось соорудить плотъ, который могъ поднять только 20 человѣкъ, благодаря чему, даже небольшая партія, въ 37 человѣкъ, могла быть переправлена на правый берегъ рѣки лишь въ два рейса.

Плотъ былъ сооруженъ изъ потолочныхъ балокъ, добытыхъ въ небольшомъ количествѣ изъ разобранныхъ крышъ нѣкоторыхъ саклей.

Другого лѣса не было и изъ имѣвшихся короткихъ и довольно тонкихъ балокъ удалось связать небольшой плотъ, на которомъ 20 человѣкъ могло помѣститься настолько тѣсно, что управленіе плотомъ сдѣлалось почти невозможнымъ и онъ могъ двигаться, лишь слѣдуя теченію рѣки.

Съ наступленіемъ темноты сѣла на плотъ первая партія поручика Журавлева и въ 6 часовъ вечера отчалила отъ праваго берега, на которомъ была разставлена часть Акъ-Джарскаго отряда, чтобы прикрыть обратное движеніе охотниковъ артилерійскимъ и ружейнымъ огнемъ.

Скоро непріятель услышалъ плескъ и открылъ огонь, на который съ нашей стороны не отвѣчали, почему стрѣльба скоро и прекратилась. Наши охотники пристали къ лѣвому берегу и залегли, въ ожиданіи второй партіи, возвращаясь за которой, плотъ сѣлъ на мель, такъ что людямъ пришлось соскочить въ воду и тащить плотъ нѣкоторое пространство на себѣ, стоя по колѣно въ водѣ.

Въ 8 часовъ вечера высадилась на лѣвый берегъ вторая партія охотниковъ, въ которой находились капитанъ Русановъ и подпоручикъ Рудановскій.

Оставивъ 6 человѣкъ для охраны плота, рѣшено было двинуться на кишлакъ двумя партіями, изъ которыхъ одна подъ начальствомъ поручика Журавлева (12 охотниковъ) направилась впередъ въ обходъ кишлака, а другая должна была двинуться немного погодя прямо на костры, вокругъ которыхъ сидѣла масса туземцевъ.

Такимъ движеніемъ и нападеніемъ сразу съ двухъ сторонъ имѣлось въ виду произвести гораздо бо̀льшее впечатлѣніе на про-

тивника и ввести его въ заблужденіе относительно численности нашихъ ничтожныхъ силъ.

Разсчетъ этотъ вполнѣ оправдался. Обѣ партіи условились, что начнетъ стрѣльбу по непріятелю партія поручика Журавлева, когда найдетъ это удобнымъ и своевременнымъ, а другая партія тотчасъ же ее поддержитъ; однако, благодаря маленькой непредвидѣнной случайности, вышло нѣсколько иначе.

Партія, въ которой находились капитанъ Русановъ и подпоручикъ Рудановскій, продвинувшись ближе къ кишлаку Акъ-Джаръ, остановилась у небольшого обрыва, высотою аршина въ полтора, и рѣшила подъ прикрытіемъ этого обрыва выждать, пока партія поручика Журавлева закончитъ свое обходное движеніе и откроетъ стрѣльбу, которую и должна была поддержать.

Въ это время показался непріятельскій развѣдчикъ, который ѣхалъ прямо на партію капитана Русанова и остановился у самаго обрыва, за которымъ укрылись, затаивъ дыханіе, наши охотники. По всей вѣроятности, лошадь всадника сарта инстинктивно остановилась, почувствовавъ близость опаснаго мѣста (обрыва) или людей, а самъ всадникъ сталъ прислушиваться и разсматривать впередилежащую мѣстность.

Была совершенно темная ночь и онъ, конечно, не видѣлъ ничего, тогда какъ силуэтъ его отлично обрисовывался на фонѣ костровъ, разложенныхъ позади него въ кишлакѣ.

Еще минута—и непріятельскій развѣдчикъ хотѣлъ уже возвращаться, довольный благополучнымъ исполненіемъ своего порученія, но одинъ изъ охотниковъ-стрѣлковъ, которому показалось, что всадникъ двинулся впередъ, прямо на него, не выдержалъ и выстрѣлилъ.

Этотъ выстрѣлъ послужилъ сигналомъ къ общей перестрѣлкѣ, въ которой приняла участіе также и партія поручика Журавлева, приблизившаяся въ это время къ кишлаку настолько, что, сдѣлавъ залпъ, бросилась въ штыки.

Неожидавшая нападенія толпа непріятеля была крайне поражена нашими залпами, да еще съ двухъ сторонъ, совершенно растерялась и бросилась бѣжать, надѣясь найти спасеніе подъ покровомъ темноты.

Въ это время со стороны садовъ кишлака Акъ-Джаръ показалась конная шайка, которая была встрѣчена дружными залпами всей нашей партіи охотниковъ и обратилась въ безпорядочное бѣгство, преслѣдуемая залпами.

Скоро кишлакъ Акъ-Джаръ былъ совершенно покинутъ непріятелемъ и, въ наказаніе его жителей, выженъ охотниками.

Затѣмъ охотники отправились къ каюку, выкачали изъ него воду и въ двѣнадцатомъ часу ночи возвратились въ лагерь на правый берегъ, частью въ каюкѣ, частью на плоту, нагрузивъ громадный каюкъ разной провизіей, клеверомъ, ячменемъ и т. п.

Въ этотъ день было съ нашей стороны выпущено 5 артилерійскихъ снарядовъ и 182 патрона.

Со стороны непріятеля былъ значительный уронъ, у насъ же только одинъ нижній чинъ былъ легко контуженъ.

Въ своемъ донесеніи объ этомъ дѣлѣ полковникъ Пичугинъ свидѣтельствуетъ, что 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона капитанъ Русановъ выказалъ, при исполненіи возложеннаго на него довольно смѣлаго предпріятія, рѣшимость и распорядительность, а нижніе чины, кромѣ смѣлости и готовности исполнить какое угодно приказаніе, выказали еще много самоотверженія, работая въ ноябрскую холодную ночь по-колѣно въ водѣ.

Генералъ-адъютантъ фонъ Кауфманъ, находя это небольшое дѣло выполненнымъ не только удачно, но до дерзости смѣло, выразилъ свою благодарность начальнику Акъ-Джарскаго отряда, полковнику Пичугину, и всѣмъ его подчиненнымъ, а въ особенности, тремъ офицерамъ и 34 охотникамъ нижнимъ чинамъ, принимавшимъ участіе въ поѣздкѣ на лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи.

Фельдфебелю Лапшину, подававшему отличный примѣръ нижнимъ чинамъ, былъ пожалованъ знакъ отличія военнаго ордена 4 степени и еще одинъ такой же крестъ на команду.

На слѣдующій день, 10-го ноября, отрядомъ было захвачено, послѣ небольшой перестрѣлки въ нѣсколькихъ верстахъ ниже переправы, еще три каюка, которые и были доставлены къ мѣсту расположенія отряда.

Такимъ образомъ, тотчасъ же послѣ прибытія отряда на Акъ-Джарскую переправу, имъ было захвачено у противника 4 каюка, благодаря чему противникъ лишенъ былъ возможности переправляться на нашъ берегъ, а отрядъ пріобрѣлъ отличныя перевозочныя средства, необходимыя для доставки для нуждъ отряда съ лѣваго берега разныхъ жизненныхъ припасовъ и фуража.

Эта, повидимому, незначительная стычка, имѣла громадное значеніе, какъ вообще всякое смѣлое и доведенное до конца дѣло, такъ какъ, благодаря разгрому кишлака Акъ-Джара, жители другихъ лѣвобережныхъ кишлаковъ и вернувшіеся жители Акъ-Джара

стали доставлять потребные для нуждъ отряда жизненные припасы, фуражъ и т. п. настолько безпрепятственно и охотно, что на это обратилъ вниманіе Пулатъ-ханъ и распорядился даже выслать для наказанія жителей означенныхъ кишлаковъ изъ Кокана около 4,000 пѣшихъ сарбазовъ, которыхъ и расположилъ по кишлакамъ, обязавъ жителей этихъ послѣднихъ содержать ихъ на свой счетъ.

11-го ноября часть отряда—взводъ пѣхоты и 40 казаковъ, была отправлена для конвоированія оказіи и за провіантомъ въ Ходжентъ.

Къ вечеру этого же дня было сплавлено изъ Пунгана еще два каюка и такимъ образомъ у мѣста стоянки отряда было уже шесть каюковъ, вполнѣ годныхъ для устройства переправы.

12-го ноября, въ то время, когда отрядъ занимался разрушеніемъ закрытій на противоположномъ берегу, къ начальнику отряда явилась депутація отъ жителей кишлака Сарай, лежащаго въ трехъ верстахъ отъ берега Сыръ-Дарьи, съ просьбою не разорять этотъ кишлакъ, что и было имъ обѣщано при условіи, если по отряду перестанутъ стрѣлять и если жители кишлака будутъ снабжать отрядъ продовольствіемъ и фуражемъ.

Вечеромъ 12-го ноября полковникъ Пичугинъ получилъ отъ Чустскаго участковаго начальника свѣдѣніе о томъ, что Чусту угрожаетъ нападеніе скопища Батырь-тюри и что ему необходимо оказать помощь.

Въ виду этого полковникъ Пичугинъ выступилъ ночью изъ Акъ-Джара съ одной ротой пѣхоты, сотней казаковъ и двумя орудіями, сдѣлалъ утромъ привалъ около Гурумъ-Сарая и, прибывъ около полудня, 15-го ноября, къ кишлаку Пиляль за кишлакомъ Папъ, узналъ, что генералъ Скобелевъ разбилъ мятежниковъ у кишлака Балыкчи и что шайка Батырь-тюри разбѣжалась.

Въ часъ пополудни въ отрядъ прискакалъ житель кишлака Уйгуръ съ извѣстіемъ, что къ этому кишлаку подступаетъ большая шайка кипчаковъ въ числѣ около 250 человѣкъ.

Полковникъ Пичугинъ немедленно двинулъ къ Уйгуру 70 казаковъ и 30 стрѣлковъ, посаженныхъ на арбакешныхъ лошадей, подъ начальствомъ сотника Калачова, при приближеніи которыхъ кипчаки бросились спасаться въ горы, но были настигнуты и часть ихъ изрублена, причемъ въ нашихъ рукахъ осталось 12 изрубленныхъ тѣлъ и захвачено двѣ шашки, три лошади, три палатки и много разнаго лагернаго скарба.

Вечеромъ, 13-го ноября, полковникъ Пичугинъ съ сильнымъ разъѣздомъ проѣхалъ въ Чустъ для отправленія донесенія начальнику Наманганскаго отдѣла; 14-го числа возвратился на позицію около кишлака Пиляль и отправилъ разъѣздъ для рекогносцировки мѣстности за Уйгуромъ (къ горамъ), а 15-го ноября возвратился въ Акъ-Джаръ.

На Акъ-Джарской переправѣ съ 11-го ноября было совершенно спокойно и не было произведено ни одного выстрѣла.

Съ лѣваго берега Сыръ-Дарьи было доставлено въ отрядъ болѣе 1,000 сноповъ клевера и большіе запасы мяса, муки, масла и проч.

Изъ кишлака Аштъ прибыла депутація съ изъявленіемъ готовности жителей служить русскимъ, въ доказательство чего принесла четыре ружья и двѣ сабли, но полковникъ Пичугинъ отнесся съ недовѣріемъ къ этимъ заявленіямъ, такъ какъ по имѣвшимся свѣдѣніямъ возстаніе продолжало гнѣздиться въ горныхъ кишлакахъ, къ числу которыхъ относился и Аштъ, хотя были также свѣдѣнія и о томъ, что жители нѣкоторыхъ кишлаковъ принимаютъ участіе въ шайкахъ весьма неохотно и предводителямъ этихъ шаекъ удается удерживать ихъ отъ побѣговъ изъ шаекъ лишь благодаря весьма крутымъ мѣрамъ.

Предводителями шаекъ, дѣйствовавшихъ въ раіонѣ горныхъ кишлаковъ и въ мѣстности ближайшей къ Акъ-Джару, были: житель Аблыка Тана-Берды, имѣвшій наибольшее вліяніе, кипчакъ Батырь-Кулъ (изъ Сарбака), таджикъ Исмандіаръ (изъ окрестностей Аштa), Колтыръ-Сунъ (изъ Ашаба), мулла Кушай (изъ Моргузара) и киргизъ Ишъ-Пута.

Несмотря на содѣйствіе жителей нѣкоторыхъ кишлаковъ лѣваго берега, доставлявшихъ скотъ и разные жизненные продукты, отрядъ все-таки нуждался во многомъ, особенно же въ фуражѣ, такъ какъ жители ближайшихъ къ Акъ-Джару кишлаковъ большею частью покинули свои жилища, а самые кишлаки были сильно раззорены или сожжены во время только-что оконченныхъ военныхъ дѣйствій.

Въ уцѣлѣвшихъ же кишлакахъ запасы фуража были почти совершенно израсходованы на нужды различныхъ отрядовъ и громадныхъ транспортовъ, доставлявшихъ разные боевые и жизненные припасы изъ Ходжента въ Наманганъ для войскъ Наманганскаго отдѣла.

Къ тому же жители многихъ кишлаковъ въ Наманганскомъ

отдѣлѣ, особенно находящихся въ горныхъ мѣстностяхъ, относились къ русскимъ вообще довольно враждебно, а бродячія шайки нерѣдко безпокоили, между прочимъ, и Акъ-Джарскій отрядъ, который принужденъ былъ принимать серьезныя мѣры для охраненія себя, выставлять на ночь цѣпь часовыхъ и высылать секреты далеко впередъ, на гребень уступа, возвышавшагося саженъ на 10—20 надъ мѣстомъ расположенія отряда и тянущагося параллельно берегу на нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки.

Нерѣдко шайки туземцевъ подходили на близкое разстояніе къ мѣсту расположенія отряда и вступали съ нимъ въ перестрѣлку, особенно въ то время, когда водили лошадей на водопой. Ночью эти шайки уходили въ горы, гдѣ онѣ считали себя внѣ опасности и гдѣ получали продовольствіе.

Въ виду такого положенія дѣла полковникъ Пичугинъ рѣшилъ предпринять съ частью своего отряда движеніе въ горные кишлаки западной части Наманганскаго отдѣла, рекомендованное генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ, съ тѣмъ, чтобы наказать жителей этихъ кишлаковъ, поддерживавшихъ и скрывавшихъ шайки мятежниковъ.

Такое движеніе и было произведено въ періодъ съ 16-го по 19-е ноября.

Полковникъ Пичугинъ выступилъ съ позиціи у Акъ-Джарской переправы *16-го ноября утромъ съ частью отряда*, въ составѣ $1^1/_2$ ротъ 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и сотни Сибирскихъ казаковъ.

Орудія не были взяты, такъ какъ по собраннымъ свѣдѣніямъ колесныхъ дорогъ между горными кишлаками не существовало.

Ночлегъ отрядъ имѣлъ въ Камышъ-Курганѣ.

17-го ноября отрядъ двинулся на кишлакъ Шайданъ, гдѣ былъ встрѣченъ жителями. Въ виду прежняго непріязненнаго отношенія ихъ къ русскимъ, полковникъ Пичугинъ приказалъ наказать передъ народомъ двухъ старшинъ, которыхъ обвинялъ наибъ Мирза-Абдулла и наложилъ на кишлакъ реквизицію для нуждъ отряда.

Дорога отъ Шайдана до Бабадархана почти горная, такъ какъ ущелье сильно съуживается.

На высотахъ съ правой стороны была замѣчена конная шайка, уходившая изъ Бабадархана въ горы.

Въ погоню за этой шайкой была послана полусотня 5-й Сибирской сотни, которая настигла ее у кишлака Пангазъ, изрубила шесть человѣкъ и отбила три ружья.

Жители Бабадархана, таджики, встрѣтили отрядъ съ покорностью и по требованію полковника Пичугина безпрекословно доставили не только припасы для отряда, но также и подстилочную кошму для нижнихъ чиновъ, которая, однако, не была взята отрядомъ за невозможностью взять съ собой арбы.

Взяты были лишь арбакешныя лошади на случай отправки стрѣлковъ вмѣстѣ съ казаками.

Вечеромъ туземецъ изъ Шайдана привезъ извѣстіе, что шайка Тана-Берды появилась въ тылу отряда и открыла по этому кишлаку стрѣльбу.

Вскорѣ прискакалъ другой житель Шайдана, донесшій, что жители кишлака не пустили къ себѣ шайку и она потянулась къ кишлаку Ашабу.

Чтобы не терять дорогое время и не упустить отличный случай встрѣтиться съ шайкой Тана-Берды, принявшаго за правило избѣгать столкновеній съ болѣе или менѣе сильными нашими отрядами и нападать лишь на одиночныхъ людей или на небольшія партіи, сопровождавшія транспорты, полковникъ Пичугинъ поднялъ отрядъ въ $11^1/_2$ часовъ ночи 17-го ноября и двинулся въ Ашабъ по горнымъ тропамъ.

Пѣхота шла пѣшкомъ, а арбакешныя лошади въ количествѣ 25 штукъ были навьючены десяточными котлами и пятидневными запасами провіанта.

Дорога была тяжелая, горная, съ безпрестанными обрывистыми спусками и подъемами, а ночная темнота въ значительной степени еще увеличивала эти трудности.

Пройдя слишкомъ 20 верстъ, отрядъ къ 7-ми часамъ утра приближался къ кишлаку, лежавшему въ глубокой рытвинѣ.

Слѣдуя съ отрядомъ нижней боковой дорогой, полковникъ Пичугинъ не видѣлъ еще строеній, какъ вдругъ были замѣчены бѣжавшіе конные непріятельскіе пикеты, слѣдовавшіе по высотамъ и направлявшіеся къ кишлаку.

Въ погоню за ними была послана 5-я Сибирская сотня, которая поднялась на высоты и двинулась за убѣгавшими.

Когда сотня приблизилась къ кишлаку, по ней былъ открытъ огонь изъ-за всѣхъ заборовъ и со всѣхъ крышъ саклей, а на высотахъ вправо показалась конная шайка.

Казаки были спѣшены и началась перестрѣлка.

По силѣ непріятельскаго огня и по мѣткости его было видно, что жители кишлака вооружены большимъ числомъ ружей и приготовились къ защитѣ.

Пѣхота, несмотря на сильно утомительный переходъ, бѣгомъ взбѣжала на высоту и залегла за гребень ея, охватывая линію непріятельскихъ стрѣлковъ.

Перестрѣлка была чрезвычайно упорна и въ ней принимали участіе не только наши стрѣлки, но также и казаки.

Наконецъ, огонь кишлака началъ ослабѣвать и видно было, какъ правый флангъ непріятельскихъ стрѣлковъ побѣжалъ назадъ.

Пѣхота была двинута на штурмъ: три полувзвода, подъ командой штабсъ-капитана Бартенева, бросились на правую сторону кишлака, а взводъ 1-й роты капитана Русанова на лѣвую. Какъ тѣ, такъ и другіе встрѣтили сильнѣйшее сопротивленіе—жители стрѣляли изъ-за барикадъ и изъ бойницъ, продѣланныхъ въ стѣнахъ саклей и заборовъ.

Весь кишлакъ былъ забарикадированъ, но это не остановило атакующихъ, которые двигались впередъ безостановочно.

Началась отчаянная рѣзня, такъ какъ ни одинъ житель Ашаба не сдавался и всѣ гибли съ оружіемъ въ рукахъ и даже женщины кидались съ ножами на солдатъ или бросали въ нихъ съ крышъ камнями.

Приходилось брать приступомъ каждую саклю и изъ каждаго угла можно было ожидать засады.

Наконецъ, кишлакъ былъ взятъ, все легло подъ штыками.

Взводъ 2-й роты съ поручикомъ Журавлевымъ взобрался на высоты и открылъ по конной шайкѣ убійственный огонь, спасаясь отъ котораго, шайка двинулась подъ нашимъ огнемъ на перевалъ и скоро исчезла изъ вида, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько десятковъ труповъ.

Полное утомленіе нашихъ казаковъ и трудная горная дорога не давали никакихъ шансовъ на то, что преслѣдованіе будетъ успѣшно, и потому полковникъ Пичугинъ нашелъ нужнымъ не преслѣдовать убѣгавшаго коннаго непріятеля.

Въ 9½ часовъ утра дѣло было окончено и лишь изрѣдка раздавались выстрѣлы: это отдѣльные фанатики выскакивали изъ-за разныхъ закрытій, стрѣляли въ нашихъ и были тутъ же избиваемы. Ударивъ сборъ и собравъ отрядъ, полковникъ Пичугинъ отправилъ часть его для разрушенія кишлака, который скоро

представилъ сплошную массу огня, въ которой горѣли трупы убитыхъ, завалившіе всѣ улицы, сады и дворы.

Бѣжавшій непріятель встрѣтилъ нашъ обозъ, отставшій и сбившійся съ пути и, принявъ его за другой отрядъ, бросился уже по другому направленію.

Трофеями нашими были: бунчукъ, значекъ, 120 ружей, 60 шашекъ, 80 пикъ и болѣе 200 батиковъ.

Потери непріятеля были весьма значительны: въ одномъ только кишлакѣ Ашабѣ на улицахъ было найдено болѣе 150 труповъ, около 100 тѣлъ валялось въ разныхъ мѣстахъ—въ садахъ, рытвинахъ, на скатахъ горъ и т. п. и, кромѣ того, многіе погибли въ зажженныхъ саклях.

Наши потери были тоже сравнительно значительны и состояли изъ двухъ убитыхъ стрѣлковъ и одного казака и 11-ти человѣкъ раненыхъ, изъ которыхъ четыре легко. Семеро раненыхъ получили весьма тяжелыя огнестрѣльныя раны, преимущественно въ началѣ перестрѣлки, когда защитники кишлака стрѣляли въ нашъ отрядъ съ близкаго разстоянія, предварительно пристрѣлявшись, и совершенно неожиданно для нашего отряда.

Немедленно было приступлено къ погребенію убитыхъ и послѣ небольшаго привала, во время котораго люди успѣли только напиться чаю, отрядъ двинулся далѣе въ горы.

Столь поспѣшное движеніе впередъ послѣ непродолжительнаго отдыха признавалось необходимымъ, чтобы показать нашему противнику, что наши потери не такъ велики и чтобы не дать ему опомниться и перейти въ наступленіе, такъ какъ при значительномъ численномъ перевѣсѣ онъ могъ причинить намъ не мало хлопотъ, особенно въ виду того, что горная труднодоступная мѣстность не позволяла намъ воспользоваться вполнѣ преимуществами своего вооруженія, а сравнительно большое число раненыхъ сильно затрудняло движеніе отряда и отрывало много людей для переноски ихъ.

При 11-ти раненыхъ потребовалось, полагая по четыре носильщика на каждаго и въ двѣ смѣны, всего 88 человѣкъ, что составляло почти половину отряда.

Несмотря на то, что узкая дорога, по которой отрядъ слѣдовалъ по Ашабинскому ущелью, была во многихъ мѣстахъ забарикадирована, отрядъ двигался почти безостановочно, благодаря тому, что путь его расчищался и барикады быстро разбирались жителями разныхъ кишлаковъ, явившихся послѣ разгрома шайки

въ кишлакъ Ашабъ къ начальнику отряда съ изъявленіемъ полной покорности и съ мольбами о пощадѣ.

Слѣдуя по пути, освѣщенному кострами, отрядъ остановился около кишлака Гуданъ, пройдя 24 версты.

Здѣсь уже заранѣе горѣли костры, были разосланы кошмы и проготовлены для отряда въ большомъ количествѣ лепешки, клеверъ и пригнанъ скотъ.

Такимъ образомъ люди были на ногахъ 24½ часа, пили только одинъ разъ чай, выдержали горячее дѣло и прошли 44 версты по едва доступнымъ дорогамъ.

На слѣдующій день, 19-го ноября, отрядъ перешелъ къ кишлаку Аштъ, жители котораго встрѣтили наши войска тоже съ полной покорностью, а вечеромъ того же дня возвратился на позицію у Акъ-Джарской переправы.

Тана-Берды, Батырь-Кулъ и еще одинъ неизвѣстный предводитель шайки, Рахметъ, послѣ пораженія подъ Ашабомъ отошли къ кишлаку Сарвакъ.

Движеніе части Акъ-Джарскаго отряда въ горные кишлаки сѣверо-западной части Наманганскаго отдѣла было выполнено вполнѣ удачно, образцово, а разгромъ непріятельской шайки въ кишлакѣ Ашабѣ произвелъ на окрестныхъ жителей глубокое, подавляющее впечатлѣніе и отбилъ у нихъ охоту противодѣйствовать и сопротивляться русскимъ.

Это движеніе оказало отличное дѣйствіе и на общее успокоеніе населенія Наманганскаго отдѣла, такъ какъ всѣ шайки мятежниковъ, волновавшихъ населеніе, находили всегда хорошее укрытіе именно въ этой малодоступной части края, населенной воинственными племенами.

Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, рекомендовавшій подобное движеніе, былъ очень доволенъ дѣйствіями полковника Пичугина и выразилъ искреннюю благодарность за лихое движеніе [1]), какъ ему, такъ и наиболѣе отличившимся офицерамъ—капитану Русанову, штабсъ-капитану Бартеневу, поручику Журавлеву и хорунжему Батурину, а нижнимъ чинамъ отряда назначилъ: четыре знака отличія военнаго ордена голосовыхъ во 2-ю роту, два знака во взводъ 1-й роты и четыре знака въ Сибирскую сотню и, кромѣ того, по ходатайству начальника отряда, восемь знаковъ имянныхъ

[1]) Приказъ по войскамъ Туркестанскаго военнаго округа 28-го ноября 1875 г., № 434.

особенно отличившимся нижнимъ чинамъ, въ томъ числѣ и фельдшеру Меккѣ, производившему подъ огнемъ непріятеля перевязки раненымъ.

Съ отъѣздомъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана изъ Ходжента въ Ташкентъ 20-го ноября, Акъ-Джарскій отрядъ поступилъ въ непосредственное вѣдѣніе начальника Наманганскаго отдѣла, тогда какъ до этого времени отрядъ получалъ инструкціи и дѣйствовалъ отчасти по указаніямъ главнаго начальника войскъ, дѣйствовавшихъ въ Коканскомъ ханствѣ.

Изъ Ходжента отрядъ продолжалъ получать лишь продовольствіе.

Чтобы согласовать дѣйствія Акъ-Джарскаго и Чустскаго отрядовъ, имѣвшихъ почти одинаковое значеніе, начальникъ Наманганскаго отдѣла, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Скобелевъ, призналъ необходимымъ соединить оба эти отряда подъ начальствомъ командира 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона полковника барона Меллера-Закомельскаго, которому и приказалъ отправиться изъ Намангана въ Чустъ 20-го ноября съ двумя полуротами конныхъ стрѣлковъ и взводомъ ракетной батареи, поступившими въ непосредственное его распоряженіе. Генералъ Скобелевъ снабдилъ полковника барона Меллера-Закомельскаго подробными указаніями [1]) относительно дѣйствій его, какъ начальника соединенныхъ отрядовъ Акъ-Джарскаго и Чустскаго, и прежде всего поручилъ ему по прибытіи въ Чустъ немедленно привлечь Чустскій отрядъ къ охранѣ дороги отъ Чуста до Камышъ-Кургана.

Въ случаѣ, если бы были получены свѣдѣнія о сборищѣ значительныхъ непріятельскихъ силъ на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи, полковнику барону Меллеру-Закомельскому разрѣшалось перейти на этотъ берегъ и разгромить какъ непріятельскія скопища, такъ и тѣ кишлаки, которые въ это время могли представить укрытіе для значительныхъ непріятельскихъ силъ, причемъ настоятельно рекомендовалось отклонять непріятеля отъ мелкихъ партизанскихъ дѣйствій и всѣми мѣрами стараться нанести ему значительный ударъ; рекомендовалось также помнить, что Акъ-Джарская переправа находится отъ города Кокана всего лишь въ разстояніи около 20 верстъ и что для насъ было бы крайне невыгодно привлечь на нашъ берегъ значительныя скопища изъ этого пункта.

Такъ какъ генералу Скобелеву тогда не было еще извѣстно о

[1]) Предписаніе начальника Наманганскаго отдѣла 20-го ноября 1875 г. № 192.

движеніи полковника Пичугина съ частью Акъ-Джарскаго отряда въ горные кишлаки западной части Наманганскаго отдѣла и о разгромѣ имъ шайки Тана-Берды, то полковнику барону Меллеру-Закомельскому вмѣнялось также въ обязанность не допускать жителей этихъ кишлаковъ сноситься съ Таномъ-Берды, уничтожить его шайку и открыть черезъ джигитовъ связь съ укрѣпленіемъ Теляу.

По очищеніи отъ непріятельскихъ шаекъ дороги между Чустомъ и Камышъ-Курганомъ, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій долженъ былъ, для водворенія полнаго порядка въ горныхъ кишлакахъ, произвести изъ Чуста совокупнымъ дѣйствіемъ обоихъ отрядовъ движеніе примѣрно по кишлакамъ Чадакъ, Ханабатъ, Пунякъ, Пискокатъ, Аштъ-Гудасъ, Ашабъ, Пангазъ, Шайданъ, Корукъ, Бабадарханъ, Кули-Ходжа и Мулла-Миръ, вводя въ нихъ управленіе, избирая новыхъ аксакаловъ и аминовъ или утверждая прежнихъ, если они окажутся достойными этого; собирая хотя бы приблизительныя свѣдѣнія о числѣ дворовъ въ каждомъ изъ означенныхъ кишлаковъ, числѣ душъ мужского пола, происхожденіи ихъ и занятіяхъ, количествѣ воздѣланной земли, числѣ базаровъ и лавокъ, ведущихъ постоянную торговлю и т. п.

Для производства маршрутной съемки въ распоряженіе полковника барона Меллера-Закомельскаго былъ назначенъ корпуса топографовъ поручикъ Мишинъ, а для сбора свѣдѣній начальникъ Чустскаго участка штабсъ-капитанъ Бекчуранъ и переводчикъ Казбековъ.

Въ виду того, что жители поименованныхъ кишлаковъ обвинялись во враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ и подозрѣвались въ разграбленіи нашихъ мелкихъ транспортовъ и въ нападеніи на штабсъ-капитана Святополкъ-Мирскаго и сотника Кузьмина съ 12 казаками и другихъ одиночныхъ людей, полковнику барону Меллеру-Закомельскому вмѣнялось также въ обязанность отыскать главныхъ зачинщиковъ и виновныхъ въ этихъ разбойничествахъ и, собравъ на мѣстѣ улики противъ нихъ, подтвержденныя показаніями свидѣтелей, самихъ зачинщиковъ доставить въ Наманганъ для поступленія съ ними по закону.

Наконецъ, баронъ Меллеръ-Закомельскій долженъ былъ доставить свое заключеніе о томъ, не слѣдуетъ ли Чустскій участокъ раздѣлить на два, образовавъ Бабадарханскій участокъ, преимущественно изъ кишлаковъ, составлявшихъ въ ханскія времена отдѣльное бекство.

Изъ послѣдующаго изложенія будетъ видно, что полковникъ

баронъ Меллеръ-Закомельскій быстро выполнилъ возложенныя на него порученія, при чемъ все, что касается наказанія виновныхъ жителей и кишлаковъ, было исполнено имъ съ суровостью и энергіей, напоминавшими ханскія времена и заставившими мятежниковъ серьезно призадуматься надъ своимъ положеніемъ и отказаться отъ мысли, что безобразія ихъ будутъ безнаказанны.

Описанное ниже движеніе полковника барона Меллера-Закомельскаго имѣло громадное значеніе въ смыслѣ умиротворенія вновь занятаго края, еще такъ недавно бывшаго ареной смуты и грабежа, и тѣ строгости, которымъ подверглись виновные и которыя покажутся, быть можетъ, излишними, были вызваны положительной необходимостью и вполнѣ оправдывались потребностью того времени и обстановкой.

Въ виду полученія свѣдѣній о только-что совершенномъ движеніи части Акъ-Джарскаго отряда въ горные кишлаки, генералъ Скобелевъ нашелъ излишнимъ направлять туда же полковника барона Меллера-Закомельскаго и далъ этому послѣднему соотвѣтственное приказаніе. Исполняя это приказаніе, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій выступилъ изъ Чадака [1]) съ 1-й Сибирской казачьей сотней и полусотней 2-й Сибирской сотни, конными стрѣлками и ракетнымъ взводомъ въ 8 часовъ вечера 30-го ноября и пройдя черезъ Гурумъ-Сарай и Папъ, прибылъ въ 5 часовъ утра 1-го декабря въ кишлакъ Сангъ, расположенный на правомъ берегу Сыръ-Дарьи.

Здѣсь немедленно было сдѣлано распоряженіе объ устройствѣ переправы черезъ рѣку, для чего прежде всего нужно было выкачать воду изъ имѣвшихся на этой переправѣ четырехъ каюковъ.

При энергичномъ содѣйствіи жителей кишлака Сангъ въ 9 часовъ утра каюки были готовы, а въ 11 часовъ вся кавалерія была уже на лѣвомъ берегу и поджидала прибытія остальныхъ войскъ отряда.

Около двухъ часовъ дня прибыли вторая рота 2-го Туркестанскаго линейнаго и первая рота 3-го Стрѣлковаго баталіоновъ, имѣвшія четырехъ часовой отдыхъ въ Гурумъ-Сараѣ.

Вскорѣ прибыло изъ Чуста одно орудіе № 2 подвижного взвода, подъ прикрытіемъ взвода (60 человѣкъ) четвертой роты 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, а вслѣдъ за тѣмъ одно орудіе № 3 подвижного взвода изъ Акъ-Джара, подъ прикрытіемъ полусотни 2-й Сибирской сотни.

[1]) Рапортъ начальнику Наманганскаго отдѣла 4-го декабря 1875 г. № 14.

Переправа около Санга оказалась вполнѣ удобной и войска были доставлены на лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи быстро и безъ всякихъ приключеній.

Переночевавъ на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи близъ переправы, весь отрядъ [1]) двинулся въ 8 часовъ утра, 2-го декабря, по дорогѣ къ Акъ-Джару, зажигая на пути кишлаки и зимовки каракалпаковъ, бѣжавшихъ при появленіи отряда въ Коканъ.

Около одного изъ кишлаковъ былъ замѣченъ непріятельскій пикетъ, состоявшій изъ пяти человѣкъ, изъ которыхъ двое были изрублены отправленными противъ пикета джигитами отряда, а остальные ускакали.

Двинувшись на рысяхъ со всей кавалеріей вслѣдъ за пикетомъ, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій увидѣлъ вдали конную шайку человѣкъ въ 200—300, которая поспѣшно удалялась.

Видя невозможность догнать эту шайку, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій направился съ кавалеріей къ Сыръ-Дарьѣ, чтобы зажечь прибрежные кишлаки, а пѣхотѣ и артилеріи приказалъ слѣдовать прямой дорогой на кишлакъ Шуръ, гдѣ предполагался ночлегъ.

Около 3-хъ часовъ пополудни полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій услышалъ пушечные выстрѣлы, немедленно направился съ кавалеріей на рысяхъ прямо на эти выстрѣлы и вскорѣ увидѣлъ большія толпы конныхъ съ нѣсколькими значками, перестрѣливавшихся съ нашей пѣхотой.

Завидѣвъ нашу кавалерію, непріятель началъ настолько поспѣшно уходить, что удалось только пустить ему вдогонку нѣсколько ракетъ. Хотя ни одна изъ этихъ ракетъ не разорвалась, но вторая и третья, удачно попавшія въ густую толпу, произвели окончательный безпорядокъ и обратили непріятеля въ бѣгство.

На ночлегъ въ Шуръ-Кишлакъ отрядъ прибылъ, когда было уже совсѣмъ темно, причемъ пѣхота сдѣлала около 30-ти верстъ, а кавалерія—болѣе 50-ти.

Жители этого кишлака, каракалпаки, были всѣ на мѣстахъ, благодаря чему онъ не былъ разоренъ и сожженъ; этому, впрочемъ, не мало способствовало также и то обстоятельство, что въ Шуръ-Кишлакѣ оказались большіе запасы клевера, приберечь который было полезно, такъ какъ онъ могъ пригодиться для нашихъ отрядовъ при движеніи ихъ по лѣвому берегу Сыръ-Дарьи.

[1]) Двѣ съ половиною роты пѣхоты, два орудія, двѣ сотни казаковъ, эскадронъ конныхъ стрѣлковъ и ракетный взводъ.

3-го декабря весь обозъ, подъ прикрытіемъ второй роты 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, былъ направленъ береговой дорогой прямо къ Акъ-Джарской переправѣ, а весь отрядъ двинулся болѣе кружной дорогой черезъ большіе кишлаки Ургенчъ, Тумаръ и Кіялы.

Кавалерія шла впереди.

Былъ такой густой туманъ, что въ 100 шагахъ ничего не было видно, благодаря чему совершенно неожиданно наткнулись на толпу конныхъ, которые ѣхали прямо по направленію къ нашему отряду и, увидавъ его, круто повернули назадъ.

Тотчасъ же въ догонку была пущена полусотня 1-й Сибирской сотни, которая атаковала непріятеля, изрубила нѣсколько человѣкъ и захватила въ плѣнъ одного раненаго, который и показалъ, что это была часть шайки муллы Кушая, отбившаяся благодаря туману отъ главной шайки.

Подходя къ кишлаку Кіялы, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій увидѣлъ впереди толпы конныхъ съ нѣсколькими красными и бѣлыми значками, почему тотчасъ же выстроилъ свою кавалерію.

1-я и 2-я Сибирскія сотни выстроились въ колоннахъ по-полусотенно въ первой линіи, между ними ракетный взводъ, а конные стрѣлки во второй линіи уступомъ за правымъ флангомъ.

Нѣсколько удачно пущенныхъ ракетъ заставили непріятельскія толпы скрыться въ большой кишлакъ и за кишлакъ Бикъ-Батча, находящійся всего лишь верстахъ въ 10-ти отъ Кокана.

Изъ этого кишлака и лежащихъ лѣвѣе его кишлака и большой курганчи былъ открытъ по нашему отряду частый фальконетный и ружейный огонь, заставившій спѣшить конныхъ стрѣлковъ и двинуть ихъ въ атаку, въ которой приняла участіе также и подошедшая въ это время 1-я рота 3-го Туркестанскаго Стрѣлковаго баталіона.

Непріятель не выдержалъ и поспѣшно бѣжалъ, преслѣдуемый почти черезъ весь кишлакъ Бикъ-Батча.

Такъ какъ дальнѣйшее преслѣдованіе могло привести отрядъ къ самымъ воротамъ Кокана, что было бы очень рискованно, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій отозвалъ стрѣлковъ назадъ, собралъ весь отрядъ на первоначальной позиціи и, простоявъ

здѣсь нѣкоторое время, въ теченіе котораго люди оправились и отдохнули, продолжалъ движеніе къ Акъ-Джарской переправѣ.

Непріятель больше не показывался и отрядъ благополучно прибылъ къ Акъ-Джару, когда уже совсѣмъ стемнѣло, сдѣлавъ переходъ болѣе 30-ти верстъ, изъ которыхъ часть съ боемъ.

Было уже поздно, а потому отрядъ расположился на бивакъ на лѣвомъ берегу, противъ переправы.

Во время перестрѣлки около кишлака Кіялы произошелъ довольно интересный и характерный случай.

Одна изъ ракетъ, упавъ со станка, вонзилась въ землю передъ самымъ станкомъ и продолжала горѣть.

Командиръ взвода, прапорщикъ Андреевъ, скомандовалъ прислугѣ лечь на землю, а коноводамъ отскакать назадъ, самъ же остался стоять у станка, пока ракету не разорвало, къ счастью, никого не поранивъ.

Послѣ этого вновь была пущена ракета и взводъ продолжалъ дѣйствовать какъ ни въ чемъ не бывало.

О такомъ отличномъ хладнокровіи и присутствіи духа прапорщика Андреева начальникъ отряда счелъ долгомъ засвидѣтельствовать передъ генераломъ Скобелевымъ и просить его наградить этого офицера.

Во время слѣдованія обоза прямой береговой дорогой на него было произведено нападеніе шайки съ нѣсколькими значками недалеко отъ Акъ-Джарской переправы.

Непріятель сначала открылъ сильный огонь изъ-за бархановъ, но такъ какъ по приказанію командовавшаго прикрытіемъ командира второй роты 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, поручика Дзердзѣевскаго, на этотъ огонь не отвѣчали, то сталъ подскакивать ближе и назойливо насѣдать; тогда пришлось открыть по нему огонь и тѣмъ обратить его въ поспѣшное бѣгство.

Непріятель оставилъ на мѣстѣ перестрѣлки нѣсколько тѣлъ, съ нашей же стороны потерь не было.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ плѣннаго и отъ мѣстныхъ жителей, близъ кишлака Бикъ-Батча дѣйствовали шайка Акъ-Бутабека, сына Абдулъ-Гафара, численностью около 1,500 всадниковъ (10 значковъ и 2 трубы), вмѣстѣ съ шайкой муллы Кушая, состоявшей изъ 200 человѣкъ, и кромѣ того каракалпаки, жители окрестныхъ коканскихъ кишлаковъ.

На слѣдующій день, 4-го декабря, отрядъ сдѣлалъ дневку близъ Акъ-Джарской переправы, не переходя на правый берегъ, а 5-го

декабря двинулся лѣвымъ берегомъ къ Чиль-Махраму, въ составѣ второй роты 2-го линейнаго и второй роты 3-го стрѣлковаго баталіоновъ, двухъ орудій, конныхъ стрѣлковъ, ракетнаго взвода, первой, пятой и полусотни второй Сибирскихъ сотенъ и полусотни Оренбургской сотни.

На Акъ-Джарѣ, для охраны переправы, остались первая рота 3-го стрѣлковаго баталіона, одно орудіе и нѣсколько казаковъ.

Для сопровожденія въ Наманганъ пришедшей 4-го декабря оказіи были назначены взводъ четвертой роты 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и полусотня второй Сибирской сотни.

Движеніе полковника барона Меллера-Закомельскаго по кишлакамъ лѣваго берега Сыръ-Дарьи отъ Санга до Акъ-Джара, сопровождавшееся полнымъ ихъ уничтоженіемъ, за исключеніемъ лишь кишлака Шуръ, навело паническій ужасъ не только на жителей этихъ кишлаковъ, каракалпаковъ, но даже и на жителей Кокана, ожидавшихъ, что и ихъ постигнетъ подобная же участь.

Это движеніе имѣло громадное значеніе, такъ какъ, благодаря удачнымъ дѣйствіямъ полковника барона Меллера-Закомельскаго, была совершенно очищена отъ разбойничьихъ шаекъ вся мѣстность между Коканомъ и Акъ-Джарской переправой.

Разгромъ, произведенный полковникомъ барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ, ясно показалъ, что непріязненныя дѣйствія противъ русскихъ строго караются и отбилъ охоту у мѣстныхъ жителей оказывать помощь разбойничьимъ шайкамъ.

Въ то время, какъ полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій совершалъ свое движеніе черезъ упомянутые выше кишлаки, на лѣвомъ же берегу Сыръ-Дарьи произошли слѣдующія весьма важныя событія и столкновенія съ непріятелемъ, въ которыхъ принималъ участіе отрядъ подъ личнымъ начальствомъ генерала Скобелева.

29-го ноября въ Наманганѣ было получено извѣстіе о занятіи непріятелемъ въ числѣ четырехъ пансатовъ, т. е. около 2,000 человѣкъ, кишлака Гуръ-Тюбе, на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи, въ 25-ти верстахъ на югъ отъ Намангана и о приведеніи его въ оборонительное положеніе.

Имѣя въ виду, что этотъ кишлакъ, состоящій болѣе чѣмъ изъ 2,000 дворовъ и лежащій въ узлѣ дорогъ, ведущихъ отъ кишлака Балыкчи и городовъ Маргелана и Кокана, могъ служить прекраснымъ исходнымъ и опорнымъ пунктомъ для дѣйствій на наши

сообщенія и другихъ предпріятій противника, генералъ Скобелевъ рѣшился немедленно овладѣть этимъ кишлакомъ и уничтожить его.

Съ этой цѣлью онъ выступилъ изъ Намангана въ ночь съ 29-го на 30-е ноября съ отрядомъ, въ составъ котораго вошли четвертая рота 1-го и первая рота 2-го Туркестанскаго стрѣлковыхъ баталіоновъ, стрѣлковая рота 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, первая полурота конно-стрѣлковаго дивизіона, полусотни первой и второй сотенъ Семирѣченскихъ казаковъ, первая, вторая и пятая Оренбургскія сотни, дивизіонъ ракетной батареи и дивизіонъ первой батареи конно-артилерійской бригады Оренбургскаго казачьяго войска.

Отрядъ двинулся къ переправѣ черезъ Сыръ-Дарью, находящуюся въ 18-ти верстахъ отъ Намангана.

Сильный порывистый вѣтеръ, взволновавшій рѣку и глубина брода, доходившая до 4-хъ футовъ, значительно затрудняли переправу, но тѣмъ не менѣе, въ 7 часовъ утра, отрядъ былъ уже на лѣвомъ берегу рѣки и безъ замедленія двинулся къ кишлаку Гуръ-Тюбе.

Вскорѣ былъ открытъ непріятель, расположившійся на гребнѣ высоты, близъ кишлака.

Послѣ непродолжительнаго артилерійскаго огня была двинута впередъ кавалерія, конная артилерія и конные стрѣлки, а пѣхота слѣдовала сзади.

Непріятель, не выждавъ атаки казаковъ, бѣжалъ и, преслѣдуемый на протяженіи 4-хъ верстъ, потерялъ около 100 человѣкъ убитыми, одинъ значекъ и обозъ.

Прекративъ дальнѣйшее преслѣдованіе, генералъ Скобелевъ расположилъ отрядъ бивакомъ у южной окраины кишлака Гуръ-Тюбе.

По разспросамъ жителей оказалось, что кишлакъ былъ дѣйствительно занятъ ночью четырьмя пансатами (2,000 человѣкъ), но что непріятель, узнавъ о переправѣ отряда на лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи, поспѣшно бѣжалъ по направленію къ Маргелану, увлекая съ собою и часть жителей.

Убѣдившись въ глубокомъ нравственномъ впечатлѣніи, произведенномъ на непріятеля внезапнымъ наступательнымъ движеніемъ нашего отряда изъ Намангана и желая неожиданно застигнуть другое непріятельское скопище, расположившееся, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, за р. Нарыномъ, подъ начальствомъ Батырь-Тюри, генералъ Скобелевъ возвратился съ отрядомъ 1-го декабря

въ Наманганъ, предавъ кишлакъ Гуръ-Тюбе пламени, а на другой день, 2-го декабря, съ разсвѣтомъ, снова выступилъ изъ Намангана съ отрядомъ изъ второй роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, полуроты конныхъ стрѣлковъ, первой и полусотни второй Семирѣченскихъ сотенъ, первой и второй Оренбургскихъ сотенъ, двухъ ракетныхъ станковъ и двухъ конныхъ орудій первой батареи Оренбургской конно-артилерійской бригады.

Когда отрядъ прошелъ кишлакъ Кепе и переправился черезъ первый рукавъ Нарына, впереди показалась масса непріятельскихъ всадниковъ, около 4,000 человѣкъ, съ множествомъ значковъ.

Эта масса держалась довольно стройно и, повидимому, не только не уклонялась отъ встрѣчи съ нашими войсками, но, напротивъ, двинулась прямо на насъ.

Замѣтивъ рѣшительное наступленіе нашихъ казаковъ съ конными стрѣлками и орудіями, эта масса раздѣлилась на двѣ части, изъ которыхъ одна двинулась вверхъ, а другая внизъ по берегу рѣки.

Нѣсколько удачно пущенныхъ ракетъ и орудійныхъ выстрѣловъ замѣтно разстроили непріятеля, а атака, произведенная первой сотней Семирѣченскихъ казаковъ, окончательно разсѣяла часть непріятельской конницы, двигавшуюся внизъ по берегу Нарына.

Послѣ этого отрядъ нашъ направился кратчайшимъ путемъ къ тому мѣсту, гдѣ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, долженъ былъ находиться лагерь непріятельской пѣхоты. Перейдя второй рукавъ Нарына, отрядъ двинулся на курганчу и зимовки Ульджибай, находящіяся верстахъ въ трехъ за рѣкой.

Артилерія съ трудомъ слѣдовала за остальными войсками.

Отрядъ вступалъ уже въ Ульджибай, когда передовые джигиты сообщили, что непосредственно за курганчей расположена непріятельская пѣхота.

Генералъ Скобелевъ тотчасъ же повелъ кавалерію и конную артилерію и, пройдя на рысяхъ курганчу и зимовки, поднялся на гребень высоты, откуда увидѣлъ только-что брошенный лагерь, а въ разстояніи около 300 саженъ, за лагеремъ, стройную колонну непріятельской пѣхоты, состоявшую изъ сарбазовъ, одѣтыхъ въ красные мундиры.

Колонна эта составляла прикрытіе арбяного обоза, направлявшагося на кишлакъ Тода.

На каждой арбѣ были также вооруженные люди.

Сначала генералъ Скобелевъ предполагалъ подготовить атаку артилерійскимъ огнемъ, но при выѣздѣ изъ Ульджибая орудія увязли въ арыкѣ, а пущенная ракета разорвалась почти на мѣстѣ, поэтому рѣшено было произвести атаку не выжидая артилеріи и первая и вторая Оренбургскія казачьи сотни съ ракетнымъ взводомъ были быстро двинуты впередъ.

Непріятель остановился и встрѣтилъ казаковъ бѣглымъ огнемъ, но это не остановило стремительную атаку и казаки, подъ личнымъ начальствомъ генерала Скобелева, врубились въ непріятельскую колонну, числительностью до 600 человѣкъ, и изрубили ее на мѣстѣ.

Атака, произведенная двумя Оренбургскими казачьими сотнями, была поддержана непосредственно сотнями Семирѣченскихъ казаковъ, которыя шли уступомъ за правымъ флангомъ и довершили пораженіе бѣжавшаго непріятеля.

Это истребленіе цѣлаго баталіона непріятельскихъ сарбазовъ произошло въ виду конницы Батырь-Тюри, стоявшей въ 200 саженяхъ отъ своей пѣхоты.

Уничтоживъ въ нѣсколько минутъ всю непріятельскую колонну, казаки продолжали атаку по дорогѣ на кишлакъ Тода, по которой тянулся длинный рядъ арбъ съ непріятельской пѣхотой, которая хотя и защищалась отчаянно, но, тѣмъ не менѣе, пала подъ ударами казаковъ.

Преслѣдованіе было остановлено только по совершенномъ истребленіи непріятеля за кишлакомъ Тода.

Преслѣдуя непріятеля съ 30-ю казаками, войсковой старшина Смирновъ, есаулъ Меляпинъ и хорунжій Рогожниковъ, свернули на дорогу въ Ходжа-абадъ, гдѣ настигли хвостъ непріятельскаго скопища, состоявшаго изъ пѣхоты и конницы.

Несмотря на крайнюю несоразмѣрность въ силахъ, они рубили и гнали непріятеля до кишлака Шуръ-арыкъ, послѣ чего возвратились въ отрядъ.

Вечеромъ, еще до сумерокъ, отрядъ расположился бивакомъ на южной окраинѣ кишлака Тода.

Непріятель былъ такъ разстроенъ, что даже не собиралъ своихъ убитыхъ, тѣлами которыхъ была усѣяна дорога отъ Ульджибая до Тода.

На слѣдующій день, 3-го декабря, генералъ Скобелевъ двинулся съ кавалеріей черезъ кишлакъ Ходжа-абадъ къ Шуръ-арыку и возвратился въ Тодъ черезъ кишлакъ Моргузаръ, предавая пламени всѣ эти кишлаки, и затѣмъ направился съ отрядомъ обратно къ Нарыну.

Въ этотъ день непріятель показывался лишь въ незначительныхъ силахъ, шайками не болѣе 500 человѣкъ конныхъ, открывая иногда изъ сосѣднихъ курганчей безвредный огонь по отряду.

Переправа обратно черезъ Нарынъ была совершена въ полномъ порядкѣ и къ вечеру 3-го декабря отрядъ возвратился въ Наманганъ.

Потеря наша въ дѣлѣ при Ульджибаѣ состояла изъ раненыхъ: одного оберъ-офицера [1]) и 21 нижняго чина, изъ которыхъ два казака были ранены тяжело, 7 человѣкъ поступили въ лазаретъ и 14 раненыхъ остались въ строю.

Непріятель, состоявшій приблизительно изъ 6000 человѣкъ конницы и 600 пѣхотинцевъ, потерялъ поменьшей мѣрѣ 600 человѣкъ, оставшихся на полѣ сраженія.

Трофеями этого дѣло были 4 фальконета, 410 ружей, 8 значковъ и кромѣ того много разнаго оружія поломаннаго и брошеннаго осталось на мѣстѣ.

Генералъ Скобелевъ въ своемъ донесеніи объ этомъ дѣлѣ, свидѣтельствуя вообще о доблестномъ мужествѣ всѣхъ частей отряда, особенно указываетъ на ракетный взводъ и первую и вторую Оренбургскія казачьи сотни, лихо, молодецки атаковавшія непріятеля.

Дѣло у зимовки Ульджибай было послѣднимъ крупнымъ событіемъ, произшедшимъ во второй періодъ военныхъ дѣйствій въ Коканскомъ ханствѣ, въ періодъ дѣйствій Наманганскаго отряда.

Для характеристики положенія дѣла въ Наманганскомъ отдѣлѣ въ концѣ 1875 года будетъ небезполезно и небезъинтересно упомянуть о случаѣ съ унтеръ-офицеромъ Даниловымъ и объ его геройской смерти въ плѣну у коканцевъ.

Во время слѣдованія изъ Ташкента въ Наманганъ въ концѣ ноября 1875 года одного изъ транспортовъ съ довольствіемъ для частей войскъ Наманганскаго отдѣла, каптенармусъ 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона унтеръ-офицеръ Ѳома Даниловъ, желая перегрузить ввѣренное ему казенное имущество со сломавшейся въ дорогѣ арбы на другую, отсталъ отъ транспорта и былъ захваченъ въ плѣнъ шайкой кипчаковъ.

---

[1]) Сотникъ Наливкинъ.

Во время зимней экспедиціи въ концѣ декабря 1875 года и въ январѣ 1876 года до свѣдѣнія начальника Наманганскаго отдѣла неоднократно доходили извѣстія о томъ, что унтеръ-офицеръ Даниловъ былъ разстрѣлянъ, такъ какъ отказался принять мусульманство, но вполнѣ точныя свѣдѣнія объ участи Данилова были собраны генераломъ Скобелевымъ лишь послѣ занятія нашими войсками Маргелана, гдѣ послѣдовала геройская смерть Данилова [1]).

Захвативъ унтеръ-офицера Данилова, кипчаки доставили его въ Маргеланъ и тотчасъ же привели на площадь передъ Урдой, гдѣ жилъ Пулатъ-ханъ.

Вышедшій на встрѣчу Данилова Абдулъ-Мумынъ, ташкенецъ, впослѣдствіи казненный русскими, два раза предлагалъ ему по приказанію Пулатъ-хана перейти въ мусульманство, обѣщая за это богатство и хорошую должность и угрожая разстрѣляніемъ въ случаѣ несогласія.

Но унтеръ-офицеръ Даниловъ оба раза съ негодованіемъ отвергъ эти предложенія, причемъ на вторичную попытку Абдулъ-Мумына рѣшительно сказалъ: «въ какой вѣрѣ родился, въ такой и умру, а своему Царю далъ клятву не измѣнять и буду ему вѣрнымъ».

По приказанію Пулатъ-хана, Абдулъ-Мумынъ еще и въ третій разъ пробовалъ прельстить Данилова обѣщаніями и снова угрожалъ разстрѣляніемъ въ случаѣ отказа перейти въ мусульманство.

Тутъ Даниловъ не выдержалъ и, выбранивъ всѣхъ присутствовавшихъ, произнесъ: «Напрасно вы, собаки, надрываетесь—ничего съ меня не возьмете, а хотите убить, такъ убивайте».

Тогда по приказанію Абдулъ-Мумына на Данилова бросились сипаи, раздѣли его и, связавъ ему руки, привязали къ доскѣ, прикрѣпленной къ арбѣ.

Не позволилъ Даниловъ снять съ себя сапоги, сказавъ: «погодите немного, когда умру, тогда возьмете».

Когда противъ Данилова стали 25 человѣкъ сипаевъ съ ружьями, перекрестился русскій унтеръ-офицеръ насколько позволили ему не туго связанныя руки и, поднявъ глаза къ небу, смѣло встрѣтилъ смерть.

---

[1]) Донесеніе генерала Скобелева 12-го марта 1876 года, № 20.

По немъ былъ данъ неправильный залпъ, послѣ котораго Даниловъ жилъ еще около часа.

Смерть Данилова, по показанію туземцевъ, произвела глубокое впечатлѣніе на присутствовавшихъ и народъ, расходясь, говорилъ, что русскій солдатъ умеръ какъ батырь (богатырь). Тѣло Данилова было обобрано сипаями и затѣмъ закопано въ мусорной ямѣ тутъ же на площади.

Впослѣдствіи это тѣло, а также и тѣла шести русскихъ плѣнныхъ, зарѣзанныхъ по приказанію Пулатъ-хана, были отысканы и преданы землѣ съ почестями и по церковному обряду.

О геройской смерти унтеръ-офицера Ѳомы Данилова было доведено до свѣдѣнія Государя Императора и Его Величеству благоугодно было, во вниманіе къ геройской смерти унтеръ-офицера Данилова, выказавшаго твердость въ вѣрѣ и непоколебимую вѣрность Царю и отечеству, назначить его вдовѣ пожизненную пенсію по 120 рублей въ годъ изъ государственнаго казначейства.

Приказъ [1]) объ этомъ былъ прочитанъ во всѣхъ ротахъ, сотняхъ и батареяхъ.

А. Серебренниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Приказъ по войскамъ Туркестанскаго военнаго округа отъ 3-го сентября 1876 года, № 476.

КЪ ИСТОРІИ КОКАНСКАГО ПОХОДА [1]).

(Статья пятая).

Зимняя экспедиція [2]).—Необходимость и цѣль ея.—Перестрѣлка съ жителями кишлака Ходжаабадъ и взятіе его.—Дѣло у кишлака Янгиаъ-Бакъ.—Перестрѣлка при рекогносцировкѣ кишлака Миръ-Раватъ.—Рекогносцировка Андижана 4-го и 6-го января 1876 года и занятіе Акъ-Чакмакскихъ высотъ.—Штурмъ Андижана 8-го января.—Перестрѣлка у кишлака Кепе.—Пораженіе непріятельскаго скопища у кишлака Ассаке.—Штурмъ кишлака Учъ-Курганъ.—Занятіе города Кокана и присоединеніе Коканскаго ханства къ Россійской Имперіи.

Заключая 22-го сентября 1875 года съ поставленнымъ нами Коканскимъ ханомъ Сеидъ-Магомедъ-Насреддинъ-ханомъ мирный договоръ, по которому во владѣніе Россійской Имперіи отошли всѣ земли, лежащія на правомъ берегу рѣкъ Сыръ-Дарьи и Нарына и изъ которыхъ былъ образованъ Наманганскій отдѣлъ, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ былъ увѣренъ, что только-что возстановленное въ Коканскомъ ханствѣ спокойствіе не можетъ долго сохраниться, такъ какъ новый ханъ при всемъ съ его стороны желаніи въ первое время своего ханствованія не могъ имѣть ни матеріальныхъ средствъ, ни опытности въ управленіи страною, ни, наконецъ, твердости характера и войска, столь необходимыхъ для того, чтобы держать въ повиновеніи безпокойное населеніе, смирившееся лишь подъ нашими ударами.

Обстоятельства не замедлили подтвердить справедливость взгляда генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана на положеніе дѣлъ въ Коканскомъ ханствѣ.

---

[1]) См. «Военный Сборникъ» 1901 г., № 9. [2]) Описаніе зимней экспедиціи составлено по донесенію генерала Скобелева въ рапортѣ командующему войсками Туркестанскаго военнаго округа отъ 12-го марта 1876 г. за № 19 и по другимъ официальнымъ источникамъ.

Въ самомъ началѣ октября Насреддинъ-ханъ принужденъ уже былъ покинуть свою столицу и бѣжать въ наши предѣлы, спасаясь отъ преслѣдованія возмутившихся жителей ея, видѣвшихъ въ немъ ставленника русскихъ и призываемыхъ къ священной войнѣ противъ нихъ.

— Въ первое время послѣ бѣгства Насреддинъ-хана изъ Кокана въ ханствѣ царило полнѣйшее безначаліе, но скоро власть сосредоточилась въ рукахъ Абдурахмана-Автобачи и Пулатъ-хана, представителей двухъ сильныхъ въ ханствѣ племенъ кипчаковъ и каракиргизовъ. Глава кипчаковъ, Абдурахманъ-Автобачи, бывшій душою борьбы съ нами съ самаго вступленія въ предѣлы Кокандскаго ханства нашихъ войскъ подъ главнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, послѣ нанесенныхъ ему, во время лѣтняго похода 1875 года, пораженій, поддержалъ претендента на ханскій престолъ каракиргиза Пулата и, соединивъ такимъ образомъ, во имя газата [1]), два часто враждовавшія между собою племени, придалъ ханству извѣстную силу и ниспровергнулъ правительство Насреддинъ-хана.

Утвердившись въ Маргеланѣ, Пулатъ-ханъ и Абдурахманъ-Автобачи соединили около себя воинственные элементы осѣдлаго населенія и овладѣли матеріальными средствами страны, что и дало имъ возможность продолжать войну.

Первымъ ея актомъ было возмущеніе, вспыхнувшее въ Наманганѣ и Тюря-Курганѣ при дѣятельномъ участіи ополченій съ лѣваго берега Сыръ-Дарьи, и одновременное съ нимъ появленіе шаекъ на сообщеніяхъ Намангана съ Ходжентомъ.

Удары, постигшіе возставшихъ, образумили населеніе Наманганскаго отдѣла, но такъ какъ эти удары лишь вскользь коснулись шаекъ, выставленныхъ ханствомъ, то не могли предотвратить дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій, которыя вызывались непрерывными почти попытками непріятеля къ наступленію. Въ продолженіе всего ноября мѣсяца и половины декабря непріятельскія скопища постоянно держались на Нарынѣ, въ Балыкчахъ, въ прибрежныхъ пунктахъ лѣваго берега Сыръ-Дарьи, нерѣдко появляясь и на Наманганско-Ходжентской дорогѣ и къ сѣверу отъ нея.

Наманганскій дѣйствующій, а также Акъ-Джарскій отряды предприняли въ это время рядъ наступательныхъ дѣйствій противъ непріятеля и имѣли столкновенія съ нимъ 2-го ноября у Кепе и Ташъ-Бала, 12-го ноября въ Балыкчахъ, 18-го ноября въ Ашабѣ, 30-го ноября въ Гуръ-Тюбе, 2-го декабря при Ульджибаѣ и 4-го декабря у Байбачи, но результаты, достигнутые напряженною дѣятельностью нашихъ войскъ въ смыслѣ успокоенія края, были мало удовлетворительны.

[1]) Газатъ или газаватъ—священная война; война противъ невѣрныхъ.

Пораженія непріятеля, не будучи направлены противъ его центровъ, не препятствовали, при свойственной ему подвижности, появляться вновь вслѣдъ за претерпѣнною неудачею. Съ непонятнымъ упорствомъ шайки его вновь проникали въ самое близкое къ намъ сосѣдство. Такъ, напримѣръ, 14-го ноября, вслѣдъ за Балыкчами и 12-го декабря, вскорѣ послѣ Ульджибая, шайки кипчаковъ подходили къ самому Намангану, несмотря на то, что въ этихъ случаяхъ пораженія ихъ были особенно чувствительны.

Естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ край истощался и довѣріе къ намъ населенія не могло быть упрочено. Между тѣмъ нашею обязанностью по отношенію вновь присоединеннаго Наманганскаго отдѣла было доставить населенію его возможность мирнаго процвѣтанія, подъ охраною нашей силы. Помимо того, такое положеніе дѣлъ требовало отъ войскъ отдѣла крайняго напряженія силъ. Но, несмотря на весьма недостаточное снаряженіе (имущество части имѣли лишь то, которое захвачено было ими при быстромъ выступленіи въ походъ), несмотря на бивачное размѣщеніе въ столь позднюю пору года и тяжелыя работы по устройству зимнихъ барачныхъ помѣщеній, прерываемыя лишь усиленными движеніями на непріятеля, наши войска столь молодого состава выказывали во всѣхъ случаяхъ истинную воинскую доблесть.

Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, предугадавъ условія, въ которыя будетъ поставленъ Наманганскій отдѣлъ, еще передъ отъѣздомъ своимъ изъ Намангана указалъ, что для того, чтобы измѣнить эти неблагопріятныя условія, необходимо предпринять зимнюю экспедицію за Нарынъ. Страна между рѣками Нарыномъ и Кара-Дарьей, такъ называемое Ике-су-арасы, или междурѣчье, населена по преимуществу кипчаками и каракиргизами, составлявшими главный контингентъ въ ополченіяхъ, выставлявшихся противъ насъ коканцами. Экспедиція зимою, когда полукочевое населеніе держится со своими семействами и скотомъ въ курганчахъ и зимовкахъ въ долинѣ и не имѣетъ возможности бѣжать въ горныя ущелья, должна была нанести ему такой ударъ, который

привелъ бы его въ безсиліе и поставилъ бы это главное орудіе газата въ невозможность продолжать попытку къ наступленію противъ нашей позиціи въ Наманганскомъ отдѣлѣ.

Вопросъ о зимней экспедиціи былъ заблаговременно, еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ, обстоятельно разработанъ генераломъ Скобелевымъ, составившимъ слѣдующій планъ дѣйствій, одобренный генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ: отрядъ, въ составѣ девяти ротъ, конно-стрѣлковаго дивизіона, 7½ сотенъ, восьми конныхъ и четырехъ пѣшихъ орудій и ракетной батареи, долженъ былъ съ наступленіемъ холодовъ, когда топкія равнины наиболѣе проходимы, а горныя ущелья завалены снѣгомъ, т. е., во второй половинѣ декабря мѣсяца выступить въ Ике-су-арасы и, пройдя всю полосу этой страны до долготы Медрессе-Автобачи, нанести кипчакамъ полное пораженіе въ центрѣ ихъ поселеній, изъ которыхъ главнымъ считался кишлакъ Байтокъ, причемъ нашихъ ударовъ не должны были избѣгнуть также и кишлаки сѣверныхъ предгорій. Въ виду же того, что дѣйствія наши по указанному операціонному направленію, проходящему вблизи города Андижана, могли вызвать необходимость взятія этого важнаго пункта, то и Андижанъ былъ включенъ въ число объектовъ дѣйствій нашего отряда.

Въ составъ экспедиціоннаго отряда вошли: саперная команда, 1-я и 3-я роты 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, 2-я и 3-я роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона съ хоромъ музыкантовъ, 1-я и 2-я роты 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, 1-я, 3-я и стрѣлковая роты 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, конно-стрѣлковый дивизіонъ изъ двухъ полуротъ, 1-я, 2-я и 5-я Оренбургскія, 1-я, 2-я и 5-я Сибирскія казачьи сотни, 1-я и 2-я полусотня 2-й Семирѣченской казачьей сотни, 3-я батарея Оренбургской казачьей конно-артилерійской бригады, подвижной № 3-го артилерійскій взводъ, вновь сформированный Наманганскій подвижной артилерійскій взводъ и ракетная батарея.

Итого: саперная команда, 9 ротъ пѣхоты, конно-стрѣлковый дивизіонъ, 7½ казачьихъ сотенъ, 8 четырехъ-фунтовыхъ, заряжающихся съ казны, и 8 такихъ же, заряжающихся съ дула, орудій и 8 ракетныхъ станковъ.

Средняя сила ротъ — 180 штыковъ, причемъ въ ихъ составѣ находилось около ⅕ молодыхъ солдатъ, прибывшихъ въ началѣ ноября, но уже получившихъ передъ тѣмъ въ своихъ частяхъ вполнѣ достаточную боевую подготовку; средняя сила сотенъ съ ракетной батареей, представлявшей по характеру дѣйствій кавалерійскую часть, была въ 80 коней, а конно-стрѣлковый дивизіонъ имѣлъ въ каждой полуротѣ по 60 стрѣлковъ и по 20 коноводовъ, назначенныхъ изъ казачьихъ сотенъ.

Общее число людей было: въ пѣхотѣ 1,674 человѣка, въ кавалеріи (съ ракетной батареей) 814 человѣкъ и въ артилеріи 333 человѣка, а всего въ отрядѣ 2,821 человѣкъ.

Кромѣ того, при отрядной квартирѣ, въ завѣдываніи сотника Байтокова находилась команда джигитовъ, а также почетные жители съ прислугой. Послѣдніе для отличія ихъ отъ остальныхъ туземцевъ, бывшихъ при отрядѣ (арбакеши и т. п.), имѣли черезъ плечо красные шарфы.

Кавалерія въ общемъ составѣ отряда составляла почти 30%, что вызывалось какъ предстоявшимъ театромъ военныхъ дѣйствій, вообще говоря благопріятствовавшимъ употребленію этого рода оружія, такъ и предполагавшимся характеромъ дѣйствій противъ недостаточно стойкаго противника, при которомъ рѣшительныя предпріятія самостоятельныхъ кавалерійскихъ силъ пріобрѣтали первостепенное значеніе.

Довольствіе отряда со вступленіемъ на непріятельскую территорію положено было производить реквизиціоннымъ способомъ, но для того, чтобы освободить отрядъ отъ заботъ о добываніи себѣ продовольствія и фуража въ дни серьезныхъ военныхъ операцій, особенно, если бы онѣ были сопряжены съ остановками на мѣстѣ, войска отряда, кромѣ трехъ-дневнаго сухарнаго запаса на людяхъ, имѣли еще въ обозѣ: запасъ сухарей на 18 дней, крупы на четыре и чаю и сахару на 25 дней на весь отрядъ, а ячменя на 2½ дня на каждую строевую, артилерійскую и обозную лошадь. Въ тѣ дни, когда продовольствовались реквизиціями, войска должны были показывать приварочныя и фуражныя деньги къ зачету, удерживая изъ первыхъ лишь по 1 коп. въ день на человѣка для покупки соли, перцу и лаврoваго листа.

Весьма важнымъ представлялся вопросъ о сбереженіи во время экспедиціи здоровья людей. Имѣя въ виду, что по собраннымъ свѣдѣніямъ морозы въ это время достигали въ Ике-су-арасы до 23-хъ градусовъ Реомюра и что они нерѣдко сопровождались сильными буранами и чередовались съ оттепелями, что могло бы губительно подѣйствовать на наличный составъ отряда, генералъ Скобелевъ рѣшился выступить съ юртами, къ чему, помимо той выгоды въ гигіеническомъ отношеніи, которую представляютъ юрты сравнительно съ бивакомъ подъ открытымъ небомъ, побу-

дили его еще и слѣдующія соображенія и обстоятельства: 1) обозъ отъ юртъ возрасталъ не такъ чрезмѣрно, какъ кажется съ перваго взгляда и требовалось лишнихъ только 100 арбъ, которыя при общемъ числѣ 500 арбъ, не составляли существенной разницы, тѣмъ болѣе, что безъ юртъ пришлось бы значительно увеличить взятый войсками запасъ теплой одежды и кошемъ, благодаря чему прибавленіе обоза отъ юртъ въ сущности было менѣе значительно; 2) юрты были доставлены жителями предгорныхъ кишлаковъ Наманганскаго и Чустскаго участковъ съ платою за нихъ по 3 руб. въ мѣсяцъ и, слѣдовательно, расходъ на нихъ, особенно при указанныхъ выше сбереженіяхъ, нельзя считать большимъ, и 3) наконецъ, лагерь съ юртами представляетъ сильную позицію, почти безопасную отъ нечаянныхъ ночныхъ нападеній.

Число юртъ было разсчитано по одной на 15 нижнихъ чиновъ и по одной для офицеровъ каждой роты, сотни и батареи. Всего же юртъ было взято 270.

Изъ теплой одежды въ войскахъ имѣлись тулупы въ двухъ ротахъ 3-го стрѣлковаго баталіона и полушубки въ двухъ казачьихъ сотняхъ; эти части взяли съ собою еще по одному сартовскому ватному халату на человѣка, а всѣ остальныя взяли по два халата на человѣка.

Кромѣ того всѣ люди имѣли по двѣ пары сапогъ, теплые носки и рукавицы и достаточное количество подстилочной кошмы.

Предметами артилерійскаго довольствія отрядъ былъ снабженъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: по 200 патроновъ на каждое пѣхотное ружье, по 100 патроновъ на каждую казачью винтовку и по 130 снарядовъ (комплектъ) на орудіе; изъ этого количества 100 патроновъ на пѣхотное ружье и 40 патроновъ на казачью винтовку имѣлись въ частяхъ, а остальные въ артилерійскомъ паркѣ, равно какъ и снаряды, кромѣ помѣщающихся въ передкѣ и ящикѣ (по 74 на орудіе). Въ составѣ парка имѣлись два верблюда, навьюченные ракетами.

Такимъ образомъ количество артилерійскихъ припасовъ было разсчитано на упорныя военныя дѣйствія и на возможность обстрѣливанія нѣсколькихъ городовъ.

Такъ какъ по собраннымъ о предстоящемъ театрѣ военныхъ дѣйствій свѣдѣніямъ должно было предвидѣть необходимость частаго исправленія дорогъ, а также необходимость устройства переправъ черезъ арыки и подготовки къ штурму, то отряду былъ приданъ инженерный паркъ на четырехъ арбахъ, составъ котораго былъ опредѣленъ опытомъ предшествовавшихъ военныхъ дѣйствій и сообразенъ со средствами наманганскаго инженернаго склада и численностью саперной команды.

Кромѣ того, въ видахъ усиленія рабочихъ средствъ отряда, для того, чтобы дать возможность войскамъ самимъ производить маловажныя работы, экспедиціонный отрядъ былъ снабженъ шанцевымъ инструментомъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: 1) въ походномъ инженерномъ паркѣ: кетменей 150, топоровъ 100, мотыгъ 25, киркъ 10, лопатъ 50, ломовъ 2, земляныхъ мѣшковъ 400, сверлъ 4, молотковъ 4, ложечекъ сверильныхъ 2, пилъ поперечныхъ 2, лучковыхъ 2, пилъ маховыхъ 1, гвоздей двоетеса 15 фунтовъ, гвоздей однотеса 2 пуда, шпилей 2 пуда, трасировочнаго шнура 2 штуки, долотъ 25, буравовъ 2, буравчиковъ 2 и фонарей 4 штуки.

2) въ частяхъ отряда: на роту и батарею по 5 топоровъ, 20 кетменей и 10 лопатъ; на сотню по 2 топора, 10 кетменей и 5 лопатъ.

Всего же экспедиціонный отрядъ имѣлъ: кетменей 450, топоровъ 170 и лопатъ 200.

Въ видахъ наилучшаго поданія помощи больнымъ и раненымъ былъ сформированъ подвижной лазаретъ изъ 25-ти арбъ на 3 офицерскихъ и 80 солдатскихъ мѣстъ. Лазаретъ этотъ снабженъ былъ юртами и желѣзными печами для ихъ нагрѣванія, а въ числѣ арбъ 12 были крытыя кошмою, съ соломенными тюфяками, 4 арбы для тяжело раненыхъ имѣли сверхъ того веревочный переплетъ и перегородки, предохранявшія отъ тряски и взаимныхъ толчковъ при перевозкѣ.

Личный составъ лазарета составляли 2 врача, 3 фельдшера, 16 служителей и 25 носильщиковъ, взятыхъ изъ войскъ и предварительно обученыхъ переноскѣ раненыхъ и первоначальному за ними уходу.

Количество офицерскаго обоза было ограничено одной арбой на каждую роту, сотню и артилерійскую часть.

Наконецъ, въ составѣ обоза было 36 арбъ, принадлежавшихъ маркитантамъ, дѣятельность которыхъ была подъ постояннымъ контролемъ, а цѣны на всѣ предметы были ограничены таксой.

При такомъ широкомъ обезпеченіи всѣхъ потребностей отряда, общее число арбъ въ обозѣ не могло не быть довольно значительнымъ и онѣ распредѣлились слѣдующимъ образомъ: обозъ интендантскій 155 арбъ, подъ юрты и войсковыя тяжести 180, кухни 21, патроны 17, артилерійскій паркъ 60, инженерный паркъ 4, по-

движной лазаретъ 25, офицерскій обозъ 30 и маркитантскій обозъ 36, а всего 528 арбъ.

Юрты и тяжести по арбамъ были распредѣлены такимъ образомъ, что юрта и вещи 15-ти нижнихъ чиновъ везлись на одной арбѣ, причемъ грузъ, приходившійся на арбу, составлялъ около 25-ти пудовъ. Растягивался обозъ при благопріятныхъ условіяхъ слѣдованія нѣсколько менѣе, чѣмъ на два часа времени, а при неблагопріятныхъ до трехъ часовъ.

Арбы оплачивались по 80 коп. въ сутки каждая и, кромѣ того, арбакеши получали свою долю фуража при реквизиціяхъ.

Начальникъ отряда, генералъ Скобелевъ, полагалъ, что такой численности и такъ снаряженный отрядъ, при отличномъ состояніи духа и при прекрасномъ составѣ офицеровъ, былъ способенъ къ выполненію своего назначенія, какія бы препятствія онъ ни встрѣтилъ.

— Помощникомъ начальника отряда былъ назначенъ командиръ 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, начальникомъ штаба отряда — генеральнаго штаба полковникъ Пичугинъ, прибывшій съ командуемымъ имъ акъ-джарскимъ отрядомъ, начальникомъ кавалеріи — Оренбургскаго казачьяго войска войсковой старшина Смирновъ и начальникомъ артилеріи— командиръ третьей батареи Оренбургской казачьей конно-артилерійской бригады подполковникъ Обрампольскій. Кромѣ того въ распоряженіи начальника отряда состояли: причисленные къ генеральному штабу 1-го Туркекестанскаго стрѣлковаго баталіона капитанъ Куропаткинъ и гвардейской конно-артилерійской бригады штабсъ-капитанъ Боголюбовъ, офицеръ по инженерной части Туркестанской саперной роты капитанъ Церпицкій и начальникъ обоза—69-го Ташкентскаго губернскаго баталіона подполковникъ Горнбургъ.

Передъ выступленіемъ въ зимнюю экспедицію, согласно указанія генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, были приняты слѣдующія мѣры къ обезпеченію Наманганскаго отдѣла на время отсутствія большей части его войскъ.

Въ Наманганѣ оставался гарнизонъ изъ второй и четвертой ротъ 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, первой и четвертой ротъ 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, команды казаковъ отъ разныхъ сотенъ въ 40 человѣкъ, двухъ 4-хъ-фунтовыхъ заряжающихся съ дула орудій, которые могли быть запряжены, двухъ полупудовыхъ единороговъ и 6 коканскихъ орудій,

собственно на вооруженіи цитадели; итого: 4 роты, 40 казаковъ и 10 орудій.

Комендантомъ города Намангана былъ назначенъ командиръ 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, подполковникъ Гарновскій.

Въ Чустѣ, подъ начальствомъ маіора Скарятина, былъ оставленъ гарнизонъ изъ второй и четвертой ротъ 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, команды изъ 20-ти казаковъ, № 2 подвижнаго артилерійскаго взвода (4-хъ фунтовыхъ орудій, заряжающихся съ дула) и 4 коканскихъ орудій на вооруженіи цитадели; итого: 2 роты, 20 казаковъ и 6 орудій.

Этими силами въ Наманганѣ и Чустѣ можно было разсчитывать безусловно держать въ повиновеніи какъ жителей этихъ пунктовъ, такъ и окрестное населеніе, въ случаѣ возмущенія его, а также можно было удерживаться въ случаѣ нашествія непріятельскихъ массъ съ лѣваго берега.

Малое число казаковъ, приданное названнымъ гарнизонамъ, вытекало изъ соображенія, что и двѣ сотни, ослабляя кавалерію экспедиціоннаго отряда, не могли быть употреблены для рѣшительныхъ кавалерійскихъ дѣйствій, а иныхъ дѣйствій съ кавалеріей не слѣдуетъ въ средне-азіатской войнѣ и предпринимать. Инструкціей, данной коменданту Намангана, предписывалось ему, въ случаѣ военныхъ дѣйствій съ непріятелемъ въ городѣ, удерживать не только цитадель, представлявшую весьма крѣпкій пунктъ, но и всю линію зимнихъ построекъ отряда съ хранившимся въ нихъ войсковымъ имуществомъ. При этомъ указывалось, что съ имѣющимися въ его распоряженіи силами оборонѣ можно придать энергически-активный характеръ.

Исходя изъ этихъ положеній, подполковнику Гарновскому рекомендовалось занять цитадель одной ротой, три же роты расположить въ барачныхъ постройкахъ и занять ими, въ случаѣ тревоги, позицію вдоль Янги-арыка, откуда дѣйствовать наступательно противъ пунктовъ наибольшаго скопленія непріятеля. Если бы непріятель сосредоточилъ свои резервы у соединенія арыковъ, въ пунктѣ, удаленномъ отъ цитадели и нашей позиціи на Янги-арыкѣ, то могло представить особыя выгоды перекрестное обстрѣливаніе его артилеріей. Для этого рекомендовалось занять двумя орудіями артилерійскую позицію на сѣверной окраинѣ Намангана, откуда 27-го октября производилось бомбардированіе города, не вдаваясь, однако, съ нея въ уличный бой.

Въ виду невозможности предвидѣть всѣхъ обстоятельствъ, подполковнику Гарновскому предоставлялось дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, причемъ въ безусловную обязанность ему ставилось лишь удержать цитадель.

Для поддержанія связи съ Чустомъ подполковнику Гарновскому рекомендовалось посылать еженедѣльно одну роту въ Тюря-Курганъ, гдѣ она должна была встрѣчаться съ ротою и двумя орудіями изъ Чуста.

Коменданту Чустскаго гарнизона, маіору Скарятину предписывалось инструкціей удерживать чустскую цитадель и поддерживать связь съ Наманганомъ, а если потребуется — усиливать его гарнизонъ одной ротой и двумя орудіями.

Водою Чустскій гарнизонъ снабжался изъ двухъ прудовъ, находившихся внѣ цитадели. Если бы въ случаѣ нападенія непріятеля не хватило воды, запасъ которой въ обоихъ прудахъ достигалъ 5,000 куб. футовъ, или, если бы ее пришлось доставать съ большой потерей, то маіору Скарятину разрѣшалось оставить Чустъ и присоединиться къ Наманганскому гарнизону.

Въ виду малочисленности Чустскаго гарнизона съ него снималась обязанность сопровождать транспорты, двигавшіеся между Наманганомъ и Ходжентомъ.

Такъ какъ Акъ-Джарскій отрядъ (двѣ роты и два орудія), подъ начальствомъ полковника Пичугина, съ 20-го декабря поступилъ въ составъ экспедиціоннаго отряда и сообщеніе съ Ходжентомъ на протяженіи отъ Чуста до Самгара осталось открытымъ, то можно было опасаться, что и непріятельскія партіи вновь появятся въ этой мѣстности и даже на сообщеніяхъ съ Ташкентомъ.

Въ виду этого генералъ Скобелевъ просилъ временно командовавшаго войсками округа о занятіи вновь войсками изъ Ходжента, или Теляу, Акъ-Джара, или Шайдана, благодаря чему, Акъ-Джаръ съ 21-го декабря былъ вновь занятъ отрядомъ изъ 3-й и 4-й ротъ 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, сотни 3-го Оренбургскаго казачьяго полка и взвода 2-й батареи 1-й Туркестанской артилерійской бригады (двѣ роты, одна сотня и два орудія), подъ начальствомъ командира 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, подполковника Комарова.

Отрядъ подполковника Комарова долженъ былъ: 1) охранять сообщеніе между Чустомъ и Самгаромъ и давать, если потребуется, конвой оказіямъ: 2) наблюдать, чтобы непріятельскія партіи не переправлялись съ лѣваго берега Сыръ-Дарьи на правый и заслонить, въ случаѣ вторженія, прямую дорогу въ Ташкентъ, которая идетъ на Камышъ-Курганъ, Шайданъ, Бабадарханъ и Теляу, и 3) держать въ повиновеніи горные кишлаки бывшаго Бабадарханскаго бекства. Вмѣстѣ съ симъ помощнику начальника Наманганскаго отдѣла разрѣшалось, въ случаѣ нужды, притянуть Акъ-Джарскій отрядъ въ Чустъ.

Ко времени начала зимней экспедиціи свѣдѣнія о непріятелѣ были слѣдующія: къ половинѣ декабря Пулатъ-ханъ собралъ подъ Маргеланомъ большія ополченія, цифру которыхъ доводили до 80,000, въ томъ числѣ 30,000 съ ружьями. Число сарбазовъ опредѣлялось лазутчиками въ 5,000—6,000. Эти массы были расположены частью въ Маргеланѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ, частью въ Шариханѣ, Язъ-Ауанѣ, а небольшіе отряды въ 200—300 человѣкъ—въ кишлакахъ по Сыръ-Дарьѣ внизъ отъ Балыкчей. Извѣстія о приготовленіи къ войнѣ Андижана начали получаться еще съ половины ноября, а къ началу экспедиціи въ этомъ пунктѣ было собрано до 25,000 защитниковъ съ ружьями, причемъ укрѣпленіе города было уже окончено. За Нарыномъ все еще стоялъ непріятельскій авангардъ Батырь-Тюри въ 3,000 конницы. Что касается намѣреній непріятельскихъ вождей относительно образа дѣйствій во время экспедиціи, которая не была для нихъ тайной, то хотя многочисленныя извѣстія, полученныя генераломъ Скобелевымъ, не вполнѣ сходились, но все-таки, они въ общемъ приводили къ двумъ главнымъ предположеніямъ, или что главныя массы непріятеля, во время отсутствія бо́льшей части Наманганскаго дѣйствующаго отряда, вторгнутся изъ Маргелана въ Наманганъ, частью же на Ходжентскую дорогу, или же что непріятель поставитъ себѣ цѣлью удержать за собою Андижанъ, для чего стянетъ свои силы къ этому городу.

Предположеніе, что непріятель предприметъ наступленіе, представлялось вполнѣ основательнымъ въ виду того, что средства Маргелана и его ближайшихъ окрестностей, продовольствовавшихъ сосредоточенныя массы ополченія, истощились и непріятель не имѣлъ возможности долго оставаться на мѣстѣ.

Къ началу экспедиціи стало вѣроятнымъ, что несмотря на желаніе многихъ кипчаковъ и каракиргизовъ изъ ополченій Пулатъ-хана и Абдурахмана-Автобачи вернуться въ свои дома, непріятельскіе предводители не имѣютъ въ виду давать намъ отпора въ Ике-су-арасы.

Наиболѣе вѣроятнымъ казалось вторженіе непріятеля въ на-

шемъ тылу въ Наманганъ и сознаніе возможности этого проникло даже и въ населеніе города и его окрестностей. Поэтому, помимо тѣхъ мѣръ къ обезпеченію отдѣла, которыя приведены выше, первыя военныя операціи экспедиціоннаго отряда, до разъясненія обстановки, были разсчитаны на возможность быстраго удара назадъ.

Таково было положеніе дѣлъ въ отдѣлѣ и ханствѣ, когда, выжидая наступленія холодовъ, экспедиціонный отрядъ приготовился къ движенію въ Ике-су-арасы и ожидалъ дня выступленія.

25-го декабря, послѣ напутственнаго молебствія, войска экспедиціоннаго отряда въ 11 часовъ дня стали вытягиваться по дорогѣ къ переправѣ черезъ Нарынъ у кишлака Кепе. Порядокъ движенія, удержанный и въ послѣдующіе дни, былъ слѣдующій: авангардъ состоялъ изъ семи ротъ пѣхоты, конно-стрѣлковаго дивизіона, 6½ сотенъ, ракетной батареи, конной батареи и подвижного артилерійскаго взвода, причемъ кавалерія съ конной и ракетной батареями шла впереди; за авангардомъ двигался обозъ; сначала войсковые обозы частей авангарда, имѣя кухни впереди, инженерный паркъ, подвижной лазаретъ, артилерійскій паркъ и войсковые обозы прикрытія и частей аріергарда; непосредственно при обозѣ слѣдовали: саперная команда въ головѣ его, по четыре нижнихъ чина отъ каждой части при своихъ арбахъ (люди эти держались звеньями) и въ прикрытіи обоза взводъ пѣхоты и ½-сотни; вслѣдъ за обозомъ шелъ аріергардъ изъ 1½ ротъ, ½-сотни и подвижного артилерійскаго взвода.

Отрядъ прошелъ въ этотъ день 10 верстъ и расположился бивакомъ близъ курганчи Бага-Шамаль.

Войска были поставлены на бивакѣ въ сомкнутый четырехугольникъ, причемъ всѣ части впереди ружей составили въ порядокъ свои арбы одну къ другой, а сзади козелъ разбивались юрты.

Этотъ порядокъ бивака былъ принятъ во все время похода.

26-го декабря отрядъ за кишлакомъ Кепе перешелъ вбродъ оба рукава Нарына, причемъ пѣхота была перевезена частью кавалеріей, частью на арбахъ, доставленныхъ кишлакомъ и прослѣдовалъ за селеніе Чуджа, гдѣ расположился бивакомъ на берегу Кара-Дарьи, противъ кишлака Балыкчи. По собраннымъ свѣдѣніямъ наканунѣ изъ Балыкчей бѣжала въ Маргеланъ партія въ 400 человѣкъ.

Рекогносцировочная партія, высланная для освѣщенія мѣстности, непріятеля не обнаружила, а кишлакъ командами нашихъ фуражировъ былъ зажженъ.

27-го числа отрядъ оставался на бивакѣ, а полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій съ конными стрѣлками, 6½ сотнями, двумя конными орудіями и ракетной батареей произвелъ рекогносцировку по Андижанской дорогѣ до кишлака Сарымакъ, цѣлью которой было открыть непріятеля и наказать попутные кишлаки, дававшіе въ послѣднее время убѣжище тревожившимъ насъ шайкамъ. Въ случаѣ встрѣчи съ сильнымъ непріятелемъ, готовымъ оборонять какую-либо крѣпкую позицію, полковнику барону Меллеру-Закомельскому предписано было не ввязываться въ рѣшительный бой.

Отрядъ полковника барона Меллера-Закомельскаго на пути до кишлака Сарымакъ не обнаружилъ непріятеля, причемъ жители кишлаковъ показывали, что бродившія здѣсь послѣднее время шайки, а также значительная часть населенія, бѣжали въ Маргеланъ и, преимущественно, въ Андижанъ.

На обратномъ пути изъ кишлака Сарымакъ шедшая въ авангардѣ вторая Оренбургская сотня есаула Дубровина, будучи встрѣчена изъ кишлака Ходжаабадъ сильнымъ огнемъ, быстро спѣшилась и, овладѣвъ входомъ въ кишлакъ, продолжала подъ огнемъ непріятеля свое наступленіе. Вслѣдъ затѣмъ она была поддержана спѣшившейся полусотней конныхъ стрѣлковъ, которая окончательно очистила кишлакъ отъ непріятеля. Противъ насъ дрались жители этого кишлака и потеряли до 50-ти человѣкъ убитыми, а съ нашей стороны былъ раненъ лишь одинъ казакъ. Зажегши какъ этотъ, такъ и другіе кишлаки и захвативъ по дорогѣ большой гуртъ скота, отрядъ полковника барона Меллера-Закомельскаго вернулся на бивакъ у кишлака Чуджа въ тотъ же день вечеромъ.

Рекогносцировка полковника барона Меллера-Закомельскаго, а также свѣдѣнія отъ лазутчиковъ и изъ Намангана показали, что намъ готовится главный отпоръ въ самомъ Андижанѣ и что наступленіе непріятеля изъ Маргелана противъ Намангана стало сомнительнымъ.

Въ Наманганскомъ отдѣлѣ появились мелкія шайки и населеніе отдѣла было въ тревожномъ состояніи, хотя безъ толчка извнѣ, нельзя было ожидать серьезной вспышки.

28-го декабря экспедиціонный отрядъ двинулся далѣе по направленію къ Байтоку, главному центру Ике-су-арасы, въ кото-

ромъ можно было ожидать встрѣтить сопротивленіе. Сдѣланъ былъ переходъ въ 22 версты и отрядъ сталъ бивакомъ у кишлака Хакылабадъ. Попутные кишлаки, изъ коихъ важнѣйшимъ были Тода и Ходжаабадъ, долгое время бывшіе пристанищемъ скопищъ Батырь-Тюри, были сожжены. Первый за время экспедиціи непріятель былъ обнаруженъ за кишлакомъ Шуръ-арыкъ.

29-го числа отрядъ оставался на бивакѣ, выславъ четыре колонны по четыремъ направленіямъ на разстояніе не свыше пяти верстъ, для наказанія кишлаковъ, по выполненіи чего колонны эти вернулись въ лагерь. Въ этотъ же день генералъ Скобелевъ съ конно-стрѣлковымъ дивизіономъ и двумя сотнями произвелъ рекогносцировку на Шуръ-арыкъ, оттуда черезъ бродъ на Кара-Дарью въ кишлакъ Джиты-кашка и далѣе по Андижанской дорогѣ до кишлака Табалды, откуда рекогносцировочный отрядъ вернулся въ лагерь, перейдя Кара-Дарью противъ кишлака Ульмесъ. Во время движенія отъ Шуръ-арыка къ Дарьѣ былъ захваченъ и изрубленъ непріятельскій пикетъ изъ восьми человѣкъ. Больше же непріятеля не было обнаружено.

30-го декабря отрядъ, сдѣлавъ переходъ въ 11 верстъ, подошелъ къ кишлаку Байтокъ и расположился въ двухъ верстахъ сѣвернѣе его.

Во время движенія съ 26-го по 30-е декабря дѣятельность войскъ отряда по исправленію дороги состояла: въ устройствѣ спуска къ Нарыну, причемъ пришлось работать въ мерзломъ грунтѣ лопорами, въ исправленіи девяти небольшихъ мостовъ черезъ арыки и значительномъ исправленіи моста въ шесть саженей длины, а также въ исправленіи самой дороги.

Хотя жители Байтока и вышли на встрѣчу отряду, но въ виду вреднаго вліянія этого кишлака на всю мѣстность Ике-су-арасы, онъ былъ сожженъ отрядомъ, посланнымъ подъ начальствомъ полковника барона Меллера-Закомельскаго для производства фуражировки.

31-го числа главныя силы отряда остались на мѣстѣ, а отъ нихъ выдѣлилась колонна, подъ начальствомъ полковника барона Меллера-Закомельскаго, въ составѣ первой, третьей и стрѣлковой ротъ 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, первой полуроты конныхъ стрѣлковъ, 1-й, 2-й и 5-й Сибирскихъ и 1½ Семирѣченскихъ сотенъ, дивизіона конной и взвода ракетной батареи (3 роты, 4½ сотни, 4 орудія и 2 ракетныхъ станка). Колонна эта имѣла своимъ назначеніемъ пройти мѣстность къ сѣверу отъ Байтока по странѣ, составляющей главное средоточіе кипчакскаго населенія, пройти по каракиргизскимъ зимовкамъ, затѣмъ по важнѣйшимъ кишлакамъ предгорья и послѣ того присоединиться черезъ Медрессе-Автобачи къ главнымъ силамъ. Относительно непріятеля въ этой мѣстности было извѣстно, что по ней бродитъ партія каракиргизовъ, подъ предводительствомъ Суана—бѣглеца изъ Ташкентскаго уѣзда, впослѣдствіи пойманнаго и разстрѣляннаго.

Того же числа лично генераломъ Скобелевымъ была произведена рекогносцировка съ второю полуротою конныхъ стрѣлковъ и двумя сотнями черезъ Байтокъ къ Андижану. Рекогносцировка эта, поведенная на кишлакъ Майгиръ, урочище Сары-башъ черезъ Кара-Дарью, была доведена до Мусульманъ-кулъ-арыка, обнаружила непріятеля на высотѣ кишлака Миръ-Раватъ и захватила пикетъ изъ двухъ человѣкъ.

При возвращеніи къ Байтоку, непріятель провожалъ ее выстрѣлами.

Эта рекогносцировка убѣдила въ необходимости постройки моста черезъ Мусульманъ-кулъ-арыкъ, такъ какъ по измѣреніямъ, произведеннымъ капитаномъ Церпицкимъ, этотъ арыкъ имѣлъ значительные размѣры, а именно: ширину 6½ саж. и общую глубину 3 сажени, при глубинѣ воды въ 2 сажени, причемъ берега арыка отвѣсны, быстрота теченія достигала до 6 футовъ въ секунду, а дно илистое и весьма вязкое.

Матеріаломъ для постройки моста могли служить деревья, растущія по сторонамъ дороги.

Жители попутныхъ кишлаковъ Джанабада, Майгира и Дуртъкуля получили пощаду подъ условіемъ взноса ими контрибуціи въ размѣрѣ одной тилли [1]) со двора, которая и была выплачена въ теченіи двухъ дней.

1-го января 1876 года главный отрядъ продолжалъ оставаться на бивакѣ у Байтока, причемъ команды фуражировъ доставляли все необходимое для войскъ.

2-го января 1876 года главныя силы экспедиціоннаго отряда, въ составѣ шести ротъ съ саперною командою, трехъ сотенъ, дивизіона конныхъ и дивизіона пѣшихъ орудій и шести станковъ ракетной батареи, снялись съ бивака у Байтока. Выдѣленная 31-го декабря колонна полковника барона Меллера-Закомельскаго была

[1]) Тилля—золотая монета около 1 руб. 80 коп.

въ это время на маршѣ изъ кишлака Массы въ кишлакъ Чуамъ и смежный съ нимъ кишлакъ Медрессе-Автобачи.

Имѣя извѣстіе, что кишлакъ Медрессе-Автобачи занятъ небольшимъ числомъ непріятеля, который намѣренъ въ немъ защищаться, генералъ Скобелевъ выдѣлилъ изъ главныхъ силъ отряда колонну подъ начальствомъ полковника Ичугина изъ двухъ ротъ 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, первой и второй Оренбургскихъ сотенъ, № 3 подвижного артилерійскаго взвода и четырехъ ракетныхъ станковъ и направилъ ее съ бивака у Байтока въ 8 часовъ утра на Медрессе-Автобачи, съ цѣлью дѣйствовать противъ предполагавшагося тамъ непріятеля совмѣстно съ колонной полковника барона Меллера-Закомельскаго.

Послѣднему было предписано, по занятіи Медрессе-Автобачи и по расположеніи тамъ соединенныхъ колоннъ на бивакѣ, двинуться на слѣдующій день, 3-го января, на присоединеніе къ главному отряду на лѣвый берегъ Кара-Дарьи черезъ бродъ Сары-башъ.

Главныя же силы экспедиціоннаго отряда, въ составѣ четырехъ ротъ съ саперной командой одной сотни, четырехъ конныхъ орудій и двухъ ракетныхъ станковъ, были двинуты въ 10 часовъ утра черезъ кишлаки Джанабатъ и Майгиръ и, перейдя Кара-Дарью въ бродъ у кишлака Сарыбашъ, расположены бивакомъ на арыкѣ Мусульманъ-кулъ, въ одной верстѣ отъ кишлака Миръ-Рабатъ и въ пяти верстахъ отъ ближайшихъ садовъ города Андижана.

Такимъ образомъ, военныя дѣйствія экспедиціоннаго отряда были перенесены изъ страны Ике-су-арасы на лѣвый берегъ Дарьи и предметомъ ихъ сталъ городъ Андижанъ, взятіе котораго генералъ Скобелевъ признавалъ неизбѣжнымъ.

Цѣль зимней экспедиціи состояла въ томъ, чтобы нанести пораженіе воинственному населенію страны Ике-су-арасы-кипчакамъ и каракиргизамъ, составлявшимъ преобладающій элементъ въ ополченіяхъ, которыя выставляли противъ насъ, со времени Махрамскаго погрома, вожди газата.

Можно было разсчитывать, что движеніе нашихъ войскъ въ зимнюю пору въ населенные центры этихъ племенъ привлечетъ ихъ съ лѣваго берега въ Ике-су-арасы на защиту ихъ семействъ и имущества, а слѣдовательно, дастъ намъ возможность окончательно ихъ смирить, и, такимъ образомъ, лишить партію войны ханства своего главнаго контингента, обезсилить ее и поставить въ невозможность тревожить наши предѣлы до окончательнаго разрѣшенія Коканскаго вопроса.

Но въ теченіи 9-ти-дневныхъ дѣйствій съ 26-го декабря 1875 г. по 3-е января 1876 года экспедиціоннаго отряда въ Ике-су-арасы, охватившаго всю полосу этой страны, мы не имѣли возможности достигнуть рѣшительнаго успѣха надъ непріятелемъ, потому что его почти не было. Даже матеріальный ущербъ, нами принесенный, менѣе тяжко отозвался именно на кочевомъ населеніи Ике-су-арасы кипчакахъ и каракиргизахъ, которые заблаговременно бѣжали частью къ ущелью, частью на лѣвый берегъ Дарьи.

Они, очевидно, по заранѣе составленному плану, существованіе котораго впослѣдствіи подтвердилъ Абдурахманъ-Автобачи, уклонились отъ встрѣчи съ нами на своей землѣ и поступили въ распоряженіе вождей лѣваго берега.

Такимъ образомъ, цѣль экспедиціи, если бы наступленіе наше закончилось присоединеніемъ 3-го января колонны полковника барона Меллера-Закомельскаго, не была бы достигнута.

Помимо того, со времени отъѣзда генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана изъ Наманганскаго отдѣла, Андижанъ пріобрѣталъ все бо́льшее и бо́льшее значеніе въ смыслѣ оплота партіи войны въ ханствѣ и исходнаго пункта ея попытокъ къ наступательнымъ противъ насъ дѣйствіямъ. Жители его рѣшились отчаянно защищаться противъ русскихъ, дѣятельно укрѣпляли свой городъ и изготовляли огнестрѣльное оружіе и боевые припасы; они же выставили къ нашей границѣ баталіонъ исправныхъ сарбазовъ, поголовно уничтоженный лихою атакою нашей кавалеріи въ дѣлѣ 2-го декабря при Ульджибаѣ, къ Андижану стекались военные люди и ополченіе со всего ханства, въ немъ же сосредоточились отборныя силы кипчаковъ и каракиргизовъ.

По свѣдѣніямъ, которыя имѣлъ въ то время генералъ Скобелевъ и которыя впослѣдствіи оправдались, непріятельскія силы въ городѣ Андижанѣ состояли изъ 20,000 вооруженныхъ жителей, 5,000 сарбазовъ и 12,000 конницы.

Во главѣ всѣхъ этихъ массъ, готовившихся къ битвѣ съ нами, сталъ Абдурахманъ-Автобачи. Все это придало Андижану значеніе надежнѣйшей опоры противъ русскихъ и на него были устремлены взоры всей Средней Азіи.

Нашъ операціонный путь въ Ике-су-арасы такъ близко подходилъ къ Андижану и такъ всѣмъ, и нашимъ, и туземцамъ, было извѣстно, что городъ этотъ вызываетъ насъ на борьбу, что не принять ее было бы въ глазахъ населенія всей Средней Азіи безусловнымъ сознаніемъ своего безсилія, что послужило бы сигна

ломъ неслыханнаго воинственнаго воодушевленія противъ насъ. Экспедиціонный отрядъ, возвращаясь въ Наманганъ, принесъ бы на своихъ плечахъ непріятельскія массы, которыя могли бы взволновать населеніе Наманганскаго отдѣла, далеко еще не утвердившееся въ нашей власти, и положеніе наше въ краѣ съ подобнымъ окончаніемъ экспедиціи лишь ухудшилось бы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду этихъ обстоятельствъ, нужно было ожидать, что паденіе Андижана будетъ имѣть особенно благопріятныя послѣдствія, что и оправдалось на дѣлѣ.

По прибытіи отряда, 2-го января, на Мусульманъ-Кулъ-арыкъ, на мѣстность, выбранную для бивака, въ одной верстѣ отъ кишлака Миръ-Рабатъ, генералъ Скобелевъ двинулся съ 5-й Оренбургской сотней для обрекогносцированія этого кишлака по большой Андижанской дорогѣ и былъ встрѣченъ при въѣздѣ въ кишлакъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, изъ-за дувала, причемъ былъ раненъ въ грудь на вылетъ Хорунжій Боярьскій, который, не смотря на рану, тотчасъ же повелъ впередъ цѣпь спѣшенныхъ казаковъ и выбилъ непріятеля изъ-за его закрытій. Такъ какъ вдали показалась значительная толпа коннаго непріятеля, то отрядъ, производившій рекогносцировку, усиленный одной ротой и взводомъ конной батареи, продолжалъ наступленіе и за кишлакъ, отогнавъ при этомъ непріятеля нѣсколькими выстрѣлами.

Рекогносцировка 2-го января показала, что близость къ нашему биваку кишлака Миръ-Рабатъ не опасна, такъ какъ онъ легко можетъ быть обойденъ и мѣстность за нимъ открытая, почему непріятелемъ онъ занятъ не будетъ.

Въ тоже время капитанъ Церпицкій приступилъ къ устройству моста черезъ Мусульманъ-Кулъ-арыкъ на дорогѣ отъ бивака въ Донъ-кишлакъ, ведущей по западной окраинѣ Андижана и такъ какъ въ виду появленія на противуположномъ берегу арыка непріятельскихъ стрѣлковъ, засѣвшихъ въ сакляхъ и оттуда тревожившихъ лагерь, представлялась необходимость возможно быстро перевести на противуположный берегъ пѣхотную часть, то капитанъ Церпицкій предварительно устроилъ пѣшеходный мостъ.

Мостъ этотъ былъ устроенъ въ $1^1/_4$ часъ времени, при чемъ саперы работали съ замѣчательнымъ рвеніемъ и самоотверженіемъ и когда попытка перебросить переводины не удавалась, потому что лопались арканы, то унтеръ-офицеръ Перемогинъ и шесть саперъ, не смотря на 15-ти-градусный морозъ, не задумались вплавь пе-

ребраться черезъ арыкъ и перетащить двѣ переводины не раздѣваясь.

Вслѣдъ за устройствомъ пѣшеходнаго моста онъ былъ передѣланъ въ постоянный, на что потребовалось еще около одного часа съ четвертью времени, причемъ настилка его была сдѣлана изъ сучьевъ, крѣпко нажатыхъ къ переводинамъ пажилинами, а поверхъ сучьевъ насыпана и убита земля съ саманомъ.

Мостъ, устроенный столь быстро, благодаря отличной распорядительности капитана Церпицкаго, выдерживалъ очень хорошо проѣздъ артилеріи. Для обезпеченія поста, занимавшаго мостъ, былъ устроенъ завалъ изъ арбъ.

Желая, въ виду приближенія времени рѣшительныхъ дѣйствій и усиливавшейся съ каждымъ часомъ серьезности обстановки, по возможности быть сильнѣе, генералъ Скобелевъ командировалъ на слѣдующій день, 3-го января, подполковника Андросова съ 3-й ротой 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, 5-й Оренбургской сотней и Наманганскимъ подвижнымъ взводомъ въ Наманганъ, чтобы привести оттуда изъ состава гарнизона еще одну роту пѣхоты и обмѣнять одно четырехъ-фунтовое нарѣзное, съ дула заряжающееся, орудіе на полупудовый единорогъ.

Вслѣдствіе обнаружившагося уже у непріятеля временного отсутствія наступательныхъ замысловъ, уменьшеніе Наманганскаго гарнизона на одну роту представлялось вполнѣ возможнымъ, а полупудовый единорогъ могъ по своему большому разрушительному дѣйствію оказаться весьма полезнымъ въ случаѣ бомбардировки города.

Вскорѣ по уходѣ колонны подполковника Андросова къ главному отряду присоединилась отдѣлившаяся 31-го числа колонна полковника барона Меллера-Закомельскаго съ присоединенной имъ колонной полковника Пичугина.

Отрядъ полковника барона Меллера-Закомельскаго, выступивъ 31-го декабря съ бивака у Байтока, слѣдовалъ черезъ кишлаки Акъ-Мазаръ и Лагумбекъ, которые были брошены жителями и сожжены отрядомъ.

Въ четырехъ верстахъ за Лагумбекомъ отрядъ нашелъ каракиргизскія зимовки, недавно брошенныя, причемъ изъ распросовъ оставшихся стариковъ и женщинъ оказалось, что послѣдніе бѣглецы оставили зимовки утромъ того же дня, и что они направились съ своими семействами и имуществомъ къ горному урочищу Бурганлы.

Направивъ бо́льшую часть отряда прямою дорогою на кишлакъ Испасканъ (Исбискентъ), полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій съ двумя сотнями и ракетнымъ взводомъ, двинулся по горной тропинкѣ по слѣдамъ бѣглецовъ. Скоро стали попадаться брошеное имущество, отставшія женщины и дѣти, а затѣмъ въ четырехъ верстахъ настигнуто нѣсколько вооруженныхъ каракиргизовъ, которые и были изрублены. Въ виду того, что дальнѣйшее преслѣдованіе не могло доставить значительныхъ результатовъ, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій повернулъ на другую тропу и вышелъ къ кишлаку Испасканъ одновременно съ приближеніемъ къ нему колонны, шедшей туда прямою дорогою.

Здѣсь отрядъ расположился бивакомъ на рѣчкѣ Майли-су, между кишлаками Испасканъ и Бута-Кара, сдѣлавъ переходъ въ 20 верстъ при морозѣ, достигавшемъ въ этотъ день до 14 градусовъ Реомюра.

Кишлаки Испасканъ и Бута-кара были тѣ самые, жители которыхъ въ сентябрѣ прошлаго года, встрѣтивъ дружелюбно 1-ю Семирѣченскую сотню, измѣнически напали на нее ночью въ союзѣ съ шайками и убили трехъ казаковъ этой сотни. Теперь они понесли заслуженное наказаніе и были выжжены и разрушены до основанія.

На слѣдующій день, 1-го января, отрядъ полковника барона Меллера-Закомельскаго двинулся на востокъ къ кишлаку Массы двумя колоннами; пѣхота, половина сотни, два орудія и весь обозъ слѣдовали предгорьемъ по кратчайшей дорогѣ, пролегавшей мимо брошенныхъ каракиргизами зимовокъ, а полурота конныхъ стрѣлковъ, четыре сотни, два орудія и ракетный взводъ, подъ личнымъ начальствомъ полковника барона Меллера-Закомельскаго, направились южнѣе, по кружной дорогѣ черезъ кишлакъ Такачи и зимовки Чомъ-Багышъ въ 14-ти верстахъ отъ Испакана.

Во время остановки, здѣсь на привалъ, 1-я Семирѣченская сотня барона Штакельберга, выдвинутая впередъ, обнаружила вдали обозъ жителей окрестныхъ кишлаковъ, уходившихъ подъ прикрытіемъ вооруженныхъ людей и направилась за ними, а вслѣдъ за сотней двинулся и весь отрядъ. Непріятельскій обозъ былъ настигнутъ между кишлаками Кайрантакомъ и Кайрабатомъ и прикрытіе его изрублено.

Вслѣдъ за тѣмъ, кавалерія полковника барона Меллера-Закомельскаго двинулась черезъ Коканъ-кишлакъ въ Янгизъ-бакъ.

Всѣ названные кишлаки были сожжены.

Изъ Янгизъ-бака отрядъ выходилъ по трудной тропинкѣ, по обледенѣлой покатости насыпи арыка.

Въ это время шедшая въ головѣ колонны полусотня Сибирской сотни Есаула Десятова, при которой находился и полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, внезапно обнаружила въ 500—600 шагахъ передъ собою стройную конную партію въ 200 человѣкъ, лѣвѣе которой виднѣлись еще три толпы, а всего непріятеля было около 800 человѣкъ съ четырьмя значками.

Сибирская полусотня на ходу выстроилась и двигалась на непріятеля безостановочно, а какъ только подтянулись конно-стрѣлковая полурота и ракетный взводъ, то наступленіе наше продолжалось быстрой рысью.

Остальныя части значительно отстали, такъ какъ артилерія выбралась изъ кишлака лишь съ крайнимъ усиліемъ.

Напріятель поспѣшно отступалъ и нагнать его не было возмозможности. Тогда ракетный взводъ прапорщика Андреева вынесся впередъ и удачно выпустилъ двѣ ракеты, которыя обратили непріятеля въ полное бѣгство. Преслѣдованіе его было остановлено полковникомъ барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ въ шести верстахъ отъ Янгизъ-бака, откуда, послѣ сбора всѣхъ частей, отрядъ двинулся въ кишлакъ Массы, по мѣстности, усѣянной кипчакскими курганчами, которыя всѣ были брошены жителями и зажжены ими самими.

Въ кишлакъ Массы, кавалерійская колонна пришла на бивакъ, уже разбитый пѣхотой, въ 9 часовъ вечера, сдѣлавъ въ этотъ день свыше 55 верстъ. Здѣсь было получено достовѣрное свѣдѣніе, что шайка, съ которой отрядъ имѣлъ дѣло, была подъ начальствомъ Суана и связи съ Андижаномъ не имѣла, а вышла изъ горъ.

День 1-го января былъ самый морозный за всю зиму, было 18 градусовъ Реомюра.

На слѣдующій день, 2-го января, колонна полковника барона Меллера-Закомельскаго прослѣдовала западнѣе кишлака Янгизъ-бакъ въ кишлакахъ Чуама и далѣе смежный съ нимъ кишлакъ Медрессе-Автобачи. Непріятеля нигдѣ не обнаружено. Въ Медрессе-Автобачи колонна полковника барона Меллера-Закомельскаго встрѣтилась съ колонной полковника Пичугина, высланной въ этотъ день, какъ было упомянуто ранѣе, изъ-подъ Байтока.

Кишлакъ Медрессе-Автобачи, брошенный жителями, былъ сожженъ, въ томъ числѣ и богатый домъ Абдурахмана-Автобачи.

Соединенныя колонны, подъ общимъ начальствомъ полковника барона Меллера-Закомельскаго, простоявъ на бивакѣ въ кишлакѣ Медрессе-Автобачи, согласно полученнаго отъ генерала Скобелева приказанія, 3-го января, присоединились къ главному отряду на его бивакѣ у Миръ-Рабата на Мусульманъ-Кулъ-арыкѣ.

Такъ какъ рекогносцировка кишлака Миръ-Рабатъ 2-го января показала, между прочимъ, что участокъ дороги на берегу арыка въ этомъ кишлакѣ для движенія артилеріи невозможенъ, то 4-го января, передъ разсвѣтомъ, капитанъ Церпицкій съ командой саперъ и 160 рабочихъ, найдя неудобнымъ исправить существующую дорогу, сдѣлалъ обходный путь въ 50 саженъ, для чего пришлось сломать нѣсколько саклей.

Приготовляясь къ взятію гор. Андижана, генералъ Скобелевъ дѣятельно собиралъ разспросныя свѣдѣнія, какъ о мѣстности, его окружающей, такъ и о мѣстности въ самомъ городѣ.

Заслуживающій довѣрія и находившійся съ сентября мѣсяца въ нашемъ лагерѣ андижанскій пансатъ Арызкулъ-бекъ разсказалъ, что 13 лѣтъ тому назадъ, Алимкулъ, осаждая Андижанъ, поставилъ свои батареи на Акъ-Чакмакскихъ высотахъ, восточнѣе города и, обстрѣлявъ его, штурмовалъ съ полнымъ успѣхомъ.

По словамъ того же пансата, подтвержденнымъ и другими многочисленными показаніями, въ Андижанѣ, почти въ центрѣ его имѣлась отдѣльная высота Гуль-Тюбе, значительно командующая надъ окружающей мѣстностью, причемъ были названы даже улицы, ведущія къ этой высотѣ съ восточной и юго-восточной окраинъ.

На основаніи этихъ разспросныхъ свѣдѣній еще ранѣе былъ составленъ примѣрный планъ восточной полосы города, а теперь оставалось лишь провѣрить добытыя свѣдѣнія личнымъ осмотромъ.

4-го января, отрядомъ изъ всей кавалеріи, конныхъ стрѣлковъ, ракетной батареи и дивизіона конной батареи, подъ личнымъ начальствомъ генерала Скобелева, была произведена рекогносцировка сѣверной и восточной окраинъ города.

Выйдя изъ кишлака Миръ-Рабатъ, дорога сѣвернѣе города проходила черезъ 10 бродовъ на рукавѣ Дарьи, на Мусульманъ-Кулъ-арыкѣ и Андижанъ-саѣ. Конный непріятель, встрѣченный за Миръ-Рабатомъ, далъ тылъ. Входъ въ городъ со стороны Андижанъ-сая (путь штурмовыхъ колоннъ 1-го октября 1875 года) былъ открытъ, но ближайшее разсмотрѣніе его подтвердило имѣвшіяся раньше у генерала Скобелева свѣдѣнія о существованіи сильныхъ укрѣпленій, преграждавшихъ его далѣе.

Рекогносцировка продолжалась на кишлакъ Эккинъ-Теккинъ. Въ 10-ти верстахъ за Миръ-Рабатомъ дорога идетъ по крутому подъему на высокій нагорный берегъ по урочищу Кара-яръ, затѣмъ за кишлакомъ Эккинъ-Теккинъ слѣдуетъ на Донъ-кишлакъ, отъ котораго спускается въ долину Андижанъ-сая. На этомъ пространствѣ городъ почти совсѣмъ закрывается садами и съ возвышенностей восточнѣе дороги почти не обнаруживается.

Изъ долины Андижанъ-сая за Донъ-кишлакомъ дорога вновь подымается на высоты, называемыя Акъ-Чикмакъ и имѣющія наибольшее превышеніе близъ пригороднаго кишлака Эскильликъ.

Хотя командованіе этихъ высотъ надъ городомъ не особенно велико, но тѣмъ не менѣе онѣ могли доставить возможность артилеріи успѣшно обстрѣлять городъ и съ занятіемъ Эскильлика и городской стѣны батарея могла быть переведена на кладбище Шигаушинъ, на лучшую позицію.

Съ Акъ-Чакмакскихъ же высотъ можно было разсмотрѣть, хотя съ трудомъ, холмъ Гуль-тюбе.

Во время рекогносцировки позиціи непріятель, слабо занимавшій наружную стѣнку кишлака Эскильликъ, а также городскую стѣнку южнѣе, открылъ огонь.

Капитанъ Церпицкій и штабсъ-капитанъ Боголюбовъ, съ нѣсколькими казаками и стрѣлками дежурства при начальникѣ отряда, очистили кишлакъ; въ то же время движеніе генерала Скобелева къ городской стѣнѣ, во время котораго капитанъ Куропаткинъ измѣрилъ ровъ, заставило непріятеля уйти съ нея.

Рекогносцировка производилась по возможности скрытно, не обнаруживая нашихъ силъ и не выказывая непріятелю нашихъ намѣреній.

Осмотръ кишлака и стѣны былъ произведенъ генераломъ Скобелевымъ весьма быстро, съ однимъ лишь конвоемъ, почему непріятель и не придалъ ему никакого значенія.

Добывъ, такимъ образомъ, важные результаты, отрядъ вернулся тою же дорогою въ лагерь на Мусульманъ-Кулъ-арыкъ.

5-го числа вернулась въ лагерь отряда колонна подполковника Андросова, исполнивъ возложенное на нее порученіе и приведя изъ Намангана еще одну роту (вторую 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона) и полупудовый единорогъ вмѣсто 4-хъ-фунтоваго орудія, заряжающагося съ дула.

Колонна эта, на пути слѣдованія по правому берегу Кара-Дарьи, имѣла оживленную перестрѣлку съ значительной непріятельской партіей, начатую у кишлака Шуръ-арыкъ и продолжавшуюся до кишлака Тода.

Прибывъ въ кишлакъ Чуджа, подполковникъ Андросовъ выслалъ въ Намангань 5-ю Оренбургскую сотню, а самъ расположился здѣсь съ ротой 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона на бивакъ и ожидалъ, пока эта сотня 4-го января вернулась изъ Намангана съ ротой и орудіемъ. На обратномъ пути колонна подполковника Андросова непріятеля не встрѣтила.

Для полной оцѣнки совокупности условій мѣстности нужно было еще ознакомиться съ западной и южной окраинами г. Андижана, что и составило цѣль рекогносцировки, предпринятой генераломъ Скобелевымъ лишь 6-го января, такъ какъ 5-го января былъ густой туманъ, неблагопріятствовавшій производству рекогносцировки.

Выйдя изъ лагеря съ отрядомъ того же состава, что и 4-го января, генералъ Скобелевъ прослѣдовалъ черезъ Донъ-кишлакъ и затѣмъ цѣлый рядъ другихъ кишлаковъ, отдѣленныхъ отъ города Андижана полосою полей и садовъ по мѣстности ровной и низменной, причемъ у кишлака Янги-чекъ былъ захваченъ нашими джигитами, ѣхавшими впереди, непріятельскій пикетъ изъ четырехъ человѣкъ.

Пройдя 14 верстъ, наши джигиты неожиданно наткнулись у Курганчи-Кунакъ-Мергень на сильный непріятельскій пикетъ, атаковали его и изрубили нѣсколько человѣкъ.

Въ это время изъ-за Курганчи-Кабилъ, на разстояніи около $^1/_4$ версты, показались густыя массы непріятельской конницы.

Лазутчики неоднократно сообщали генералу Скобелеву, что непріятель, подмѣтивъ нашъ пріемъ производить рекогносцировки небольшими кавалерійскими частями, имѣетъ намѣреніе воспользоваться однимъ изъ такихъ случаевъ, чтобы неожиданно атаковать насъ большими массами.

Появленіе большихъ силъ непріятельской конницы, съ шашками на-голо, имѣло тѣмъ болѣе опасное значеніе, что эти массы выскочили изъ-за Курганчи прямо противъ нашихъ орудій, а слѣдовавшая впереди артилеріи 5-я Оренбургская сотня въ это время нѣсколько отдѣлилась впередъ и была обращена къ непріятелю лѣвымъ флангомъ своего походнаго строя, но сотня эта быстро построила фронтъ налѣво и этимъ движеніемъ заставила непріятеля пріостановиться. Въ это же время орудія наши открыли огонь картечными гранатами и непріятель отхлынулъ назадъ.

Быстро подтянувшіяся прочія силы нашего отряда выстроили боевой порядокъ, а дѣйствіе картечныхъ гранатъ было удачно и непріятель поспѣшно отступилъ къ садамъ города.

Несмотря на многочисленность непріятеля (его было до шести тысячъ) генералъ Скобелевъ рѣшилъ, сообразно цѣли нашего движенія, не ввязываться съ нимъ въ бой, тѣмъ болѣе, что этотъ бой не далъ бы рѣшительныхъ результатовъ и вовлекъ бы только нашу кавалерію въ самый Андижанъ, что никакъ не могло входить тогда въ разсчеты. Поэтому, не обращая вниманія на отступившаго непріятеля, а также и на другую его партію, выѣзжавшую вдали изъ города, отрядъ былъ двинутъ въ прежнемъ направленіи на урочище Аугумбакъ.

Непріятель насъ не тревожилъ.

Мѣстность передъ Аугумбакомъ оказалась сильно затопленною и представила значительныя затрудненія для движенія артилеріи.

На урочищѣ Аугумбакъ, близъ сада Насреддинъ-хана, отряду данъ былъ небольшой привалъ, а затѣмъ движеніе продолжалось.

Когда наша кавалерія вышла уже къ юго-восточной окраинѣ Андижана, за оврагъ Угруджаръ, то непріятель открылъ съ городской стѣны огонь. Путь нашей рекогносцировки сталъ приближаться къ городу, а вмѣстѣ съ тѣмъ огонь непріятеля усиливался.

Отъ урочища Джибаучи отрядъ нашъ слѣдовалъ восточнѣе кишлака Кошъ-Карагачъ, провожаемый огнемъ непріятеля, но не отвѣчая на него ни однимъ выстрѣломъ; приэтомъ рекогносцировка 6-го числа была сомкнута съ рекогносцировкой 4-го января и показала, что г. Андижанъ имѣетъ окружность 55 верстъ (путь первой рекогносцировки по одному направленію 22 версты, путь второй—33 версты).

Городская стѣна между Кошъ-Карагачемъ и Ескильликомъ теперь была уже сильно занята непріятелемъ, все время стрѣлявшимъ по насъ.

Отрядъ и на этотъ разъ ничѣмъ не выказалъ непріятелю той важности, которую для него имѣли позиціи на высотахъ Акъ-Чакмакъ.

Артилерія отряда и большая часть кавалеріи были скрыты отъ непріятеля, чтобы уменьшить значеніе нашего движенія.

При слѣдованіи рекогносцировочнаго отряда къ своему биваку по пути, пройденному 4-го января, непріятель провожалъ его до

спуска къ Донъ-кишлаку, но конные стрѣлки подъ начальствомъ флигель-адъютанта ротмистра барона Меллера-Закомельскаго, бывшіе въ аріергардѣ, держали его въ почтительномъ отдаленіи. Другая партія непріятеля, выйдя изъ Андижана, заняла вблизи дороги сады за Донъ-кишлакомъ, но довольно сильный огонь непріятеля не принесъ намъ вреда и отрядъ безъ потерь вернулся на бивакъ за Миръ-Рабатомъ въ 8 часовъ вечера.

Рекогносцировка 6-го января привела генерала Скобелева къ заключенію, что наибольшія выгоды, какъ артилерійскія позиціи и какъ исходный пунктъ для движенія въ городъ на Гуль-тюбе, дѣйствительно представляютъ Акъ-Чакмакскія высоты, почему онъ и рѣшилъ перевести на Акъ-Чакмакъ лагерь отряда прежде, чѣмъ брать Андижанъ.

Для движенія на Акъ-Чакмакъ была выбрана дорога мимо сѣверной окраины города, какъ болѣе короткая и лучшая, хотя она и проходила на значительномъ протяженіи вблизи командующихъ высотъ, которыя могли быть заняты непріятелемъ.

За время пятидневной остановки на Мусульманъ-Кулъ-арыкѣ фуражъ для отряда доставлялся кишлаками праваго берега, которымъ раньше была дана пощада, частью же добывался фуражировками.

Скотъ для мясныхъ порцій запасенъ былъ войсками раньше.

7-го января, въ 9 часовъ утра, экспедиціонный отрядъ снялся съ бивака на Мусульманъ-Кулъ-арыкѣ и двинулся на Акъ-Чакмакъ, имѣя впереди авангардъ подъ начальствомъ флигель-адъютанта ротмистра барона Меллера-Закомельскаго, въ составѣ конно-стрѣлковаго дивизіона, 2-й Оренбургской и 1-й Сибирской сотенъ, ракетной батареи и двухъ конныхъ орудій.

За авангардомъ, при которомъ находился и генералъ Скобелевъ, слѣдовали подъ начальствомъ полковника барона Меллера-Закомельскаго главныя силы, между частями которыхъ шли арбы обоза, отдѣленіями по 50 арбъ. Такой порядокъ долженъ былъ доставить наибольшее обезпеченіе нашему фланговому движенію, но непріятель не тревожилъ нашъ отрядъ съ высотъ, ограничивающихъ Андижанскіе сады съ сѣвера.

Быстрое движеніе авангарда въ Донъ-кишлакъ предупредило занятіе его непріятелемъ, который встрѣтилъ авангардъ огнемъ съ Акъ-Чакмакскихъ высотъ, сосредоточившись, преимущественно, у Курганчи.

Наступленіе авангарда флигель-адъютанта ротмистра барона

Меллера-Закомельскаго очистило отъ непріятеля мѣстность на высотахъ, избранную для бивака отряда, но непріятель продолжалъ огонь съ Курганчи по главнымъ силамъ, проходившимъ Донъ-кишлакъ, причемъ у насъ раненъ въ голову 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона штабсъ-капитанъ Садыревъ.

Рекогносцировка, направленная къ Эскильлику, угрожая тылу непріятеля, заставила его очистить Курганчу и обнаружила, что Эскильликъ и городская стѣна сильнѣе прежняго заняты непріятелемъ.

Звуки трубъ, бой барабановъ и музыка, слышавшіеся изъ города, указывали на воодушевленіе, господствовавшее въ немъ и на готовность его къ отпору.

Чтобы поставить вагенбургъ въ наиболѣе выгодныя условія относительно возможныхъ покушеній непріятеля во время боя въ городѣ, генералъ Скобелевъ, пожертвовавъ отчасти удобствами, рѣшилъ поставить нашъ лагерь не въ долинѣ, а на самыхъ высотахъ Акъ-Чакмакъ.

Между тѣмъ подошла голова главныхъ силъ. Во время движенія главныхъ силъ по низменной долинѣ первоначально предполагалось для предохраненія здоровья людей при переправахъ вбродъ при шести градусномъ морозѣ перевозить пѣхоту на арбахъ, но въ виду крайней медленности этого способа и ограниченнаго числа пустыхъ арбъ, капитаномъ Церпицкимъ были устроены на десяти бродахъ подвижные пѣшеходные мосты, для чего, соотвѣтственно ширинѣ брода, нѣсколько арбъ надвигались вплотную одна на другую и связывались мертвыми петлями, а затѣмъ въ переднюю арбу впрягались лошади, которыя и ввозили этотъ мостъ на бродъ. Благодаря этому приспособленію движеніе главныхъ силъ значительно ускорилось. Крутой подъемъ изъ долины Андижанъ-сая на Акъ-Чакмакскія высоты оказался покрытымъ ледяной корой, благодаря чему два орудія пришлось втаскивать людьми, пока подъемъ этотъ былъ нѣсколько исправленъ и очищенъ отъ покрывавшаго его льда и пересѣченъ бороздами. Втаскиваніе на Акъ-Чакмакъ артилеріи, въ особенности же арбъ обоза, представило большія затрудненія и, при напряженіи людей, отряда, кончилось лишь (для обоза) къ 2-мъ часамъ ночи.

Такимъ образомъ переходъ 7-го числа явился весьма тяжелымъ. На бивакѣ отрядъ былъ поставленъ возможно тѣсно.

Такъ какъ можно было предполагать, что непріятель не угадалъ еще фронта атаки и опасался движенія и со стороны Анди-

жанъ-сая (пути 1-го октября 1875 года) и со стороны Аугумбака, генералъ Скобелевъ, желая увеличить шансы успѣха неожиданностью и быстротою дѣйствій, чѣмъ обезпечивалось и достиженіе наибольшихъ результатовъ съ наименьшими потерями и имѣя въ виду воодушевленіе отряда, увидѣвшаго, наконецъ, послѣ столькихъ трудовъ и лишеній непріятеля, готоваго упорно сразиться, принялъ рѣшеніе брать Андижанъ на слѣдующій же день, несмотря на утомленіе войскъ. Но, желая испытать всѣ средства достигнуть предназначенной цѣли безъ кровопролитія и щадя свои войска, онъ послалъ въ этотъ же день въ городъ двухъ захваченныхъ раньше жителей съ прокламаціей, уговаривавшей жителей Андижана сдаться. Попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ и одинъ изъ посланныхъ былъ даже зарѣзанъ у городской стѣны близъ Эскильлика.

Лишь поздно ночью замерло движеніе въ непріятельскомъ городѣ, отстоявшемъ отъ нашего лагеря только на 700 саженъ, а на слѣдующій день съ разсвѣтомъ бой барабановъ и звуки трубъ возобновились.

А. Серебренниковъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

КЪ ИСТОРІИ КОКАНСКАГО ПОХОДА.

(*Окончаніе*) [1]).

Планъ взятія Андижана былъ слѣдующій: вся артилерія отряда должна была, съ намѣченной для нея на Акъ-Чакмакскихъ высотахъ позиціи, подготовить штурмъ Эскильлика и городской стѣны за этимъ кишлакомъ.

По овладѣніи этими передовыми позиціями непріятеля, артилерія должна была, перейдя на кладбище Шигаушинъ, обстрѣлять городъ, направляя свой огонь преимущественно на Гуль-тюбе, базаръ и урду. Для подготовки атаки было предположено выпустить 370 гранатъ, послѣ чего въ городъ должны были двинуться одновременно четыре штурмовыя колонны по улицамъ, сходящимся къ холму Гуль-тюбе.

Предполагалось, что съ занятіемъ Гуль-тюбе бой не кончится, а потому имѣлось въ виду устроить на этомъ холмѣ батарею и окончательно разгромить городъ въ пунктахъ наибольшаго скопленія непріятеля, выпустивъ еще 600 снарядовъ.

Затѣмъ дальнѣйшій образъ дѣйствій не указывался и долженъ былъ опредѣлиться обстоятельствами.

Вагенбургъ на время штурма долженъ былъ оставаться на мѣстѣ бивака.

Сообразно съ этимъ планомъ штурма Андижана, генералъ Скобелевъ издалъ слѣдующую диспозицію:

«Завтра, 8-го января, имѣетъ быть взятъ штурмомъ г. Андижанъ, для чего назначаются штурмовыя колонны:

Первая колонна, подъ начальствомъ флигель-адъютанта рот-

[1]) См. «Военный Сборникъ» 1901 г., № 10.

мистра барона Меллера-Закомельскаго: саперная команда, стрѣлковая и 1-я роты 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, конно-стрѣлковый дивизіонъ въ пѣшемъ строю и одно орудіе конной батареи.

(Саперная команда, 2 роты, конно-стрѣлковый дивизіонъ и 1 орудіе).

Вторая колонна, подъ начальствомъ 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона капитана Іонова: 1-я рота 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, три спѣшенныя Оренбургскія сотни и взводъ ракетъ.

(1 рота, 3 сотни, 2 станка).

Третья колонна, подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Пичугина: 1-я и 2-я роты 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и одно орудіе конной батареи.

(2 роты, 1 орудіе).

Общимъ начальникомъ сихъ трехъ колоннъ назначается помощникъ начальника отряда, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій.

Резервная колонна, подъ начальствомъ командира 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона подполковника Андросова: 3-я рота 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, 2-я и 3-я роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, $1^1/_2$ спѣшенныя Семирѣченскія сотни, шесть орудій конной батареи и три орудія подвижныхъ взводовъ.

(4 роты, $1^1/_2$ сотни, 9 орудій).

Орудіямъ конной батареи быть со спѣшенною прислугою, во всѣхъ орудіяхъ запречь лишь по одному уносу.

Въ прикрытіе вагенбурга и лагеря, подъ начальствомъ 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона маіора Рапау, остаются 3-я рота 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, Сибирскія казачьи сотни, нарѣзное орудіе Наманганскаго подвижного взвода и три взвода ракетной батареи.

(1 рота, 3 сотни, 1 орудіе, 6 ракетныхъ станковъ).

По выѣздѣ артилеріи изъ лагеря на позицію, всѣмъ штурмовымъ колоннамъ выстроиться впереди лагеря и ожидать приказаній.

При штурмѣ сборнымъ пунктомъ всѣхъ колоннъ назначается высота въ городѣ Гуль-тюбе. Подходя къ ней, начальникамъ колоннъ входить въ связь съ сосѣдними.

Въ прикрытіе артилеріи на ея позиціи назначаются изъ состава резервной колонны 2-я рота 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и $1^1/_2$ Семирѣченскія сотни, изъ состава прикрытія вагенбурга 3-я рота 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона.

Штурмовымъ колоннамъ имѣть:

1) Шанцевый инструментъ, тараны, по одной штурмовой лѣстницѣ 5 аршинъ длиною и зажигательные матеріалы (факелы и спички), а резервной, сверхъ того, ограниченнаго размѣра инженерный паркъ.

2) По одному врачу и по двѣ арбы для раненыхъ.

Предупреждаю гг. начальниковъ штурмовыхъ колоннъ, что съ занятіемъ Гуль-тюбе нельзя разсчитывать на окончаніе боя, а потому, съ достиженіемъ этого пункта и взойдя въ связь съ сосѣдними колоннами, должно занимать оборонительныя позиціи въ сакляхъ, укрывая людей отъ огня противника. Колонна, которая первая овладѣетъ Гуль-тюбе, имѣетъ тотчасъ же устроить на ней батарею для артилеріи.

Обращаю вниманіе гг. начальниковъ на слѣдующее:

1) По главнымъ улицамъ города устроены баррикады, боковые переулки заложены стѣнками, въ которыхъ пробиты бойницы; 2) вдоль улицъ между саклями и дворами устроены во многихъ мѣстахъ сообщенія; рекомендую, гдѣ возможно, ломать по сторонамъ стѣнки и ворота, и 3) хвостъ каждой колонны долженъ основательно зажигать сакли.

Офицеры генеральнаго штаба назначаются колонновожатыми: гвардіи штабсъ-капитанъ Боголюбовъ въ первую колонну, а капитанъ Куропаткинъ въ резервную.

Я буду находиться при резервной колоннѣ».

Въ ночь передъ штурмомъ капитанъ Церпицкій отправился съ саперной командой, усиленной 100 рабочими, въ Донъ-кишлакъ и изъ собраннаго тамъ матеріала устроилъ четыре штурмовыхъ лѣстницы длиною 12 и шириною $3^3/_4$ фута и вѣсомъ 4 пуда, восемь таранов вѣсомъ по 8-ми пудовъ и 120 фашинъ длиною 15 футовъ и въ діаметрѣ 15 дюймовъ. Каждая штурмовая колонна была снабжена 20-ю топорами, 10-ю кетменями, одной лѣстницей, двумя таранами и 25-ю фашинами. Кромѣ того, согласно диспозиціи, на случай большихъ работъ въ резервную колонну было дано: топоровъ—30, кетменей—60, кирокъ—10, сверлъ—2, гвоздей—4 фунта, шпилей—10, долотъ—5 и мѣшковъ—400.

8-го января, въ 8 часовъ утра, передъ выстроенными войсками было отслужено молебствіе, а затѣмъ, въ $8^1/_2$ часовъ утра, вся

артилерія отряда въ числѣ 12-ти орудій, подъ начальствомъ подполковника Обрампольскаго, выѣхала на позицію въ одной верстѣ отъ лагеря и въ 1/2 верстѣ отъ кишлака Эскильликъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ частей, составлявшихъ прикрытіе артилеріи (3 роты 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и 1 1/2 Семирѣченскихъ сотни), была составлена штурмовая колонна, порученная Семирѣченскаго казачьяго войска есаулу барону Штакельбергу и назначенная для овладѣнія Эскильликомъ и примыкающимъ къ нему участкомъ городской стѣны.

Штурмовыя же колонны, назначенныя по диспозиціи, были построены въ резервномъ порядкѣ за артилеріей, внѣ выстрѣловъ непріятеля. Сигналомъ для начала общаго штурма были условлены три залпа всѣми орудіями, съ пятиминутными промежутками.

Въ 9 1/2 часовъ утра, послѣ непродолжительнаго обстрѣливанія, по приказанію генерала Скобелева, колонна есаула барона Штакельберга двинулась на штурмъ, имѣя впереди 1 1/2 Семирѣченскихъ сотни, за ними 3-ю роту 1-го стрѣлковаго баталіона.

Непріятель, занимавшій Эскильликъ и городскую стѣну, выдержалъ нашъ артилерійскій огонь, не отвѣчая на него.

Можно было думать, что кишлакъ и стѣна не заняты непріятелемъ, но когда штурмовая колонна подошла къ Эскильлику на 300 шаговъ, по ней открытъ былъ сильный фальконетный и ружейный огонь изъ кишлака и въ особенности съ городской стѣны.

Колонна, имѣя впереди своихъ офицеровъ, бросилась бѣгомъ и быстро выбила непріятеля изъ Эскильлика, нанеся ему здѣсь большія потери. Колонна эта была поддержана спѣшившимся конвоемъ начальника отряда.

Не останавливая колонну въ кишлакѣ, есаулъ баронъ Штакельбергъ повелъ ее на городскую стѣну. Единственный выходъ изъ кишлака къ стѣнѣ находился шагахъ въ 80-ти отъ послѣдней и полутора-саженная стѣна была усилена въ этомъ мѣстѣ двумя глубокими и широкими рвами съ почти отвѣсными спусками. Зная изъ первой рекогносцировки, что эти рвы прекращаются шагахъ въ 80-ти вправо отъ выхода и что, кромѣ того, и стѣна въ этомъ мѣстѣ гораздо ниже, есаулъ баронъ Штакельбергъ, выведя свою колонну изъ кишлака, повернулъ ее вправо, вдоль городской стѣны, подъ прикрытіемъ Семирѣченской полусотни есаула Маріуцы, занявшей выходъ изъ кишлака.

Непріятель, пользуясь выгодами своего закрытаго расположенія, еще усилилъ свой огонь, стрѣляя по штурмовой колоннѣ съ самаго близкаго разстоянія.

Но этотъ огонь не остановилъ фланговаго движенія 3-й роты 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, которая, имѣя впереди ротнаго командира штабсъ-капитана Федорова, подбѣжавъ къ мѣсту, гдѣ кончается ровъ, стремительно эскаладировала стѣну, овладѣла ею и, поражая въ свою очередь непріятеля во флангъ и въ тылъ, заставила его бѣжать, оставляя своихъ убитыхъ. Въ это же время перешли черезъ стѣну и 1 1/2 Семирѣченскія сотни, имѣя впереди есаула барона Штакельберга.

Трофеями этого штурма были: одно вьючное орудіе, большое число огнестрѣльнаго и холоднаго оружія, бунчукъ, до 20-ти пудовъ пороха и до 100 лошадей.

По взятіи стѣны, есаулъ баронъ Штакельбергъ тотчасъ же занялъ кладбище Шигаушинъ, разсыпавъ для этого къ сторонѣ города по полувзводу отъ 3-й роты 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и отъ 1 1/2 Семирѣченскихъ сотенъ и расположивъ остальныя силы своей колонны въ резервѣ скрытно въ трехъ мѣстахъ, чѣмъ доставилъ возможность артилеріи переѣхать на вторую позицію въ 1/2 верстѣ отъ городской стѣны.

Прибывъ вслѣдъ за колонною есаула барона Штакельберга на кладбище Шигаушинъ, генералъ Скобелевъ приказалъ колоннѣ генеральнаго штаба полковника Пичугина занять входъ въ улицу Тахта-Куплекъ, по которой ей предстояло двигаться, командѣ рабочихъ отъ этой колонны расчистить для нея и для артилеріи путь близъ воротъ, а причисленному къ генеральному штабу капитану Куропаткину взять изъ состава резервной колонны 2-ю роту 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и, снабдивъ ее изъ парка шанцевымъ инструментомъ, расчистить путь при входѣ въ улицу Баба-Садыкъ, для слѣдованія по ней резервной колонны.

Артилерія въ это время безпрерывно стрѣляла со второй позиціи по Гуль-тюбе и въ направленіи на урду и базаръ. Когда съ высотъ Акъ-Чакмакъ было замѣчено въ городѣ и садахъ движеніе густыхъ непріятельскихъ массъ, потянувшихся со стороны Андижанъ-сая къ кладбищу Шигаушинъ, то гвардіи капитанъ Ермоловъ направилъ противъ нихъ огонь шести орудій и привелъ толпы непріятеля въ полное замѣшательство.

Согласно диспозиціи, одно орудіе Оренбургской конной батареи ушло въ составъ первой штурмовой колонны.

Команда рабочихъ отъ третьей штурмовой колонны въ числѣ

50-ти человѣкъ подъ командой прапорщика Желябужскаго, подъ огнемъ непріятеля, ободреннаго нашею задержкою на кладбищѣ Шигаушинъ и появившагося въ ближайшихъ сакляхъ, начала производить засыпку рва. Ровъ этотъ—не широкій, но довольно глубокій,—находился передъ передовою городскою стѣною у входа на Тахтакупрюкскую дорогу.

По приказанію генерала Скобелева, третья штурмовая колонна полковника Пичугина была придвинута къ рабочимъ, чтобы имѣть возможность чаще ихъ смѣнять и тѣмъ ускорить работу. Кромѣ того, этимъ колонна была укрыта отъ огня, направленнаго черезъ стѣнку. Когда ровъ былъ засыпанъ перешейкомъ въ двѣ сажени шириною, артилерія съ ея второй позиціи была подведена къ нему и 1-я рота 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона на рукахъ втащила 11 орудій на позицію на кладбищѣ Шигаушинъ.

Хотя командованіе съ этой позиціи было меньше, чѣмъ со второй, но она была на 334 саж. ближе къ городу, отчего выигрывала дѣйствительность выстрѣловъ.

Съ этой-то третьей позиціи артилерія довершила подготовку штурма. Она дѣйствовала подъ непрерывнымъ огнемъ непріятеля, занимавшаго сакли кругомъ кладбища Шигаушинъ, но, имѣя въ виду свою главную цѣль—обстрѣлять важные пункты города, подполковникъ Обрампольскій приказалъ лишь изрѣдка направлять орудійные выстрѣлы противъ ближайшаго непріятеля.

Между тѣмъ капитанъ Куропаткинъ, исполняя возложенное на него порученіе, повелъ 2-ю роту 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона поручика Топчевскаго восточнѣе кишлака Кошъ-Карагачъ къ урочищу Джибаучи, откуда начинается улица Баба-Садыкъ, по которой должна была слѣдовать при штурмѣ резервная колонна.

Путь слѣдованія роты проходилъ мимо городской стѣны, съ которой непріятель производилъ по ротѣ рѣдкій огонь.

Не отвѣчая на него и только прикрывшись со стороны стѣны цѣпью стрѣлковъ, 2-я рота 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона продолжала свое движеніе и въ 120 саженяхъ отъ входа въ улицу Баба-Садыкъ подошла къ стѣнѣ на 100 саж. и быстро двинулась вдоль ея, встрѣчаемая на этотъ разъ залпами изъ-за стѣны. Входъ въ улицу Баба-Садыкъ оказался перерытымъ глубокимъ рвомъ, ворота заложенными, мостъ на арыкѣ Кутанъ разобраннымъ, а сакли, лежащія влѣво отъ входа въ улицу Баба-Садыкъ, были заняты непріятелемъ, производившимъ изъ нихъ сильную

стрѣльбу. Капитанъ Куропаткинъ помѣстилъ роту внѣ выстрѣловъ изъ-за стѣны, овладѣвъ предварительно съ полувзводомъ роты этими саклями, причемъ дошелъ по дорогѣ къ Кашгаръ-кишлакскимъ воротамъ до завала въ 300 шагахъ, гдѣ оставилъ сильный постъ. Этотъ постъ, прикрывшись заваломъ, могъ отбить всякое покушеніе непріятеля помѣшать съ этой стороны нашимъ работамъ.

По занятіи завала, капитанъ Куропаткинъ овладѣлъ и городскою стѣною, сдѣлавъ въ ней, при помощи таранова и кирокъ, небольшой обвалъ, черезъ который и перелѣзъ полувзводъ 2-й роты во главѣ съ командиромъ этой роты поручикомъ Топчевскимъ.

За стѣною открылась обширная площадь, занятая кладбищемъ Ходжа-Таке, по срединѣ котораго и проходила улица Баба-Садыкъ. Въ 450 шагахъ отъ стѣны площадь замыкалась городскими строеніями и можно было различить, что входъ въ улицу былъ загороженъ сильнымъ заваломъ.

Непріятель, бѣжавшій со стѣны, пытался было удержаться на кладбищѣ, но былъ прогнанъ стрѣлками вглубь улицы Баба-Садыкъ. Съ занятіемъ стѣны, капитанъ Куропаткинъ тотчасъ-же приступилъ къ разрушенію части ея и къ постройкѣ двухъ мостовъ черезъ арыкъ Кутанъ, гдѣ остались переводины и пришлось лишь сдѣлать настилку и черезъ крѣпостной ровъ шириною въ 12 футовъ, для котораго лежни, переводины и настилка дѣлались изъ лѣса, срубаемаго на мѣстѣ. Между тѣмъ непріятель, ободренный тѣмъ, что стрѣлки, занявъ стѣнку, не шли дальше и лишь прикрывали работу цѣпью, поставленною вдоль стѣны, сталъ понемногу снова стекаться и открылъ огонь изъ-за впередилежащаго завала и изъ прилегавшихъ къ нему сакель. Огонь этотъ могъ причинить уронъ скученнымъ у стѣны рабочимъ, а потому капитанъ Куропаткинъ рѣшилъ овладѣть заваломъ, что и выполнилъ немедленно, причемъ непріятель бѣжалъ, оставивъ нѣсколько человѣкъ убитыми. Завалъ былъ разобранъ, а вмѣсто стрѣлковъ 2-й роты 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, работы со стороны города были прикрыты взводомъ 3-й роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона штабсъ-капитана Киркина, присланной начальникомъ резервной колонны подполковникомъ Андросовымъ.

Колонна подполковника Андросова, съ переходомъ артилеріи на ея третью позицію, передвинулась ко второй артилерійской позиціи, а затѣмъ, выславъ впередъ 3-ю роту 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, двинулась къ улицѣ Баба-Садыкъ, гдѣ под-

полковникъ Андросовъ, въ ожиданіи прибытія начальника отряда, выстроилъ свою колонну (за исключеніемъ роты, бывшей въ прикрытіи артилеріи) на кладбищѣ Ходжа-Таке.

Городская стѣна противъ входа въ улицу была разрушена и оба моста построены къ 12-ти часамъ дня, когда начались залпы, служившіе сигналомъ для общаго штурма.

Выпустивъ со всѣхъ трехъ позицій до 500 снарядовъ и давъ условленный сигналъ, артилерія была свезена съ кладбища Шигаушинъ опять людьми 1-й роты 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, выдѣлила, согласно диспозиціи, по одному орудію въ составъ третьей штурмовой колонны и въ составъ прикрытія вагенбурга и затѣмъ, подъ прикрытіемъ 2-й роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, двинулась на присоединеніе къ резервной колоннѣ; 3-я рота 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона вернулась въ вагенбургъ.

Еще во время артилерійской стрѣльбы со второй позиціи начальникъ штурмовыхъ колоннъ полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, находившійся непосредственно при первой и второй колоннахъ, повелъ обѣ колонны къ юго-восточной окраинѣ города, такъ какъ этимъ колоннамъ до городской стѣны предстоялъ наибольшій путь.

У начала загородныхъ садовъ, при поворотѣ на улицу Акъ-Гуръ, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій направилъ по ней вторую колонну подъ начальствомъ капитана Іонова, а самъ слѣдовалъ къ городу по улицѣ Ялангачъ къ Кашгаръ-кишлакскимъ воротамъ при первой колоннѣ, бывшей подъ начальствомъ флигель-адъютанта ротмистра барона Меллера-Закомельскаго.

Артилерійская канонада еще продолжалась, когда передъ первой колонною обнаружилась саженяхъ въ 200 городская стѣна. Колонна, по приказанію флигель-адъютанта барона Меллера-Закомельскаго, свернула съ дороги влѣво и остановилась въ резервномъ порядкѣ на полѣ, укрытая отъ взоровъ непріятеля садовою стѣнкою, въ ожиданіи условнаго сигнала для штурма.

Послѣ третьяго залпа всѣми орудіями, колонна была двинута впередъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Полувзводъ стрѣлковой роты 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона подъ начальствомъ командира роты прапорщика Хомичевскаго; при этомъ полувзводѣ находились колонновожатый штурмовой колонны штабсъ-капитанъ Боголюбовъ и саперной роты капитанъ Церпицкій.

Остальные полувзводы стрѣлковой роты, въ головѣ которыхъ ѣхали начальникъ всѣхъ штурмовыхъ колоннъ полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій и начальникъ первой штурмовой колонны флигель-адъютантъ ротмистръ баронъ Меллеръ-Закомельскій.

Затѣмъ саперная команда, 1/2 роты спѣшенныхъ конныхъ стрѣлковъ, орудіе, 1/2 роты спѣшенныхъ конныхъ стрѣлковъ, арба подъ раненыхъ и 1-я рота 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона.

Городская стѣна въ 5 аршинъ высотой, ворота которой были завалены, казалось, не была занята непріятелемъ, но съ разстоянія 300 шаговъ изъ многочисленныхъ бойницъ стѣны и изъ-за вала былъ открытъ сильный фальконетный и ружейный огонь.

Колонна продолжала стройно и безъ выстрѣла двигаться впередъ и, не доходя до стѣны 200 шаговъ, по сигналу, данному начальникомъ колонны, съ крикомъ «ура», бросилась бѣгомъ на штурмъ стѣны, имѣя впереди капитана Церпицкаго, штабсъ-капитана Боголюбова и прапорщика Хомичевскаго.

Непріятельскій огонь сталъ непрерывнымъ.

Подбѣжавъ къ стѣнкѣ, часть колонны стала разбирать весьма крѣпкій завалъ въ воротахъ, другая — дѣлать проломъ лѣвѣе воротъ, а полувзводъ стрѣлковой роты перешелъ черезъ стѣну по штурмовой лѣстницѣ. Первымъ перескочилъ черезъ стѣну штабсъ-капитанъ Боголюбовъ.

Непріятель, не выдержавъ столь дружнаго удара, бѣжалъ, причемъ нѣсколько человѣкъ были заколоты у стѣны.

За стѣною былъ ровъ, а дальше улица Ялангачъ, также прегражденная крѣпкимъ заваломъ, изъ-за котораго непріятель открылъ огонь; тогда четвертый полувзводъ стрѣлковой роты, подъ командою штабсъ-капитана Боголюбова и прапорщика Хомичевскаго, тотчасъ же бросился на этотъ завалъ и выбилъ непріятеля изъ него штыками.

Одновременно съ этимъ, начальникъ штурмовой колонны флигель-адъютантъ ротмистръ баронъ Меллеръ-Закомельскій направилъ въ проломъ стѣны лѣвѣе воротъ, сдѣланный при помощи тарана и ломовъ, полувзводъ конныхъ стрѣлковъ, поддержавшій полувзводъ 2-го линейнаго баталіона. Дальнѣйшее наступленіе было пріостановлено начальникомъ первой штурмовой колонны, въ виду необходимости очистить дорогу для артилеріи. Капитанъ Церпицкій подъ огнемъ непріятеля въ короткое время устроилъ

черезъ ровъ, шириною 14 футовъ, мостъ изъ бревенъ и сучьевъ завала въ воротахъ, который, насколько можно быстро, былъ растащенъ со стороны города.

Подтянувъ штурмовую колонну, флигель-адъютантъ ротмистръ баронъ Меллеръ-Закомельскій изъ-за второго завала двинулъ ее далѣе въ томъ же порядкѣ.

Вмѣстѣ съ наступленіемъ по улицѣ, стрѣлки 2-го линейнаго баталіона заходили въ сакли и кололи скрывавшагося въ нихъ непріятеля.

Флигель-адъютантъ ротмистръ баронъ Меллеръ-Закомельскій направилъ также по полувзводу конныхъ стрѣлковъ въ проходы, сдѣланные непріятелемъ въ сакляхъ вдоль улицъ, чѣмъ обезпечилъ слѣдованіе колонны безъ потерь отъ бокового огня. Большая часть непріятеля уже бѣжала, не успѣвъ захватить своихъ лошадей.

На дальнѣйшемъ пути первой штурмовой колонны ею было встрѣчено еще 4 завала, состоявшіе частью изъ арбъ, частью изъ поперечныхъ, вдѣланныхъ въ стѣны, бревенъ, между которыми были утверждены дверныя полотна съ бойницами, но сопротивленіе непріятеля, сломленное на городской стѣнѣ и второмъ завалѣ, здѣсь было слабое.

Пройдя отъ стѣны около $^3/_4$ версты, первая штурмовая колонна вошла въ связь съ шедшей правѣе второй штурмовой колонной капитана Іонова.

Въ разстояніи $1^1/_4$ версты отъ стѣны, первая колонна увидѣла командующій холмъ Гуль-тюбе, а вслѣдъ за симъ холмъ былъ взятъ второй штурмовой колонной капитана Іонова, выходившей къ нему по кратчайшей дорогѣ.

Отдѣленный, какъ было упомянуто, отъ первой штурмовой колонны при поворотѣ на улицу Акъ-гуръ, капитанъ Іоновъ подошелъ къ городской стѣнѣ со своей колонной на 600 шаговъ и остановилъ ее, скрывъ за мѣстными предметами. Путь до городской стѣны былъ застроенъ саклями и прегражданся шагахъ въ 400 засѣкой.

Послѣ сигнала къ общему штурму капитанъ Іоновъ двинулъ колонну впередъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Полувзводъ подъ командой подпоручика Вангродскаго, при которомъ находился и капитанъ Іоновъ, а вправо и влѣво отъ него по полувзводу, подъ командой подпоручика Ржепецкаго и прапорщика Соловьева, которые должны были слѣдовать по боковымъ проходамъ въ сакляхъ, держась на одной высотѣ съ головнымъ полувзводомъ; за послѣднимъ слѣдовалъ еще полувзводъ, далѣе ракетный взводъ подъ командою прапорщика Андреева и, наконецъ, спѣшенныя Оренбургскія сотни—первая, вторая и пятая.

Какъ только голова колонны подошла къ засѣкѣ, устроенной изъ подрубленныхъ, но не отдѣленныхъ отъ корней, тополей, росшихъ по сторонамъ дороги, непріятель открылъ со стѣны и съ завала въ широкомъ ея проходѣ сильный огонь.

Перебравшись черезъ засѣку, капитанъ Іоновъ подтянулъ головную часть колонны и быстро овладѣлъ заваломъ, прегражданшимъ проходъ къ городской стѣнѣ. Въ то-же время атаковали стѣну вправо и влѣво поручикъ Ржепецкій и прапорщикъ Соловьевъ съ ихъ полувзводами и быстро овладѣли ею при помощи лѣстницъ, взятыхъ изъ сосѣднихъ саклей.

Непріятель, поражаемый огнемъ и штыками, бѣжалъ отъ стѣны за второй валъ, прегражданшій улицу Акъ-гуръ, въ 200 шагахъ далѣе.

Взявъ, такимъ образомъ, наружную ограду, капитанъ Іоновъ приказалъ бывшимъ впереди подпоручику Вангродскому и прапорщику Андрееву со вторыми полувзводами первой роты 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и нѣсколькими людьми ракетнаго взвода взять второй завалъ и, прикрывшись имъ, выжидать приближеніе остальныхъ силъ колонны.

Въ то же время капитанъ Іоновъ приказалъ есауламъ Мелянину и Авдѣеву очистить ближайшія сакли отъ скрывшагося въ нихъ непріятеля.

Второй завалъ былъ тотчасъ взятъ, а Оренбургскіе казаки, поддержанные боковыми полувзводами, истребили непріятеля въ сакляхъ на всемъ пути до второго завала. Подтянувъ къ нему колонну и зажегши пройденное пространство, капитанъ Іоновъ повелъ колонну далѣе въ томъ же порядкѣ.

Около 3,500 шаговъ было ею пройдено почти безъ выстрѣла, но когда колонна выдвинулась изъ изгиба улицы, то была встрѣчена сильнымъ огнемъ изъ-за третьяго завала и изъ мечети, выходящей угломъ въ улицу.

Капитанъ Іоновъ повелъ свою колонну бѣгомъ на завалъ, овладѣлъ имъ и перекололъ часть его защитниковъ; въ то же время есаулъ Дубровинъ съ казаками второй Оренбургской сотни ворвался въ мечеть и частью перебилъ, частью прогналъ занимав-

шаго ее непріятеля. Бѣжавшіе изъ мечети наткнулись на полувзводъ прапорщика Соловьева, который докончилъ ихъ пораженіе.

Дальнѣйшее движеніе штурмовой колонны на протяженіи свыше 400 шаговъ не встрѣчало отпора и лишь за четвертымъ заваломъ непріятель встрѣтилъ колонну огнемъ, но не выдержалъ атаки и бѣжалъ. За четвертымъ заваломъ, въ 200 шагахъ, улица пересѣкалась арыкомъ Кутанъ и непріятель, засѣвъ въ сакляхъ за арыкомъ, обстрѣливалъ доступъ къ мосту, а часть его работала надъ разборкой моста.

Колонна, имѣя впереди капитана Іонова и не останавливаясь на четвертомъ завалѣ, стремительнымъ наступленіемъ овладѣла мостомъ и вслѣдъ за тѣмъ вышла на улицу Баба-Садыкъ. Здѣсь, при поворотѣ улицы къ Гуль-тюбе, колонна была встрѣчена залпомъ изъ боковыхъ бойницъ и въ то же время непріятель открылъ огонь изъ Гуль-тюбе. Капитанъ Іоновъ двинулся, не останавливаясь, къ этому конечному пункту атаки.

Прапорщикъ Андреевъ со стрѣлками второго полувзвода первый вбѣжалъ на Гуль-тюбе и разсыпалъ стрѣлковъ къ сторонѣ непріятеля, открывшаго сильный огонь изъ прилегавшихъ сакель, а вслѣдъ за тѣмъ Гуль-тюбе былъ занятъ и всей второй штурмовой колонной.

Минуты три спустя по улицѣ Ялангачъ вышла къ Гуль-тюбе и голова первой штурмовой колонны, а нѣсколько позже по улицѣ Баба-Садыкъ голова резервной штурмовой колонны.

Начальникъ первой колонны флигель-адъютантъ ротмистръ баронъ Меллеръ-Закомельскій тотчасъ направилъ первую роту 2-го линейнаго баталіона влѣво отъ высоты, чтобы одновременно съ дѣйствіемъ стрѣлковъ, разсыпанныхъ по Гуль-тюбе, очистить ближайшую мѣстность отъ непріятеля, еще продолжавшаго огонь. Этимъ движеніемъ закончился бой у Гуль-тюбе.

Прибывъ на Гуль-тюбе и еще не имѣя свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ третьей и резервной колоннахъ, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій приказалъ штабсъ-капитану Боголюбову поставить части первой и второй штурмовыхъ колоннъ на позиціи во дворахъ сакель, у подошвы высоты къ сѣверу, западу и югу отъ нея.

Части эти во дворахъ быстро вошли въ связь между собою, сдѣлавъ сейчасъ же во внутреннихъ стѣнкахъ проходы; къ сторонѣ же непріятеля были выставлены на крышахъ стрѣлковыя цѣпи, прикрывшіяся завалами изъ матеріала, бывшаго подъ рукой.

Капитанъ Церпицкій получилъ тотчасъ по взятіи Гуль-тюбе приказаніе устроить батарею.

Въ моментъ овладѣнія Гуль-тюбе этотъ пунктъ представлялъ холмъ, который былъ застроенъ ветхими саклями и на вершинѣ котораго была мечеть.

Убѣдившись, что постановка орудій на крышахъ была бы крайне ненадежной, капитанъ Церпицкій приступилъ къ ломкѣ сакель, обращенныхъ къ востоку и сѣверу, а затѣмъ устроилъ изъ комковъ глины, стеблей джугары и бревенъ брустверъ въ 3 фута высоты, за которымъ были поставлены первыя орудія для стрѣльбы черезъ банкъ.

Во время этого утвержденія войскъ первой и второй колоннъ на занятой ими позиціи, прибылъ на Гуль-тюбе съ войсками резервной колонны и генералъ Скобелевъ, встрѣченный громкимъ «ура» собравшихся здѣсь войскъ.

Послѣ третьяго залпа, когда генералъ Скобелевъ пріѣхалъ на кладбище Ходжа-таке, гдѣ стояла въ резервномъ порядкѣ резервная колонна, начальникъ ея подполковникъ Андросовъ двинулъ свою колонну по улицѣ Баба-Садыкъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Вторая рота 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, въ головѣ которой находились генералъ Скобелевъ и колонновожатый колонны капитанъ Куропаткинъ, третья рота 2-го линейнаго баталіона со знаменемъ, рота 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, артилерія (9 орудій) и, наконецъ, третья рота 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона.

Въ такомъ порядкѣ шли войска съ распущеннымъ знаменемъ и съ музыкой до завала въ 400 шагахъ отъ входа въ улицу съ площади, гдѣ колонна должна была временно пріостановиться.

Желая избѣжать скопленія войскъ и кромѣ того желая дать быстрѣйшую поддержку остальнымъ колоннамъ, генералъ Скобелевъ двинулся впередъ со второй ротой 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, третьей ротой 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и однимъ орудіемъ конной батареи и приказалъ подполковнику Андросову съ остальными войсками слѣдовать получасомъ позже и зажечь на пути всѣ сакли.

При своемъ движеніи передовая часть резервной колонны опять попала подъ огонь непріятеля, занимавшаго бойницы сакель, но, поражая его на ходу, колонна безостановочно двигалась впередъ и взяла съ боя третій завалъ передъ арыкомъ Кутанъ и за-

валъ въ 150 шагахъ далѣе; передовые люди второй роты 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, при которыхъ былъ и генералъ Скобелевъ, значительно отдѣлившись впередъ, привлекли на себя сильный огонь защитниковъ улицы Баба-Садыкъ, рѣшившихся дать отпоръ, но вскорѣ изъ улицы Акъ-Гуръ стала выходить голова второй штурмовой колонны, появленіе которой, вмѣстѣ съ рѣшительнымъ наступленіемъ головы второй роты 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, положило конецъ бою въ улицѣ Баба-Садыкъ.

Прибывъ на Гуль-тюбе, генералъ Скобелевъ приказалъ продолжать начатое укрѣпленіе этого пункта и размѣщеніе войскъ на позиціи и выждалъ прибытія третьей штурмовой колонны полковника Пичугина.

Наступленіе этой колонны началось взятіемъ съ боя завала, преграждавшаго входъ въ улицу Тахта-Купрюкъ.

Впереди головной роты (второй роты 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона) шли ея командиръ штабсъ-капитанъ Эвертъ и подпоручикъ Журавлевъ. Не останавливая колонны, полковникъ Пичугинъ повелъ ее на второй завалъ, шагахъ въ 400 далѣе, гдѣ былъ встрѣченъ залпомъ, но быстро овладѣлъ заваломъ.

Здѣсь полковникъ Пичугинъ пріостановилъ движеніе и выждалъ присоединеніе къ колоннѣ первой роты 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, которая была задержана тѣмъ, что вывозила артилерію съ кладбища Шигаушинъ и при которой слѣдовало и поступившее въ составъ колонны одно орудіе.

Пользуясь остановкой, рота 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона сломала стѣнки и зажгла сакли въ своемъ тылу.

Колонна, подтянувшись, двинулась впередъ, встрѣчаемая рѣдкимъ огнемъ и уничтожала непріятеля, скрывавшагося въ сакляхъ.

У медрессе Кыллыкъ непріятель попытался остановить колонну, занявъ какъ медрессе, такъ и крыши сосѣднихъ сакель и открывъ сильный огонь. Но рѣшительное наступленіе 2-й роты 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона обратило его въ бѣгство.

Одновременно съ движеніемъ впередъ, хвостъ колонны зажигалъ, а частью ломалъ сакли. Наступая такимъ образомъ, 3-я штурмовая колонна прибыла на Гуль-тюбе, уже занятый прочими войсками, около 1 часа дня.

По сосредоточеніи всѣхъ колоннъ у конечнаго пункта атаки, въ виду значительнаго скопленія непріятеля на базарѣ и по всей

дорогѣ къ урдѣ, генералъ Скобелевъ двинулся по этому направленію со 2-й и 3-й ротами 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и однимъ орудіемъ, а полковника Пичугина съ обѣими ротами 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона направилъ къ базаруже по переулку правѣе пути ротъ 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона.

На базарной площади столпилась густая масса коннаго и пѣшаго непріятеля, который, будучи поражаемъ огнемъ 3-й роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона съ самаго близкаго разстоянія, понесъ большія потери и искалъ спасенія въ бѣгствѣ.

Наступая къ урдѣ, колонна подъ начальствомъ генерала Скобелева истребляла многочисленнаго непріятеля, набившагося въ базарныя лавки.

Урда уже была очищена непріятелемъ.

Колонна полковника Пичугина также нанесла на своемъ пути окончательное пораженіе конному и пѣшему непріятелю и овладѣла базарнымъ медрессе.

На обратномъ пути къ Гуль-тюбе базаръ и сакли были зажжены.

Ко времени возвращенія обѣихъ колоннъ на Гуль-тюбе батарея была уже готова. Наибольшее число орудій (шесть, въ томъ числѣ и полупудовый единорогъ) было обращено на сѣверъ, противъ базара и урды; для обстрѣливанія восточной стороны города было поставлено одно орудіе, приспособленное къ стрѣльбѣ черезъ амбразуру; противъ южной стороны города было поставлено три орудія, для стрѣльбы черезъ банкъ; наконецъ, западную сторону города могло обстрѣливать одно орудіе черезъ амбразуру.

Для ввоза орудій на батарею устроены были двѣ аппарели.

Дабы нанести окончательный погромъ многолюдному городу, въ которомъ могли еще находиться скопища, способныя къ продолженію боя, генералъ Скобелевъ приказалъ начальнику артилеріи подполковнику Обромпольскому возобновить бомбардированіе города.

Артилерійскій огонь, открытый около 3-хъ часовъ пополудни преимущественно по базару, обѣимъ урдамъ, Шариханской и Ассакинской дорогамъ, продолжался непрерывно изъ всѣхъ орудій до слѣдующаго утра, но уже къ вечеру выяснилось, что мы окончательно завладѣли Андижаномъ и не встрѣтимъ больше сколько нибудь значительнаго сопротивленія.

Во время боя въ городѣ Андижанѣ, какъ было предусмотрѣно генераломъ Скобелевымъ, непріятельская конница пыталась атаковать нашъ вагенбургъ.

Въ 12 часовъ конная партія въ 1,500 человѣкъ, выйдя изъ садовъ города, направилась противъ праваго фаса нашего лагеря, но была отбита огнемъ стрѣлковъ 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, оставленныхъ отъ обѣихъ ротъ и попала подъ выстрѣлы только что вернувшагося съ третьей артилерійской позиціи 4-хъ-фунтоваго орудія.

Спустя часъ, изъ городскихъ садовъ вышла масса (до 3,000) коннаго непріятеля и стала наступать на передній фасъ вагенбурга.

Въ прикрытіе угрожаемаго фаса, по приказанію маіора Ранау, разсыпана была цѣпь 1-й и 5-й Сибирскихъ сотенъ, поддержанная 30-ю стрѣлками 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона; въ резервѣ за этими частями расположился полувзводъ 3-й роты 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона. Рѣдкій, но мѣткій огонь нашей цѣпи заставилъ непріятеля скрыться въ андижанскихъ садахъ.

Этимъ попытки непріятеля противъ вагенбурга и окончились.

Таковъ былъ подъ Андижаномъ день 8-го января, въ который отрядъ нашъ сломилъ упорство непріятеля, увѣреннаго въ своей силѣ и нанесъ ему погромъ, имѣвшій самыя рѣшительныя послѣдствія.

Сопоставивъ описаніе хода нашихъ дѣйствій при взятіи города, съ приведенными ниже, со словъ жителей, свѣдѣніями о дѣйствіяхъ непріятеля, защищавшаго его, можно усмотрѣть, что полный успѣхъ подъ Андижаномъ, съ весьма малымъ урономъ, принадлежитъ дѣйствію артилерійскаго огня, которому было дано особое развитіе. Артилерія передъ штурмомъ нанесла большія потери непріятелю и, что самое главное, произвела въ его рядахъ сильное нравственное потрясеніе, вслѣдствіе чего рѣшимость непріятельскихъ массъ отчаянно защищаться замѣнилась почти поголовной паникой и хотя во время движенія нашихъ колоннъ по городу непріятель не успѣлъ еще бѣжать изъ него, но уже не былъ способенъ ни на одномъ пунктѣ къ серьезному отпору, а во многихъ мѣстахъ можно было видѣть густыя толпы вооруженныхъ, но почти потерявшихъ сознательность дѣйствій, людей.

Такимъ образомъ, честь дня, также какъ и въ Наманганѣ 27-го октября, всецѣло принадлежала артилеріи.

Побѣда наша стоила намъ незначительныхъ потерь: кромѣ

двухъ офицеровъ, раненыхъ 4-го и 7-го января (хорунжій Бояльскій и штабсъ-капитанъ Садыревъ), въ день штурма 8-го января мы потеряли двухъ нижнихъ чиновъ убитыми и шесть нижнихъ чиновъ и одного джигита ранеными.

Въ своемъ донесеніи командующему войсками Туркестанскаго военнаго округа о штурмѣ Андижана генералъ Скобелевъ свидѣтельствовалъ, что мужество и храбрость войскъ не оставляли желать ничего лучшаго и что всѣ чины отряда вели себя вполнѣ доблестно.

Въ числѣ особенно отличившихся, генераломъ Скобелевымъ были указаны: помощникъ его, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, начальникъ артилеріи отряда подполковникъ Обрампольскій, начальники штурмовыхъ колоннъ: полковникъ Пичугинъ, подполковникъ Андросовъ, флигель-адъютантъ ротмистръ баронъ Меллеръ-Закомельскій, капитанъ Іоновъ и есаулъ баронъ Штакельбергъ, а также маіоръ Ранау, войсковой старшина Смирновъ, капитаны Ермоловъ, Церпицкій, Куропаткинъ и Арванитаки, есаулы Маріуца и Байтоковъ, штабсъ-капитаны Боголюбовъ, Федоровъ, Эвертъ, Маловъ и Киркинъ, поручики Топчевскій и Ржепецкій, подпоручикъ Журавлевъ и прапорщики Хомичевскій и Андреевъ.

Всѣ отличившіеся получили соотвѣтственныя награды, а капитанъ Іоновъ, *который, командуя во время штурма Андижана* штурмовой колонной въ составѣ 1-й роты 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, 150 спѣшенныхъ казаковъ и двухъ ракетныхъ станковъ, преодолѣвъ упорное сопротивленіе, встрѣченное при взятіи городской ограды, овладѣлъ съ боя четырьмя завалами и первый со ввѣренной ему колонной овладѣлъ важнымъ мѣстомъ въ непріятельской позиціи, высотою Гуль-тюбе, съ занятіемъ которой сраженіе приняло рѣшительный оборотъ въ нашу пользу, слѣдствіемъ чего было взятіе нами г. Андижана, былъ награжденъ за это дѣло орденомъ св. Георгія 4-й степени.

Пораженіе непріятеля въ Андижанѣ было полное. По собраннымъ вскорѣ по взятіи города свѣдѣніямъ оказалось, что непріятель ожидалъ нашего наступленія со стороны Андижанъ-Сая (съ сѣвера) и стянулъ къ нему свои главныя силы въ числѣ до 25,000 сарбазовъ и сипаевъ; городъ былъ набитъ жителями ближайшихъ кишлаковъ, переселившихся въ него со своими семействами и помѣстившихся во дворахъ, мечетяхъ и т. п.

Когда началась бомбардировка съ высотъ Акъ-Чакмакъ, то

вооруженные жители стали сбѣгаться къ Эскильлику, куда потянулись сначала и главныя массы со стороны Сая, а также со стороны Аугумбака, но наши гранаты производили въ рядахъ непріятеля такое страшное опустошеніе, что скоро привели его въ полное смятеніе, которое усиливалось еще ложными извѣстіями, передаваемыми скакавшими всадниками, сперва о нашемъ наступленіи со стороны Сая, а затѣмъ, что насъ видѣли съ западной стороны города и т. п.

Когда же, наконецъ, наши колонны двинулись съ восточной стороны по четыремъ дорогамъ, то непріятель, боясь быть охваченнымъ, бѣжалъ по дорогѣ въ кишлакъ Ассаке.

Первыми бѣжали сипаи и сарбазы, составлявшіе пришлый чуждый городу элементъ, и такъ-какъ выходъ къ Ассаке былъ крѣпко заложенъ, а два моста черезъ рвы по обѣимъ сторонамъ стѣны разобраны, то произошло сильное смятеніе и страшная давка, которая достигла до крайнихъ предѣловъ, когда озлобленные жители Андижана стали бить сарбазовъ и сипаевъ, и когда наиболѣе сохранившіе хладнокровіе пытались шашками проложить себѣ дорогу сквозь бушующее море народа, страшную картину дѣйствій котораго дополнили наши гранаты, пущенныя съ Гуль-тюбе въ этомъ направленіи. Такъ-какъ наши войска 8-го января на ассакинскую дорогу не выходили, то бѣглецы, сильно порѣдѣвъ въ числѣ, къ вечеру выбрались изъ города и морозная ночь, застигшая многихъ на дорогѣ, поразила ихъ новымъ бѣдствіемъ.

Общую цифру потерь, понесенныхъ непріятелемъ въ этотъ и слѣдующій день, городскіе аксакалы опредѣляютъ въ 20,000 человѣкъ. Какъ ни невѣроятной кажется эта цифра, но она объясняется какъ выше приведенными обстоятельствами, такъ и тѣмъ, что множество семействъ погибло подъ развалинами сакель и отъ пожара въ ямахъ, въ которыя они забились.

Цифры потерь показаны аминами махале (кварталовъ) по каждому кварталу отдѣльно и засвидѣтельствованы ихъ печатями.

На слѣдующій день, 9-го января, были двинуты въ городъ четыре колонны съ цѣлью ознакомиться съ мѣстностью, а также для фуражировки.

Болѣе сильная колонна, въ составъ которой вошли прибывшіе изъ вагенбурга три Сибирскія сотни и ракетный дивизіонъ въ конномъ строю, была направлена на ассакинскую дорогу.

Ни одна изъ колоннъ не встрѣтила уже сопротивленія, но такъ

какъ жители еще не явились къ генералу Скобелеву съ изъявленіемъ покорности, то 9-го числа, вечеромъ, былъ возобновленъ по городу артилерійскій огонь, продолжавшійся до слѣдующаго утра.

10-го января войска отряда, скученныя до того у Гуль-тюбе, заняли болѣе широкое расположеніе и присоединили къ себѣ обозъ. За исключеніемъ частей, вступившихъ на слѣдующій день въ составъ колонны полковника барона Меллера-Закомельскаго, войска отряда были размѣщены слѣдующимъ образомъ:

Въ урдѣ—штабъ отряда, саперная команда, 1-я и 2-я роты 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, 1-я и стрѣлковая роты 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, конно-стрѣлковый дивизіонъ, 5-я Оренбургская, 1-я и 5-я Сибирскія и 1-я Семирѣченская сотни и ракетная батарея (4 роты, 1 дивизіонъ, 4 сотни, 8 станковъ).

Въ Гуль-тюбе—1-я и 2-я роты 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, Семирѣченская полусотня, взводъ конной батареи, два подвижныхъ взвода, арбы вагенбурга (2 роты, 1/2 сотни, 6 орудій).

Эти войска поступили подъ начальство генеральнаго штаба полковника Пичугина, котораго въ должности начальника штаба отряда на это время замѣнилъ капитанъ Куропаткинъ. 2-я и 3-я роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, 2-я Оренбургская сотня и дивизіонъ конной батареи помѣстились въ медрессе, на улицѣ отъ Гуль-тюбе въ урду.

Комендантомъ города былъ назначенъ 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона маіоръ Ранау.

11-го января была послана въ Наманганъ колонна, въ составъ которой вошли: 3-я рота 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, 3-я рота 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, 1-я Оренбургская и 2-я Сибирская сотни и взводъ конной батареи (2 роты, 2 сотни, 2 орудія) подъ начальствомъ полковника барона Меллера-Закомельскаго, который по прибытіи въ Наманганъ долженъ былъ принять начальство надъ всѣми войсками, остававшимися въ предѣлахъ отдѣла. Полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій долженъ былъ ознакомиться на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ и вернуться съ ввѣренною ему колонною въ Андижанъ, доставивъ въ экспедиціонный отрядъ артилерійскій паркъ и интендантскій транспортъ.

Жители Андижана стали возвращаться въ свой городъ съ 10-го января и несмотря на то, что нормальный порядокъ въ жизни города не могъ быстро возстановиться, съ 11-го числа городъ сталъ

поставлять, въ размѣрѣ удовлетворявшемъ потребности отряда, муку, скотъ, джугару, клеверъ и дрова. Въ доставленіи этихъ предметовъ не было никакой задержки за все время реквизиціоннаго способа довольствія войскъ въ Андижанѣ. Съ 11-го же числа, началась уплата наложенной на Андижанъ контрибуціи.

Между тѣмъ, въ виду того что могла явиться необходимость оставлять Андижанъ съ небольшимъ числомъ войскъ въ то время, когда еще не были подавлены какъ въ ханствѣ, такъ и въ самомъ городѣ враждебные элементы и можно было даже предполагать, при извѣстномъ неблагопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, возобновленіе боя въ самомъ Андижанѣ, генералъ Скобелевъ придавалъ большое значеніе созданію въ городѣ твердаго опорнаго пункта, къ чему всѣ выгоды представлялъ Гуль-тюбе.

Укрѣпленіе Гуль-тюбе развивалось со второго же дня его занятія: 9-го января было срублено около 200 деревьевъ, мѣшавшихъ стрѣльбѣ, а 11-го приступлено къ устройству на самомъ холмѣ батареи на шесть орудій съ брустверомъ въ 7 футовъ высоты, для стрѣльбы черезъ амбразуры съ большимъ угломъ обстрѣла, устройству оборонительной линіи, приспособленной къ ружейной оборонѣ, очищенію эспланады не менѣе 60-ти саженъ отъ центра и очищенію пруда, находившагося внутри оборонительной линіи.

Такъ какъ производителю работъ капитану Церпицкому было поставлено въ условіе быстрота ихъ выполненія, то за невозможностью сдѣлать оборонительную линію насыпкою изъ земли, или по туземному способу изъ глиняныхъ комковъ, онъ приспособилъ къ ружейной оборонѣ мѣстныя стѣнки и сомкнулъ ихъ засѣками.

На работы по укрѣпленію Гуль-тюбе, кромѣ саперной команды, назначалось ежедневно до 500 рабочихъ отъ войскъ и онѣ были почти кончены 15-го января.

Со времени взятія нами Андижана свѣдѣнія о непріятелѣ приходили слѣдующія:

Пулатъ-Ханъ съ трудомъ удерживался въ Маргеланѣ, жители котораго опасались, что пребываніе его въ ихъ городѣ навлечетъ на Маргеланъ участь Андижана.

Абдурахманъ-Автобачи съ своими ополченіями, въ числѣ до 12,000, стоялъ лагеремъ у кишлака Кува, гдѣ онъ съ трудомъ удерживалъ своихъ людей, которые подъ впечатлѣніемъ недавняго погрома склонны были разойтись по домамъ. Жители кишлака

Ассаке на другой же день по взятіи нами Андижана стали изъ него уходить.

При такомъ положеніи дѣлъ, когда власть надъ ханствомъ ускользала сама собой изъ рукъ предводителей газата [1]), можно было ожидать, что они рѣшатся на отчаянную попытку къ измѣненію такого положенія дѣла и дѣйствительно, 16-го января было получено извѣстіе, что Абдурахманъ-Автобачи прибылъ съ частью своихъ силъ въ Ассаке.

Еще 13-го января была произведена генераломъ Скобелевымъ съ конными стрѣлками, двумя сотнями и двумя конными орудіями рекогносцировка по ассакинской дорогѣ, на основаніи извѣстія о появленіи конной шайки, одинъ изъ пикетовъ которой и былъ застигнутъ почти врасплохъ, причемъ двое людей заколоты на мѣстѣ, а восемь настигнуты на ассакинской дорогѣ и изрублены.

18-го января, утромъ, извѣстія о непріятелѣ приняли болѣе опредѣленный и угрожающій характеръ. Лазутчики донесли, что Абдурахманъ-Автобачи во главѣ 15,000 человѣкъ стоитъ уже на срединѣ дороги отъ Ассаке въ Андижанъ, т. е. верстахъ въ десяти отъ послѣдняго.

Онъ подготовлялъ возстаніе въ городѣ, обѣщая жителямъ Андижана напасть на насъ извнѣ одновременно съ ними. Нельзя, конечно, было утверждать, чтобы возстаніе жителей могло принять серьезные размѣры, однако, въ интересахъ нашего вліянія нужно было предупредить его возможность. Между тѣмъ, при свойственномъ туземному населенію легковѣріи, уже появились признаки броженія умовъ, упала цифра вносимой ежедневно въ счетъ контрибуціи суммы, прекратилось возвращеніе въ городъ его населенія, далеко еще не собравшагося, а, напротивъ того, обнаружены случаи покиданія города и т. п.

Дальнѣйшее наше бездѣйствіе, весьма вѣроятно, привлекло бы непріятельскія скопища въ самый городъ и во всякомъ случаѣ повело бы къ возобновленію уличнаго боя, вслѣдствіе чего генералъ Скобелевъ принялъ рѣшеніе идти на встрѣчу непріятелю.

Но необходимость держать городъ внѣ всякой возможности къ переходу простого волненія въ вооруженное возстаніе побудила генерала Скобелева оставить въ немъ бо́льшую часть пѣхоты и артилеріи отряда.

---

[1]) Газаватъ.

Въ 9½ часовъ утра, 18-го января, генералъ Скобелевъ выступилъ изъ Андижана по дорогѣ въ кишлакъ Ассаке съ отрядомъ изъ саперной команды, роты 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, стрѣлковой роты 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, конно-стрѣлковаго дивизіона, 2-й и 5-й Оренбургскихъ, 1-й и 5-й Сибирскихъ и 1½ Семирѣченскихъ сотенъ, ракетной батареи и дивизіона конной батареи (2 роты, 1 дивизіонъ, 5½ сотенъ, 4 орудія, 8 ракетныхъ станковъ), но непріятель былъ встрѣченъ нашимъ отрядомъ дальше, чѣмъ предполагалось. Первый его пикетъ, настигнутый и изрубленный нашими джигитами, былъ въ 12-ти верстахъ отъ Андижана, а вскорѣ послѣ того за курганчею Магалъ-Гузаръ, вправо отъ дороги, близъ кишлака Испанъ-Курганъ, показалась партія до 300 человѣкъ конныхъ. Будучи отдѣлена отъ насъ непроходимымъ арыкомъ, партія стройно держалась въ разстояніи около 400 саженъ, но нѣсколько гранатъ, удачно упавшихъ, заставили непріятеля быстро скрыться за садами, подобравъ нѣсколькихъ убитыхъ.

Въ то же время со стороны Ассаке показалась значительная *партія коннаго непріятеля.*

Хотя стало очевидно, что дальнѣйшее наше наступленіе поведетъ къ необходимости брать Ассаке, быть можетъ подготовленный непріятелемъ къ оборонѣ, но въ виду того, что лишь наша постоянная готовность атаковать непріятеля, насколько бы онъ ни превосходилъ насъ числительностью, даетъ намъ столь сильный нравственный перевѣсъ надъ противникомъ и уже раньше рѣшивъ не впускать непріятеля въ Андижанъ, куда бы онъ, въ случаѣ нашего отступленія, взошелъ на нашемъ хвосту, генералъ Скобелевъ двинулся съ отрядомъ впередъ, несмотря на его малочисленность. Вмѣстѣ съ тѣмъ тотчасъ же было послано приказаніе начальнику войскъ, оставшихся въ Андижанѣ, полковнику Пичугину, направить немедленно въ Ассаке двѣ роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона подъ начальствомъ подполковника Андросова. 1-я рота 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и стрѣлковая рота 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона со взводомъ конныхъ орудій подъ начальствомъ капитана Іонова, бывшія въ составѣ наступавшаго отряда, въ это время, при быстромъ движеніи нашей кавалеріи, значительно отстали.

При нашемъ наступленіи къ Ассаке непріятель началъ отходить и скрылся за садами. Кавалерія отряда, пройдя кишлакъ Зангенъ

и имѣя впереди конныхъ стрѣлковъ, втянулась уже въ улицу кишлака, ведущую къ мосту на р. Шарихапъ-Сай, на лѣвомъ берегу которой и расположенъ главнымъ образомъ кишлакъ Ассаке.

Такъ какъ было извѣстно, что брода на быстромъ Шариханъ-Саѣ по близости не имѣется, то вопросъ о томъ, цѣлъ мостъ или уничтоженъ непріятелемъ, былъ первостепенной важности; поэтому, по приближеніи къ городу, были посланы впередъ джигиты осмотрѣть мостъ. Вскорѣ послышались выстрѣлы и вслѣдъ затѣмъ прискакали джигиты съ извѣстіемъ, что мостъ разобранъ и доступъ къ нему *сильно обстрѣливается непріятелемъ; однако,* джигиты не могли дать точный отвѣтъ на то, сохранены ли переводины бывшаго моста, или ихъ нѣтъ.

Желая по возможности вѣрно оцѣнить обстановку, генералъ Скобелевъ двинулся со спѣшенными конными стрѣлками къ мосту. Кварталъ кишлака на правомъ берегу Шариханъ-Сая былъ совершенно пустъ, а на командующихъ крутыхъ высотахъ лѣваго берега, у урды, виднѣлся конный непріятель. Улица, ведущая къ мосту, идетъ въ направленіи съ сѣвера на югъ, затѣмъ поворачиваетъ на западъ и затѣмъ дѣлаетъ поворотъ подъ прямымъ угломъ налѣво къ мосту, до котораго отъ угла шаговъ 70 по совершенно прямой улицѣ, въ 10 шаговъ шириною. Этотъ-то участокъ и обстрѣливался весьма сильно изъ-за завала, устроеннаго на лѣвомъ берегу Шариханъ-Сая.

Имѣя въ виду, что штурмъ этой непріятельской позиціи, если бы даже остались переводины моста, могъ стоить намъ большихъ потерь, а при условіи, что переводины разобраны, представлялся положительно невозможнымъ, такъ какъ глубина рѣки въ этомъ мѣстѣ выше роста человѣка и что непріятель имѣлъ свободный путь отступленія, благодаря чему результаты его пораженія не были бы для него достаточно осязательны, генералъ Скобелевъ рѣшилъ обойти непріятеля со стороны праваго фланга и атаковать Ассаке съ высотъ, окаймляющихъ кишлакъ съ востока, почему и двинулъ отрядъ на востокъ, на позицію, выбранную для артилеріи капитаномъ Куропаткинымъ.

Непріятель густыми массами конницы занималъ высоты къ востоку отъ Ассаке, а также урду, расположенную нѣсколько ниже. Артилерія, сначала въ числѣ двухъ, а затѣмъ, когда прибыла пѣхота отряда, то въ числѣ четырехъ орудій подъ начальствомъ капитана Ермолова открыла огонь гранатами на дистанцію 600 и 700 саженъ по непріятелю, занимавшему высоты, урду,

и по направленію къ мосту. Удачное, несмотря на невыгоды позиціи внизу, дѣйствіе нашихъ орудій заставило непріятеля разсыпать свои силы и отойти подальше. Въ то же время наши джигиты отыскали удобный бродъ на Шариханъ-Саѣ въ двухъ верстахъ отъ позиціи; попытки найти бродъ ближе не привели къ желаемому результату.

Во время обходнаго движенія къ броду, впереди шелъ конно-стрѣлковый дивизіонъ, за нимъ конно-артилерійскій дивизіонъ, а затѣмъ кавалерія. Такъ какъ успѣхъ маневра много зависѣлъ отъ быстроты его исполненія, то роты капитана Іонова были оставлены сзади колонны и слѣдовали за ней съ возможной быстротой.

Перейдя Шариханъ-Сай, колонна двинулась внизъ по рѣкѣ къ подъему къ курганчѣ Дамха, причемъ конно-стрѣлковый дивизіонъ былъ спѣшенъ. Это движеніе исполнялось подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, занимавшаго густой цѣпью гребень высотъ, составляющихъ нагорный берегъ Шариханъ-Сая, но нашъ отрядъ, почти не отвѣчая на непрерывный огонь противника, скорымъ шагомъ слѣдовалъ къ подъему, находящемуся почти въ одной верстѣ отъ брода. Подойдя къ нему, конные стрѣлки подъ начальствомъ флигель-адъютанта ротмистра барона Меллера-Закомельскаго атаковали высоты и, взобравшись по крутой дорогѣ на плато, заняли курганчу Дамха. Плато это—Ассаке-Адыръ, лежащее къ востоку отъ кишлака Ассаке и дороги въ Маргеланъ, было занято густыми массами непріятельской конницы, наступавшей противъ насъ съ фронта и лѣваго фланга. Попытка стройной густой массы непріятеля атаковать курганчу, къ которой былъ примкнутъ лѣвый флангъ конно-стрѣлковаго дивизіона, была отбита залпами, открытыми съ разстоянія не болѣе 200 шаговъ.

Въ то время какъ конные стрѣлки удерживали напоръ непріятельскихъ массъ, артилерія наша съ величайшими усиліями, при помощи спѣшенныхъ казаковъ, взбиралась на плато. Какъ только наши четыре орудія открыли огонь, непріятель сталъ отходить на болѣе значительное разстояніе. Скоро на плато взошла вся наша кавалерія и генералъ Скобелевъ перешелъ съ нею въ рѣшительное наступленіе, не дожидаясь пѣхоты.

Уже обнаружилось, что кишлакъ Ассаке, давно брошенный жителями, очищенъ и непріятелемъ въ виду нашего обхода, что и было подтверждено выбѣжавшимъ къ намъ изъ кишлака русскимъ приказчикомъ, пробывшимъ пять мѣсяцевъ въ плѣну у коканцевъ.

Такимъ образомъ вмѣсто ожидавшагося штурма урды намъ предстояло полевое сраженіе.

Боевой порядокъ нашей кавалеріи былъ слѣдующій:

Первую линію его составляли: 5-я Оренбургская сотня (на правомъ флангѣ), взводъ конной батареи, 2-я Оренбургская сотня и 1½ Семирѣченскія сотни; во второй линіи были во взводныхъ колоннахъ: за правымъ флангомъ 1-я Сибирская сотня, за лѣвымъ флангомъ, болѣе подверженнымъ опасности, ракетная батарея и 5-я Сибирская сотня; въ центрѣ второй линіи, составляя непосредственное прикрытіе артилеріи, слѣдовалъ конно-стрѣлковый дивизіонъ. Разстояніе между линіями было около 200 шаговъ.

Наступленіе велось, несмотря на глубокій снѣгъ, ровною непрерывною рысью съ строгимъ соблюденіемъ равненія, интерваловъ и дистанцій. Генералъ Скобелевъ, съ состоявшими при немъ офицерами и конвоемъ, находился между линіями, ближе къ правому флангу.

Обѣ роты со взводомъ артилеріи слѣдовали дальше, составляя общій резервъ.

Во время наступленія кавалеріи противъ главной массы, уходившей по Маргеланской дорогѣ, непріятель возобновилъ попытку противъ нашего лѣваго фланга, на который онъ устремился въ густыхъ массахъ съ гикомъ. Но, разсчитывая настигнуть непріятельскую пѣхоту, которая, бросивъ Ассаке, должна была выдти на Маргеланскую дорогу, генералъ Скобелевъ приказалъ сдѣлать перемѣну фронта налѣво лишь лѣвофланговымъ сотнямъ первой и второй линій, задержавъ въ то же время наступленіе по Маргеланской дорогѣ прочихъ силъ. Стройное движеніе Семирѣченской и 5-й Сибирской сотенъ, заѣхавшихъ къ сторонѣ непріятеля, заставило его осадить и, несмотря на свое громадное превосходство въ силахъ, онъ не посмѣлъ довести свою атаку до рукопашной. Тогда генералъ Скобелевъ, имѣя въ виду указанную выше цѣль, продолжалъ фронтальное наступленіе.

Въ 3½ верстахъ отъ подъема, изъ-за послѣднихъ садовъ кишлака противъ нашего праваго фланга, внезапно обнаружилась въ 400 шагахъ отъ него густая колонна въ 800 сарбазовъ, которые были всѣ вооружены ружьями, и большинство со штыками. Увидѣвъ наше наступленіе, она остановилась и открыла огонь.

Генералъ Скобелевъ рѣшилъ атаковать непріятеля, не обстрѣливая его и лично повелъ въ атаку 5-ю Оренбургскую сотню

есаула Авдѣева и свой конвой. Эта стремительная атака была тотчасъ же поддержана 1½ Семирѣченскими сотнями есаула барона Штакельберга и вслѣдъ за нею 1-й Сибирской, есаула Десятова, сотней. Непріятель послѣ отчаянной рукопашной схватки былъ изрубленъ и только небольшая часть его успѣла бѣжать, пользуясь близостью садовъ и арыковъ.

Преслѣдованіе бѣжавшихъ окончилось полнымъ ихъ истребленіемъ въ четырехъ верстахъ отъ мѣста, гдѣ застигнута непріятельская пѣхота въ кишлакѣ Ніязъ-Батырь.

Непріятельскія массы потерпѣли полное пораженіе и поспѣшно отступали.

Намъ этотъ блистательный успѣхъ стоилъ всего лишь девяти нижнихъ чиновъ и одного джигита ранеными, тогда какъ непріятель потерялъ не менѣе 400 человѣкъ убитыми. Нравственныя же послѣдствія дѣла при Ассаке были положительно громадны.

Въ своемъ донесеніи объ этомъ дѣлѣ генералъ Скобелевъ свидѣтельствуетъ о лихости и порывѣ, выказанныхъ въ день 18-го января кавалерійскими частями и ихъ офицерами, а также о молодецкихъ дѣйствіяхъ нашей пѣхоты, бывшей подъ начальствомъ капитана Іонова и все время поспѣвавшей за кавалеріей.

Въ 5 часовъ по полудни кавалерія отряда повернула изъ кишлака Ніязъ-Батырь къ Ассаке и на дорогѣ соединилась съ пѣхотою, послѣ чего отрядъ нашъ занялъ кишлакъ безъ выстрѣла.

По расположеніи отряда для ночлега въ урдѣ, генералъ Скобелевъ тотчасъ же осмотрѣлъ позицію, подготовленную для нашей встрѣчи непріятелемъ у моста, при чемъ оказалось, что переводины моста черезъ правый рукавъ Шариханъ-Сая были уничтожены, что по близости дѣйствительно не было брода и что завалъ состоялъ изъ толстыхъ бревенъ.

Все это указывало на то, что предпринятый генераломъ Скобелевымъ обходъ непріятельскаго праваго фланга не только привелъ къ рѣшительному результату, но въ то же время предупредилъ большія потери, которыхъ мы не избѣгли бы въ случаѣ удара съ фронта.

Такъ какъ въ это время уже подходила изъ Андижана пѣхота (двѣ роты съ двумя орудіями) подъ начальствомъ полковника Андросова, то капитаномъ Церпицкимъ былъ устроенъ на Шариханъ-Саѣ, на мѣстѣ бывшаго постояннаго моста, пѣшеходный мостъ изъ четырехъ бревенъ, положенныхъ вплотную, по которому благополучно перешли обѣ роты 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго

баталіона; конныя же орудія колонны полковника Андросова были направлены, подъ прикрытіемъ полусотни, на бродъ въ 1½ верстахъ ниже моста, при чемъ при переправѣ черезъ Шариханъ-Сай, вслѣдствіе вязкости грунта, одно орудіе завязло и было вытащено саперами, вошедшими въ воду, несмотря на 8-ми градусный морозъ.

Вслѣдствіе этой задержки, конно-артилерійскій взводъ присоединился къ прочимъ войскамъ, расположеннымъ въ урдѣ, около 11 часовъ ночи.

19-го января генераломъ Скобелевымъ произведена съ кавалеріей и конными стрѣлками рекогносцировка, доведенная до средины дороги отъ кишлака Ніязъ-Батырь въ кишлакъ Янги-Чекъ, верстахъ въ девяти отъ Ассаке. Непріятель былъ виденъ вдали, за Янги-Чекомъ и такъ какъ очевидно было, что онъ не приметъ боя, то отрядъ вернулся въ Ассаке, а оттуда вмѣстѣ съ пѣхотою въ Андижанъ.

Въ Ассаке насъ встрѣтили депутаціи изъ Шарихана и окрестныхъ кишлаковъ, съ изъявленіемъ покорности и готовности служить русскимъ.

20-го января прибыла въ Андижанъ изъ Намангана колонна полковника барона Меллера-Закомельскаго, въ составѣ четвертой роты 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, четвертой роты 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, первой Оренбургской и второй Сибирской сотенъ, взвода конной батареи, артилерійскаго парка и интендантскаго транспорта (2 роты, 2 сотни, 2 орудія). Выступивъ изъ Андижана 11-го января, колонна полковника барона Меллера-Закомельскаго дошла въ этотъ день, по причинѣ вязкой дороги, лишь до Чиновата и на слѣдующій день продолжала свое движеніе черезъ Балыкчи. Въ этомъ кишлакѣ полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій узналъ, что наканунѣ здѣсь была партія въ 400 человѣкъ, ушедшая при нашемъ приближеніи въ Шариханъ.

Переправившись черезъ Кара-Дарью и пройдя кишлакъ Чуджа, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій обнаружилъ у кишлака Кепе значительную партію коннаго непріятеля, съ двумя бѣлыми значками, двинулся впередъ на рысяхъ съ двумя сотнями и двумя орудіями и, пройдя черезъ кишлакъ Кепе, настигнулъ непріятеля. Въ это время въ тылу послышалась довольно сильная ружейная стрѣльба. Вернувшись на рысяхъ же къ Нарыну, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій увидѣлъ, что партія съ нѣсколькими

значками, до 800 человѣкъ, насѣдаетъ на хвостъ нашего арбянаго обоза, задержаннаго трудностью переправы черезъ Нарынъ, вслѣдствіе прибыли воды и ледохода, и приказалъ открыть по непріятелю огонь, благодаря которому непріятель быстро разсѣялся.

Хотя въ то же время съ лѣвой стороны изъ садовъ кишлака Кепе раздавались фальконетные выстрѣлы и звуки трубъ, но атаковать непріятеля, вслѣдствіе крайне пересѣченной мѣстности и его отдаленности было бы безцѣльно, почему полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій двинулъ свою колонну прямой дорогой въ Наманганъ, куда прибылъ въ 5 часовъ пополудни. Отдѣльные непріятельскіе всадники слѣдили за колонной нѣкоторое время и за Кепе, стрѣляя въ нее съ большихъ разстояній.

15-го января начальникъ Чустскаго участка донесъ, что значительная непріятельская партія переправилась съ лѣваго берега Сыръ-Дарьи у Тода и Санга и направилась къ Чусту. По полученіи этого извѣстія, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій тотчасъ же двинулся съ 4-й ротой 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона (на арбахъ), 1-й Оренбургской и 2-й Сибирской сотнями и взводомъ конныхъ орудій въ Чустъ, а 16-го числа съ двумя сотнями и двумя конными орудіями изъ Чуста къ Тода, направивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ Чуста роту и одно орудіе подъ начальствомъ маіора Скарятина къ Сангу, а одну роту и одно орудіе подъ начальствомъ подполковника Гарновскаго изъ Намангана въ Аксу.

Такое концентрическое движеніе колоннъ должно было охватить партію и отрѣзать ее отъ Сыръ-Дарьи, но ни одной изъ этихъ колоннъ, въ томъ числѣ и колонной въ составѣ одной роты и одного орудія отъ Акъ-Джарскаго отряда, прибывшаго изъ Папа въ Сангъ тоже 16-го января, непріятель встрѣченъ не былъ.

Получивъ 17-го января вечеромъ ожидаемыя на имя генерала Скобелева депеши, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій тотчасъ же послалъ изъ Чуста въ Наманганъ соотвѣтствующія распоряженія, 18-го числа самъ прибылъ въ Наманганъ съ 4-й ротой 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, обѣими сотнями и взводомъ конной батареи, а 19-го января выступилъ изъ Намангана съ отрядомъ и обозомъ и двинулся къ кишлаку Балыкчи. Переправа черезъ оба рукава Нарына представила на этотъ разъ по причинѣ ледохода величайшія затрудненія: во время нея одинъ казакъ былъ сбитъ ледоходомъ съ лошади и три стрѣлка, переѣзжавшіе на арбѣ, были отнесены вмѣстѣ съ арбой на глубокое мѣсто, причемъ казакъ былъ спасенъ киргизомъ, смѣло бросившимся

въ воду, а стрѣлки были вытащены на берегъ благодаря энергіи командира роты штабсъ-капитана Калитина, лично пошедшаго для того въ воду.

20-го января, какъ было уже сказано, колонна полковника барона Меллера-Закомельскаго прибыла въ Андижанъ, не встрѣтивъ на своемъ обратномъ пути непріятеля. Между тѣмъ послѣ пораженія подъ Ассаке, поддавшись настроенію, овладѣвшему ханствомъ послѣ андижанскаго погрома, Абдурахманъ-Автобачи сознался свое безсиліе продолжать войну съ нами и вступилъ въ переговоры о ея прекращеніи.

Абдурахманъ-Автобачи писалъ Арзикулъ-Беку, андижанскому пансату, бывшему въ нашемъ лагерѣ, что желалъ бы примиренія съ русскими, чтобы прекратить бѣдствія населенія, разоряемаго войной, но желалъ бы только ручательства въ томъ, что сближеніе съ русскими не повлечетъ тяжелыхъ послѣдствій для него лично, его семейства и приближенныхъ.

Отвѣтная переписка съ Абдурахманомъ-Автобачи велась генераломъ Скобелевымъ, но отъ имени Арзикулъ-Бека. Убѣждая Автобачи для пользы ханства прекратить борьбу съ нами, Арзикулъ совѣтовалъ ему сдаться, причемъ сдача эта сразу была поставлена ему необходимымъ условіемъ мира.

При этомъ Арзикулъ отъ имени генерала Скобелева обѣщалъ Автобачи, что если онъ положится на милосердіе Государя Императора и великодушіе туркестанскаго генералъ-губернатора, то не только не будетъ сосланъ въ Сибирь и не будетъ арестованъ, но получитъ приличное содержаніе для себя и своего семейства.

На словахъ было предложено Автобачи повидаться съ генераломъ Скобелевымъ, чтобы личнымъ разговоромъ придти къ положительнымъ рѣшеніямъ. Будучи окруженъ кара-киргизскими пансатами, которыхъ онъ долженъ былъ считать болѣе преданными Пулатъ-хану, Абдурахманъ-Автобачи не могъ высказываться въ своихъ письмахъ съ полною откровенностью, но ихъ содержаніе пополнялось на словахъ посланными съ этими письмами довѣренными людьми.

22-го января, въ отвѣтъ на первое письмо отъ Арзикулъ-Бека, Абдурахманъ-Автобачи послалъ своего племянника, а 23-го, утромъ, въ отвѣтъ на второе письмо Арзикула, написанное въ томъ же духѣ какъ и первое и требовавшее скораго рѣшенія, Автобачи прислалъ трехъ пансатовъ: кипчакскаго, каракиргиз-

скаго и сартовскаго и съ ними письмо весьма уклончиваго характера.

На словахъ же, черезъ довѣреннаго кипчакскаго пансата, Автобачи уже обѣщалъ выѣхать къ генералу Скобелеву навстрѣчу для личныхъ переговоровъ и затѣмъ ѣхать въ Андижанъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Автобачи просилъ задержать каракиргизскаго пансата, человѣка вліятельнаго, котораго онъ считалъ противникомъ мира.

Еще наканунѣ, въ ночь, ему было послано письмо уже отъ имени генерала Скобелева, въ которомъ онъ, подтвердивъ тѣ же обѣщанія, требовалъ, для общаго блага, сдачи Автобачи и притомъ не позже, какъ черезъ день, угрожая въ противномъ случаѣ прервать переговоры.

Отвѣтъ Абдурахмана Автобачи на это письмо, полученный 23-го вечеромъ, подтвердилъ его согласіе выѣхать навстрѣчу генералу Скобелеву и затѣмъ ѣхать съ нимъ въ Андижанъ.

Такимъ образомъ, Абдурахманъ-Автобачи не придавалъ еще свиданью съ генераломъ Скобелевымъ значенія безусловной сдачи, а смотрѣлъ на это скорѣе какъ на актъ заключенія мира, при которомъ онъ не только останется въ краѣ, но, быть можетъ, выговоритъ себѣ при будущемъ переустройствѣ судьбы ханства извѣстное политическое положеніе.

Выражаясь въ письмахъ вполнѣ опредѣленно, генералъ Скобелевъ вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгалъ высказывать свой взглядъ на значеніе свиданія, предоставляя это сдѣлать самому Автобачи и рѣшилъ выѣхать къ нему навстрѣчу съ тѣмъ, чтобы вернуться съ нимъ въ Андижанъ, гдѣ вести дѣло такъ, чтобы не предоставлять уже вопроса объ умиротвореніи ханства усмотрѣнію Абдурахмана-Автобачи.

24-го января генералъ Скобелевъ двинулся со своей кавалеріей, конными стрѣлками и взводомъ конной артилеріи по Шариханской дорогѣ въ Инду-кишлакъ, находящійся въ восьми верстахъ отъ Андижана и, не доходя одной версты до кишлака, остановилъ колонну и выѣхалъ, въ сопровожденіи полковника барона Меллера-Закомельскаго и четырехъ лицъ, шаговъ на 80 впередъ. Конвой генерала Скобелева, усиленный въ этотъ день 50-ю отборными казаками подъ начальствомъ штабсъ-капитана Боголюбова, находился въ головѣ колонны и былъ въ полной готовности идти по малѣйшему знаку въ шашки. За конвоемъ пошла бы и вся кавалерія и такимъ образомъ были сдѣланы приготовленія и на

случай вѣроломства со стороны Автобачи, а также и на случай необходимости овладѣть Абдурахманомъ-Автобачи силою.

Вскорѣ изъ кишлака выѣхалъ Абдурахманъ-Автобачи, окруженный 26 приближенными, въ числѣ которыхъ былъ и Батырь-Тюря.

Когда Автобачи подъѣхалъ къ генералу Скобелеву, то послѣ взаимнаго пожатія рукъ генералъ Скобелевъ слѣзъ съ лошади, а за нимъ тоже сдѣлалъ и Автобачи. Затѣмъ конвой придвинулся и Автобачи, такимъ образомъ, безъ всякаго насилія, фактически оказался нашимъ плѣнникомъ.

Послѣ нѣсколькихъ словъ генералъ Скобелевъ и Абдурахманъ-Автобачи опять сѣли на лошадей и повернули въ Андижанъ, куда поѣхала и вся свита Автобачи, а также и 400 джигитовъ, бывшихъ во время свиданія въ кишлакѣ. Абдурахману-Автобачи и его приближеннымъ оружіе было оставлено, но джигиты по пріѣздѣ въ урду были обезоружены и ихъ шашками были вооружены нижніе чины конно-стрѣлковаго дивизіона.

Сдача Абдурахмана-Автобачи показала, что, благодаря 5-тимѣсячной кампаніи, ханство было приведено не только къ полной невозможности, но и къ полному нежеланію продолжать борьбу съ нами.

Многочисленный кипчакскій контингентъ, покорный примѣру и приказанію своего вождя, сталъ расходиться по домамъ, чтобы обратиться къ мирнымъ занятіямъ, а осѣдлое сартовское населеніе ханства настолько сильно высказалось за безусловную покорность намъ и настолько не сочувствовало элементамъ намъ враждебнымъ, что вслѣдъ за сдачею Абдурахмана-Автобачи, Пулатъ-ханъ со своею шайкою каракиргизовъ долженъ былъ тотчасъ же оставить Маргеланъ. Въ западной полосѣ ханства впечатлѣніе нашихъ успѣховъ выразилось тѣмъ, что Насреддинъ-ханъ былъ вновь признанъ ханомъ и осѣдлое населеніе готово было признать тотъ порядокъ вещей, какой будетъ указанъ русскими. Противъ насъ въ ханствѣ осталась лишь разбойничья партія Пулатъ-хана, но и ему сочувствовали далеко не всѣ каракиргизы и многіе пансаты этого племени были у насъ и выражали готовность содѣйствовать намъ въ умиротвореніи ханства.

Пулатъ-ханъ, по полученіи извѣстія о сдачѣ Абдурахмана-Автобачи, совершилъ рядъ злодѣйствъ: онъ зарѣзалъ 8 человѣкъ русскихъ плѣнныхъ, бывшихъ у него въ рукахъ, трехъ братьевъ Абдурахмана-Автобачи и его споху и затѣмъ бѣжалъ со своими

приближенными и послѣдними, оставшимися ему вѣрными, войсками въ кишлакъ Учъ-курганъ, лежащій верстахъ въ 40 отъ Маргелана по направленію къ Каратегину. Сколько нибудь серьезнаго военнаго значенія шайка Пулатъ-хана не имѣла и такимъ образомъ въ ханствѣ не было больше противъ насъ враждебной силы.

Но, несмотря на то, что обстоятельства въ ханствѣ были намъ вполнѣ благопріятны, положеніе генерала Скобелева было крайне затруднительно и неопредѣленно.

Ежедневно являлись депутаціи отъ городовъ и отъ отдѣльныхъ кишлаковъ съ изъявленіями покорности, но общей власти для всего ханства не было и такой порядокъ, несмотря на способность средне-азіатскихъ городовъ къ самоуправленію, не могъ долго продолжаться и легко могъ перейти въ анархію. Ханство, въ лицѣ своихъ представителей, просило объ устройствѣ своей судьбы, такъ какъ власть Насреддинъ-хана, которую въ то время можно было легче водворить въ западной части ханства, врядъ ли могла быть водворена и въ восточной его части иначе, какъ съ нашимъ содѣйствіемъ, причемъ было очевидно, что правительство Насреддинъ-хана не будетъ въ состояніи возстановить въ ханствѣ порядокъ, почему поддержка его представлялась генералу Скобелеву крайне нежелательной.

Затруднительность положенія генерала Скобелева увеличивалась еще тѣмъ, что онъ не имѣлъ инструкціи для дѣйствій при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ и потому рѣшилъ отправиться 26-го января, въ сопровожденіи одной полуроты конныхъ стрѣлковъ и Семирѣченской сотни, изъ Андижана въ Наманганъ, чтобы быть ближе къ Ходженту, куда было отправлено донесеніе о положеніи дѣлъ въ ханствѣ и откуда могли быть въ скоромъ времени получены инструкціи. Для болѣе подробнаго доклада былъ командированъ въ Ташкентъ гвардіи штабсъ-капитанъ Боголюбовъ.

Отъѣзжая изъ Андижана, генералъ Скобелевъ сдалъ начальство надъ экспедиціоннымъ отрядомъ полковнику барону Меллеру-Закомельскому, вмѣнивъ ему въ обязанность, въ случаѣ положительныхъ извѣстій о движеніи Пулатъ-хана, выслать авангардъ въ Ассаке.

Получивъ 26-го января свѣдѣніе о томъ, что въ Маргеланѣ оставлена Пулатъ-ханомъ бо́льшая часть артилеріи и разсчитывая ее захватить, не идя для этого въ Маргеланъ, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій выдвинулъ 27-го числа

утромъ въ Ассаке отрядъ подъ начальствомъ флигель-адъютанта ротмистра барона Меллера-Закомельскаго въ составѣ 4-й роты 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, 4-й роты 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона (обѣ роты подъ начальствомъ капитана Іонова), 2-й конно-стрѣлковой полуроты, 1-й, 2-й и 5-й Оренбургскихъ, 1-й, 2-й и 5-й Сибирскихъ сотенъ, Семирѣченской полусотни, шести станковъ ракетной батареи и дивизіона конной батареи (2 роты, конная полурота, 6½ сотенъ, 4 орудія и 6 ракетныхъ станковъ).

Какъ извѣстно, дѣйствія этого отряда, подробно описанныя въ статьѣ «Къ исторіи Коканскаго похода», напечатанной въ № 4-мъ «Военнаго Сборника» за 1899 годъ, закончились блестящимъ ночнымъ штурмомъ укрѣпленнаго кишлака Учъ-Курганъ и полнымъ разгромомъ Пулатъ-хана.

Успѣхъ этого блестящаго дѣла всецѣло принадлежалъ отличной рѣшимости и распорядительности флигель-адъютанта ротмистра барона Меллера-Закомельскаго и отличному мужеству и находчивости капитана Куропаткина, которые оба удостоились награжденія за это орденами Св. Георгія 4-й степени и подвиги которыхъ были изображены генераломъ Скобелевымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Причисленный къ генеральному штабу капитанъ 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона Куропаткинъ въ ночномъ дѣлѣ 27-го января 1876 года въ кишлакѣ Учъ-Курганъ, командуя штурмовой колонной изъ полуроты спѣшенныхъ конныхъ стрѣлковъ и спѣшенной казачьей сотни, овладѣлъ, послѣ упорнаго боя, укрѣпленной урдой, расположенной на командующей высотѣ, что, по важности этого пункта непріятельской позиціи, дало рѣшительный и окончательный оборотъ сраженію въ нашу пользу, при взятіи урды первымъ перешелъ черезъ ея стѣны и овладѣлъ, преодолѣвъ упорное сопротивленіе непріятеля, батареей изъ пяти орудій.

«Флигель-адъютантъ ротмистръ баронъ Меллеръ-Закомельскій, командуя отдѣльнымъ отрядомъ изъ шести съ половиною сотенъ ракетной батареи, полуроты конныхъ стрѣлковъ и четырехъ конныхъ орудій и узнавъ о сосредоточеніи 5,000 коннаго и 400 пѣшаго непріятеля съ пятью орудіями подъ начальствомъ Пулатъ-хана въ кишлакѣ Учъ-Курганъ, сдѣлавъ въ 11 часовъ времени переходъ въ 95 верстъ, произвелъ 27-го января 1876 года нечаянное ночное нападеніе на въ нѣсколько разъ превышающаго численностью непріятеля, занимавшаго сильную позицію съ укрѣп-

ленною урдою и нанесъ ему полное пораженіе, уничтоживъ непріятельскую пѣхоту, и частью уничтоживъ, частью разсѣявъ его кавалерію, захвативъ всю непріятельскую артилерію, состоявшую изъ пяти орудій и отбивъ бунчуки Пулатъ-хана и его наиба, все имущество и большой обозъ».

На слѣдующій день послѣ штурма Учъ-Кургана, т. е., 28-го января, отрядъ флигель-адъютанта ротмистра барона Меллера-Закомельскаго выступилъ изъ Учъ-Кургана въ 10 часовъ утра и къ 11 часамъ ночи прибылъ въ Ассаке, гдѣ ожидали его двѣ роты капитана Іонова.

Утромъ 29-го января были доставлены изъ Маргелана 15 орудій и одна мортира, къ выдачѣ которыхъ Маргеланскіе жители были всего болѣе побуждены быстро долетѣвшимъ до нихъ извѣстіемъ объ Учъ-Курганскомъ дѣлѣ.

Въ тотъ же день, отрядъ флигель-адъютанта барона Меллера-Закомельскаго вернулся въ Андижанъ.

Блестящимъ штурмомъ Учъ-Кургана были закончены военныя дѣйствія въ Кокапскомъ ханствѣ, продолжавшіяся съ постояннымъ успѣхомъ въ теченіи пяти мѣсяцевъ и имѣвшія результатомъ, сначала, присоединеніе къ нашимъ владѣніямъ части Коканскаго ханства и образованіе изъ нея Наманганскаго отдѣла, а затѣмъ, присоединеніе всего ханства подъ именемъ Ферганской области.

5-го февраля, въ бытность въ Наманганѣ, генералъ Скобелевъ получилъ отъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана телеграмму съ выраженіемъ Высочайшей воли относительно присоединенія Коканскаго ханства и образованія изъ него Ферганской области и немедленно сдѣлалъ распоряженіе о выступленіи части войскъ дѣйствующаго отряда къ Кокану, для занятія столицы ханства, что и было исполнено 7-го февраля.

Насреддинъ-ханъ вступилъ въ Коканъ и вернулъ свою власть надъ западной частью ханства, но это удалось ему сдѣлать исключительно лишь благодаря тому, что населеніе было увѣрено, что, возвращеніе Насреддинъ-хана отвѣчало нашимъ намѣреніямъ препятствовать осуществленію которыхъ населеніе ханства не имѣло ни желанія, ни средствъ, хотя и хорошо сознавало, что правительство Насреддинъ-хана не могло быть прочнымъ, не олицетворяя собою ни какой партіи и не опираясь ни на одну изъ нихъ. Чтобы поддержать свое эфемерное владычество, Насреддинъ-ханъ способенъ былъ сдѣлаться игрушкою каждой партіи и всего вѣроятнѣе было, что онъ постарается сблизиться съ фанатической и хорошо организованной партіей муллъ, непримиримыхъ враговъ русскихъ.

Въ виду этого, поддержаніе Насреддинъ-хана въ его попыткѣ захватить въ свои руки власть въ Коканскомъ ханствѣ не могло входить въ разсчеты русскаго правительства и участь ханства была рѣшена присоединеніемъ его къ Россійской Имперіи.

Рѣшеніе судьбы Коканскаго ханства Насреддинъ-ханъ узналъ 4-го февраля, хотя къ этому онъ былъ подготовленъ значительно ранѣе той сдержанностью, которую генералъ Скобелевъ выказалъ при полученіи отъ него увѣдомленія о его въѣздѣ въ Коканъ, на которое посланнымъ не было отвѣта.

Въ столь многолюдномъ городѣ, какъ Коканъ, притомъ не испытавшемъ ни разу силу нашего оружія, не смотря на мирное настроеніе большинства населенія, конечно, была и довольно сильная партія войны съ нами, которую Насреддинъ-ханъ тотчасъ же собралъ вокругъ себя, а богатыя средства города и многочисленный въ немъ служилый элементъ давали партіи войны надежду на возможность рѣшительнаго намъ отпора. Еще съ 4-го февраля въ Коканѣ закипѣли приготовленія къ борьбѣ.

Было собрано около 3,000 сарбазовъ, приводилась въ порядокъ артилерія, передъ стѣною, съ той стороны, съ которой насъ ожидали, расчищалась эспланада и т. п., а по кишлакамъ и городамъ ханства были разосланы эмисары, призывавшіе именемъ хана народъ къ газату. Объ этихъ приготовленіяхъ къ возобновленію войны въ ханствѣ генералъ Скобелевъ узналъ 5-го февраля утромъ изъ Кокана и отъ полковника барона Меллера-Закомельскаго изъ Андижана, а въ слѣдующіе дни извѣстія эти лишь подтвердились. Хотя нельзя было сказать, насколько серьезны были приготовленія къ сопротивленію въ Коканѣ, но во всякомъ случаѣ медлить было опасно и генералъ Скобелевъ рѣшилъ во чтобы-то ни стало предотвратить бой подъ стѣнами Кокана и 5-го февраля вечеромъ отдалъ распоряженіе для быстраго движенія въ Коканъ войскъ изъ Намангана, Чуста, Акъ-Джара и Андижана.

Изъ Намангана генералъ Скобелевъ выступилъ въ 10 часовъ утра 6-го февраля съ 3-й и 4-й ротами 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, полуротою конныхъ стрѣлковъ, Оренбургской сотней есаула Седякина, одной Семирѣченской сотней, взводомъ ракетъ и подвижнымъ артилерійскимъ № 2 взводомъ [1]) и слѣ-

[1]) Этотъ послѣдній, подъ начальствомъ поручика Шоболова, выступилъ въ ночь съ 5-го на 6-е февраля изъ Чуста и присоединился къ отряду у Гуръ-тюбе

довалъ съ этимъ отрядомъ безостановочно, лишь съ небольшими привалами.

Въ кишлакъ Яки-Мулла, находящійся въ четырехъ верстахъ отъ Кокана, генералъ Скобелевъ прибылъ 7-го числа въ 11 часовъ утра, сдѣлавъ такимъ образомъ, въ одни сутки переходъ въ 80 верстъ.

Еще съ дороги, былъ посланъ Минъ Ефграфовъ извѣстить Насреддинъ-хана о движеніи генерала Скобелева, навстрѣчу которому ханъ и выѣхалъ въ кишлакъ Яки-Мулла, послѣ чего Насреддинъ-ханъ не располагалъ уже свободой дѣйствій, а враждебная намъ организація получила тѣмъ самымъ сильный ударъ.

Тотчасъ же была занята урда и арестованы Шейхъ-Уль-Исламъ и Кази-Калянъ и захваченъ Абдулъ-Мумынъ, напбъ нашего непримиримаго врага Пулатъ-хана, который сдѣлался главнымъ совѣтникомъ Насреддинъ-хана со времени возвращенія его въ Коканъ.

Другой же сподвижникъ Насреддинъ-Хана въ его кратковременное господство въ Коканѣ, извѣстный измѣнникъ Абдулъ-Гафаръ, успѣлъ бѣжать. Захвачена была также вся артилерія, бывшая въ городѣ въ числѣ 73-хъ орудій. Къ вечеру этого же дня изъ Андижана прибыла кавалерія подъ начальствомъ полковника барона Меллера-Закомельскаго (полурота конныхъ стрѣлковъ, первая и вторая Оренбургскія, первая и вторая Сибирскія сотни, шесть ракетныхъ станковъ ракетной батареи и шесть орудій конной батареи), сдѣлавъ переходъ въ 155 верстъ.

Прибытіе этого подкрѣпленія упрочило занятіе Кокана, которое, въ виду народнаго броженія, нельзя было считать достаточнымъ. Акъ-Джарскій отрядъ, подъ начальствомъ командира 7-го Туркестанскаго линейнаго баталіона подполковника Ефремова, въ составѣ двухъ ротъ 7-го линейнаго баталіона, Оренбургской, есаула Хлѣбникова, сотни и взвода второй батареи 1-й Туркестанской артилерійской бригады, выступилъ изъ Акъ-Джара 7-го и прибылъ подъ Коканъ 8-го февраля. Колонна полковника Пичугина, выступивъ изъ Андижана вслѣдъ за кавалеріей, въ составѣ стрѣлковой роты 3-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, 2-й и 3-й ротъ 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, 1-й и 2-й ротъ 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и Семирѣченской полусотни Есаула Маріуцы, прибыла подъ Коканъ 9-го февраля въ 11 часовъ дня.

Лишь съ этимъ усиленіемъ отряда, занимавшаго уже третій день Коканъ, можно было разсчитывать, что спокойствіе въ городѣ не будетъ нарушено.

Такимъ образомъ, шести-недѣльный зимній походъ заключенъ былъ по истинѣ молодецкими переходами, предотвратившими новое кровопролитіе.

Испросивъ Высочайшее соизволеніе на присоединеніе Коканскаго ханства къ Россійской Имперіи подъ именемъ Ферганской области, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, бывшій въ то время въ Петербургѣ, сдѣлалъ распоряженіе занять ханство нашими войсками и возложилъ исполненіе этого на временно командовавшаго войсками Туркестанскаго военнаго округа генералъ-лейтенанта Колпаковскаго.

Для дѣйствій въ Коканскомъ ханствѣ, независимо войскъ Наманганскаго отдѣла, былъ сформированъ [1]) еще особый отрядъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Бардовскаго, въ составъ котораго вошли: саперная рота, 4-й Туркестанскій линейный баталіонъ, три роты 7-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, рота 4-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, вторая батарея 1-й Туркестанской артилерійской бригады, подвижная батарея, двѣ Оренбургскія и двѣ Сибирскія сотни, двѣ смѣнныя Уральскія полусотни и сборная сотня. Первый эшелонъ этого отряда, подъ начальствомъ полковника барона Аминова, прибылъ въ Коканъ 12-го февраля, а 15-го числа торжественно вступилъ въ столицу ханства и генералъ Колпаковскій.

Высочайшая воля относительно полнаго, на вѣчныя времена, присоединенія бывшаго Коканскаго ханства къ Россійской Имперіи съ образованіемъ Ферганской области была объявлена въ Коканѣ 19-го февраля, въ высокоторжественный день восшествія на престолъ Государя Императора Александра Николаевича при громѣ залповъ изъ коканскихъ пушекъ и орудій подвижного взвода.

Начальникомъ вновь образованной области былъ назначенъ Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Скобелевъ, благодаря генію котораго и доблести войскъ Наманганскаго отряда столь успѣшно и быстро былъ положенъ конецъ политическому существованію Коканскаго ханства.

Вполнѣ понимая и справедливо оцѣнивая заслуги Наманганскаго отряда и его начальника, генералъ Колпаковскій отдалъ по войскамъ Туркестанскаго округа слѣдующій приказъ [2]):

[1]) Приказъ по войскамъ Туркестанскаго военнаго округа 1876 г. № 57.
[2]) Отъ 11-го февраля 1876 года № 67.

«Храбрыя войска Наманганскаго отдѣла.

Война окончена.

Рядъ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ вами надъ многочисленными непріятельскими скопищами, покрылъ наше оружіе новою славою и усмирилъ враговъ.

Коканское ханство, въ которомъ всегда царствовало безначаліе, болѣе не существуетъ.

Покоренное вами, оно теперь, по желанію народа, составляетъ часть русской земли.

Народъ всюду встрѣчаетъ васъ съ восторгомъ, увѣренный, что подъ силою русскихъ штыковъ, его мирная жизнь не будетъ нарушена ни внутренними, ни внѣшними врагами.

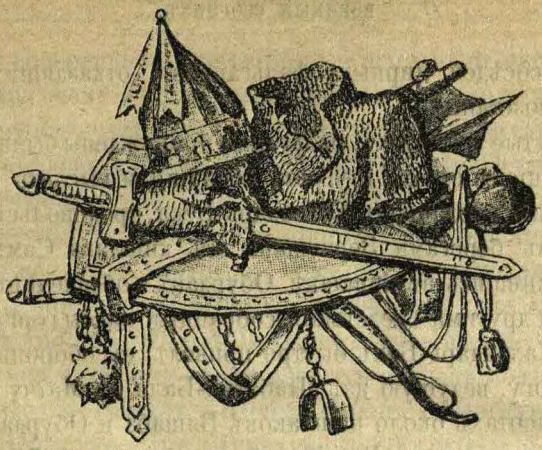
Душевно благодаря васъ за геройскіе подвиги, совершенные вами при Махрамѣ, Андижанѣ, Наманганѣ, Балыкчахъ, Ульджибаѣ, Ассаке и Учъ-Курганѣ, я увѣренъ, что вы всегда будете для враговъ также грозны, какъ и въ эту войну и останетесь постоянно, какъ въ мирное время, такъ и въ военное, защитниками справедливости и чести.

Считаю пріятнымъ долгомъ выразить мою искреннюю признательность начальнику Ферганской области Свиты Его Величества генералъ-маіору Скобелеву, доблестнымъ заслугамъ коего мы преимущественно обязаны столь блистательному исполненію всѣхъ предначертаній главнаго начальника края и счастливому окончанію войны.

Благодарю также всѣхъ гг. штабъ и оберъ-офицеровъ, его достойныхъ сподвижниковъ, за оказанные ими подвиги мужества и примѣрной энергіи при исполненіи каждымъ своего служебнаго долга».

Для увѣковѣченія памяти о Коканскомъ походѣ, 26-го ноября 1876 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ установленіи для чиновъ войскъ, участвовавшихъ въ покореніи Коканскаго ханства особой бронзовой медали на лентѣ, составленной изъ Георгіевской и Владимірской, съ надписью: «За покореніе ханства Коканскаго 1875—1876 гг.».

А. Серебренниковъ.

КЪ ИСТОРІИ
КОКАНСКАГО ПОХОДА [1].

(Съ картой).

Движенія и дѣйствія отрядовъ, командированныхъ изъ Самарканда и Ходженте для усмиренія матчинскихъ горцевъ и уничтоженія коканскихъ шаекъ Пулатъ-Хана [2].

Безпорядки, произшедшіе въ Коканскомъ ханствѣ въ октябрѣ 1875 года, отразились и на горномъ населеніи Зеравшанскаго округа, куда предводители мятежа разослали воззванія, призывавшія и это населеніе къ священной войнѣ противъ невѣрныхъ. Подстрекаемые коканскими эмисарами, въ особенности же Абдулъ-Гафаръ-Бекомъ, прибывшимъ изъ Кокана въ долину Матчи съ своими приверженцами, въ числѣ 400 человѣкъ, матчинцы скоро стали явно обнаруживать неповиновеніе мѣстнымъ властямъ и, составивъ значительную шайку подъ предводительствомъ одного изъ своихъ одноплеменниковъ — Календарь-Бека, напали

[1]) См. «Военный Сборникъ» 1901 г., № 11.

[2]) Составлено по донесеніямъ и письмамъ начальника Зеравшанскаго округа и по другимъ официальнымъ источникамъ.

на своихъ сосѣдей, мирныхъ фальгарцевъ, отказавшихся принять участіе въ возстаніи.

Застигнутые врасплохъ, фальгарцы принуждены были покориться, и подъ вліяніемъ страха и угрозъ поспѣшили выслать матчинцамъ, по требованію посланцевъ Календарь-Бека, продовольствіе и деньги.

Овладѣвъ берегами Зеравшана отъ кишлака Самтичъ до Пахута, утвердившись въ кишлакѣ Обурданъ и обезпечивъ продовольственными и другими средствами собранныя массы горцевъ, до 3,000 человѣкъ, Календарь-Бекъ быстро привелъ въ оборонительное состояніе дорогу, ведущую изъ Шабатки-Баля въ Матчу и занялъ позицію на высотахъ около кишлаковъ Вишаба и Обурданъ.

Присоединенное къ Россійской имперіи въ 1870 году вскорѣ послѣ Искандеръ-Кульской экспедиціи и включенное въ составъ Зеравшанскаго округа, населеніе земель верховьевъ р. Зеравшана за 5 лѣтъ существованія въ русскомъ подданствѣ замѣтно оправилось отъ разореній имущественныхъ и бѣдствій соціальныхъ, вынесенныхъ имъ въ безпокойное время управленія Когистаномъ (Матча, Фальгаръ, Фанъ, Ягнобъ) беками.

При всей, исторически усвоенной, склонности къ частой перемѣнѣ правителей, вынуждавшей въ былыя времена бухарскаго эмира оставлять временами владѣнія Матчи, Фана и Ягноба независимыми, подъ управленіемъ бековъ, выбиравшихся самими горцами, въ наше время когистанцы спокойно подчинялись въ административномъ, податномъ и судебномъ отношеніяхъ сначала амлякдарамъ, а съ 1875 года волостнымъ управителямъ и казіямъ.

Ежегодное посѣщеніе верховьевъ Зеравшана русскими властями способствовало полному приручению горцевъ и закрѣпленію въ этомъ полудикомъ населеніи авторитета русской администраціи настолько, что уже въ лѣто 1875 года представилась возможность для управляющаго нагорными туменями проѣхать до Польдарака и Искандеръ-куля съ незначительнымъ конвоемъ всего лишь въ 20 казаковъ.

Обаяніе русской администраціи среди горцевъ держалось такъ прочно, что въ случаѣ необходимости удаленія изъ среды ихъ безпокойныхъ людей порученіе это исполнялось безъ затрудненія просто джигитами, причемъ вызывавшіеся горцы безпрекословно слѣдовали къ начальнику за посланнымъ даже въ такихъ случаяхъ, когда ихъ завѣдомо ожидала отвѣтственность по дѣламъ тяжкихъ преступленій.

Должностные горцы—арбабы, амины, муфтіи—вполнѣ добросо-

вѣстно и съ совершенной преданностью исполняли свои обязанности, благодаря чему сборъ податей за послѣдніе года производился вполнѣ исправно, недоимокъ совсѣмъ не было, а также своевременно принимались мѣры къ предупрежденію распространенія безпокойной агитаціи извнѣ.

Исполнительность аминовъ и строгая добросовѣстность ихъ выразилась также, между прочимъ, невыдачей, несмотря на обѣщанныя щедроты, посланцамъ бывшаго коканскаго хана Худояра претендента на ханство Назаръ-Бека Суфіянъ-Бекова, прибывшаго изъ Каратегина въ Матчу послѣ первыхъ неудачъ подъ Ляйлякомъ.

Амины Мулла-Зааманъ и Шейхъ-Назаръ, отвергнувъ тогда предложенные имъ коканскимъ Мирахуромъ 800 руб. и 5 лошадей за выдачу претендента, помогли Назаръ-Беку прослѣдовать въ Пянджикентъ и ограничились самымъ скромнымъ вознагражденіемъ отъ него. Еще въ августѣ 1875 г. начальнику Зеравшанскаго округа были представлены воззванія къ горцамъ сановитыхъ людей Кокана, приглашавшихъ всѣхъ мусульманъ на войну за вѣру.

Не поддаваясь обѣщанію уменьшенія податей и другимъ соблазнамъ, матчинцы не только воздержались отъ участія въ движеніи въ Коканѣ, но поспѣшили чрезъ своихъ аминовъ доставить управляющему нагорными туменями прокламаціи и просили также оградить ихъ отъ настойчивыхъ покушеній каратегинскаго Ша—Магометъ-Рахима, вторгнуться съ войскомъ въ Матчу чрезъ Пашкивскій перевалъ и открыть совмѣстныя дѣйствія противъ города Ура-Тюбе.

Поѣздкой завѣдывающаго нагорными туменями штабсъ-капитана Арендаренко [1]) въ нижнюю Матчу съ третьей оренбургской казачьей сотней удалось успокоить горцевъ и предупредить намѣреніе каратегинскаго Ша въ такой степени, что Магометъ - Рахимъ не замедлилъ прислать въ Пянджикентъ своего раиса съ письменнымъ увѣреніемъ въ своей преданности русскимъ и въ несправедливости навѣтовъ матчинцевъ, подтверждавшихся, однако, несомнѣнными данными.

Все такимъ образомъ убѣдительно свидѣтельствовало о спокойномъ теченіи жизни горцевъ до послѣднихъ событій возмущенія, открывшагося въ Матчѣ 8-го ноября увозомъ въ Коканъ волостнаго управителя Мирзы-Хакима и задержаніемъ въ Польдаракѣ казія Мулла-Хаджи, и указывало на то, что это возмущеніе находилось въ полной связи съ Коканскими событіями въ теченіе двухъ послѣд-

[1]) Нынѣ генералъ-маіоръ и военный губернаторъ Ферганской области.

[2]) Рапортъ начальника Зеравшанскаго округа отъ 9-го января 1876 г., № 69.

нихъ мѣсяцевъ и въ преобладаніи политическаго вліянія на дѣла ханства Пулатъ-Хана, къ которому примкнулъ и бывшій Ура-Тюбинскій бекъ Абдулъ-Гафаръ.

Еще въ маѣ мѣсяцѣ штабсъ-капитану Арендаренко было извѣстно о происках въ Матчѣ сыновей Абдулъ-Гафара—Акбата и Бекбата, но тогда сами горцы отказались принять Акбата своимъ бекомъ.

Происки эти не переставали тревожить населеніе верховьевъ Зеравшана до пораженія коканцевъ подъ Махрамомъ, но тѣмъ не менѣе горцы стойко уклонялись отъ соблазновъ заманчивыми обѣщаніями, предлагавшимися агентами Абдулъ-Гафара.

Наконецъ, послѣ вторичнаго занятія крѣпости Махрама летучимъ отрядомъ нашихъ войскъ, сынъ Абдулъ-Гафара—Тохтамышъ, начальствовавшій въ Махрамѣ, повелъ изъ Чаркуя-Исфара усиленную агитацію въ Матчѣ и посылкой 350 коканскихъ матчинцевъ, жителей кишлаковъ Ляйлякъ и Самаркандъ, населенныхъ выходцами изъ Матчи, въ Польдаракъ чрезъ Янги-Сабакскій перевалъ, вызвалъ населеніе сначала одной верхней Матчи къ вооруженному возмущенію.

Провозгласивъ призывъ къ газавату отъ имени Пулатъ-хана, Абдулъ-Гафаръ съ сыновьями далъ направленіе возстанію, отвѣчающее общей цѣли войны и безкорыстно предоставилъ матчинцамъ выбрать правителя изъ своей среды, причемъ обѣщалъ поддерживать его и деньгами, и военными средствами.

Избранному матчинцами Календарь-бекъ-Мирахуру поручалось именемъ Пулатъ-хана поспѣшнѣе поднять возмущеніе въ Фанѣ, Ягнобѣ, Фальгарѣ, Кштутѣ и Магіанѣ.

Попытки на это матчинцевъ не замедлили обнаружиться, и письменныя приглашенія къ газавату, выпущенныя въ первой половинѣ ноября отъ имени Календарь-бека, муллы Караулъ-беги, Казы-Мухарама, Ишанъ-Сія, Камиля и другихъ, были открыты туземной администраціей не только въ волостяхъ Фальгарской, Искандеровской (Фанъ, Ягнобъ) и Кштутской, но также и въ Ургутѣ, гдѣ задержанъ волостнымъ управителемъ, Абдрасуль-бекомъ, матчинскій эмисаръ Ша-Асаль, тайно приглашавшій ургутцевъ къ возмущенію.

Съ своей стороны, какъ обнаружилось, Пулатъ-ханъ приглашалъ проживавшихъ въ Ташкентѣ Сеидъ-бека и Шады-бека возстановить бекства въ Магіанѣ и Фарабѣ.

Несмотря, однако, и на повторительныя воззванія Календарь-бека, населеніе горныхъ туменей все время оставалось совершенно

спокойнымъ и ничѣмъ не проявило сочувствія къ попыткамъ Пулатъ-хана поднять повсемѣстный газаватъ.

Только кишлаки верхняго Фальгара: Самтичъ, Вишабъ, Шабатки-баля, Шабатки-Поянъ, Дархъ, Утчогаръ и Пахутъ, какъ ближайшіе къ Матчѣ, подъ вліяніемъ скорѣе страха и угрозъ матчинцевъ, чѣмъ вслѣдствіе дѣйствительнаго сочувствія, поспѣшили исполнить требованія посланцевъ Календарь-бека высылкою продуктовъ и денегъ.

Въ этихъ отдаленныхъ осѣдлостяхъ возмущеніе замѣтно грозило укрѣпиться со времени занятія непріятелемъ 14-го ноября путей сообщенія по обоимъ берегамъ Зеравшана отъ Самтича до Пахута.

Посланцы Календарь-бека собрали съ народа все, что требовалось для скопищъ и почти силой побуждали вліятельныхъ людей Фальгара являться къ Календарь-беку въ Обурданъ, гдѣ раздавались имъ ярлыки назначеній въ должности аминовъ, муфтіевъ, казіевъ и жаловались халаты.

Значеніе Календарь-бека еще болѣе поднялось въ мнѣніи горцевъ съ полученіемъ имъ 12-го ноября отъ Пулатъ-хана ярлыка на званіе токсабы [1]), 1200 руб. денегъ, 200 халатовъ и 6 лошадей.

Обезпеченные продовольствіемъ, деньгами и вещами, матчинцы поголовно примкнули къ вождямъ движенія и подъ начальственнымъ руководствомъ Календарь-бека быстро приготовляли къ оборонѣ путь изъ Шабатки-баля въ Матчу. Наибольшія скопища, до 2,000 человѣкъ, занимали съ 10-го ноября высоты Вишаба съ кишлаками и Обурданъ.

Общая числительность непріятеля въ началѣ опредѣлялась развѣдчиками въ 3,000 человѣкъ.

Получивъ донесеніе о возмущеніи матчинскихъ горцевъ, начальникъ Зеравшанскаго округа генералъ-маіоръ Абрамовъ предписалъ штабсъ-капитану Арендаренко двинуться противъ возмутившихся съ отрядомъ изъ третьей роты 3-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, подъ командой штабсъ-капитана Коневскаго, одного горнаго орудія съ 10-ю ящиками снарядовъ и 10 казаковъ.

Предварительно выступленія отряда изъ Пянджикента, въ видахъ своевременнаго предупрежденія вторженія непріятеля въ средній Фальгаръ, штабсъ-капитаномъ Арендаренко были отправлены въ Урмитанъ усиленнымъ маршемъ 35 казаковъ подъ командой сотника Акирова, который и занялъ этотъ кишлакъ, не встрѣтивъ въ немъ непріятеля.

---

[1]) Токсаба—одинъ изъ высшихъ военныхъ чиновъ въ Коканскомъ ханствѣ.

По прибытіи 13-го ноября изъ Самарканда частей войскъ назначенныхъ для слѣдованія въ Матчу, штабсъ-капитанъ Аренда-ренко выступилъ изъ Пянджикента съ отрядомъ въ 8 часовъ утра, 14-го ноября.

Топографическія особенности мѣстности оказываютъ большое вліяніе на характеръ военныхъ дѣйствій вообще, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ при дѣйствіяхъ войскъ въ горахъ, вліяніе мѣстности становится особенно значительнымъ, даже подавляющимъ, и рѣшительно отражается какъ на боѣ, такъ и на походныхъ движеніяхъ войскъ.

При этомъ даже сравнительно слабый, недисциплинированный и дурно вооруженный обороняющійся, имѣя полную возможность заблаговременно подготовить и занять рядъ труднодоступныхъ отъ природы позицій и преградить доступы къ нимъ, пріобрѣтаетъ надъ атакующимъ такія преимущества, благодаря которымъ шансы обоихъ противниковъ не только уравновѣшиваются, но нерѣдко переходятъ на сторону слабѣйшаго изъ нихъ.

Въ такихъ именно условіяхъ пришлось дѣйствовать нашему отряду, посланному изъ Самарканда для усмиренія матчинскихъ горцевъ, обитающихъ въ верховьяхъ рѣки Зеравшана и ея притоковъ, въ узкихъ горныхъ ущельяхъ, которыя отличаются труднодоступностью, мѣстами даже для пѣшихъ людей, и движеніе по которымъ возможно не во всякое время года.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о характерѣ мѣстности въ верховьяхъ Зеравшана и его притокахъ будетъ небезполезно привести ниже маршрутныя описанія различныхъ участковъ пути, сдѣланныя въ 1870 году во время Искандеръ-Кульской экспедиціи барономъ Аминовымъ [1]).

Отъ кишлака Даштъ-Казы вверхъ по Зеравшану черезъ кишлаки Варзиминоръ, Рарзъ, Пахутъ, Шабатки-Поянъ, Шабатки-баля, Вишабъ, Самтичъ, Обурданъ, Постигау, Ривамутъ, Мадрушкатъ, Диминоръ вплоть до Зеравшанскаго ледника, на разстояніи около 200 верстъ дорога все время идетъ вдоль р. Зеравшана, переходя часто съ одного берега на другой по мостамъ такой непрочной конструкціи, что переходить по нимъ возможно не иначе, какъ по одному. Нерѣдко дорога проходитъ по опаснымъ карнизамъ, висящимъ надъ пропастями, или по балконамъ, а иногда уклоняется на незначи-

---

[1]) Заимствовано изъ книги Л. О. Костенко «Туркестанскій край».

тельное разстояніе отъ рѣки и переваливаетъ черезъ невысокіе контрфорсы главныхъ хребтовъ—Туркестанскаго и Зеравшанскаго. Мѣста для ночлеговъ и приваловъ удобны, но въ попутныхъ кишлакахъ можно достать только небольшое количество топлива и клевера для лошадей, а подножный кормъ имѣется въ достаточномъ количествѣ лишь начиная отъ Польдарака и выше.

Сухой фуражъ и провіантъ необходимо брать съ собой, такъ какъ мѣстные жители занимаются земледѣліемъ сравнительно мало, главнымъ образомъ по недостатку удобной для этого земли, и получаютъ эти продукты для своихъ потребностей въ сосѣднихъ городахъ Ура-Тюбе, Ходжентѣ и Самаркандѣ.

Благодаря отсутствію на мѣстѣ провіанта, особенно же фуража, войскамъ по необходимости приходится брать большіе обозы, а это крайне затрудняетъ движеніе.

Отъ кишлака Дашты-Казы до Урмитана по лѣвому берегу Зеравшана, на протяженіи около 16-ти верстъ, дорога удобнѣе, чѣмъ по правому, но въ одной верстѣ отъ Дашты-Казы имѣется переправа вбродъ, возможная только въ мелководье.

Отъ Урмитана до Варзиминора правымъ берегомъ Зеравшана на протяженіи около 27 верстъ дорога очень трудная и опасная, причемъ остановки на ночлегъ и бивакъ возможны только въ кишлакахъ, а въ остальныхъ частяхъ пути не имѣется для этого удобныхъ мѣстъ.

Отъ Пахута до Вишаба лѣвымъ берегомъ Зеравшана дорога на протяженіи около 19 верстъ вообще очень трудная, а отъ меридіана Шабатки-баля до Вишаба недоступна для конныхъ.

На этомъ протяженіи двѣ переправы черезъ Зеравшанъ по плохимъ мостамъ.

Отъ кишлака Обурданъ до Постигау правымъ берегомъ на протяженіи около 10-ти верстъ дорога очень трудная и едва доступная для конныхъ, почему и предпочитаютъ сообщеніе по лѣвому берегу.

Если къ этому прибавить, что дороги, вѣрнѣе тропинки, пролегаютъ или среди скалъ, или по каменистымъ осыпямъ, или, наконецъ, по животрепещущимъ мостикамъ, карнизамъ и балконамъ, и что природа дикая, населеніе бѣдное, то станетъ понятнымъ, какія трудности пришлось преодолѣть нашему отряду въ борьбѣ съ природой, не говоря уже о томъ сопротивленіи, которое оказали мѣстные жители, горцы, защищавшіе неприступныя позиціи.

Отрядъ былъ снабженъ сухарями, спиртомъ и приварочнымъ довольствіемъ на 25 дней; на каждое ружье въ пѣхотѣ и кавалеріи было взято по 120 патроновъ; для поднятія тяжестей отряда было нанято 75 ишаковъ и 6 лошадей подъ орудіе и зарядные ящики.

При отрядѣ слѣдовали 28 джигитовъ для развѣдокъ и возки кореспонденціи.

Отъ Пянджикента отрядъ слѣдовалъ правымъ берегомъ Зеравшана по слѣдующему маршруту: 14-го ноября—Вишистъ, 30 верстъ; 15-го—Урмитанъ, 26 верстъ; 16-го—Дардаръ, 23 версты; 17-го—Сангистонъ, 16 верстъ; 18-го—Рарзъ, 14 верстъ, и 19-го ноября—Шабатки-баля, 12 верстъ.

Благопріятная, совершенно сухая погода позволяла двигаться по принятому маршруту безъ особенныхъ затрудненій для отряда; всѣ переходы люди прошли въ мундирахъ и все время оставались совершенно здоровыми и бодрыми; обозъ не испыталъ въ пути никакихъ потерь и только на переходѣ отъ Сангистона въ Рарзъ, на крутомъ горномъ подъемѣ между кишлаками Томинь и Гузрибатъ, оборвалась артилерійская лошадь, причемъ произошли поврежденія зарядныхъ ящиковъ.

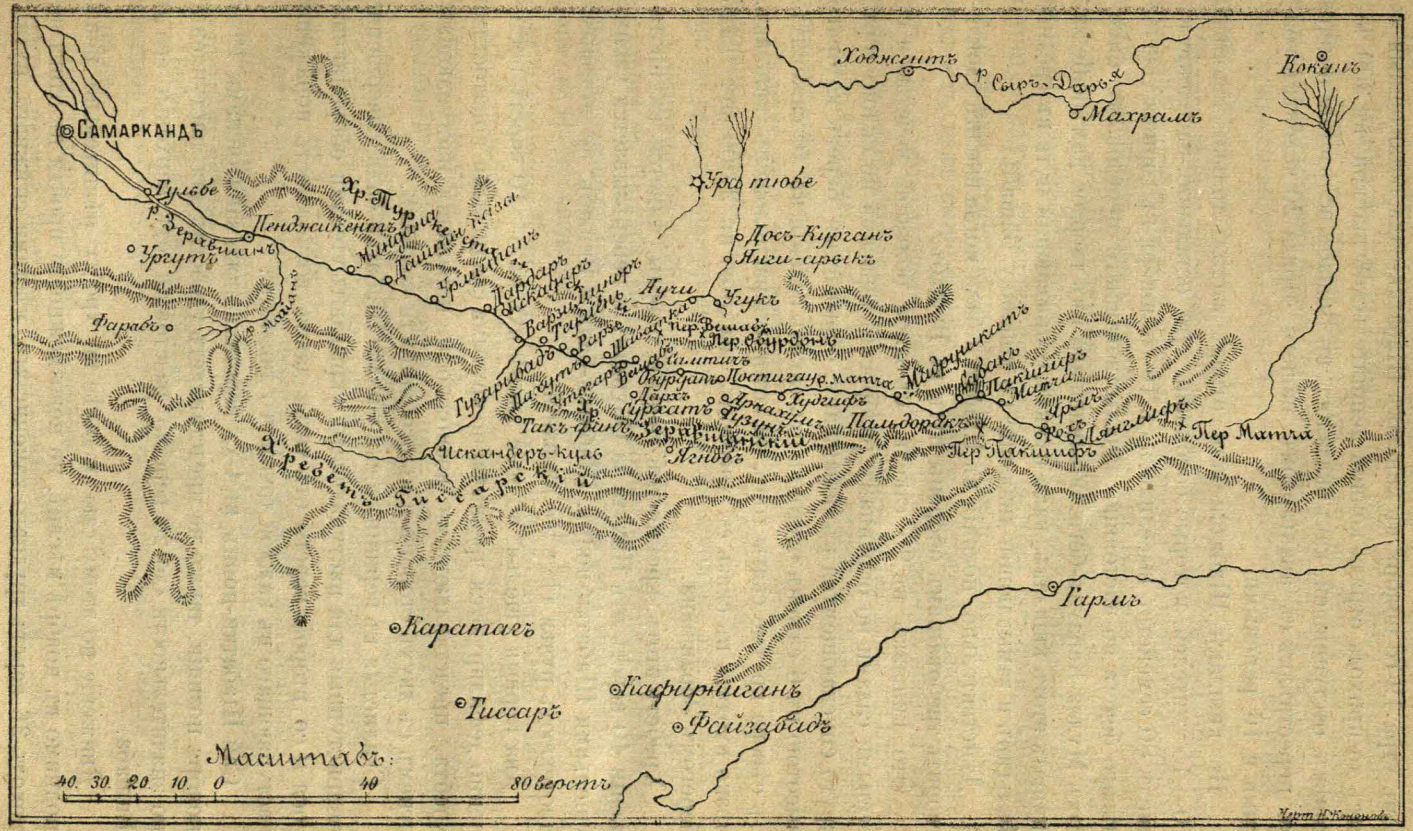
По пути слѣдованія до Шабатки-баля отрядъ, заставъ все населеніе Фальгара на своихъ мѣстахъ, не встрѣчалъ никакихъ затрудненій въ продовольствіи людей, лошадей и обоза. Вездѣ для отряда отводились просторныя сухія помѣщенія, снабженныя подстилочными кошмами.

Населеніе нижняго и средняго Фальгара повсюду радостно привѣтствовало отрядъ, высказывая негодованіе на матчинцевъ, успѣвшихъ уже, какъ оказалось, похозяйничать въ селеніяхъ праваго берега Зеравшана въ Варзиминорскомъ аксакальствѣ.

Начиная отъ Рарзя къ Пахуту отрядъ своимъ движеніемъ оттѣснялъ безъ перестрѣлки и вооруженныхъ столкновеній сторожевые непріятельскіе пикеты въ 50—80 человѣкъ, которые, по мѣрѣ нашего приближенія быстро отступали и, какъ было замѣтно, выслѣживали наше движеніе, скрываясь за горами.

На послѣднемъ переходѣ къ Шабатки-баля, между Пахутомъ и Шабатки-пояномъ, авангардъ изъ полувзвода 3-й роты подъ командой прапорщика Грюнталя полчаса перестрѣливался съ непріятелемъ, занимавшимъ горную покатость, по которой пролегала узкая тропинка—путь движенія отряда, и заставилъ его очистить эту покатость.

Продолжая безостановочно движеніе, отрядъ вступилъ въ 12 ча-

Самаркандъ
Гулябе
р. Зеравшанъ
Пенджикентъ
Ургутъ
Хр. Тур
Фарабъ
Ходжентъ
р. Сыръ-Дарья
Кокандъ
Махрамъ
Ура-тюбе
Дос-Курганъ
Янги-сарыкъ
Лучи
Ушакъ
Пер. Фишавъ
Пер. Курганъ
Пер. Мастча
Мидрюкантъ
Пер. Пакширъ
Пер. Мастча
Пер. Пакширъ
Пендоракъ
Хургиръ
Ягнобъ
Искандеръ-куль
Ребетъ Гиссарскій
Каратагъ
Гиссаръ
Кафирниганъ
Файзабадъ
Гармъ
Масштабъ:
40 30 20 10 0 40 80 верстъ

совъ утра 19-го ноября въ кишлакъ Шабатки-баля, оставленный за часъ до прихода отряда конной непріятельской шайкой въ 300 человѣкъ, отступившей, какъ оказалось, въ Вишабъ вслѣдствіе потери въ перестрѣлкѣ съ авангардомъ нашего отряда 20 человѣкъ убитыми и 16 ранеными.

Въ кишлакѣ Шабатки-баля отрядъ засталъ только человѣкъ 10—15 жителей, которые сообщили, что остальное населеніе числѣ 80 семействъ выселилось съ 16-го ноября въ горныя ущелья лѣваго берега по настоянію начальствовавшаго передовымъ пикетомъ Мулла-Караулъ-беги, объявившаго имъ твердое намѣреніе защищать этотъ кишлакъ, какъ пунктъ, открывающій путь въ средній Фальгаръ и замыкающій движеніе къ кишлаку Вишабъ.

Дѣйствительно, позиція въ Шабатки-баля могла вполнѣ удовлетворить требованіямъ обороны пути въ Вишабъ.

Это кишлакъ въ 90 сакель, съ одной большой мечетью и съ густыми садами по окраинамъ, разбросанъ терасами по склону горъ, круто спускающемуся къ Зеравшану, обрывистый берегъ котораго высотою въ 6 саженъ отстоитъ отъ сакель селенія въ 40 саженяхъ. Съ сѣвера крутые скаты горъ, на которыхъ расположенъ кишлакъ, рѣзко входятъ въ связь съ хребтомъ, высотою въ 3,000 фут. надъ берегомъ Зеравшана.

Хребетъ этотъ, кремнистой твердой породы, тянется на протяженіи 40 верстъ отъ Пахута за Обурданъ и перерѣзывается узкими ущельями Шабатки-поянъ, Шабатки-баля и Вишабъ, по которымъ протекаютъ ручьи тѣхъ же названій.

Два первыя ущелья, по всей длинѣ ихъ въ 8—10 верстъ постепенно дефилируются чрезвычайно крутыми скалистыми покатостями хребта, представляющими возможность пораженія наступающаго огнемъ съ двухъ сторонъ и въ особенности камнями.

Скалистыя къ вершинѣ щеки ущелья Шабатки-баля, совершенно неприступныя для наступающаго, укрываютъ утесами обороняющагося и со второй версты отъ устья даютъ возможность пораженій наступающаго въ каждой точкѣ его движенія.

Сай Шабатки-поянъ, въ 4-хъ верстахъ ниже занятой нами 19-го ноября позиціи, также не представляетъ удобствъ для наступленія, по значительности (до 28 верстъ) разстоянія отъ верховья его до Вишаба.

Движеніе по этому саю и далѣе по хребту рѣшительно невыполнимо въ ноябрѣ мѣсяцѣ, по невозможности пройти въ одинъ переходъ 36 верстъ труднаго каменистаго, мѣстами снѣжнаго, пути.

Обходное движеніе занятой, какъ оказалось, непріятелемъ дороги изъ Шабатки-баля въ Вишабъ, по лѣвому берегу Зеравшана, чрезъ Утагаръ, въ зимнее время года возможно только для пѣхоты, такъ какъ горы этого берега имѣютъ значительную крутизну и, будучи покрыты снѣгомъ, рѣшительно непроходимы для конницы и обоза.

Занявъ такимъ образомъ Шабатки-баля и удостовѣрившись изъ показаній развѣдчиковъ и мѣстныхъ жителей, что непріятель приготовился защищать дорогу праваго берега въ Вишабъ на протяженіи 4-хъ верстъ отъ Шабатки-баля до Вишаба и съ этою цѣлью расположилъ по хребту, сопровождающему дорогу, стрѣлковъ и камнеметовъ, а самую тропинку перерѣзалъ частыми завалами, скрывающими засады, штабсъ-капитанъ Арендаренко, имѣя въ виду невозможность, какъ выше выяснено, обойти непріятеля, рѣшилъ вытѣснить его съ этого горнаго хребта и дать возможность обозу и артиллеріи, по мѣрѣ очищенія горъ отъ скопищъ, подвигаться къ Вишабу, гдѣ, по свѣдѣніямъ, были расположены главныя силы Календарь-Бека числомъ до 2,000 человѣкъ.

Въ виду того, что движеніе ущельемъ не представлялось возможнымъ, рѣшено было вести атаку высотъ, занятыхъ непріятелемъ по склону, непосредственно поднимавшемуся отъ кишлака.

Установивъ на удобной позиціи въ $^1/_4$ версты отъ Шабатки-баля, по дорогѣ въ Вишабъ, весь обозъ и горное орудіе подъ прикрытіемъ одного полувзвода 3-й роты 3-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и 10-ти казаковъ 3-й Оренбургской сотни подъ командой штабсъ-капитана Коневскаго, которому предложено было двигаться по мѣрѣ освобожденія непріятелемъ гребня, штабсъ-капитанъ Арендаренко двинулся въ $4^1/_2$ часа ночи съ 19-го на 20-е ноября съ остальными тремя полувзводами при трехъ офицерахъ (поручики Дѣтковъ и Гинглятъ и прапорщикъ Грюнталь) на сѣверныя высоты Шабатки-баля по крутой каменистой отлогости, протяженіемъ, какъ оказалось, до 3-хъ верстъ.

При самомъ началѣ движенія, выстрѣломъ изъ непріятельской засады былъ раненъ пулею въ руку поручикъ Гинглятъ, который и отошелъ въ резервъ.

Несмотря на чрезвычайную трудность подъема, на выдающіеся мѣстами каменные утесы, наступленіе шло съ самаго начала вполнѣ успѣшно.

Поднявшись скрытно на первый уступъ пространствомъ въ $^1/_2$ версты, первый полувзводъ, слѣдовавшій впереди, засталъ тамъ

врасплохъ засаду и перекололъ штыками 20 человѣкъ. У насъ же при этомъ были только ушиблены камнями одинъ унтеръ-офицеръ и двое рядовыхъ.

Непріятель оставилъ въ ложементахъ 4 фитильныхъ ружья и камнеметный инструментъ, а увернувшіеся отъ штыковъ горцы быстро поднялись въ разсыпномъ порядкѣ на второй уступъ длиною $^3/_4$ версты, за которымъ скрывалось до 200 стрѣлковъ.

Быстро подвигаясь въ темнотѣ за отступавшимъ изъ первой засады непріятелемъ, отрядъ избѣжалъ большихъ потерь отъ выстрѣловъ и послѣ 3-хъ-минутной рукопашной схватки, овладѣлъ вторымъ заваломъ, преслѣдуя выстрѣлами отступавшаго на третій уступъ непріятеля.

При занятіи этого завала у насъ были ранены выстрѣлами два рядовыхъ и одинъ вожакъ-туземецъ. Непріятель же оставилъ на мѣстѣ 26 тѣлъ.

Послѣ минутнаго отдыха въ закрытіи, полувзводы, продолжая наступленіе цѣпью на послѣдній уступъ, укрѣпленный по длинѣ въ $1^1/_2$ версты, частыми завалами, укрывавшими стрѣлковъ и камнеметовъ, были встрѣчены съ разсвѣтомъ мѣткимъ огнемъ оборонявшихся, отъ котораго отрядъ потерялъ убитыми четырехъ рядовыхъ и одного унтеръ-офицера и раненными семь рядовыхъ. Кромѣ того, былъ раненъ пулею въ грудь и контуженъ въ руку штабсъ-капитанъ Арендаренко.

Раненыхъ принимали и отвозили въ резервъ на перевязочный пунктъ джигиты Накипъ-ходжа и Хакимъ-Мирахуръ, выказавшіе вмѣстѣ съ переводчикомъ Кадыръ-Абсалямомъ примѣрную храбрость и усердіе.

Дальнѣйшее наступленіе съ оставшейся горстью людей, истомленныхъ чрезвычайно труднымъ подъемомъ по утесамъ, оказалось невозможнымъ: непріятель въ числѣ до 800 человѣкъ занималъ вершину хребта сильными завалами, изъ-за которыхъ встрѣчалъ насъ мѣткимъ огнемъ.

Выбывшаго изъ строя вслѣдствіе полученной раны штабсъ-капитана Арендаренко замѣнилъ старшій послѣ него офицеръ—поручикъ Дѣтковъ, который и принялъ начальство надъ штурмовой колонной.

Поднявшись еще на 8 саженей и потерявъ убитыми 4 рядовыхъ, поручикъ Дѣтковъ замѣтилъ, что на подкрѣпленіе обороняющихся двигаются съ верховьевъ сая Шабатки-баля 400 — 600 человѣкъ и далъ сигналъ отступленія.

Медленно и спокойно отступая, полувзводы нѣсколькими мѣткими залпами остановили намѣреніе непріятеля перейти въ наступленіе массами. Только отдѣльные смѣльчаки, вооруженные саблями и батиками, бросались въ рукопашный бой, но всѣ почти платились жизнью за свою безумную храбрость.

Отступленіе продолжалось 3½ часа, причемъ съ нашей стороны ранено легко 2 офицера (поручикъ Дѣтковъ въ плечо и прапорщикъ Грюнталь въ руку) и 4 рядовыхъ.

Оставшійся въ резервѣ штабсъ-капитанъ Коневскій, замѣтивъ отступленіе полувзводовъ и намѣреніе непріятеля обойти отступавшихъ со стороны Вишаба, произвелъ полувзводомъ нѣсколько залповъ и тѣмъ заставилъ наступавшихъ горцевъ отказаться отъ своего намѣренія.

При этомъ непріятель потерялъ убитыми до 80 человѣкъ и много ранеными.

Спустившись въ Шабатки-баля и присоединившись къ резерву, весь отрядъ былъ переведенъ въ самый кишлакъ, гдѣ благодаря энергичнымъ распоряженіямъ штабсъ-капитана Коневскаго, поручика Дѣткова и прапорщика Грюнталя отрядъ быстро укрѣпился и приготовился отражать нападенія непріятеля, который, какъ было замѣтно, собирался на высотахъ Шабатки-баля большими массами. Въ одну изъ колоннъ, подымавшуюся на гору съ Вишабской дороги, была пущена картечная граната, которая убила 12 человѣкъ.

Въ дѣлѣ 20-го ноября изъ пяти офицеровъ отряда четверо были ранены, а именно штабсъ-капитанъ Арендаренко, поручики Дѣтковъ и Гинглятъ и прапорщикъ Грюнталь, причемъ, несмотря на полученныя ими раны, они все-таки остались въ строю, а затѣмъ участвовали и въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ отряда.

Кромѣ того у насъ было убито 9 нижнихъ чиновъ, ранено 11, ушиблено камнями 3 и раненъ вожакъ туземецъ.

Въ ночь на 21-е число непріятель, числомъ до 800 человѣкъ, подошелъ изъ ущелья Шабатки-баля къ сѣверной окраинѣ кишлака, но, встрѣченный двухъяруснымъ мѣткимъ ружейнымъ огнемъ съ двухъ фасовъ укрѣпленія, разбѣжался, оставивъ на мѣстѣ 28 человѣкъ убитыми и потерявъ до 60 человѣкъ ранеными.

Въ ожиданіи повторенія нападенія отрядъ простоялъ на укрѣпленныхъ фасахъ подъ ружьемъ слѣдующія три ночи 22, 23 и 24 ноября, но непріятель болѣе не рѣшался атаковать нашу укрѣпленную позицію.

Принимая въ соображеніе, что Шабатки-баля составлялъ для

непріятеля главный операціонный пунктъ, штабсъ-капитанъ Арендаренко призналъ нужнымъ держаться съ отрядомъ въ этомъ кишлакѣ до полученія подкрѣпленія, тѣмъ болѣе, что съ этого пункта возможно было открыть движеніе въ Матчу, которая, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, начиная отъ Вишаба, была занята непріятельскими скопищами изъ коканцевъ и матчинцевъ, числомъ всего до 4,000 человѣкъ.

Получивъ 21-го ноября въ Пянджикентѣ свѣдѣніе о положеніи отряда и о томъ, что начальникъ его штабсъ-капитанъ Арендаренко раненъ, генералъ Абрамовъ немедленно командировалъ изъ Пянджикента артилеріи капитана Шпицберга [1]) съ 35-ю казаками первой Оренбургской сотни 4-го своднаго Оренбургско-Уральскаго казачьяго полка, которому и приказалъ по прибытіи въ отрядъ вступить въ командованіе имъ, а одновременно съ этимъ сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи особаго отряда подъ начальствомъ полковника Яфимовича.

Въ тотъ же день, 21-го ноября, рано утромъ, изъ Пянджикента выступилъ въ отрядъ транспортъ съ провіантомъ подъ прикрытіемъ 50 человѣкъ стрѣлковой роты 3-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, подъ начальствомъ поручика Сарапулова, которому было приказано насколько возможно ускорить движеніе этого транспорта.

Капитанъ Шпицбергъ, выступившій изъ Пянджикента въ 4 часа пополудни, 21-го ноября, прибылъ въ Шабатки-баля 23-го числа послѣ полудня, сдѣлавъ, такимъ образомъ, около 130-ти верстъ по крайне трудной горной дорогѣ, почти въ двое сутокъ.

Отрядъ найденъ былъ капитаномъ Шпицбергомъ на той же укрѣпленной позиціи въ Шабатки-баля, стоящимъ въ полномъ порядкѣ. Люди всѣ оказались здоровыми, вполнѣ бодрыми, причемъ многіе раненые, а особенно офицеры, поправляющимися.

Произведя рекогносцировку, капитанъ Шпицбергъ нашелъ непріятельскую позицію весьма сильно укрѣпленной и занятой значительными силами.

Такъ какъ отрядъ былъ очень стѣсненъ присутствіемъ въ немъ раненыхъ, то капитанъ Шпицбергъ рѣшилъ немедленно же отправить ихъ всѣхъ въ Пянджикентъ для дальнѣйшаго отправленія въ Самаркандъ.

25-го ноября транспортъ съ ранеными подъ начальствомъ штабсъ-

[1]) Нынѣ генералъ-лейтенантъ и начальникъ Туркестанской казачьей дивизіи.

капитана Арендаренко, рана котораго не дозволяла ему остаться въ отрядѣ, выступилъ изъ Шабатки-баля.

Непріятель, полагая, что весь отрядъ отступаетъ, спустился съ горъ и со всѣхъ сторонъ кинулся на нашу позицію, но благодаря мужеству всѣхъ чиновъ отряда и примѣрной распорядительности капитана Шпицберга былъ отбитъ съ громаднымъ урономъ, не нанеся намъ никакой потери.

Послѣ этого покушенія непріятель оставался на своей позиціи, не предпринимая уже ничего противъ нашего отряда.

26-го ноября въ отрядъ прибылъ полковникъ Яфимовичъ съ первой Уральской сотней 4-го своднаго Оренбургско-Уральскаго казачьяго полка.

Между тѣмъ командующій войсками округа, получивъ извѣстіе о затруднительномъ положеніи матчинскаго отряда, тотчасъ же приказалъ командировать изъ Ура-Тюбе въ долину Матчи вспомогательный отрядъ въ составѣ одной роты 3-го стрѣлковаго и одного взвода 7-го линейнаго баталіоновъ.

Этотъ отрядъ былъ направленъ кратчайшимъ путемъ черезъ горный хребетъ и долженъ былъ выйти въ тылъ непріятельской позиціи. Выступивъ изъ Ура-Тюбе 25-го ноября подъ начальствомъ маіора Абграля и геройски преодолѣвъ неимовѣрныя затрудненія, отрядъ перевалилъ 28-го ноября черезъ хребетъ высотою 11,000 футовъ надъ уровнемъ моря, несмотря на сильный холодъ и двухдневный снѣжный буранъ.

Непріятель, узнавъ о движеніи русскаго отряда въ тылъ его позиціи, тотчасъ же отступилъ къ Обурдану и занялъ другую весьма сильную позицію на высотахъ передъ этимъ кишлакомъ.

Зная, что Уратюбинскій отрядъ долженъ спуститься къ Обурдану 26-го числа, и не имѣя о движеніи этого отряда никакихъ прямыхъ свѣдѣній, полковникъ Яфимовичъ, пользуясь тѣмъ, что 26-го числа вечеромъ непріятель оставилъ свою позицію у Шабатки-баля, двинулся 27-го ноября утромъ къ Вишабу и, переночевавъ въ этомъ кишлакѣ благополучно, 28-го выступилъ изъ него къ кишлаку Самтичъ, гдѣ и расчитывалъ выждать извѣстіе о выступившемъ изъ Ура-тюбе отрядѣ маіора Абграля.

По прибытіи въ кишлакъ Самтичъ полковникъ Яфимовичъ получилъ свѣдѣніе, будто бы Уратюбинскій отрядъ имѣлъ дѣло съ непріятелемъ и задержанъ, не доходя до Обурдана.

Оставивъ здѣсь обозъ подъ прикрытіемъ 50-ти казаковъ первой Уральской сотни подъ начальствомъ сотника Ериклинцева и пол-

взвода третьей роты 3-го Туркестанскаго линейнаго баталіона подъ общимъ начальствомъ поручика Гипплята, который, несмотря на рану, полученную въ дѣлѣ 20-го числа, изъявилъ желаніе слѣдовать съ отрядомъ, полковникъ Яфимовичъ съ остальными войсками двинулся къ Обурдану на соединеніе съ Уратюбинскимъ отрядомъ.

Тотчасъ же по выходѣ изъ Самтича были встрѣчены непріятельскіе пикеты, изъ чего можно было заключить, что непріятель рѣшился еще разъ оказать сопротивленіе нашему отряду на пути движенія его къ Обурдану.

Подойдя къ Обурдану, полковникъ Яфимовичъ нашелъ высоты передъ этимъ кишлакомъ занятыми непріятельскими массами и такъ какъ обходъ ихъ оказался невозможнымъ, то приходилось или брать эти высоты штурмомъ, или отступить къ Самтичу и ждать прибытія Уратюбинскаго отряда, который, по слухамъ, пройти не могъ.

Полковникъ Яфимовичъ рѣшился на штурмъ, для чего и сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: полвзвода стрѣлковъ при прапорщикѣ Грюнталѣ и 28 казаковъ первой Уральской сотни при сотникѣ Акировѣ, подъ общей командой поручика 3-го Туркестанскаго линейнаго баталіона Сарапулова, послалъ въ обходъ съ лѣвой стороны штурмуемыхъ горъ на сосѣднюю вершину, съ которой хорошо обстрѣливалась непріятельская позиція; полвзвода стрѣлковъ 3 баталіона подъ командой поручика Дѣткова, горное орудіе и 25 казаковъ первой Оренбургской сотни, подъ командой сотника Кузнецова расположилъ противъ праваго фланга непріятельской позиціи и, наконецъ, одинъ взводъ третьей роты Туркестанскаго линейнаго баталіона и 50 казаковъ-охотниковъ подъ начальствомъ командира третьей роты штабсъ-капитана Коневскаго, назначилъ въ составъ штурмовой колонны.

Обстрѣлявъ достаточно непріятельскую позицію артилерійскимъ и ружейнымъ огнемъ съ двухъ сторонъ, полковникъ Яфимовичъ приказалъ штабсъ-капитану Коневскому двинуться на штурмъ.

Непріятель, численность котораго достигла до 2,000 человѣкъ, защищался съ необыкновеннымъ упорствомъ въ устроенныхъ имъ по всему гребню обѣихъ вершинъ траншеяхъ, изъ которыхъ штурмующіе были встрѣчены градомъ камней и пуль, при чемъ по мѣрѣ того, какъ штурмующіе занимали одну траншею, привычный къ горамъ непріятель перебѣгалъ за другую, изъ которой приходилось опять выбивать его штыками.

Несмотря на такое упорное сопротивленіе и страшную крутизну подъема около 45 градусовъ, штурмующіе къ 3 часамъ овладѣли непріятельской позиціей и, увлеченные побѣдой, бросились преслѣдовать непріятеля, отступавшаго на сосѣднюю горную вершину. Тогда полковникъ Яфимовичъ, имѣя въ виду возможность обхода этой вершины и не желая даромъ терять людей, приказалъ штурмующимъ возвратиться на занятую нами вершину и расположиться тамъ на ночлегъ, съ тѣмъ чтобы подъ прикрытіемъ ихъ перевести отрядъ въ Обурданъ.

Къ 5 часамъ прибыли на бивакъ весь обозъ и стрѣлки поручиковъ Сарапулова и Дѣткова. Замѣтивъ, что отрядъ нашъ остановился на ночлегъ, непріятель, потерпѣвшій такое пораженіе и понесшій значительныя потери, около 300 чел. убитыми и столько же ранеными, не рѣшился болѣе сопротивляться и препятствовать движенію и не только бѣжалъ съ позиціи, но просто разбѣжался.

Коканская партія, пришедшая на помощь матчинцамъ, возвратилась обратно за границу, а сами матчинцы разошлись по своимъ кишлакамъ и скоро отправили къ полковнику Яфимовичу депутацію съ просьбой о помилованіи.

Впечатлѣніе разгрома подъ Обурданомъ было настолько сильно, что полковникъ Яфимовичъ, которому положеніе дѣла было отлично извѣстно, доносилъ, что оставленіе на зиму отряда въ Матчѣ совершенно излишне и только придастъ излишнее значеніе матчинцамъ и что достаточно ограничиться наказаніемъ жителей Обурдана и сосѣднихъ съ нимъ кишлаковъ.

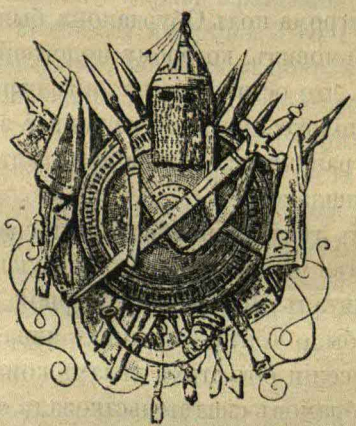
Наши потери въ дѣлѣ 28 ноября были сравнительно велики и заключались въ томъ, что былъ раненъ начальникъ штурмовой колонны штабсъ-капитанъ Коневскій, умершій отъ ранъ на третій день и кромѣ того было убито 3 нижнихъ чина и 16 ранено.

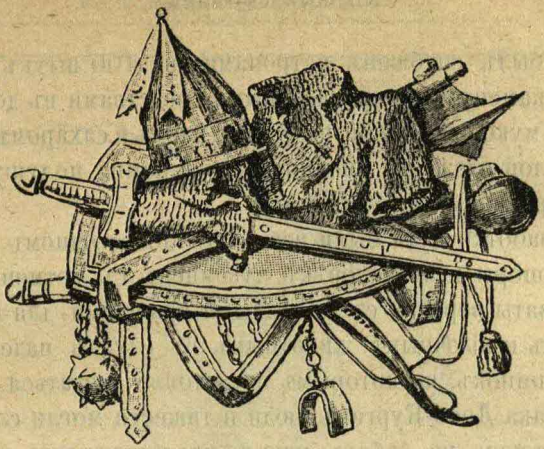
Въ своемъ донесеніи объ этихъ дѣлахъ командующему войсками округа генералъ Абрамовъ свидѣтельствовалъ о распорядительности и мужествѣ полковника Яфимовича, закончившаго экспедицію къ Обурдану блестящей побѣдой, и бывшихъ начальниковъ отряда капитана Шпицберга и штабсъ-капитана Арендаренко, а также объ истинномъ мужествѣ и блестящей храбрости всѣхъ вообще офицеровъ отряда, въ томъ числѣ и объ отрядномъ адъютантѣ поручикѣ Кашталинскомъ и отрядномъ врачѣ докторѣ медицины Венецкомъ, перевязывавшемъ раненыхъ подъ огнемъ непріятеля и своими трудами и заботами доставившемъ всѣхъ раненыхъ въ Самаркандъ въ прекрасномъ состояніи.

Генералъ Абрамовъ свидѣтельствовалъ также и о трудахъ и лишеніяхъ, перенесенныхъ Уратюбинскимъ отрядомъ, который только благодаря энергіи своего начальника маіора Абграля и офицеровъ, совершилъ вполнѣ благополучно трудный переходъ черезъ Обурданскій хребетъ и, спустившись въ ущелье Зеравшана своевременно, безъ сомнѣнія, способствовалъ общему успѣху дѣла.

А. Серебрениковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КЪ ИСТОРІИ
КОКАНСКАГО ПОХОДА.

(Окончаніе) [1]).

Движеніе отряда маіора Абграля, совершенное черезъ горный хребетъ въ зимнее время, при сильномъ морозѣ, во время двухдневнаго бурана, представляется весьма поучительнымъ во многихъ отношеніяхъ.

Этотъ отрядъ, въ составѣ 115 стрѣлковъ первой роты 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, 65 человѣкъ четвертой роты 7-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и 20 казаковъ шестой сибирской сотни, выступилъ въ ночь на 25-е ноября изъ Ходжента, и, двигаясь на арбахъ, въ 3 часа утра 25-го ноября прибылъ въ Ура-Тюбе, гдѣ его ожидалъ начальникъ отряда, старшій помощникъ Ходжентскаго уѣзднаго начальника маіоръ Абграль [2]).

Здѣсь людямъ былъ данъ 7-ми часовой отдыхъ, во время котораго они пообѣдали, а въ 10 часовъ утра того же дня отрядъ уже выступилъ по дорогѣ въ кишлакъ Аучи.

---

[1]) См. «Военный Сборникъ» № 1 1904 г.

[2]) Рапортъ командующаго войсками Сыръ-Дарьинской области отъ 30-го ноября 1875 г., № 1144 и донесеніе начальника Ходжентскаго уѣзда.

Отрядъ былъ снабженъ патронами по 100 штукъ на каждое ружье, медикаментами, перевязочными средствами въ достаточномъ количествѣ, мукой и крупой на 8 дней, чаемъ и сахаромъ на 15 дней, а также теплой одеждой, овчинными тулупами, полушубками, суконными портянками и рукавицами.

Для разработки пути были взяты въ достаточномъ количествѣ лопаты и топоры и 50 человѣкъ туземцевъ съ кетменями; кромѣ того были взяты веревки съ желѣзными крючьями для поданія помощи людямъ и вьючнымъ животнымъ въ случаѣ паденія ихъ съ горныхъ тропинокъ, по которымъ предстояло двигаться.

До кишлака Досъ-Курганъ люди и тяжести могли слѣдовать на арбахъ, а дальше на арбахъ уже не представлялось возможнымъ двигаться и потому предполагалось, что люди пойдутъ пѣшкомъ, а тяжести будутъ навьючены на 65 ишаковъ, заблаговременно собранныхъ маіоромъ Абгралемъ еще въ Ура-Тюбе.

Въ первый день отрядъ дошелъ только до кишлака Янги-Арыкъ, въ 30 верстахъ отъ Ура-Тюбе, и остановился здѣсь на ночлегъ съ тѣмъ чтобы перегрузить тяжести на ишаковъ въ этомъ пунктѣ, такъ какъ дальнѣйшее движеніе на арбахъ до кишлака Аучи хотя и было возможно, но предстояло много затрудненій и едва ли было выгодно. Здѣсь была получена записка капитана Шпицберга, приглашавшаго маіора Абграля двинуться прямо на Вишабъ, а оттуда на соединеніе съ Самаркандскимъ отрядомъ въ Самтичъ.

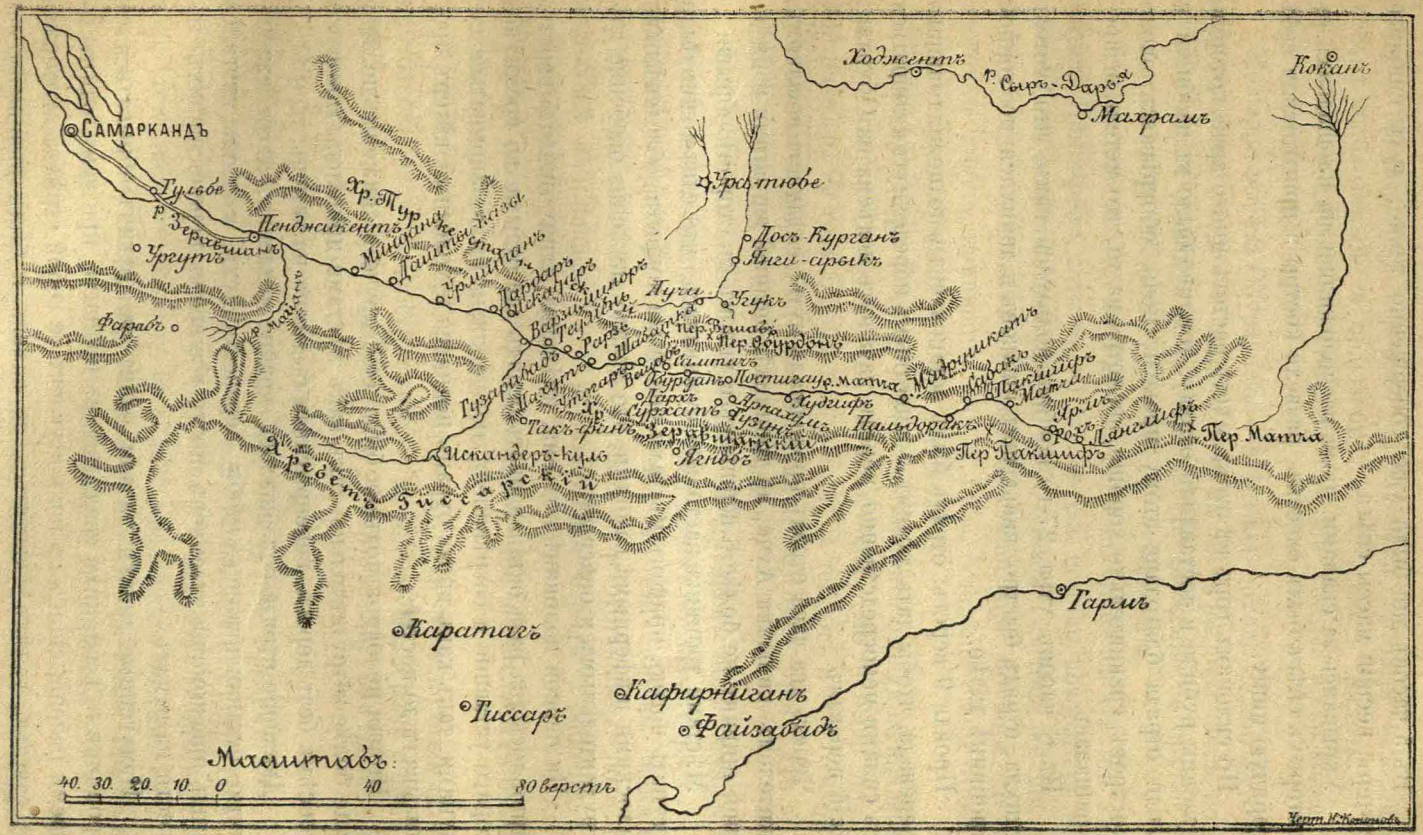
Съ разсвѣтомъ 26-го ноября отрядъ двинулся далѣе, взявъ съ собою 40 человѣкъ мѣстныхъ жителей, хорошо знакомыхъ съ горной дорогой, по которой двигался отрядъ, и снабженныхъ кетменями на случай расчистки дороги отъ снѣга.

Переходъ до кишлака Аучи былъ пройденъ при тихой погодѣ вполнѣ благополучно, хотя мѣстами глубокій снѣгъ затруднялъ движеніе настолько, что на прохожденіе 16-ти верстъ потребовалось около 5-ти часовъ времени.

Сдѣлавъ въ Аучи $1^1/_2$ часовой привалъ, отрядъ двинулся далѣе.

Дорога становилась все хуже и хуже, замѣтно суживалась и мѣстами сплошь была покрыта льдомъ, благодаря чему движеніе значительно затруднилось, особенно послѣ того, какъ пошелъ густой и мокрый снѣгъ.

Скоро поднялся сильный снѣжный буранъ и отрядъ принужденъ былъ, пройдя по Обурданскому ущелью 8 верстъ, остановиться на ночлегъ.

Ходжентъ
р. Сыръ-Дарья
Коканъ
Махрамъ
Самаркандъ
Гулябе
р. Зеравшанъ
Хр. Тур
Миянкаль
Ленджикентъ
Ургутъ
Ура-тюбе
Дос-Курганъ
Янги-сарыкъ
Фарябъ
Аманчи
Пер. Ташъ-Рабатъ
Пер. Кара-Тау
Пер. Ходжа-Ахмедъ
Пер. Ходжа-Ахмедъ
Пер. Ходжа-Ахмедъ

Въ 5 часовъ дня было уже совершенно темно; дулъ сильный вѣтеръ, несшій массы снѣга.

Укрываясь за скалами, люди расположились на площадкахъ, съ которыхъ снѣгъ былъ снесенъ, развели костры и приготовили себѣ горячую пищу.

По склонамъ горъ въ этомъ мѣстѣ растетъ много арчи, которую туземцы рубили и доставляли отряду; топливо было въ изобиліи и люди отряда благодаря этому провели ночь, обогрѣваясь около костровъ, сравнительно хорошо, несмотря на то, что метель не прекращалась.

Въ 8 часовъ утра, 27-го ноября, пользуясь тѣмъ, что метель стихла, отрядъ быстро навьючилъ ишаковъ и двинулся по горной тропинкѣ далѣе.

Пройдя 9 верстъ, отрядъ былъ остановленъ у подножія главнаго перевала, чтобы дать людямъ и животнымъ передохнуть и собраться съ силами непосредственно передъ началомъ подъема на Обурданскій перевалъ.

Черезъ два часа отрядъ продолжалъ путь, слѣдуя за вожакомъ, жителемъ кишлака Аучи, по тропинкѣ, шедшей зигзагами и имѣвшей ширину не болѣе 6 вершковъ и уклонъ къ сторонѣ обрыва.

Мѣстами тропинка настолько суживалась, что едва можно было ступить ногою, причемъ мѣстами она была покрыта обледенѣлыми плоскими шиферными камнями, что дѣлало движеніе особенно затруднительнымъ и опаснымъ.

На первой половинѣ подъема, имѣвшаго длину около 5 верстъ, пришлось два раза останавливать отрядъ для отдыха, во время котораго уставшіе и согрѣвшіеся люди должны были закрываться тулупами, такъ какъ вновь буранъ поднялся и холодный вѣтеръ пронизывалъ до костей.

Вторая половина подъема была еще круче и движеніе по ней еще болѣе затруднительно, такъ какъ мѣстами пришлось двигаться совсѣмъ безъ дороги, перепрыгивая съ камня на камень.

Движеніе отряда совершалось крайне медленно, люди ежеминутно останавливались, чтобы перевести духъ, а обозъ двигался лишь при помощи туземцевъ, почти все время переносившихъ тяжести на рукахъ.

Измученные ишаки начали одинъ за другимъ обрываться съ тропинки и 9 изъ нихъ свалилось въ пропасть, при чемъ одинъ во время паденія сшибъ съ ногъ и увлекъ за собой стрѣлка, который, къ счастью, успѣлъ ухватиться за камень и былъ вытащенъ изъ

обрыва посредствомъ веревокъ съ крюками, которыя оказались весьма необходимыми и практичными. Не удалось достать лишь ружье этого стрѣлка, свалившееся на дно ущелья и скрывшееся подъ снѣгомъ.

Большая высота Обурданскаго перевала—около 11,200 футовъ надъ уровнемъ моря—и сопряженная съ этимъ разрѣженность воздуха, а также крайняя затруднительность движенія по крутой и скалистой тропинкѣ сильно давали себя чувствовать.

Немного не доходя до вершины перевала лишился чувствъ капитанъ Панцыревъ, а докторъ Блажіевскій, помощь котораго въ это время была особенно необходима, былъ близокъ къ тому же положенію и могъ съ трудомъ передвигаться лишь при помощи двухъ нижнихъ чиновъ, тащившихъ его за руки; остальные чины отряда тоже дошли до крайней степени изнеможенія.

Поэтому маіоръ Абграль рѣшилъ остановить отрядъ на ночлегъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находился, тѣмъ болѣе, что не было никакой надежды не только добраться ночью, въ темнотѣ и при буранѣ, до вершины перевала, но даже подтянуться къ тому мѣсту, гдѣ находился въ головѣ отряда его начальникъ.

Выставивъ на вершину перевала 20 стрѣлковъ подъ командой прапорщика Еленевскаго и обезпечивъ такимъ образомъ отрядъ отъ нападенія непріятеля, возможнаго лишь съ этой стороны, маіоръ Абграль приказалъ помочь всѣмъ слабымъ и отставшимъ людямъ подняться на площадку, гдѣ расположился отрядъ, а рабочіе туземцы подвели туда же обозъ.

Отрядъ расположился кто какъ могъ, при чемъ слабымъ были выданы кошмы и запасные полушубки.

Дулъ сильный вѣтеръ, шелъ снѣгъ, кругомъ не видно было даже признаковъ растительности и потому не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы сварить людямъ горячую пищу, согрѣть чай, или развести костры для согрѣванія.

Отрядъ провелъ ужасную ночь.

Утромъ 28-го ноября люди были осмотрѣны, причемъ оказалось, что капитанъ Панцыревъ, докторъ Блажіевскій, 11 стрѣлковъ, 14 человѣкъ 7-го линейнаго баталіона и 5 казаковъ до такой степени утомились, что были не въ силахъ продолжать подъемъ на перевалъ, и потому были отправлены обратно въ Ура-Тюбе, причемъ были снабжены 15 туземцами-рабочими и 12 ишаками для перевозки тяжестей.

Въ распоряженіи отряда осталось только 21 ишакъ, а остальные

ные или околѣли, или настолько обезсилѣли, что не могли подняться съ мѣста.

На этихъ ишаковъ были разложены тяжести отряда, при чемъ большую часть по необходимости пришлось бросить.

Продовольствіе было взято только на двое сутокъ.

Несмотря на сильный буранъ, залѣплявшій глаза, отрядъ бодро и весело двинулся на перевалъ, скоро достигъ его вершины и привѣтствовалъ это обстоятельство радостнымъ «ура».

Хотя спускъ съ перевала тоже не представлялъ удобствъ, но послѣ труднѣйшаго подъема показался людямъ очень легкимъ и отрядъ скоро спустился до рабатовъ, расположенныхъ въ 4-хъ верстахъ отъ конца спуска, и остановился здѣсь, чтобы обогрѣться, обсушиться и напиться чаю.

До кишлака Обурданъ, который по имѣвшимся свѣдѣніямъ былъ занятъ непріятелемъ, оставалось около 8 верстъ и отрядъ могъ расчитывать придти туда лишь ночью.

Поэтому маіоръ Абграль, принимая въ соображеніе это обстоятельство, незнакомство съ мѣстностью и возможную необходимость атаковать непріятеля въ Обурданѣ, рѣшилъ дать отряду хорошенько отдохнуть съ тѣмъ, чтобы двинуться далѣе передъ утромъ.

Въ 2 часа ночи 29-го ноября отрядъ съ военными предосторожностями двинулся къ кишлаку Обурданъ, но нашелъ его уже брошеннымъ жителями.

Подвигаясь далѣе, отрядъ маіора Абграля на разсвѣтѣ замѣтилъ отрядъ полковника Яфимовича, къ которому вскорѣ присоединился и въ составѣ котораго находился до 4-го декабря.

Въ этотъ же день 29-го ноября частью отряда въ составѣ стрѣлковой роты 3-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, 1-й Уральской сотни и 2 ракетныхъ станковъ было предпринято движеніе къ кишлакамъ Постигау и Ривамутъ съ цѣлью наказанія ихъ жителей и сожженія этихъ кишлаковъ, послѣ чего отрядъ полковника Яфимовича 30-го числа двинулся обратно въ Самаркандъ, куда и прибылъ 11-го декабря, а отряду маіора Абграля было приказано возвратиться въ Ура-Тюбе.

Получивъ это приказаніе, маіоръ Абграль двинулся въ кишлакъ Вишабъ, а затѣмъ, узнавъ о проходимости Вишабскаго перевала, 5-го декабря продолжалъ движеніе черезъ этотъ перевалъ.

Зная по опыту, что буранъ на вершинахъ переваловъ послѣ полудня усиливается, маіоръ Абграль выступилъ съ отрядомъ въ 2 часа ночи, благополучно прошелъ черезъ перевалъ и въ 7 часовъ вечера

былъ уже въ кишлакѣ Аучи, а 6-го декабря въ 10 часовъ вечера прибылъ въ Ура-Тюбе, пройдя въ этотъ день 46 верстъ.

Сдѣлавъ здѣсь дневку, во время которой были собраны арбы, отрядъ двинулся отсюда на арбахъ и въ 5 часовъ утра 10-го декабря благополучно возвратился въ Ходжентъ, не имѣя больныхъ и слабыхъ.

Какъ уже было сказано ранѣе, полковникъ Яфимовичъ полагалъ, что оставленіе на зиму отряда въ Матчѣ совершенно не нужно и только придастъ излишнее значеніе матчинцамъ, но мнѣніе это оказалось ошибочнымъ и предположеніе о томъ, что для водворенія полнаго спокойствія въ Матчѣ вполнѣ достаточно наказанія жителей Обурдана и сосѣднихъ кишлаковъ, не оправдалось.

Вскорѣ послѣ возвращенія Самаркандскаго и Ура-Тюбинскаго отрядовъ ясно опредѣлилось намѣреніе горцевъ верхней Матчи, начиная отъ Мадрушката, продолжать сопротивленіе [1]).

Оставшіеся въ средѣ населенія главные двигатели возмущенія Календарь-бекъ, Курбанъ-Мирахуръ, Мулла-Караулъ-беги, Куръ-Азисъ и многія другія лица, прибѣгая къ насилію, казнямъ и грабежу, вербовали приверженцевъ преимущественно изъ жителей кишлаковъ Польдаракъ, Пакшифъ и Ди-Миноръ и убѣждали ихъ въ необходимости продолженія войны за мусульманскую вѣру.

Снова начали появляться въ Матчѣ подстрекатели изъ Кокана и Каратегина, доставившіе Календарь-беку подарки и деньги.

Агенты бывшаго Ура-Тюбинскаго бека Абдулъ-Гафара не переставали уговаривать матчинцевъ принять его къ себѣ бекомъ, обѣщая отъ его имени уменьшеніе податей и другія льготы.

Пулатъ-ханъ посылалъ изъ Кокана оружіе, порохъ и другіе боевые припасы, а также знатоковъ военнаго дѣла, инструкторовъ для организаціи обороны позицій и для управленія боемъ.

Волненіе между горцами начало снова распространяться внизъ отъ Польдарака и для прекращенія его былъ выставленъ 11 декабря въ кишлакъ Урмитанъ небольшой наблюдательный отрядъ въ составѣ стрѣлковой роты 3-го Туркестанскаго линейнаго баталіона при одномъ горномъ орудіи, подъ начальствомъ командира роты штабсъ-капитана Рыбушкина, который по командованію отрядомъ былъ подчиненъ управляющему нагорными туменями.

Хотя присутствіе этого отряда, ободряя населеніе ближайшихъ къ расположенію его кишлаковъ, значительно ограничило раіонъ

[1]) Рапортъ начальника Зеравшанскаго округа отъ 9-го марта 1876 г., № 146.

агитаціи Календарь-бека и его приверженцевъ, но волненіе всетаки постепенно распространялось и положеніе дѣлъ грозило стать такимъ же, какъ 20 и 28 ноября.

Незначительныя силы нашего отряда не позволяли ему предпринимать активныхъ дѣйствій противъ мятежниковъ, а это обстоятельство истолковывалось населеніемъ въ неблагопріятномъ для насъ смыслѣ и внушило мятежникамъ надежды на успѣхъ борьбы съ нами. По свѣдѣніямъ управляющаго нагорными туменями [1]) къ половинѣ января 1876 года дѣла приняли такой оборотъ, что можно было ожидать вторичнаго занятія мятежниками высотъ Шабаткибаля и распространенія волненія изъ Матчи въ Фальгаръ.

Чтобы предупредить вторженіе мятежниковъ въ Фальгаръ и оградить мирное населеніе отъ послѣдствій волненія, генералъ-маіоръ Абрамовъ призналъ необходимымъ поручить управляющему нагорными туменями передвинуть отрядъ изъ Урмитана, гдѣ онъ стоялъ съ 11 декабря, въ кишлакъ Рарзъ, что и было исполнено лично штабсъ-капитаномъ Арендаренко. Здѣсь отрядъ былъ расположенъ въ части сакель этого кишлака, но совершенно отдѣльно отъ туземнаго населенія, на мѣстности, командующей надъ окружающей мѣстностью, хорошо снабженной водой и въ достаточной степени удовлетворяющей какъ военнымъ, такъ и хозяйственнымъ требованіямъ.

Для безостановочнаго сношенія начальника отряда какъ съ Пянджикентомъ, такъ и съ окрестнымъ населеніемъ, при отрядѣ находились 4 джигита, 2 аксакала изъ мѣстныхъ жителей и переводчикъ; кромѣ того въ Урмитанѣ и Дарбарѣ было поставлено по 4 джигита.

Возвратясь изъ горъ 26 декабря, штабсъ-капитанъ Арендаренко донесъ начальнику Зеравшанскаго округа о необходимости и полной возможности, по случаю постоянной безснѣжности дорогъ, движенія отряда вверхъ до Польдарака зимою, когда населеніе не можетъ оставлять кишлаки безъ опасенія погибнуть въ ущельяхъ отъ холода и когда цѣль этого движенія—не дать волненію распространиться—могла быть достигнута вполнѣ. Кромѣ того всѣ горные перевалы и съ сѣвера, и съ юга были завалены снѣгами, мало, или даже совсѣмъ непроходимы, благодаря чему населенію Матчи не могла быть оказана помощь извнѣ — изъ Кокана и особенно изъ Бухары, на что можно было расчитывать, такъ какъ эмиръ хотя

[1]) Донесеніе отъ 27 декабря 1875 г. № 2542.

открыто ничего не предпринималъ и по наружности велъ себя вполнѣ корректно, но было полное основаніе полагать, что онъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ вожаками коканскихъ скопищъ и постоянно оказывалъ покровительство лицамъ, которыя у насъ преслѣдовались, состоялъ въ перепискѣ съ Календарь-бекомъ, оказывалъ помощь матчинцамъ и всѣ безпорядки въ средѣ подвластнаго намъ горнаго населенія производились всегда его именемъ.

Въ началѣ января бухарскій эмиръ находился съ 15-тысячнымъ отрядомъ своихъ войскъ при 40 орудіяхъ въ Шахризябсѣ, близъ границы Зеравшанскаго округа, очевидно выжидая, какой оборотъ примутъ наши дѣла въ коканскомъ ханствѣ, чтобы въ удобную минуту сдѣлать на насъ нападеніе.

Такъ какъ пребываніе эмира съ такимъ большимъ числомъ войскъ близъ нашей границы давало коканскимъ эмиссарамъ поводъ волновать наше населеніе въ надеждѣ на помощь со стороны бухарцевъ, генералъ-лейтенантъ Колпаковскій, исправлявшій должность туркестанскаго генералъ-губернатора во время поѣздки генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана въ Петербургъ, сдѣлалъ [1]) эмиру черезъ бывшаго въ Ташкентѣ бухарскаго посланника Иссамудина-Токсабы энергичное представленіе о томъ, чтобы бухарскія войска были съ нашей границы отведены обратно въ Бухару, что и было вскорѣ исполнено эмиромъ.

Оставленіе въ теченіе зимы подвластнаго намъ населенія въ распоряженіи Календарь-бека, или ожидавшагося въ горы Актабы-Абдулъ-Гафара грозило весьма серьезными для края послѣдствіями, почему генералъ Абрамовъ рѣшилъ двинуть отрядъ въ Матчинскія горы безотлагательно, тѣмъ болѣе, что движеніе весной могло оказаться гораздо болѣе затруднительнымъ, такъ какъ непріятель не замедлилъ бы уничтожить мосты и перепортить дорогу на карнизахъ, что могло если не остановить, то во всякомъ случаѣ надолго задержать наше движеніе и дать противнику стянуть свои силы.

Изъ Самарканда генералъ Абрамовъ выѣхалъ 12 января лишь съ конвоемъ изъ 25 казаковъ и прибылъ въ кишлакъ Рарзъ 15 января. Найдя людей совершенно здоровыми, генералъ Абрамовъ на слѣдующій же день, 16 января, двинулъ отрядъ къ верховьямъ Зеравшана. Послѣ перваго перехода стрѣлковой роты 3-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и одного горнаго орудія изъ кишлака Рарзъ въ кишлакъ Вишабъ, штабсъ-капитанъ Арендаренко былъ

1) Рапортъ военному министру отъ 9 января 1876 г. № 108.

назначенъ начальникомъ матчинскаго отряда, въ составъ котораго вошли 7 оберъ-офицеровъ, (командиръ стрѣлковой роты штабсъ-капитанъ Рыбушкинъ, субалтернъ-офицеры: прапорщики Нижерадзе и Кругловъ, командиръ горнаго орудія прапорщикъ Мехмандаровъ, есаулъ Грековъ, адъютантъ походной канцеляріи начальника округа поручикъ Капталинскій, переводчикъ восточныхъ языковъ подпоручикъ Кулчановъ), 153 нижнихъ чина стрѣлковой роты 11 артилеристовъ (отъ 3 батареи 1 туркестанской артилерійской бригады), 26 казаковъ 1-й уральской сотни, 2 казака 1-й оренбургской сотни и 3 казака 3-й уральской сотни 4-го своднаго полка.

Въ стрѣлковую роту отряда былъ зачисленъ также волонтеромъ отставной прапорщикъ Меніацъ.

При отрядѣ состоялъ старшій врачъ 3-го Туркестанскаго линейнаго баталіона докторъ медицины Венецкій.

Съ отрядомъ слѣдовали 35 джигитовъ туземцевъ для доставки корреспонденціи и производства развѣдокъ.

Отрядъ имѣлъ съ собою по числу людей полное довольствіе (сухари, крупу, спиртъ, чай, капусту, уксусъ) на 12 дней.

Для орудія было взято 15 зарядныхъ ящиковъ со снарядами, въ которыхъ заключалось гранатъ обыкновенныхъ 34, зажигательныхъ 6, картечныхъ 17, картечей 15, а на каждое ружье пѣхоты и казаковъ имѣлось въ отрядѣ по 150 патроновъ.

Наемный обозъ состоялъ изъ 28 лошадей и 152 ишаковъ.

Такъ какъ движеніе отряда имѣло цѣлью совершенное очищеніе горъ отъ коканцевъ Пулатъ-хана и приверженцевъ Календарь-бека, укрывшихся съ нимъ и съ главными вождями возмущенія въ крайнихъ кишлакахъ верхней Матчи, то въ видахъ обезпеченія пройденнаго отрядомъ пути отъ вторженія ожидавшагося въ горы Актабы-Абдулъ-Гафара съ шайкой, а также для прегражденія путей побѣга изъ горъ главнымъ двигателямъ возмущенія, съ 13 января, на сѣверномъ склонѣ Матчинскихъ горъ (Туркестанскій кряжъ) въ кишлакахъ Угукъ и Аучи, расположенныхъ въ узкомъ ущельи, по которому идетъ тропа на перевалы Обурданскій (11,000 футовъ) и Вишабскій (9,300 футовъ), были поставлены по распоряженію генерала Абрамова 10 вооруженныхъ джигитовъ отъ нагорныхъ туменей и по распоряженію военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области начальникомъ Ходжентскаго уѣзда были выставлены посты, каждый изъ 8 джигитовъ, противъ перевваловъ

Обурданскаго-Самтичскаго и Вишабскаго, общее наблюденіе за которыми было поручено помощнику ходжентскаго уѣзднаго начальника Мурадъ-беку, находившемуся въ кишлакѣ Аучи; кромѣ того былъ поставленъ постъ изъ 3 джигитовъ для наблюденія за перевалomъ изъ кишлака Рарзь, а перевалъ Янги-Сабакскій, какъ совершенно непроходимый въ это время, оставленъ безъ наблюденія. Для вооруженія джигитовъ было взято отъ воинскаго начальника 7 ружей съ 10 патронами каждое и соотвѣтственнымъ количествомъ капсюлей [1]).

Въ началѣ февраля, когда спокойствіе было возстановлено, посты эти были сняты.

Внезапность выступленія отряда и безостановочность его движенія изъ кишлака Рарзь (переходами: 16 января Вишабъ, 15 верстъ; 17 — Постигау, 28 верстъ; 18—Имзь, 23 версты; 19—Мадрушкатъ, 20 верстъ; 20 — Сабакъ, 15 верстъ и 21 Польдаракъ, 15 верстъ), воспрепятствовавъ непріятелю собраться на пунктахъ, указанныхъ коканскими инструкторами и представляющихъ природныя удобства для обороны пути, вмѣстѣ съ тѣмъ предупредили соединеніе вторгнувшейся 19 января въ нижнюю Матчу шайки Актабы съ Календарь-бекомъ.

Заставъ на мѣстахъ только жителей Обурдана, генералъ Абрамовъ въ дальнѣйшемъ слѣдованіи черезъ опустѣлые не задолго кишлаки нижней и средней Матчи, убѣдился изъ разспросовъ, что все мѣстное населеніе отшатнулось отъ Календарь-бека и укрылось въ ущельяхъ изъ боязни быть насильно вовлеченнымъ въ непріязненныя дѣйствія противъ русскихъ, и что немногочисленные (до 80 человѣкъ) коканцы и приверженцы Календарь-бека изъ кишлака Польдарака, занявъ укрѣпленныя позиціи Коляхана—на переходѣ изъ Постигау въ Имзь, и Лянгаръ-Рошфъ—на переходѣ въ Мадрушкатъ, не рѣшились, однако, ихъ защищать и, помѣрѣ приближенія отряда къ этимъ пунктамъ, поспѣшно удалялись вверхъ по Зеравшану, оставляя слѣды своего недавняго присутствія въ видѣ дымившихся костровъ.

Непріятель очевидно былъ въ паникѣ.

Жители же Матчи выражали полную покорность и въ отвѣтъ на разосланныя изъ Постигау письменныя приглашенія «остаться безъ боязни на мѣстахъ, выдать оружіе и Календарь-бека», начиная

---

[1]) Рапортъ маіора Абграля отъ 18 января 1876 г. № 33.

отъ Лянгарь-Іоза, хотя безпрекословно и выносили къ отряду имѣвшееся у нихъ оружіе, въ томъ числѣ и то, которое было захвачено ими послѣ дѣла 20 ноября у Шабатки-баля, но не были въ силахъ задержать Календарь-бека и другихъ вожаковъ возмущенія. Задача эта была успѣшно выполнена отрядными джигитами.

Въ ночь на 20 января постовые джигиты, разставленные штабсъ-капитаномъ Арендаренко въ нѣсколькихъ пунктахъ на дорогѣ изъ Польдарака къ переваламъ Худгифъ и Обурданъ, задержали пробиравшагося верхомъ Календарь-бека, главнаго виновника событій въ Матчѣ, и Курбанъ-Мирахура, перваго пособника его, начальствовавшаго на высотахъ Шабатки-баля и Обурдана [1]).

Движеніе къ Польдараку по чрезвычайно трудно доступной мѣстности, по каменистымъ осыпямъ и по ледянымъ закраинамъ рѣки чрезъ кишлакъ Сабакъ, гдѣ отрядъ имѣлъ 20 января ночлегъ, окончательно убѣдило горцевъ въ безполезности сопротивленія русскимъ, и склонило все населеніе и крайнихъ кишлаковъ обоихъ береговъ Зеравшана (Ди-Миноръ, Пакшифъ, Дашты-Міона, Польдаракъ, Рохъ, Ярмъ, Худгифъ, Лянглифъ, Ди-Хоузъ, Ди-Гисаръ) къ полной покорности.

Съ неподдѣльнымъ раскаяніемъ встрѣчали отрядъ въ Польдаракѣ сотни горцевъ верхней Матчи, спѣшившихъ доставить свое оружіе и приводившихъ въ оправданіе участія своего въ возмущеніи подстрекательство Абдулъ-Гафара и Пулатъ хана и прибытіе въ горы коканцевъ обезпечившихъ власть Календарь-бека настолько, что отказавшихся идти на защиту высотъ Шабатки-баля онъ казнилъ, что и подтвердилось добытыми въ Польдаракѣ документами и приказаніями за печатями Календарь-бека.

Всего было представлено матчинцами 102 фитильныхъ ружья, 7 пѣхотныхъ ружей системы Карлэ, подобранныхъ 20 ноября на высотахъ Шабатки-баля, и 26 шашекъ.

Въ полдень 21 января штабсъ-капитанъ Арендаренко по приказанію генерала Абрамова проѣхалъ изъ Польдарака, съ командой казаковъ, въ верхніе кишлаки Матчи, собралъ оружіе и успокоилъ населеніе объявленіемъ имъ отъ имени туркестанскаго генералъ-губернатора помилованія.

Затѣмъ 22 числа, уничтоживъ въ Польдаракѣ дома главныхъ

[1]) По распоряженію генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана Календарь-бекъ былъ повѣшенъ въ Самаркандѣ.

виновниковъ возмущенія, скрывшихся въ горахъ, генералъ Абрамовъ двинулся обратно, поручивъ штабсъ-капитану Арендаренко посѣтить кишлаки и лѣваго берега—Пакшивъ и Ди-Миноръ, гдѣ также было вытребовано оружіе и сожжено 5 домовъ главныхъ виновниковъ безпорядковъ.

22 января весь отрядъ имѣлъ ночлегъ въ кишлакѣ Мадрушкатъ, послѣ 29-ти верстнаго перехода по снѣгамъ изъ Ольдарака.

23 января, на пути слѣдованія отряда изъ Мадрушката былъ сожженъ кишлакъ Имзь (80 домовъ) за непредставленіе оружія и не выдачу Шейхъ-Назара, одного изъ главныхъ пособниковъ Календарь-бека.

Отрядъ ночевалъ 23 числа въ кишлакѣ Ривамутъ, сдѣлавъ 26-ти верстный переходъ по каменистымъ осыпямъ.

21 января въ селеніи Сабакъ было получено свѣдѣніе о переходѣ Актабы-Абдулъ-Гафара съ шайкою въ 150 человѣкъ чрезъ Аучи и Обурданскій перевалъ въ окрестности кишлака Обурданъ и о томъ, что имъ былъ захваченъ отрядный джигитъ, посланный 18 числа изъ кишлака Имзь въ Самаркандъ и найденный впослѣдствіи на Обурданскомъ перевалѣ обезглавленнымъ.

Немедленно было поручено штабсъ-капитану Арендаренко сдѣлать развѣдки о шайкѣ Актабы по лѣвому берегу Зеравшана и съ этою цѣлью, одновременно съ движеніемъ 24 числа отряда изъ Ривамута въ Самтичъ правымъ берегомъ, штабсъ-капитанъ-Арендаренко съ командой казаковъ и 15 джигитами, поднявшись противъ Лянгаръ-Рофша на высоты въ 12,000 футовъ, спустился съ большими трудностями въ ущелье Гузинъ, проѣхалъ 18 верстъ вверхъ по рѣкѣ того же названія на югъ, чрезъ кишлаки Пундъ-Суркатъ, Арнахунъ и Гузинъ, собралъ оружіе и удостовѣрился разспросами жителей, что Актабы-Абдулъ-Гафаръ, не зная о движеніи отряда вверхъ по Зеравшану, внезапно напалъ рано утромъ 18 числа на Аучи, гдѣ захватилъ 5 джигитскихъ лошадей, ранилъ двухъ постовыхъ джигитовъ и убилъ младшаго помощника начальника Ура-Тюбинскаго раіона, Мурадъ-бека и 19 числа спустился съ Обурданскаго перевала къ мосту на Зеравшанѣ, переводящему дорогу въ Постигау. Захвативъ близъ этого моста ѣхавшаго изъ отряда самаркандскаго джигита и узнавъ отъ него о положеніи дѣлъ въ верхней Матчѣ, шайка тотчасъ же отправилась обратно въ Обурданское ущелье и, выждавъ возвращенія 20-ти хорошо вооруженныхъ своихъ развѣдчиковъ, подтвердившихъ показаніе джигита, 21

числа на разсвѣтѣ ушла обратно въ коканскія владѣнія чрезъ Обурданскій перевалъ, вблизи кишлака Аучи.

Совершенно тождественныя съ добытыми на лѣвомъ берегу свѣдѣніями объ Актабы-Абдулъ-Гафарѣ были собраны также свѣдѣнія въ Постигау и Обурданѣ.

24 января отрядъ ночевалъ въ Самтичѣ послѣ 28-верстнаго перехода, а 26-го, послѣ дневки въ этомъ кишлакѣ, вступилъ въ горы Фальгара и слѣдовалъ обратно въ Самаркандъ слѣдующими переходами: 26 числа, Рарзъ—24 версты; 27 числа, Искандеръ—28 верстъ; 28 числа, Урмитанъ—22 версты; 29 числа дневка въ Урмитанѣ; 30 числа, Минданау—36 верстъ; 31 числа, Пянджикентъ — 35 версты; 1 февраля дневка; 2 числа почлегъ на станціи Гульба и 3 февраля вступленіе въ г. Самаркандъ.

Получивъ отъ начальника Зеравшанскаго округа донесенія [1]) о томъ, что волненія въ Матчѣ усилились и что самъ генералъ Абрамовъ 12 января отправился въ Матчинскія земли съ незначительнымъ конвоемъ для того, чтобы осмотрѣть отрядъ, расположенный въ кишлакѣ Рарзъ, лично ознакомиться на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ въ верхней Матчѣ и принять мѣры къ водворенію въ странѣ спокойствія, генералъ Колпаковскій, имѣя въ виду незначительныя силы нашего отряда въ кишлакѣ Рарзъ и присутствіе большого отряда бухарскихъ войскъ на границѣ Зеравшанскаго округа, призналъ необходимымъ усилить нашъ отрядъ и предписалъ отправить форсированнымъ маршемъ изъ Самарканда на соединеніе съ отрядомъ генерала Абрамова особый отрядъ въ составѣ одной роты пѣхоты, сотни казаковъ и одного горнаго орудія.

Въ составъ этого отряда, выступившаго изъ Самарканда 22 января подъ начальствомъ командира 9 Туркестанскаго линейнаго баталіона подполковника Плотникова, вошли: стрѣлковая рота этого баталіона подъ командой штабсъ-капитана Масленникова, 1-я уральская сотня 4-го своднаго казачьяго полка подъ командой есаула Ереклинцева и взамѣнъ горнаго орудія, неимѣвшагося на лицо въ Самаркандѣ, ракетный взводъ подъ командой хорунжаго Сергѣева.

Для ускоренія движенія отряда было приказано везти пѣхоту

---

[1]) Рапортъ начальника Зеравшанскаго округа отъ 11 января № 10 и его же рапортъ № 17.

на арбахъ до Пянджикента и далѣе, пока представится возможнымъ, а затѣмъ верхомъ на ишакахъ.

Этотъ отрядъ былъ снабженъ на двѣ недѣли провіантомъ, патронами по 150 штукъ на ружье, достаточнымъ количествомъ медикаментовъ, перевязочными средствами, чаемъ и теплой одеждой.

Благодаря измѣнившимся обстоятельствамъ, отрядъ подполковника Плотникова дошелъ только до кишлака Дардара, откуда былъ возвращенъ 25 января, а 1 февраля, т. е. ранѣе возвращенія отряда генерала Яфимовича, былъ въ Самаркандѣ.

Послѣдняя матчинская экспедиція была окончена въ 20 дней, въ теченіе которыхъ отрядъ прошелъ по горамъ изъ кишлака Рарзъ въ передній путь, безъ дневокъ, 115 верстъ и въ обратный путь до Самарканда 400 верстъ съ тремя дневками.

Никакія трудности движенія по горнымъ тропинкамъ, да еще занесеннымъ снѣгомъ и покрытымъ льдомъ, не въ состояніи были задержать отрядъ и въ его большомъ транспортѣ было лишь четыре случая паденія въ пропасть трехъ ишаковъ и одной вьючной лошади.

Не смотря на то, что большую часть времени днемъ, стояли 15-градусные морозы, достигавшіе по ночамъ до 25 градусовъ, всѣ нижніе чины отряда возвратились въ Самаркандъ совершенно здоровыми.

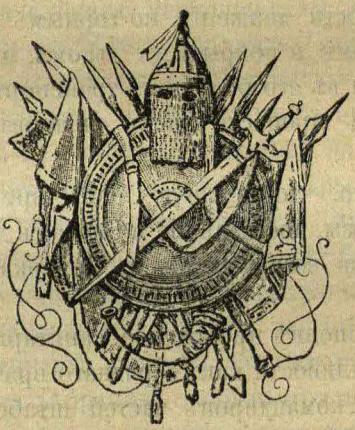
Относя такое вполнѣ прекрасное санитарное состояніе отряда въ походѣ къ заботливости какъ отряднаго врача доктора медицины Венецкаго, такъ и командировъ частей штабсъ-капитана Рыбушкина, прапорщика Мехмандарова и есаула Грекова, генералъ Абрамовъ свидѣтельствовалъ предъ командующимъ войсками туркестанскаго военнаго округа объ отличномъ во всѣхъ отношеніяхъ исполненіи въ походѣ всѣми офицерами своихъ обязанностей, о прекрасной выносливости и о превосходномъ поведеніи и службѣ всѣхъ нижнихъ чиновъ отряда.

Весьма существенные результаты экспедиціи въ Матчу, достигнутые безъ пролитія крови и даже безъ выстрѣловъ, всецѣло приписывались разумной распорядительности и энергіи управляющаго нагорными туменями штабсъ-капитана Арендаренко, который заблаговременно собралъ полныя и точныя свѣдѣнія о зимнихъ дорогахъ въ Матчу и о всѣхъ личностяхъ, принимавшихъ участіе въ бывшихъ безпорядкахъ.

Поимка же Календарь-бека ставилась въ особую личную за-

слугу [1]) штабсъ-капитану Арендаренко, который черезъ прекрасно сформированную команду джигитовъ слѣдилъ все время за мѣстомъ пребыванія Календарь-бека и за всѣми его дѣйствіями, а при первой же попыткѣ его къ бѣгству, отрѣзалъ ему всѣ дороги и удачно захватилъ его въ ту же ночь, какъ онъ выѣхалъ изъ Польдарака.

А. Серебренниковъ.

[1]) Рапортъ генерала Абрамова отъ 9 марта 1876 г. № 149 и телеграмма его же на имя генерала Колпаковскаго отъ 23 января, посланная изъ кишлака Ривамутъ.